Памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Елены Николаевны Самбуровой
посвящается

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Geography
The Department of Geography of World Economy

On the way to the *Pax Sinica*

Ed. by N. A. Sluka

Moscow
2018

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Географический факультет
Кафедра географии мирового хозяйства

На пути к Китайскому миру

Под редакцией Н. А. Слуки

Москва
2018

УДК 911.3
ББК 65.04
Н 126

Серия «Библиотека кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М. В. Ломоносова»

Печатается по решению Ученого совета географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:
доктор географических наук, профессор *В. А. Горбанев*;
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник *М. В. Александрова*

Авторский коллектив:
Е. В. Аигина, А. Ю. Александрова, В. Л. Бабурин, Г. Н. Валиахметова, Л. Б. Вардомский, М. А. Герман, С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев, С. А. Добролюбов, Г. П. Елисеев, И. А. Захаров, П. Н. Иванов, Д. Б. Калашников, В. В. Карякин, Ю. Ю. Ковалев, В. С. Кречетова, А. В. Кузнецов, А. М. Кульчитская, Н. И. Кучина, К. В. Мироненко, А. В. Нагирная, Е. Н. Перевалова, Н. С. Перлова, А. В. Петров, В. Я. Портяков, И. А. Родионова, Е. С. Рыкунова, Н. В. Рябова, Е. Н. Самбурова, Д. Н. Самусенко, С. А. Сафонов, Н. А. Слука, М. Е. Солнышкова, А. Е. Судакова, И. Н. Тикунова, Т. Х. Ткаченко, О. А. Ушакова, А. В. Фельде, А. В. Хохлов, А. К. Цветкова, И. Г. Чубаров, Н. А. Чумаков

Н 126 **На пути к Китайскому миру** / Под ред. Н. А. Слуки. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 356 с.

ISBN 978-5-19-011348-8

Коллективная монография посвящена памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства Московского университета Е. Н. Самбуровой (1957–2017 гг.) – крупнейшего специалиста в области социально-экономической географии Китая, заложившего основы географического изучения страны-гиганта в мировом развитии. Анализируются предпосылки и факторы возвышения Поднебесной в международном сообществе в условиях глобализации и превращения ее в «мировую фабрику», оценивается современное позиционирование Китая в геополитических и геоэкономических структурах разного ранга. Раскрывается место страны на отдельных глобальных рынках, в процессе транснационализации экономики, системе трансграничных цепочек добавленной стоимости, международном движении инвестиций, а также возможности и проблемы сопряжения российских и китайских интеграционных инициатив. Предполагается, что реализация новой стратегии Китая приведет к кардинальной трансформации архитектуры мироустройства и третий глобальный интеграционный цикл вполне может обрести наименование Pax Sinica.

Издание представляет интерес для экономикогеографов, экономистов, политологов; преподавателей, научных сотрудников и учащихся вузов.

On the way to Pax Sinica / Ed. by N. A. Sluka. – M.: Moscow University Press, 2018. – 356 p.

The book is dedicated to the memory of Associate Professor of Geography of the World Economy at Moscow University E. N. Samburova (1957–2017) – the greatest specialist in the field of socio-economic geography of China, who laid the foundations of geographical studies of this giant country in the world development. The author analyzes the prerequisites and factors of China's rise in the international community in the context of globalization and its transformation into a «world factory», evaluates the current positioning of China in geopolitical and geo-economic structures of different ranks. The article reveals the place of the country in certain global markets, in the process of economic transnationalization, the system of cross-border value chains, international investment flows, as well as the opportunities and problems of combining Russian and Chinese integration initiatives. It is expected that the implementation of the new strategy of China will lead to a fundamental transformation of the architecture of world order, so the global integration of the third cycle may receive the name of Pax PS.

The publication is of interest for economicology, economists and political scientists; teachers, researchers and students.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-06-00492).

УДК 911.3
ББК 65.04
Н 126

ISBN 978-5-19-011348-8

© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Посвящение 7
Введение 8

Раздел 1. Terra incognita изучают особенные люди: воспоминания о Е. Н. Самбуровой друзей, коллег, учеников

Кучина Н. И. Штрихи биографии Елены Самбуровой 13
Рябова Н. В. Радость к жизни 16
Перлова Н. С. Солнечный человек 18
Петров А. В. Памяти друга 19
Рыкунова Е. С. Моя «географическая мама» 20
Иванов П. Н. Покоряющая синологией 22
Калашников Д. Б. Учитель 23
Солнышкова М. Е. Вдохновляющая на открытия 24
Мироненко К. В. Географ должен путешествовать 24
Ткаченко Т. Х. Умение дружить 27
Слука Н. А. Поклон профессионалу 28

Раздел 2. Китай в мирохозяйственном измерении: промежуточные итоги

Самбурова Е. Н. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации 34
Хохлов А. В. Влияние Китая на товарные рынки в начале XXI века 44
Ткаченко Т. Х., Сафонов С. А. КНР и система трансграничных цепочек добавленной стоимости 52
Самусенко Д. Н. Китай в международном движении прямых иностранных инвестиций 64
Калашников Д. Б. Движение КНР к Центру мирового хозяйства: роль национальных ТНК 75
Родионова И. А. Новый расклад мировых промышленных сил и Китай 92
Перевалова Е. Н. Китай на мировом фармацевтическом рынке 99
Цветкова А. К. Место Китая на мировом рынке срезанных цветов 106
Александрова А. Ю., Аигина Е. В. Китай на международном туристском рынке 112
Тикунова И. Н., Судакова А. Е. Инициатива Китая по развитию туризма на Шелковом пути 126

Нагирная А. В., Ушакова О. А. Китай в географии мировой телефонной связи в конце XX – начале XXI века 136
Ковалев Ю. Ю. «Зеленая экономика» и экологическая модернизация хозяйства КНР 145
Чумаков Н. А. Региональные особенности развития энергетики на возобновляемых источниках в Китае 159
Елисеев Г. П. Промышленность минеральных удобрений Китая в условиях изменения экономической политики 170
Портяков В. Я. Интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян и роль Шэньчжэня 184
Чубаров И. Г. Новая стратегия Китая в мировом хозяйстве 192

Раздел 3. Современный Китай в геополитических координатах: достижения и проблемы
Карякин В. В. Новые контуры геополитического треугольника «Пекин–Вашингтон–Москва» 204
Бабурин В. Л. Геополитическая конкуренция в Срединной Евразии 213
Вардомский Л. Б. Китай в азиатском векторе развития России 229
Кузнецов А. В. Возможно ли сотрудничество российского и китайского бизнеса за рубежом? 242
Кречетова В. С. Китай как актор международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии 255
Валиахметова Г. Н., Герман М. А. Саудовская Аравия в ближневосточной политике КНР 263
Фельде А. В. «Новая» эмиграция как фактор «мягкой силы» Китая 276
Кульчитская А. М. Китайская иммиграция в США: этапы и результаты 291
Иванов П. Н. Китайская диаспора в странах зарубежной Европы 301
Горохов С. А., Дмитриев Р. В., Захаров И. А. Китай в глобальном геопространстве современного христианства 311
Заключение 320
Литература 323
Перечень принятых условных обозначений и сокращений 347
Об авторах 348
Contents 351
Abstract 353

Посвящение

Эта книга посвящена памяти Елены Николаевны Самбуровой (21.01.1957–04.07.2017), доцента кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М. В. Ломоносова.

Елена Николаевна относится к славной плеяде российских географов-страноведов. Она специализировалась на изучении, пожалуй, самой загадочной страны – Китая, который был и остается terra incognita. Он во многом непонятен не только западному миру, но и восточному. Он особенный. Поэтому люди, которые посвятили жизнь исследованию Китая, тоже особенные. Елена Николаевна была талантливым педагогом и непререкаемым авторитетом в области социально-экономической географии Китая, отдавшим более 40 лет честному служению науке и географическому факультету МГУ.

Несмотря на большой объем педагогической нагрузки, Елена Николаевна не стояла в стороне от новаторских тенденций в науке и учебном процессе. Она была среди тех, кто еще в 1990-е годы начал активно осваивать тематику географии мирового хозяйства и места в нем Китая, в самое последнее время принимала участие в разработке программы обучения в совместном университете МГУ им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета в Шэньчжэне. На протяжении многих лет Елена Николаевна являлась экспертом Министерства образования и науки Российской Федерации по Единому государственному экзамену по географии.

Е. Н. Самбурова – автор десятков трудов, в том числе коллективных монографий и учебников, выдержавших не одно переиздание. Под ее руководством подготовлены десятки выпускников школы ЮНГ, успешно защищены около 100 дипломных работ и 4 кандидатских диссертации.

Елена Николаевна была добрым, отзывчивым и скромным человеком, эрудитом и большим тружеником. Ее вклад в развитие научно-образовательного процесса признан специалистами и коллегами.

С. А. Добролюбов,
член-корреспондент РАН,
декан географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Введение

Корпус-коллекция трудов по изучению современного Китая перманентно из года в год прирастает десятками крупных изданий и сотнями статей отечественных и зарубежных авторов разных областей знания. «Курируют» это чрезвычайно актуальное для международного сообщества направление многие организационные структуры как научного, образовательного, так и прикладного и экспертно-консалтингового профиля. На кафедре географии мирового хозяйства Московского университета еще в 1950-е годы сформировался свой центр исследования Китая[1], которым в последнее время заведовала кандидат географических наук, доцент Е. Н. Самбурова. Именно с ее творчеством связан кардинальный разворот в методологии изучения Китая на кафедре: от исторически сложившихся канонов чистого страноведения к синтезу страноведческого и мирохозяйственного подходов. Опираясь на знания китайской действительности и идею цикличности глобализационных процессов, она обосновала теснейшую взаимосвязь и взаимодействие внутренних и внешних факторов социально-экономического развития страны; аргументировала роль этого взаимодействия в радикальном изменении позиционирования Поднебесной на мировой арене[2]. Замысел подготовки фундаментального труда в таком ключе, на стыке страноведческого и мирохозяйственного подходов, часто воспринимаемых противоположными, возник давно, но оказался принятым к реализации только по печальному поводу. Без всяких сомнений при подборе материалов и исполнителей под руководством Е. Н. Самбуровой произведение получило бы существенно большую цельность и глубину, заиграло бы новыми красками и сюжетами. Но, увы...

Книга – плод трудов солидного пула авторов, ядро которого составляют сотрудники, учащиеся и ученые – выпускники кафедры географии мирового хозяйства, а также профессора и ведущие специалисты других учреждений: МГУ имени М. В. Ломоносова, МГИМО-университета, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Института экономики РАН, Института географии РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института Африки РАН, РУДН, Военного университета МО РФ, Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, университета им. Масарика, Шанхайского университета политических наук и права и др.

Авторы монографии исходят из гипотезы о неуклонном приближении третьего глобального интеграционного цикла и смены мирового лидерства в условиях «атомизации» Запада с большой вероятностью в пользу Китая. При этом современные позиции участвующих в борьбе за первенство сторон можно качественно обобщить, приведя восточные мудрости. Для Китая скорее подойдет изречение: «Лучшее время, чтобы посадить дерево, было двадцать лет назад. Следующее лучшее время – сегодня». Для его главных оппонентов: «Живи, сохраняя покой. Придет время, и цветы распустятся сами». В целях проверки гипотезы на большом фактическом материале с применением различных подходов и методов анализируются предпосылки, условия, сочетание внешних и внутренних факторов возвышения Китая, эволюция и современное место страны в геополитических и геоэкономических структурах разного иерархического ранга. Колоссальный прогресс Поднебесной в исторически сжатые сроки во многом рассматривается как «удачное совпадение» целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, но прежде всего эффектов процесса глобализации, с одной стороны, а с другой – успешной реализации «политики реформ и открытости», нацеленной на создание социализма с китайской спецификой.

В росте конкурентоспособности страны трудно переоценить роль китайского руководства. Показателен исторический переход во внешней стратегии Китая: от сосредоточения сил на упрочении позиций исключительно в глобальной экономике к доминированию в мировой системе через использование самого широкого инструментария. Оставаясь приверженцем политической и военно-стратегической координации разного формата, поддержания устойчивости сложившейся схемы центров и системы международных потоков (торговля, инвестиции, человеческий капитал и т. д.), он активно проводит политику «мягкой силы», предлагая партнерское сотрудничество на двух- и многосторонней основе в самых разных областях – экономической, проектно-инвестиционной, научно-технической, образовательной, социокультурной и т. д. Более широкое представление о платформе Китая как претендента уже не на региональное, а на мировое лидерство дает знакомство с ключевыми положениями и принципами инициированного им в 2013 г. глобального проекта «Один пояс – один путь», обращение к которому в разных аспектах проходит красной нитью в материалах произведения.

Монография состоит из трех разделов. Первый – персонализированный – включает краткие сведения о биографии Е. Н. Самбуровой, воспоминания коллег, учеников и друзей; а также обзор основных этапов творчества ученого на основе анализа изданных трудов. В центре второго раздела – обобщение результатов периода рыночных реформ в Китае и превращения его в «мировую фабрику», что может представлять практический интерес для многих государств, ищущих базу для своего «startup». На основе анализа современных позиций Поднебесной на отдельных глобальных рынках, а также в процессе транснационализации экономики, формирования системы трансграничных цепочек добавленной стоимости, международного движения инвестиций

1 См., например, первые труды: Калмыкова В. Г., Овдиенко И. Х. Северо-Западный Китай. М.: Географгиз, 1957. – 192 с.; Овдиенко И. Х. Китай: экономико-географический обзор. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 329 с.; Овдиенко И. Х. Экономическая география социалистических стран зарубежной Азии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 256 с.

2 Гитер Б. А., Гречко Е. А., Колосов В. А., Мироненко К. В. Пилька М. Э., Самбурова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Основные направления исследований географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 6. – С. 3–10; Колосов В. А., Гречко Е. А., Мироненко К. В., Самбурова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 1. – С. 3–12.

отмечается неуклонный рост значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства и серьезное усложнение его пространственной структуры по пути усиления роли Полупериферии. Но мощный экономический рывок и социальный прогресс дался стране немалой ценой, в частности, оказался связан с серьезными экологическими издержками. Целенаправленная смена ориентиров с количественного роста на качественные преобразования рассматривается в контексте государственной политики стимулирования развития третичного сектора при жесткой реструктуризации отдельных отраслей материального производства и общего разворота к «зеленой экономике». Третий раздел посвящен изучению Китая как актора современных мирополитических процессов. Анализ общего расклада геополитических сил и проблемного фона проводится при использовании полимасштабного подхода: на глобальном уровне – в системе отношений трех сверхдержав (Россия, Китай США); на макрорегиональном – в пределах Срединной Евразии; на региональном – в Северо-Восточной Азии, на Ближнем Востоке (на примере Саудовской Аравии); на страновом – в разрезе российско-китайских отношений. В контексте исследования атрибутов политики «мягкой силы» Поднебесной отдельный блок материалов отведен китайской эмиграции и формирования этнической диаспоры в США и странах зарубежной Европы.

В монографии отражены новые знания в области современного мирового развития и синологии, в постижении новейших трансформаций общепланетарного экономического и социокультурного пространства; роли Китая в его формировании. Авторы выражают надежду, что книга вызовет интерес не только университетских и академических географов, но и у представителей иных специальностей, преподавателей экономических и других вузов.

Выражаю сердечную благодарность сотрудникам кафедры географии мирового хозяйства: Н. В. Рябовой, выполнившей работу по составлению и выверке картографического и графического материала книги; а также Т. Х. Ткаченко и В. А. Ерохиной.

Н. А. Слука

Раздел 1

Terra incognita изучают особенные люди:

воспоминания о Е. Н. Самбуровой друзей, коллег, учеников

Лена Самбурова. Школьные годы

Штрихи биографии Елены Самбуровой

Н. И. Кучина

Самбурова Елена Николаевна родилась в 1957 году, в Москве.

Отец – Самбуров Николай Андреевич (1897–1964 гг.) ушел из жизни, когда Лене было всего 7 лет. Остались только детские воспоминания. Мать – Самбурова Ирина Васильевна (1919–1997 гг.) и ее младший брат, дядя Лены, Виталий Васильевич (1926–2014 гг.) рано осиротели и потому росли самостоятельно. Это не помешало им состояться в жизни. Мама Лены защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, много лет заведовала отделом в НИИ легкой промышленности. Дядя Лены, по профессии геолог, 35 лет проработал на Севере (Колыма, Чукотка), заслужил звание «Почетный геолог СССР».

Рано оставшись без отца, Лена была предана маме и бабушке по маминой линии Евгении, в свое время репрессированной и проведшей 10 лет в сталинских лагерях; позже реабилитирована. Жизненная трагедия не сломила гордый и независимый характер бабушки. Для Лены она навсегда стала примером жизненной стойкости, по словам родных, «железным человеком». Основную ценность человека бабушка видела в деле, которому он служит. Кроме того, она была просто одержима образованием. Это отношение к учебе передалось и Лене. Во многом предоставленная сама себе, Лена рано, в 4 года, научилась читать. Чтение на всю жизнь осталось ее любимым занятием. Лена рассказывала друзьям, что в детстве, когда ее отправляли спать, она продолжала читать с фонариком под одеялом.

Семья в это время проживала в Черемушках, в деревянных бараках помологического рассадника (сортовой питомник) – в «Коробковском саду». Питомник был заложен владельцем Верхнекотловского кирпичного завода около 1880 года, в верховьях реки Котловки, в границах Нахимовского проспекта, без особых удобств. В нем культивировались редчайшие сорта плодовых деревьев. В послевоенный период здесь активно велась научная работа, сохранялся парковый ландшафт. «Коробковский сад» и поныне остается государственным памятником местного значения.

Уникальная природа, наблюдение за творческим поиском ученых во многом определили любовь Лены к географии и исследовательской деятельности, а суровые бытовые условия закалили ее характер; она всегда оставалась скромным и неприхотливым человеком.

До пятого класса Лена училась в простой школе, недалеко от дома; с удовольствием занималась фигурным катанием. После переезда семьи в новую

Лена Самбурова – студентка МГУ,
1974 год

квартиру, в отстроившихся Новых Черемушках, Лену перевели в знаменитую 45-ю школу (ныне гимназия № 45 имени Л. И. Мильграма). В 1960–1970-е годы она считалась одной из лучших английских школ Москвы, где обеспечивался высокий уровень общей подготовки учащихся, а преподавание ряда предметов велось на английском языке. По воспоминаниям одноклассников, Елена училась увлеченно, одинаково любила все предметы, как гуманитарные, так и естественнонаучные, имела только отличные оценки и закономерно окончила школу с золотой медалью.

В 1974 году Лена поступила на географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, на кафедру «Экономической географии зарубежных социалистических стран», где стала осваивать китайский язык и специализироваться на изучении экономической географии Китая. В 1979 году Елена закончила образовательную программу на факультете с красным дипломом по специальности география (экономическая география зарубежных стран) с присвоением квалификации «географ, экономико-географ» и осталась для работы на родной кафедре.

С 1974 года по 2017 год (более 40 лет) жизнь Елены Николаевны была неразрывно связана с кафедрой (в настоящее время кафедра географии мирового хозяйства), географическим факультетом Московского университета. В 1992 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата

Лена Самбурова с мамой Ириной Васильевной на даче на Быковке у Н. Кучиной.
1997 год

географических наук на тему «Экономико-географические особенности развития хозяйства приморского региона Китая».

Область научных интересов Е. Н. Самбуровой – географическое китаеведение, география внешнеэкономических связей стран мира, Россия и Китай в мировом хозяйстве. За десятилетия творческой деятельности ею были созданы и читались такие лекционные курсы, как «Экономическая система мирового хозяйства», «Социально-экономическая география Китая», «Международной разделение труда», «Китай и новые индустриальные страны Азии в мировом хозяйстве», «Географические проблемы участия России в международном разделении труда»; вышли в свет более 200 научных трудов (монографии, учебники, учебные пособия, статьи, тезисы докладов на конференциях и др.), в создании которых она принимала самое деятельное участие. Под руководством Е. Н. Самбуровой были подготовлены десятки специалистов, защищены три диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук, проведены десятки учебно-ознакомительных практик на территории нашей страны и за рубежом.

География была не только призванием, но и образом жизни Елены Николаевны. Она посетила более 50 стран мира. Почти все – в Европе. А также государства Азии: Китай, Индия, Шри-Ланка, Иран, Израиль, Иордания, Вьетнам, Республика Корея, Казахстан, Узбекистан и др.; страны Северной Африки

(Тунис и Египет); была на Кубе. Более 10 раз с разными целями и маршрутами побывала в Китае – главном объекте своих исследований и опубликовала множество материалов по Поднебесной.

В свой последний год, не мирясь с тяжелой болезнью, она продолжала путешествовать по миру. В октябре 2016 года была в Армении, посетила Ереван, горнолыжный курорт Цахкадзор, озеро Севан, монастыри Эчмиадзин, Гегард, Севанаванк, Хор-Вирап, Нораванк, города Джермук, село Арени. В январе 2017 года на свой день рождения отправилась в поездку по Израилю и Палестине, посетила Христианскую Галилею, Назарет, Иерусалим Христианский, Вифлеем, Тель-Авив. Затем поехала в Иорданию, в древний римский город Джераш, и Амман, где посетила город мозаик Мадабу и знаменитую Петру – столицу Набатейского Царства.

Символично, что последней страной ее путешествий в апреле 2017 года стал Китай, который всю жизнь был сферой ее творческих, научных и человеческих интересов. Маршрут был следующим: Пекин – Лоян (древняя столица Китая), посещение Шаолиньского монастыря, пещерного комплекса «LongMenCave» – средневекового города Пинъяо, сохранившего свой исторический архитектурный облик в неизменном виде с XIV века; в нем насчитывается 99 музеев, он внесен в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Во всех поездках, на родной кафедре, в повседневной жизни Елену Николаевну всегда окружали искренние и преданные друзья, которых бесконечно привлекали ее доброжелательность, душевная чистота и доброта, стремление помочь в любой жизненной ситуации.

В Елене Николаевне были органически соединены замечательные черты отечественной интеллигенции: выдержка, такт, умение взглянуть на проблему с позиции собеседника, дать разумный совет, благосклонность и мягкий юмор.

Елена Николаевна была образованным, гармоничным человеком. Одержимость наукой не мешала ей увлекаться художественной литературой, классической и современной, часто бывать на выставках, в театрах. Она знала и хорошо разбиралась в искусстве.

Дружба с Еленой Николаевной, можно сказать, передавалась по наследству. С годами она стала близким человеком детям и внукам многих друзей.

За нашу дружбу благодарна я судьбе.

Радость к жизни

Н. В. Рябова

21 января 2017 года Елене Николаевне Самбуровой исполнилось 60. Был вторник, шло заседание кафедры. Лена попросила помочь со столом. Я не ожидала, что празднование будет таким, как бы это сказать, широким. Видно, так захотела Лена – собрала нас за ломившимся от блюд столом и сказала, что надо же, дожила до 60-ти. Разговоры о здоровье, да просто о самочувствии,

были редки, Лена уходила от них. Так делают либо очень здоровые, либо очень больные люди.

Сначала я не знала, да и подумать не могла, что Лена серьезно больна. Ни о чем не догадывались и студенты. На похоронах многие заплакали, когда Галина Чмерева открыла им глаза: как трудно было Лене читать их курсовые, присланные в последний момент, сколько сил уходило на это. Последних сил. Ребята вряд ли могли предположить, что руководитель лежа читает работы, не в силах даже сидеть из-за воды в легких.

Как я потом поняла, у Лены и ее подруги Наташи Кучиной была серьезная игра – игра в здоровье. В этой игре были установки на презрение болезни, интенсивную работу, получение радости от каждого дня, общение, планирование путешествий и скорое исполнение планов. Тем летом было задумано путешествие по Волге на теплоходе. После поездок Лене становилось лучше, она полностью отключалась от Москвы, от лечения.

Лена любила и праздники на кафедре, это был ее дом, здесь она отключалась от тишины, а скорее всего, и боли, которая так слышна в одиночестве. Но друзья не давали ей часто быть одной. Была своя компания еще школьных и институтских подруг разных возрастов, преданных Лене, готовых быть с ней и в горе и в радости. Лена никому не позволяла жалеть себя, да никому и в голову бы это не пришло. Никто так, как Лена, не умел радоваться каждому дню, она всегда улыбалась навстречу. И дружила она на всю жизнь, получая от общения удовольствие.

Это удовольствие было во всех делах. Удивляло, что Лена выражала улыбкой готовность к участию в любой инициативе, будь то написание раздела в новый сборник, просмотр спектакля или даже совместная покупка подарка. Слово «Интересно!» было самым частым. Если слушала кого-то, то поправляла волосы, проводя по лбу кончиками пальцев, и продолжала слова собеседника своими: «Да, и вот еще…», «Знаешь, надо бы подумать еще о…». Любой человек знал, что, задав вопрос, получит глубокий ответ. Спрашивали ее и Н. С. Мироненко, и Д. Л. Лопатников, и Д. В. Заяц, и С. А. Горохов – люди самых разных интересов и предпочтений. И вопросы были разные. Ее мнение о свежей статье, уточнение размера экономического показателя на последний год, перевод китайского текста, оценка значения страны, название книги. Все получали ответ. Никто и никогда не слышал от Лены «не знаю». Зато часто Лена рассказывала гораздо больше, чем ожидал человек. И когда в ответ тот удивлялся ее словам, смеялась, подняв брови, и говорила: «Да, да, да, ты представляешь!», приглашая поудивляться вместе. Кстати, эта черта – быть со всеми на «ты» и дарить свое время, не жалеть его на общение, – тоже была ей присуща. Как сочеталась эта щедрость с глубиной? Наверное, за счет сна.

Читала Лена много, никогда не оппонировала поверхностно ни одной работы, предварительно не просмотрев литературу по этой теме. На лекциях и защитах критиковала студентов за нежелание вникнуть, сделать самостоятельную исследовательскую часть. Не сказать, что она ругала их. Склонив голову и глядя на студента, терпеливо выслушивала, ждала рассуждений, спрашивала, почему не прочитал вот этой работы. Все без раздражения, но со смущением: «Как же так, что же ты, не думал об этом?»

Если на защитах курсовых нужно было задать студенту вопрос, после Лены уже нечего было спрашивать – она попадала в самую точку. Когда вела заседание вместо заведующего, получалось четко и с равномерным распределением времени на каждого.

Аспирантам тоже очень повезло от общения с Леной. Она всегда была готова «почитать» их работу, напоминала о сроках аттестации, «подписывала» к статьям, поторапливая их. И так же, как студенты, аспиранты даже не догадывались о причине такого поторапливания. Елена Николаевна была для них всегда на связи, максимально открытой для общения. Не усталой. Активной, радостной и здоровой. Как никто.

Когда Лены не стало, это было жутко. Не первая смерть в моей жизни, но осознать эту смерть невозможно. Такая пробивающая асфальт любовь к жизни была только у Лены. Но и тут она утешила меня. Осенью Лена приснилась мне за праздничным столом. Спрашиваю: «Ты не умерла?» А она, улыбаясь, таким своим жестом проведя по лбу и отодвинув волосы кончиками пальцев: «Да ты чё? Нет, конечно».

Солнечный человек

Н. С. Перлова

В каком году, не помню – у меня с этим сложности. Может быть, лет 25–20 тому назад. Приемная комиссия в аудитории 1920. Первая волна беспрерывных дел позади, впереди – следующая, а сейчас – передышка. Солнце бьет во все окна и создает какое-то особое освещение, в центре которого Лена Самбурова, заместитель ответственного секретаря приемной комиссии, и я. Мы – дежурные. Лена не только отражает солнце, она его излучает. Я с Леной почти не знакома:

– Лена, как Вы хорошо выглядите.

– Я была на даче. И Вы прекрасно выглядите.

– Я тоже была на даче.

– А… простите, где у Вас дача?

– По Ярославской дороге. Станция Тарасовская. А у Вас?

– Да. Тоже Тарасовская. Но это большая станция. Чтобы попасть на нашу дачу, т.е. наших знакомых (они уехали на 2–3 года, и мы с мамой можем летом там жить), надо проехать на автобусе еще несколько остановок.

– Да. И нам тоже надо проехать на автобусе. Дача моей тети.

– Нам – на 30-м автобусе за институт.

– И нам – на 30-м за институт. Поселок называется «Мурашки».

– И наш поселок «Мурашки»! А на какой улице вы живете?

– На улице Пушкина. А Вы?

– Улица Пушкина, дом 14.

– У нас дом 12.

Мы смотрим друг на друга, вероятно, стараясь вспомнить: видели ли мы друг друга? Дома-то, ведь, рядом. Потом соображаем: между нами перекресток дорог, спортивная площадка и небольшое здание поселковой администрации.

На следующий выходной мы встречаемся на даче, на спортивной площадке. Я выскакиваю из автобуса и вижу Лену – солнечную-солнечную. И мы гуляем вдоль Клязьмы, в запретном лесу (дети научили, как пройти), потом идем в гости к ней, ко мне. И, конечно, говорим, говорим. У нас много общих тем, много общих знакомых.

Сейчас так вижу. Обаяние – необыкновенное; доброжелательность, выдержанность, ум, знания, деликатность, такт; какая-то точность… и много, много. Лена – явление редкое, совершенное. И никакие слова не могут передать ее человеческого масштаба.

Два года назад:

– Лена, зачем ты везешь из Китая такую непомерную тяжесть? Разве нельзя эти книги купить здесь? Заказать? Найти в Интернете?

– Нет, нельзя. Некоторых книг здесь и не будет, а другие – к тому моменту, как попадут сюда – устареют! Нет, я должна сама их выбрать, привезти.

С Леной я попадала в мир не совсем правдоподобный, не совсем реальный. Стоило мне рассказать ей о какой-нибудь проблеме, неприятности, каких-то мешающих обстоятельствах, непреодолимых преградах, – все решалось самым лучшим образом. Прямо чудо какое-то! Встретишься с Леной, начнешь ее расспрашивать про нее, про ее дела. Она и расскажет что-то, но очень быстро переведет разговор на твои дела. И слушает внимательно, заинтересовано, тепло.

Вспоминаю Лену, освещенную солнцем и излучающую свет.

А сейчас и проблемы как-то не очень решаются…

А вы заметили: как-то пасмурно?

Памяти друга

А. В. Петров

Какими характеристиками можно было бы описать Елену Николаевну Самбурову? Думаю, что это, прежде всего, фантастическое жизнелюбие и нереальная доброта, а также удивительная честность, порядочность и верность дружбе.

Да, я могу позволить себе назваться ее другом (как, впрочем, и еще довольно много других самых разных людей). Мы были близко знакомы и неформально общались в течение 37 лет. Достаточный, на мой взгляд, срок, чтобы проверить крепость дружбы.

Началось все в далеком 1980 году, когда после окончания университета я был распределен на родную кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран, где уже работала закончившая учебу годом раньше Лена. С первых дней мне стало ясно, что это – мой человек, абсолютно близкий по духу и мировоззрению. И это чувство не покинуло меня до последних дней ее жизни.

За 13 лет моей работы на кафедре я всегда знал, что Ленка (именно так я всегда ее называл, а она меня Андрюшкой), если что, придет на помощь и поможет добрым советом (я старался, как мог, делать для нее то же самое). А сколько всего было замечательного в это время, что нас объединяло! Пожалуй, самые яркие воспоминания связаны с совместными поездками в разные места нашей большой страны. К сожалению, ездили мы вместе не так часто, но то, что было, оставило самые яркие впечатления. Хочу вспомнить, например, совершенно феерическую практику, которую мы проводили вместе с ней и А. А. Кутузовым для студентов Карлова университета (Прага) в Грузии в 1983 году с прогулкой по ночному Тбилиси и с форсированием горной реки Бзыбь в Абхазии. В 1986 году мне удалось показать ей Молдавию, где я провел свои школьные годы, и это было тоже очень здорово!

После моего ухода с кафедры наше дружеское общение не прерывалось. Мы могли не общаться по нескольку месяцев, но я всегда знал, что, сколько бы времени не прошло, ее отношение ко мне не изменилось. Я мог позвонить ей практически в любой момент и знал, что она никогда (даже при самой большой занятости) не скажет, что я сделал это не вовремя.

В последние 12 лет Лена героически боролась с неизлечимой болезнью. Я считаю, что это – подвиг! Знаю, что многие люди, работавшие с ней в это время, даже не догадывались о ее проблемах. Она продолжала вести насыщенную и полноценную творческую жизнь, обучала студентов и аспирантов.

Прошедшей весной я наконец-то решился поехать в столь любимый ею Китай. Маршрут мы составляли вместе и даже на один день почти пересеклись (правда, я был в Шанхае, а она в Пекине, и это стало ее последней поездкой).

Ровно за неделю до ее ухода мы в очередной раз созвонились и договорились о скорой встрече. Судя по всему, она тогда не планировала расставаться с этим миром. Но произошло то, что произошло.

Дорогая моя Ленка, как же мне тебя не хватает! Я буду помнить тебя всегда!

Моя «географическая мама»

Е. С. Рыкунова

Если бы меня попросили описать Елену Николаевну одним словом, то это слово было бы ДОБРОТА. Я всегда называла ее своей «географической мамой», она застенчиво смеялась в ответ…

Мое знакомство с Еленой Николаевной Самбуровой случилось еще в школе. Наш 10-й класс, в который я попала практически случайно, был прикреплен к географическому факультету МГУ, и по вечерам преподаватели с факультета читали нам лекции и готовили нас к поступлению в университет. Я не без интереса, но достаточно сдержанно слушала математику и физическую географию, оставаясь к ней вполне спокойной, и продолжала в уме

выбирать вуз для поступления. Но вот настало время блока экономической географии, который вела Елена Николаевна, и я поняла, что сомнений, в какой вуз, на какой факультет, да и на какую кафедру поступать, больше нет. Разница между нашими школьными учителями географии с их указками, пучками, вечным недовольством и Еленой Николаевной была огромной. Так вот, каким может быть преподаватель! Так вот, какой может быть география! Она вела занятия раздумчиво, тихо, ясно, простыми словами, с неподдельным интересом к предмету, умудряясь каким-то тайным для меня образом удерживать внимание буйных подростков.

Помню, еще в школе за отличное выполнение какого-то очередного задания на занятии она вдруг достала из сумки и вручила мне небольшую шоколадку перед всем классом. Это было так неожиданно, мило и трогательно, как и сама Елена Николаевна. Уже сейчас на своих занятиях в МГУ я применяю этот педагогический прием «прикорма обучающихся», и он неизменно приносит свои плоды – искренние улыбки студентов, получивших нежданный знак поощрения.

Удивительно, что тогда, на подготовительных курсах, мы и не знали, что Елена Николаевна – один из ведущих китаеведов России, а ее энциклопедические знания в области общей экономической географии являются просто приложением к основной специализации, еще одной дополнительной нагрузкой, от которой она не отказалась. Понимание того, что специалист такого уровня может спокойно не утруждать себя работой с часто бестолковыми школьниками пришло намного позже.

После поступления на кафедру географии мирового хозяйства геофака у меня было чувство, что на кафедре работает моя родственница. Елена Николаевна всегда встречала меня с такой искренней приветливостью, что у меня было полное ощущение того, что я являюсь ее самой любимой студенткой. Потом выяснилось, что такое ощущение есть у всех ее студентов благодаря уникальному умению безоговорочно радоваться людям и жизни.

Еще одна примечательная деталь – при обсуждении студентами преподавателей я никогда не слышала сколь-либо негативных высказываний в адрес Елены Николаевны. Ее лекции всегда посещали охотно, атмосфера на них царила рабочая, но какая-то умиротворенная: всегда спокойный голос, упорядоченная подача материала, неизменно поражающие своей глубиной знания и искренний интерес к предмету. Студенты никогда не боялись Елены Николаевны, но почему-то не выполнить задание или сдать что-то не вовремя было просто стыдно. Таков был авторитет преподавателя, заработанный не криками или «неудами», а исключительно своей вовлеченностью в дело.

К счастью, Елена Николаевна не отказалась быть моим научным руководителем, хотя я и не стала специализироваться на Китае. И снова каждый раз для меня становилось открытием, насколько основательны знания этой тихой и скромной женщины практически во всех сферах экономической географии. При этом с Еленой Николаевной всегда было интересно и тепло разговаривать просто о жизни. Она поразительно умела слушать. Часто обсуждение моей курсовой работы плавно переходило в обсуждение пород кошек, худо-

жественной литературы, моих страхов перед защитой или даже любовных неудач. Ни разу у меня не было ощущения, что ей что-то не интересно или у нее просто нет на меня времени. А ведь уже тогда происходила невидимая мне, как и многим, борьба со страшной болезнью…

Чудовищная боль и неприятие потери уникального специалиста, наставника, просто удивительно доброго человека, с которым можно было запросто поговорить даже после многомесячного перерыва, конечно, будут постепенно стираться, терять свою остроту. Все, кто знали Елену Николаевну, должны быть счастливы, что в жизни им выпал шанс встретить такого человека. Мне бы хотелось, чтобы в памяти оставались добрая улыбка, умение «гореть» своим делом и не терять связи с реальным миром, с открытым сердцем и пониманием относиться к окружающим.

Спасибо моей «географической маме» за ее уроки человечности!

Покоряющая синологией

П. Н. Иванов

Елена Николаевна Самбурова! Трудно передать словами все мысли и чувства, которые охватывают при воспоминании об этом великолепном, великодушном человеке, великом специалисте, профессионале своего дела!

Мое знакомство с Еленой Николаевной произошло на подготовительных курсах географического факультета МГУ. Для меня Елена Николаевна с самой первой лекции стала примером истинного преподавателя. Я никогда не забуду, как я задерживался после четырех часов потока интереснейшей информации, только чтобы лично поговорить с Еленой Николаевной о трендах в мировом развитии, социально-экономической географии. Каким-то невероятным образом она сразу покорила меня, переманила, что называется, на свою сторону китаеведа. После поступления на географический факультет университета я на сто процентов был уверен, что продолжу обучение на кафедре географии мирового хозяйства и моим научным руководителем непременно должна стать Елена Николаевна. Так и получилось. Каждый разговор с ней приносил уверенность в успешном окончании текущих проектов. Время совместной работы над курсовыми, дипломом, статьями, подготовкой к выступлениям на конференциях навсегда останется в моей памяти как одно из самых интересных и продуктивных. Самое главное заключается в том, что Елена Николаевна всегда была готова помочь, подсказать, в каком направлении двигаться. И не только в научной деятельности, но и в обычной жизни.

Для меня, наверное, навсегда останется загадкой: как человек с таким плотным рабочим графиком, бесчисленными поездками, высокой загруженностью находил время для каждого? Самое удивительное, что каждый человек, с кем она общалась и работала, считал, что он у Елены Николаевны единственный, самый важный и любимый. Это невероятное умение относиться к каждому человеку с уважением и вниманием до сих пор вызывает

у меня восторг! До сих пор не удается понять, как, даже в самые трудные периоды своей жизни, когда Елена Николаевна боролась со своим страшным недугом, ей удавалось всегда улыбаться, никогда не показывать переживания и усталость. Елена Николаевна, несомненно, навсегда останется человеком, с которого началась моя любовь к Китаю, потрясающей стране с удивительной культурой. Елена Николаевна – великий специалист географ-китаевед, а самое главное – Человек с самой большой буквы, таких на моем жизненном пути больше не встречалось. Не хватит никаких слов восхищения, которые бы в полной мере описали мое уважение и преданность уникальному Человеку, самому любимому преподавателю, учителю и наставнику!

Вечная память в моем сердце о Елене Николаевне Самбуровой!

Учитель

Д. Б. Калашников

Чему учила Елена Николаевна? Географии? Работе со статистикой? Китаеведению? Этому многие могут учить. А вот культуре, честности, ответственности можно научить только личным примером, частичкой своей души. Невозможно без фальши передать то, чем не обладаешь сам.

Незабываемая практика после второго курса с Еленой Николаевной. Молодые, амбициозные, спешащие люди, естественно, делали немало ошибок и проступков. Однако она никогда не повышала голос, не возмущалась, но и никогда не оставалась равнодушной. После ее взгляда или в подходящий момент осторожного разговора просыпалась совесть, хотелось горы свернуть, лишь бы исправиться и порадовать Елену Николаевну.

Так же заботливо, но при этом ненавязчиво, проходило и ее научное руководство, благодаря которому укоренялась привычка рассуждать, перепроверять и критически анализировать информацию, формулировать смелые гипотезы, при этом не отчаиваться и не перекладывать ответственность на других. Она буквально «заразила» любовью к Китаю, через нее пришло понимание, что необходимо любить то, чем занимаешься, тех людей, с которыми работаешь. Она жила работой, ее «приемные часы» продолжались ежедневно до позднего вечера, а по выходным для студентов были гостеприимно открыты двери ее квартиры.

Как мы можем ответить на подаренные нам Еленой Николаевной силы, любовь, время, внимание? Почаще вспоминать ее и передавать полученное от нее окружающим. Несмотря на кризисы и трудности не позорить Alma mater. Если, забыв эгоизм и усталость, мы уделим человеку время, вникнем в его проблему, вместо сухого, даже справедливого, замечания воодушевим его на дальнейшее творчество – то жизнь Учителя прожита не напрасно.

Елена Николаевна учила, прежде всего, быть человеком, а затем – преподавателем, ученым, менеджером… Именно такими людьми из поколения в поколение передается научная школа и дух Московского университета.

Вечная память!

Вдохновляющая на открытия

М. Е. Солнышкова

Будучи студентом, ты 80 процентов своего времени проводишь в университете, и он становится неотъемлемой частью твоей жизни, формирует тебя как личность. Возвращаясь мыслями в то чудесное время и думая о людях, с которыми свела меня судьба в стенах родного вуза – любимом муже и близких друзьях, я всегда с улыбкой и уважением вспоминаю Самбурову Елену Николаевну, которая являлась моим бессменным научным руководителем в течение четырех лет.

Как говорил Абрахам Гешель: «Знания – как и небеса – принадлежат всем. Ни один учитель не имеет права утаивать их от любого, кто о них просит. Преподавание – искусство отдавать». Елена Николаевна была удивительным профессором, жаждущим делиться со своими студентами не только знаниями об экономическом развитии Китая, но и жизненным опытом, человеческой добротой и пониманием.

Знаете, сейчас я вспоминаю одну удивительную способность Елены Николаевны, которую смогла по-настоящему оценить лишь спустя годы, став взрослым человеком, живущим в бешеном ритме большого города – это ее умение всегда находить для меня время. Работала ли она над статьей, готовилась ли к лекции, была ли в университете или дома – Елена Николаевна в любой момент готова была подсказать, как лучше проанализировать данные для новой главы курсовой или просто обсудить события из университетской жизни.

В 2001 году я уезжала в Пекин по программе университетского обмена, и мы с Еленой Николаевной проговорили несколько часов, обсуждая, какие места лучше посетить, на что обратить внимание. Именно благодаря ее советам я смогла узнать Пекин «изнутри», а не просто взглянуть глазами проезжего туриста на километровые пробки, крикливые разговоры местных жителей и бесконечные торговые лавочки с китайскими безделушками. Во время этой поездки у меня были противоречивые взгляды на своеобразную культуру Китая, но впоследствии возвращалась туда еще не раз.

Огромное спасибо Елене Николаевне за ее бесценный вклад в развитие любимой кафедры географии мирового хозяйства, а также в мой профессиональный и личностный рост.

Светлая память этой прекрасной женщине и потрясающему профессору, умевшему вдохновлять на открытия…

Географ должен путешествовать

К. В. Мироненко

Трудно бывает найти слова, когда пишешь о дорогом и любимом человеке. Чувства переполняют, фразы кажутся несуразными и не способными передать мысли. Так и с Еленой Николаевной – моим научным руководителем, которую знаю больше половины своей жизни, ставшей, по сути, моей «второй мамой». Эта возникшая родственность никогда не обсуждалась, так как была просто естественной для нас обеих. Мне казалось, что так у всех; иначе даже быть не может.

Елену Николаевну всегда отличало профессиональное чутье. Часто при выборе темы она как бы невзначай упоминала какой-то вариант. Пока ты думал, что он один из многих, профессор, поддерживая интерес к другим темам, ненавязчиво, но упорно подталкивал к убеждению, что при всем богатстве выбора другой альтернативы нет, легко находя аргументы в пользу такого решения. При этом складывалось ощущение, что это твой, выверенный годами выбор. А в итоге тема действительно оказывалась и актуальной, и интересной. Порой закрадывались сомнения: она знала или повезло? Ведь подчас полученные результаты, по собственному утверждению научного руководителя, были неожиданными.

Не скажу, что часто видела Елену Николаевну читающей, но она поражала эрудицией, широтой взглядов, всегда была в курсе важных событий и последних новостей. При этом не было какой-то показухи или бравирования; просто «молчаливое знание». И когда кто-то пытался сделать сенсацию, она как бы между прочим замечала: «Ну, это понятно». «Об этом давно писали». Такие короткие замечания создавали ореол некой тайны, загадочности, и среди студентов возникал вопрос: А правда, она все это знает или просто так говорит?

Довольно долго мы сомневались, владеет ли она китайским языком? «Ни хао!» умел говорить весь факультет. А насколько у нее глубоки познания? При всей простоте вопроса поиск ответа занял годы. Ведь мы не использовали китайский язык при повседневном общении, а в лоб спросить было неудобно. Окольными путями выяснилось, что среди учителей Елены Николаевны был молодой А. Ф. Кондрашевский – автор одного из наиболее известных учебников китайского языка в нашей стране. На ее студенческой группе амбициозный выпускник ИСАА отрабатывал методы преподавания, загружая привычными для своего факультета объемами заданий ни о чем не подозревающих географов. А дополнительно вся группа ездила на Моховую, на занятия по древнекитайскому языку (вэньяню) для более фундаментальной подготовки. Но это я узнала намного позже, когда мы обсуждали проблемы освоения китайского языка нашими нынешними студентами. А так, имея прекрасную языковую подготовку, Е. Н. Самбурова не считала нужным выставлять напоказ свои знания.

У Елены Николаевны всегда был позитивный настрой, который она распространяла вокруг себя. Как-то по весне, в конце семестра, когда мы все с нетерпением ждали окончания учебного года (силы на исходе, а проблемам не видно ни конца, ни края), она очень удачно подобрала ободряющие слова: «Ну, ничего! Сейчас это закончится… и свалится что-то новое…» Конечно, это вызвало взрыв хохота. Я и сейчас часто вспоминаю эту фразу. К сожалению, она не теряет актуальности.

Елена Николаевна всегда говорила, что «географ должен путешествовать». И старалась следовать этому правилу, как только выдавалась возможность.

Где она только ни была. Каждые 2–3 месяца надо было куда-то рвануть, хотя бы на пару дней (насколько позволял плотный график). Но были и длительные поездки, которые планировались заранее. Зная по книгам о многих местах, шла постоянная корректировка знаний о мире на основе полевых впечатлений. Мне запомнилось возвращение из Индии с лаконичной констатацией: «Это – не Китай!» И, конечно, сразу впечатления интегрировались в лекции, семинары, консультации и т. д.

Будучи не способной подолгу усидеть на одном месте, она всячески поддерживала интерес к путешествиям в других: «О, классно!», «Я бы тоже поехала!», «Съезди, потом расскажешь». Так, когда я собралась посетить Танзанию и колебалась, поехать ли к Килиманджаро (ни денег, ни времени для полноценного восхождения не было), она убежденно и бескомпромиссно (как она всегда это делала) сказала: «Конечно, поезжай. Поставишь одну ногу на склон горы и сделаешь фото «на г. Килиманджаро». Это звучало так убедительно, что никаких проблем не предвиделось, но почему-то на фото все реагировали одинаково: «А что, ты прям до вершины дошла?» А неунывающая Елена Николаевна продолжала подбадривать: «Ничего, в следующий раз точно дойдешь!»

Она была крайне чадолюбива и всегда с радостью общалась и делилась знаниями с подрастающим поколением. Многие студенты нашей кафедры начинали свое знакомство с факультетом с ее лекций на подготовительных курсах. А потом не видели для себя ничего лучшего, чем продолжить обучение на кафедре Е. Н. Самбуровой. Меня всегда забавляло, как она называет студентов. Не было Ярославов, Анастасий или Дмитриев, зато были Ялики, Таси и Мити. Такое уменьшительно-ласкательное обращение создавало и особый стиль общения, пропитанный участием и любовью.

И, конечно, все ученики Е. Н. Самбуровой выросли на консультациях у нее дома, которые особенно плотно проходили перед защитами, когда активизировалась работа над курсовыми и дипломными проектами. Каждому студенту Елена Николаевна старалась уделить время. С учетом, что их всегда было много, а день довольно плотно «забит», эти консультации сдвигались на вечер, иногда практически на ночь. Как-то, забежав к ней в 00:30, чтобы взять материалы для лекции, я встретила студентку, спешащую на метро, но в дверях уже топтался следующий страждущий, который уже не надеялся на городской транспорт для возвращения домой.

Некоторые вещи стали понятным только когда Елены Николаевны не стало, из общения с коллегами. Как-то раньше мы не отдавали себе отчет в том, что она была потрясающим слушателем. С чего бы ни начинался разговор, узнать о ее делах было практически невозможно. В лучшем случае: «Все хорошо», «Нормально». И далее: «А у тебя как?» В результате о себе расскажешь все, а о ней так ничего и не узнаешь. Я бы не назвала Елену Николаевну скрытным человеком, нет. Она просто не рассказывала о себе. Ее живо интересовала жизнь других.

Мы часто не замечаем появление в нашей жизни тех или иных людей; иногда бывает даже трудно вспомнить, как все начиналось, когда. Двадцать лет назад Елена Николаевна пришла в мою жизнь и осталась навсегда.

Умение дружить

Т. Х. Ткаченко

Совместная наша с Леной жизнь на кафедре началась в далекие 1970-е. Возрастной зазор был довольно большой, но она как-то сразу предложила: «А ты никому не говори, сколько тебе!» И дальше мы обе действительно никогда не ощущали, что находимся на разных возрастных ступенях.

Поначалу взаимодействие было просто веселым: дни рождения, вечеринки то у одного из сотрудников, то у другого, вылазки лыжные. Потом произошел случай, который нас сблизил с Леной в иных обстоятельствах.

После одного из многолюдных выездов на дачу, встревоженный (и немного обиженный, что его не позвали на «тусовку»!) Эмиль Борисович Валев по телефону спросил: «Говорят, вы устроили пожар на даче?» «Нет, Эмиль Борисович, этого мы там не устраивали! Пожар случился в Москве на квартире у Кучиной Наташи, наши мальчики (тогдашние молодые сотрудники, А. Петров, С. Матыцын и Н. Слука) поехали помочь ей разобрать завалы…» Этот случай еще больше нас сдружил.

Но постепенно наши взаимоотношения стали «уплотняться». И здесь мне хочется сказать о другой стороне общения – как с коллегой по «цеху», сотрудником. В нашей кафедральной жизни, достаточно демократично построенной, значительная часть вопросов обсуждалась на неформальном уровне, за чашкой кофе, в столовой, во время длинных телефонных бесед и т. п. С Еленой Николаевной именно этот неформальный уровень был самым важным. Мы обсуждали и студентов, и трудности выполнения планов, и темы, необходимые для разработки, и т. п.

Известный в этой жизни факт: не так легко найти в ней единомышленников. С Леной у меня сложилось удивительное совпадение профессиональных взглядов и мнений, за что ей вечная благодарность. Многократно совместно проговаривали мы вопросы, столь важные для эффективности читаемого мною на кафедре курса по географии мировой промышленности. Как меняется место Китая в мировом промышленном ландшафте, что грядет по мере втягивания страны в современную дигитализационную сферу, перейдет ли китайское промышленное количество в качественно новый феномен и др. Именно она уже давно первой мне сказала: «Убирай из тестов по промышленности Китая дешевизну рабочей силы, как превалирующий фактор для привлечения иностранных промышленных инвестиций! На первом месте должен быть фактор огромного платежеспособного спроса и государственной внятной политики в отношении иностранных ПИИ».

И еще один маленький штрих к тому, что лично для меня осталось в наследство от Лены. Умение не бросать уходящих. Именно она ввела в обязательное правило: по меньшей мере, два раза в год навещать нашу давнишнюю сотрудницу, тяжко болеющую после ухода с кафедры на пенсию – Горелик Светлану Васильевну. Без Лены дело бы ограничивалось звонками время от времени…

Много всяких ярких эпизодов, кусочков из совместной жизни, воспоминаний. Эта мозаика, собранная в единую картину, навсегда остается с нами, встроенной в нашу личность.

Поклон профессионалу

Н. А. Слука

С Еленой Николаевной нас объединяют без малого четыре десятилетия. Знакомство состоялось еще в конце 1970-х годов, когда заканчивая геофак по зарубежке, я застал ее становление в качестве преподавателя и вошел в число благодарных слушателей первых лекций по курсу социально-экономической географии Китая. А далее, волею судеб, с 1982 года приступил к работе на одной кафедре, что привело не только к плотному совместному рабочему графику, времяпрепровождению и общению, но и эффективному научному сотворчеству, в результе чего появилось около двух десятков статей и ряд коллективных монографий. Посему, вспоминая Елену, могу писать много и о многом. Но, пожалуй, в общем контексте книги следует минимизировать сугубо личностный раздел, призванный обозначить подаренный человеком Свет, незабываемые мгновения, яркие искры в душе, которые никогда не угаснут… И акцентировать внимание на творческом вкладе Е. Н. Самбуровой в развитие нашего общего дела.

В ее виртуальный портрет не могу не включить следующие нюансы.

Замечательный товарищ. С Еленой, я знаю, многие искали встречи для того, чтобы просто поговорить, «излить душу», посоветоваться о наболевшем. Она выступала своего рода «кафедральной Вангой», никогда не давая, как и все профессиональные прорицательницы, окончательных ответов, жестких рекомендаций, но способная слушать и слышать, интегрироваться внутрь. И давать разумную, мягкую установку вовне. А что нужно еще человеку, кроме доброго общения и прямого дружеского совета?

Душа компании. Удивительно, но при минимуме организационных способностей Елена за счет своих уникальных качеств не только привлекала, но и умела объединять людей; выступала ядром самых различных социальных мини-систем… Причем, зачастую они не пересекались между собой. Как ей это удавалось? В свое время как-то сложилась одна из таких мини-систем. В течение многих лет в маленькой квартирке Елены обычно 28–30 декабря собирался коллектив «особого назначения» – для проводов-встреч Нового года. В его состав традиционно входили С. Титкова, А. Рослякова, Н. Зеленская, Н. Кучина, А. Вишняков, Е. Никулин, А. Петров, Г. Чмерева, Н. Шабалина, Ю. Шевелев & Со. Периодически в эту «торжествующую воронку» засасывались все новые лица, двери были открыты для всех (за давностью лет, вероятно, кого-то забыл упомянуть). Эти предновогодние вечера навсегда запомнились доброжелательной обстановкой, обилием непринужденного общения, приподнятым у всех настроением, колоссальным выбросом теплоты, любви, юмора, мягким

звоном струн гитары и пронзительным исполнением «географических» песен… Эти встречи закладывали оптимистическую уверенность, что грядущий год будет счастливым и успешным. Дай Бог, чтобы у каждого складывалась такая «радостная мини-система» и не только накануне праздников!

Котофил. Елена чрезвычайно любила не рыбок, не собак, а кошачью породу. Возможно, из-за сходства ряда качеств. Не совсем уверен, что все особи, попадавшие в ее руки, были в полном восторге от взаимодействия. Дело в том, что доцентом Московского университета предлагался ускоренный курс очеловечивания. И на этом поле регулярно схлестывалось упорство ученого-китаиста и своенравность котов. Часть из них в жестком режиме познавала нормы правильного отправления нужд, часть пыталась вопреки законам природы обрести навыки прямохождения и познать азы арифметики; а наиболее продвинутая часть обучалась и обучала географии. Известно, что порой потенциальные абитуриенты, берущие у Елены консультации, волею расположения кошачьей лапы на карте вынуждены были излагать всю полноту знаний по ряду специальных географических вопросов. Увлечение этими животными проявилось и в коллекционировании фигурок кошек, которых за долгие годы скопилось множество. Неслучайно по одной из них у каждого из нас осталось на память о Елене. Они подсматривают, подмигивают, иногда ластятся, мурчат и требуют помнить о хозяйке…

Студенческий идол. Елена Николаевна как прирожденный педагог умела влюблять в себя молодежь, прививать преданность географии. Она полностью отдавала себя и буквально жила взаимодействием со своими студентами. И всегда была на их стороне, даже когда понимала, что надо бы поступать несколько иначе. На этой почве у нас не раз возникали продолжительные обсуждения правил и норм поведения с нахрапистым студенчеством. Но они никогда не приводили к конфликтам. Все наши дискуссии сводились к полному обоюдному согласию, но на замечание, что «пора закручивать гайки», всегда был единый ответ: «Да, пора… разболтались… но они хорооошие!..» И в этом вся Самбурова! По нашим скромным оценкам, она подготовила более 100 специалистов, обобщение дипломов которых – готовый учебник по социально-экономической географии Китая! И ученики возвращали любовь сторицей, уважали, ценили, боготворили, радовали успехами, продолжали и продолжают ее Дело! Не случайно данная книга более чем на четверть состоит из трудов ее ученых-выпускников. Такому отношению и «продолжению себя» могут позавидовать многие профессора, отмеченные различными званиями и регалиями…

Фанатический профессионал. Это совершенно не означает, что Елена все умела, или что у нее все получалось. Она просто очень уважала само понятие «профессиональность» и старалась ему соответствовать, организовать свою учебно-научную деятельность «по высшей планке». Но, что важно, только в отношении самой себя, а не для карьерных устремлений, о которых я никогда не слышал. А, ведь, как пишет Л. Додин, вспоминая известного театрального педагога, профессора А. Кацмана: «В век падения авторитетов,

в основном заслуженных, трудно обнаружить авторитеты подлинные»[1]. Елена стала истинным авторитетом в своем деле! Она всегда тонко чувствовала ритмику и направленность «движения географического сообщества», и как неистовый Мастер утверждала свое место в нем через гигантский объем учебной и научной работы. Вероятно, с младых ногтей в ней оказались заложены гены поисковика, которому для реализации задумок не хватало времени в сутках. Порой, поутру можно было обнаружить ее мэйлы и смс-сообщения от 3–5 часов ночи. Бесконечные лекции и семинары, практики и командировки, абитуриенты и юнги; многочисленные конференции, статьи, монографии, разделы учебников и пр. Далеко не каждый смог бы выдержать такой ураганный темп. Но так было!

Всегда удивлялся и искренне завидовал особому дару Елены – глубине видения и оригинальности мышления при постановке тем исследовательских работ, в том числе студенческих и аспирантских. Наверняка сказывался как природный талант, так и освоенные заветы ее научного руководителя – организатора и первого заведующего кафедрой географии мирового хозяйства, заслуженного профессора Московского университета Н. В. Алисова[2]. Зачастую с ее подачи, казалось бы, изначально «рутинная тема» обретала новый смысл, получала свежие краски и заточенность сюжета; и «на ура» принималась на заседании кафедры.

Колоссальный труд и постоянное профессиональное самосовершенствование не могли не привести и привели к должному признанию. Став крупнейшим специалистом в России по социально-экономической географии Китая, она вызывала интерес у многих лиц и структур. Ее приглашали, с ней советовались, порой навязчиво предлагали, привлекали, ее «использовали» и пр. И она в этом событийном круговороте оставалась классическим альтруистом. Помню, как при обсуждении темы и структуры докторской диссертации, мысль о которой ее никогда не оставляла, Елена непривычно жаловалась на «приставание» энциклопедий с просьбой о подготовке многочисленных материалов по Китаю. Я решительно рекомендовал забыть об их существовании и сконцентрироваться на «острие главного удара», но она так и не смогла отказать; подготовила десятки статей в Большую и Новую российские энциклопедии. А диссертация так и осталась незаконченной…

Талантливый конформист. Елена как настоящий профессионал оставила нам богатый научно-литературный и идейный багаж. К сожалению, она не отличалась немецкой педантичностью и пополняла списки работ нерегулярно, по мере большой необходимости при очередной аттестации. Не придавала этому внимания. Имеющиеся базы данных далеко не полностью отражают ее вклад в науку. Так, на текущий момент в базе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU значится лишь 59 трудов[1], в авторском каталоге библиотеки географического факультета – 104, а в ИСТИНЕ МГУ – уже 133[2]. Причем, зачастую они не совпадают; в отдельных источниках не учтены многие статьи, целые книги и учебники, перепутаны даты издания и пр. Это существенно осложняет задачу отслеживания этапов научного творчества, расширения исследовательских горизонтов и самосовершенствования доцента Е. Н. Самбуровой. Их «взаимоукомплектовка» позволяет остановиться на цифре 174, а сводный анализ научно-литературного наследия подводит к ряду выводов. Во-первых, налицо однозначно восходящий тренд в публикационной активности за время карьеры, приставшей во втором десятилетии XXI века все более серьезными трудами в виде коллективных монографий (рис. 1). Во-вторых, внушает уважение широкая палитра жанрового позиционирования трудов, включающая не только сугубо научные и учебные произведения; но и научно-популярные, картографические и справочные издания. В-третьих, судя по присутствию ряда работ, явно выходящих за пределы

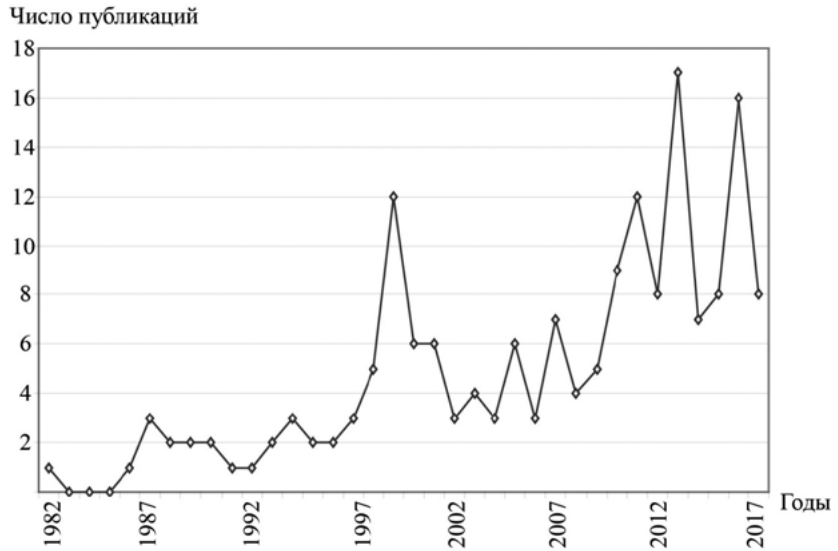


Рис. 1. Динамика публикационной активности Е. Н. Самбуровой, 1982–2017 гг.

Составлено по: авторский каталог библиотеки географического факультета МГУ; ИСТИНА МГУ [Электронный источник] – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/samburova/; eLIBRARY.RU. [Электронный источник] – Режим доступа: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=75493.

[1] *Додин Л.* Фанатический профессионал // Петербургский театральный журнал. 1994. № 5. [Электронный источник] – Режим доступа: http://ptj.spb.ru/archive/5/in-auditorium-5/fanaticheskij-professional/

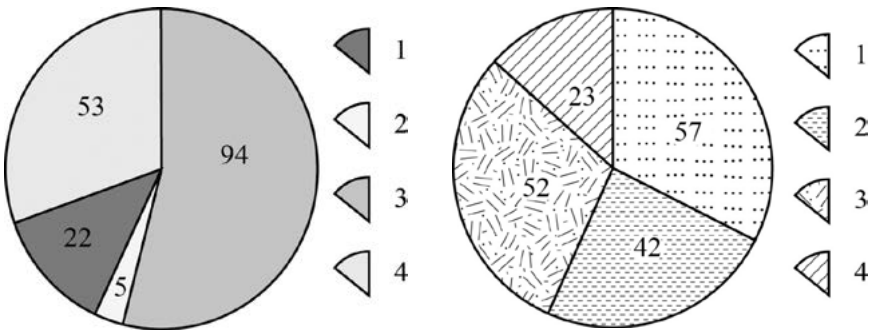
[2] Глобальная социально-экономическая география: Сборник научных трудов памяти Н. В. Алисова / Под ред. Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. – 272 с.

[1] Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. [Электронный источник] – Режим доступа: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=75493.

[2] Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных (ИСТИНА) МГУ [Электронный источник] – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/samburova/.

«устойчивых интересов»[1], автор может характеризоваться как увлекающаяся натура. В-четвертых, предварительно выявляются несколько основных тематических областей географического знания, особо занимавших Елену. Первая из них – «страноведческая», вторая – «сравнительная регионалистика», третья – «география городов» и четвертая – «мирохозяйственная» (рис. 2). Закономерно, что все они связаны с Китаем, но взятым в разных ракурсах и масштабах. В-пятых, первые три исследовательские линии явно формировались при плотном «кураторстве» со стороны разных личностей, что хорошо читается по соавторству.

Научным руководителем Елены в годы студенчества и аспирантских занятий был профессор Н. В. Алисов, который прекрасно понимал значимость изучения Китая и всегда ее поддерживал, видя прекрасные задатки продолжателя исконного направления НИР кафедры по географическому китаеведению. В становлении научных взглядов молодого специалиста заметную роль сыграл доцент Л. Б. Вардомский, привив увлечение сравнительным анализом социально-экономического развития регионов Китая и России; контактности сопредельных территорий двух стран. Этой тематике в итоге оказалась посвящена почти четверть всех произведений. Еще более ощутим в структуре работ вес «урбанистической» линии (29,9 %), открывшейся



а) Издания: 1 – научные, 2 – научно-популярные, 3 – учебные, 4 – справочные

б) Исследовательские направления: 1 – страноведение и общегеографические вопросы, 2 – сравнительная регионалистика, 3 – география городов, 4 – «мирохозяйственное»

Рис. 2. Структура трудов Е. Н. Самбуровой: а) по жанру; б) по тематике, 1982–2017 гг.

Составлено по: авторский каталог библиотеки географического факультета МГУ; ИСТИНА МГУ [Электронный источник] – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/samburova/; eLIBRARY.RU. [Электронный источник] – Режим доступа: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=75493

[1] Например, в общем списке публикаций есть несколько работ по городу-курорту Сочи и даже по Западной Украине.

в самом конце 90-х годов XX века при моем непосредственном участии. Елена глубоко осознавала роль городов как «опорного каркаса» и всегда живо интересовалась проблемами их роста в Китае; быстро оформилась в «штатного» создателя «портретов» крупнейших агломераций страны для почтенных энциклопедических изданий.

Наконец, четвертую линию и особый этап (2011–2017 гг.) в творчестве Е. Н. Самбуровой отражает большой пул материалов, посвященных изучению проблем взаимодействия Китая и мирового хозяйства в условиях развития процесса глобализации. Она стала первопроходцем, лидером и, увы, практически единственным исполнителем этого направления географических исследований на всем постсоветском пространстве. Одна из последних ее работ по этому направлению специально приводится в следующем разделе.

Часы. И еще. На память о Лене остались настенные часы… Они тихо тикают в аудитории 2202, создавая особый уют, и показывают точное время. И это удивительно! Дело в том, что ни одни часы, специально мною приобретенные или подаренные кем-либо, не работали более года. Я не знаю, с чем это связано. Но вроде бы были приличные и отечественные, и зарубежные. Мастера, как правило, не могли обнаружить причину поломки. Часы от Елены пока работают. Я рассматриваю их уверенный ход как хороший знак, как постоянно передаваемое ею негласное поручение по поддержанию заложенных традиций и приумножению достижений кафедры географии мирового хозяйства, где она выросла в истинного профессионала, которую так почитала и была так ей предана…

Раздел 2

Китай в мирохозяйственном измерении

Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации[1]

Е. Н. Самбурова

От редактора. *Ниже приводится текст последней опубликованной работы Е. Н. Самбуровой, в которой подводятся некоторые итоги изучения места Китая в мировом хозяйстве в условиях глобализации. Эта статья изобилует риторическими вопросами автора о ближайшем и отдаленном будущем Китая и посему может рассматриваться как наказ ученикам.*

Современный этап глобализации характеризуется усилением взаимодействия и взаимозависимости стран мира, несмотря на некоторое торможение этого процесса, ограничения, связанные со стремлением ряда стран избежать его негативных последствий. В условиях временной неопределенности будущей внешнеэкономической ориентации новой администрации США Китай готов взять на себя роль одного из центров глобализации. Об этом свидетельствует речь Председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., где он заявил: «…мы должны адаптироваться к экономической глобализации, сгладить негативный эффект от нее и привнести ее положительное влияние во все страны. Нравится это вам или нет, глобальная экономика – большой океан, от которого невозможно скрыться»[2].

В последнее время становится все более заметным, с одной стороны, усиление воздействия процесса глобализации на китайскую экономику, с другой – нарастание значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства и серьезное усложнение его структуры. Доля Китая в мировом ВВП по ППС увеличилась с 2,3 % в 1980 г. до 18,3 %, по оценкам МВФ, в 2017 г. Таким образом, страна заняла лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По величине ВВП по валютному курсу она уступает США, занимая 2-е место. Именно Китай в значительной степени определяет состояние многих товарных рынков, спрос на сырьевые товары, устойчивость развития мирового хозяйства в целом. Некоторое снижение динамики экономического развития КНР, начиная с 2010 г., вызвало серьезную обеспокоенность в международном сообществе. Но уже в 2016 г. при темпах прироста ВВП в 6,7 %, что существенно выше, чем в других крупных экономиках, за исключением Индии, страна обеспечила 33,2 % мирового прироста ВВП (2017 к 2016 г.)[1].

Благодаря грамотной политике руководства Китай смог реализовать свои конкурентные преимущества, включая дешевую рабочую силу, огромный потенциал внутреннего рынка, и занял в мировом хозяйстве нишу крупнейшего производителя промышленной продукции. Он превратился в «мировую фабрику», выпускающую широкий ассортимент изделий: от одежды и обуви, сувениров и игрушек до компьютеров и офисной техники, телевизоров и фотоаппаратов. Ведущие позиции в мире страна занимает по изготовлению трудоемкой продукции, необходимой для нового строительства и осуществления крупных инфраструктурных объектов. Так, в 2015 г. она давала 60 % мирового производства цемента, 50 % стали, 55 % первичного алюминия, 44 % рафинированного свинца, 43 % цинка, 27 % автомобилей. Растет доля Китая и в мировом экспорте, в том числе не только таких традиционных видов товаров, как одежда (38,3 %) и текстильно-галантерейные изделия (35,6 %), но и инновационных, выпускаемых местной электроникой и электротехникой (например, 40, 3% в 2015 г. мирового экспорта офисного и телекоммуникационного оборудования). Поднебесная является ведущим поставщиком продукции как в развитые, так и в развивающиеся страны. Ныне на нее приходится 21,5 % импорта США, 24,8 % – Японии, 20,7 % – Республики Кореи, 17,9 % – Бразилии, 22,1 % – Анголы. Еще в большей степени «привязана» к Китаю экономика таких стран, как КНДР (75,8 % экспорта и 76,4 % импорта), Монголия (84 % экспорта и 40 % импорта).

Растущие масштабы внешней торговли отражают усиливающееся взаимодействие Китая со странами мира (табл. 1). Снижение объемов внешнеторгового оборота и значений экспортной и особенно импортной квоты в 2015 г. связано с изменением модели экономического развития КНР – переходом, с одной стороны, к ориентации на внутренний рост, с другой – к производству более высокотехнологичной продукции. В 2017 г. Китай преодолел негативные тенденции, в январе-феврале внешнеторговый оборот вырос на 20,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., причем импорт увеличился на 34,2 %, а экспорт – на 11 %[2].

[1] Дополненная версия статьи: Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf .

[2] Бедность вместо глобализации // Эксперт. 2017. № 4 (1014). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2017/04/bednost-vmesto-globalizatsii/ .

[1] Жэньминь жибао. 06.03.2017.

[2] Жэньминь жибао. 11.03.2017.

Таблица 1. Внешняя торговля КНР в 1978–2015 гг.

(источники: Статистический ежегодник Китая 2014 [Чжунго тунцзи няньцзянь 2014] (на кит. яз.). Пекин, 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm.; Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2015 National Economic and Social Development / National Bureau of Statistics of China. 29.02.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html)

Годы	ВВП	Оборот внешней торговли	Экспорт		Импорт		Сальдо
	млрд долл.	млрд долл.	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.	% к ВВП	млрд долл.
1978	211,3	20,7	9,8	4,6	10,9	5,2	-1,1
1990	424,4	115,4	62,1	15,9	53,4	12,6	8,7
2000	1080,3	474,3	249,2	23,1	225,1	20,8	24,1
2005	2257,5	1422,1	761,9	33,7	660,1	29,2	101,8
2010	5930,8	2974,0	1577,8	26,6	1396,2	23,5	181,6
2015	10982,8	3988,3	2292,5	20,9	1695,8	15,4	596,8

Тесная взаимозависимость Китая и ведущих центров мирового хозяйства обусловлена не только объемами их внешней торговли и инвестиционного сотрудничества, но и широким взаимодействием международных фирм. В стране представлены многие ведущие ТНК мира, около 45 % всей экспортной продукции производится на предприятиях с участием иностранного капитала. Расширению географии внешней торговли, переходу к глобальному мировому охвату способствует и совершенствование структуры китайского экспорта. Если в 1980 г. в поставках на внешний рынок на продукцию машиностроения и электроники приходилось лишь 1,4 %, то к 2014 г. эта доля увеличилась до 55,9 %, а удельный вес высокотехнологичной продукции достиг уже 28,2 % (табл. 2). Обеспечение роста разнообразия продукции направлено на удовлетворение дифференцированного спроса стран мира.

Однако на современном этапе Китай постепенно теряет конкурентные преимущества, связанные с низкой стоимостью рабочей силы. Снижение объема трудоспособного населения из-за проводимой до недавнего времени политики ограничения рождаемости, постоянный в течение последних десятилетий рост заработной платы, которая стала выше, чем в большинстве стран Юго-Восточной Азии, привели к тому, что Китай уже утратил «оптимальные условия» для производства дешевой трудоемкой продукции с низкой добавленной стоимостью. Особенно ощутима потеря конкурентных преимуществ, если учитывать производительность труда, по которой Китай существенно отстает от развитых стран, прежде всего от США. Экономисты Оксфордского университета (Великобритания) Грегори Дако (G. Daco) и Джереми Леонард (J. Leonard) в докладе «U.S. Manufacturing Retaining Its Competitive Edge», подготовленном в марте 2016 г., утверждают, что с учетом производительности труда Китай практически не имеет сравнительных преимуществ, так как стоимость затрат труда на единицу производимой продукции в 2015 г. здесь была ниже, чем в США лишь на 4 %, а в 2003 г. показатели различались в 2,3 раза[1]. Производительность труда за 2003–2015 гг. выросла в США на 40 %, в Германии – на 23, в Великобритании – на 30, в Мексике – на 18 %. Ныне по производительности труда одного занятого Китай уступает США в 9 раз.

Таблица 2. Структура экспорта продукции из КНР в 1980–2014 гг.

(источники: China's Foreign Trade. Beijing, 2011. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474983043184.htm; Exports Value by Category of Commodities (SITC) / National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01)

Позиции экспорта	1980 г.		1990 г.		2000 г.		2010 г.		2014 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Объем товарного экспорта	18,1	100,0	62,1	100,0	249,2	100,0	1577,8	100,0	2342,3	100,0
Первичная продукция:	9,1	50,3	15,9	25,6	25,5	10,2	81,7	5,2	112,7	4,8
Промышленная продукция	9,0	49,7	46,2	74,4	223,8	89,8	1496,2	94,8	2229,6	95,2
– Химическая продукция	1,1	6,2	3,7	6,0	12,1	4,9	87,6	5,6	134,5	5,7
– Готовая продукция, классифицируемая по виду сырья	4,0	22,1	12,6	20,3	42,6	17,1	249,2	15,8	400,2	17,1
– Машины и транспортное оборудование	0,8	4,7	5,6	9,0	82,6	33,1	780,3	49,5	1070,6	45,7
– Другая продукция	3,1	16,9	24,3	39,1	86,5	34,7	379,2	24,0	624,3	26,7
– Продукция машиностроения и электроники	1,4	7,7	11,1	17,9	105,3	42,3	933,4	59,2	1310,5	55,9
– Высокотехнологичная продукция	–	–	–	–	37,0	14,9	492,4	31,2	660,5	28,2

Все это привело к тому, что идет процесс переноса производственных мощностей из Китая в страны Юго-Восточной Азии, причем в эти страны выносятся наиболее трудоемкие несложные операции как собственно китайскими компаниями, так и компаниями других стран, имеющих многочисленные филиалы в КНР. На фоне процессов «новой индустриализации» ряд ТНК экономически развитых стран возвращают свои производственные

[1] Reyes R. U.S. Manufacturing Strongest Globally Despite Strengthened Dollar, Weak Energy Sector: Oxford Economics (INDEXDJX: DJI) // Sonoran Weekly Review. 15.03.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://sonoranweeklyreview.com/us-manufacturing-strongestglobally-despite-strengthened-dollar-weak-energy-sector-oxford-economics-indexdjx-dji/ .

мощности. Это характерно, например, для ТНК США, Японии. Переводят подразделения как высокотехнологичные ТНК, так и компании текстильной, легкой промышленности, поскольку в развитых странах в условиях роботизации эти технологические операции перестали быть трудоинтенсивными.

Возникает вопрос: сохранит ли в таких условиях Китай роль «мировой фабрики» или уступит ее другим странам? Для того чтобы остаться «мировой фабрикой», стране необходимо добиться расширения номенклатуры производимой продукции, прежде всего, за счет производства товаров с высокой добавленной стоимостью при сокращении доли простых трудоемких товаров. Реструктуризация экономики, развитие более высокотехнологичных производств стало одним из главных направлений развития китайской экономики в контексте реализации концепции «новой нормальности». Переход от экономического роста, ориентированного на количественные показатели, к росту, предполагающему улучшение качества, развитие современных конкурентоспособных кластеров, создание китайских брендов – все это стало содержанием плана «Произведено в Китае – 2025»[1]. Страна постепенно переходит от интенсивного использования факторов производства «первой природы» (дешевого труда) к использованию факторов «второй природы» – информационных технологий, роботизации производства. По данным «World Robotics Report, 2016», Китай – лидирующий по объемам продаж робототехники рынок в мире: к 2019 г. на него будет приходиться 40 % мировых продаж[2]. Это позволит, с одной стороны, существенно увеличить производительность труда, с другой – улучшить качество производимой продукции.

Способствовать сохранению роли «мировой фабрики» может также дальнейшее формирование цепочек добавленной стоимости, в рамках которых наиболее простые трудоемкие операции могут перемещаться в страны Юго-Восточной Азии, а в Китае концентрироваться производства более высоких звеньев цепочек.

В то же время Китай может сохранить и значительную часть мирового рынка несложных трудоемких товаров. Если учитывать различия в заработной плате между внутренними и приморскими провинциями, между городами и сельской местностью, можно утверждать, что потенциал специализации на трудоемких товарах еще далеко не исчерпан. В Центральном и Западном Китае зарплата существенно отстает от показателей в Восточном Китае, поэтому, с одной стороны, в приморских районах могут использоваться в качестве рабочей силы мигранты из внутренних районов (к началу 2017 г. общее число мигрантов достигло 281,7 млн чел.)[3], с другой – экспортные производства могут перемещаться во внутренние районы страны. Например, тайваньская компании «Foxconn», на предприятиях которой в КНР занято свыше 1 млн чел., переносит производство из Шэньчжэня в Хэнань, Сычуань и даже в одну из самых бедных провинций страны – Гуйчжоу[1].

Однако в настоящее время участие в глобальной экономике затронуло лишь небольшую часть территории Китая. Около 70 % всего экспорта страны формируется в провинциях Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян и городе центрального подчинения Шанхае. Доля экспорта в ВРП этих четырех административных единиц существенно превышает среднекитайский показатель (23,5 % в 2014 г.). В Гуандун она составляет 68,4 %, в Чжэцзян – 47,8 %, а в Шанхае – 66,8%. Программа «Идти на Запад», осуществляемая в Китае с начала 2000-х годов, будет способствовать не только освоению внутренних районов, но и вовлечению их в мирохозяйственную деятельность.

Важное направление усиления геоэкономического и геополитического влияния Китая в мире – реализация программы «Идти вовне». Резко возросли масштабы вывоза китайских инвестиций, превысившие их ввоз в страну: 145,7 млрд долл. против 135,6 млрд долл. в 2015 г. Большая часть китайских инвестиций, осуществленных за рубежом, приходится на государственные компании, особенно такие ТНК, как «CNPC», «Sinopec», «CIC» (China Investment Corporation) и «Chinalco» (Aluminium Corporation of China). Однако доля частных компаний, инвестирующих за рубежом, растет. Можно выделить несколько направлений инвестирования Китаем за рубеж:

– получение доступа к современным технологиям (инвестиции в развитые страны);
– возможность эксплуатации месторождений полезных ископаемых, дефицитных для Китая (инвестиции в нефтедобывающие страны, в страны, обладающие крупными запасами руд и т.п.);
– упрощение доступа на рынки сбыта стран – внешнеэкономических партнеров;
– возможность использования более дешевой рабочей силы (например, в странах Юго-Восточной Азии)[2].

Официальная статистика не позволяет судить о реальной географической структуре накопленных за рубежом китайских инвестиций, поскольку около 70 % приходится на оффшорные территории, которые перераспределяют ПИИ из Китая (табл. 3). В действительности все большее значение Китай придает развитым странам.

Китай сохраняет свое значение и как импортер ПИИ. Роль главного их поставщика сохраняет Гонконг (Сянган), имеющий статус специального административного района КНР, причем его удельный вес растет. Эти инвестиции «соотечественников» были особенно важны для страны в первые годы реформ.

[1] Жэньминь жибао. 04.03.2017.
[2] World Robotics Report, 2016 / IFR press release. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ifr.org/news/ifrpress-release/world-robotics-report-2016-832/ .
[3] Китай назвал основных доноров и реципиентов рабочей миграции // ЭКД. 06.02.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ekd.me/2017/02/kitaj-nazval-osnovnyx-donorov-i-recipientovrabochej-migracii/ .

[1] Jia X., Yan G. A Tightening Grip // The Economist. 14.03.2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.economist.com/news/briefing/21646180-rising-chinese-wages-will-only-strengthenasias-hold-manufacturing-tightening-grip .
[2] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китайское экономическое чудо в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3. – С. 149–157.

Таблица 3. Распределение прямых инвестиций из Китая по странам и регионам мира, 2005–2015 гг.

(источники: Статистический ежегодник Китая 2006 [Чжунго тунцзи няньцзянь 2006] (на кит. яз.). Пекин, 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/indexch.htm ; Статистический ежегодник Китая 2016 [Чжунго тунцзи няньцзянь 2016] (на кит. яз.). Пекин, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm)

Страны и регионы	Доля стран и регионов, %	
	2005 г.	2015 г.
Гонконг (Сянган)	63,8	61,6
Каймановы о-ва	15,6	7,0
Британские Виргинские о-ва	3,5	1,3
США	1,4	5,5
Австралия	1,0	2,3
Сингапур	0,6	7,2
Великобритания	0,0	1,3
Россия	0,8	2,0
Прочие	13,3	11,8
Мир в целом	**100,0**	**100,0**

Гонконг (Сянган) используют и китайские бизнесмены для возврата вывезенных инвестиций. Через Гонконг (Сянган) в Китай поступают ПИИ и из других стран. Среди прочих стран-доноров преобладают страны Азии – ближайшие соседи КНР, инвесторами зачастую выступают бизнесмены китайского происхождения.

Для расширения присутствия Китая в странах мира перспективен глобальный проект «Один пояс – один путь» (Beltand Road Initiative, BRI), объединяющий ранее самостоятельные проекты Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века (рис. 1). Этот масштабный проект будет охватывать более 60 государств, суммарно дающих около 30 % мирового ВВП. По мнению китайского руководства, он нацелен на содействие свободного, упорядоченного движения экономических факторов, эффективное распределение ресурсов и углубление рыночной интеграции, содействие развитию регионального сотрудничества в более широких границах, на более высоком уровне, на более глубинных ступенях, совместное создание открытой, толерантной, сбалансированной, благоприятной для всех архитектуры регионального экономического сотрудничества[1].

[1] Видение и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века Государственный комитет по развитию и реформе, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции КНР. [Гоцзя фачжань хэ гайгэвэй, Вайцзяобу, Шанъубу. Туйдун гунцзянь сычоучжилу цзинцзидай хэ 21 шицзи хайшан сычоучжилу дэ юаньин юй синдун] (на кит. яз.). Beijing: Waijiao chubanshe, 2015.

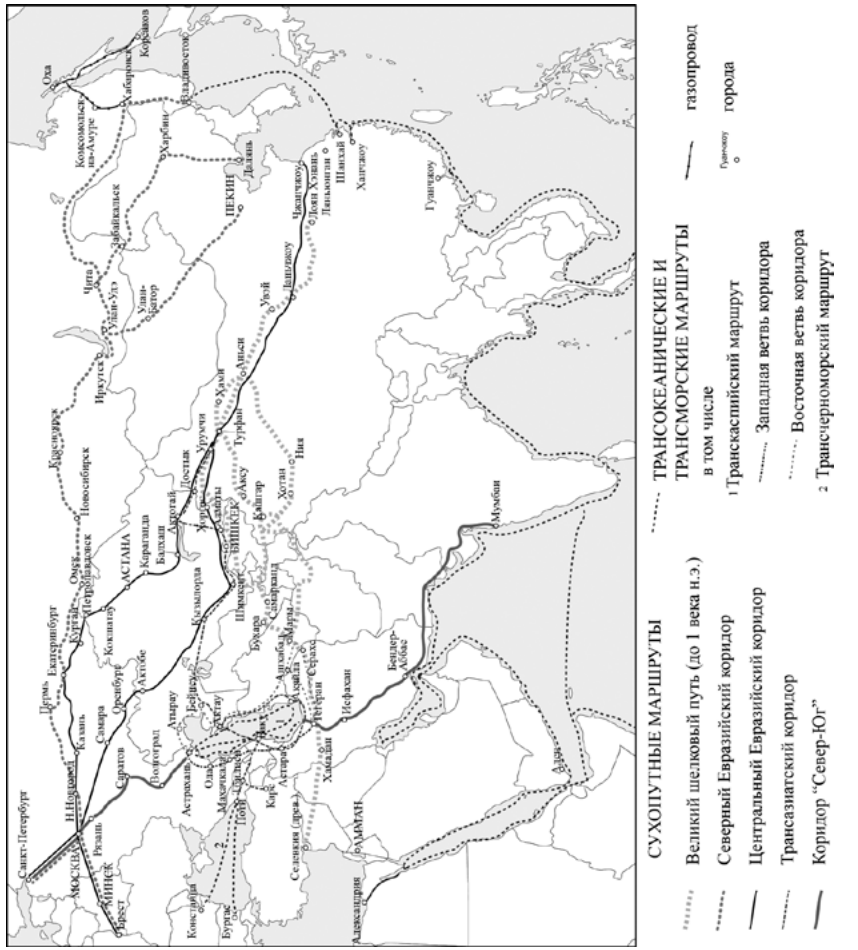


Рис. 1. Общая схема проекта Нового Шелкового пути

(составлено Н. В. Рябовой по: Карякин В. В. Новые контуры геополитического треугольника «Пекин–Вашингтон–Москва» в свете трансформации американо-китайских отношений // Геополитический журнал. 2017. № 1(17). – С. 43–53; Кулинцев Ю. «Один пояс – один путь»: инициатива с китайской спецификой. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868; Northeast Asia Economic Conference Organizing Committee, Transport Subcommittee. Vision for the Northeast Asia Transportation Corridors // ERINA. booklet. 2002. Vol. 1)

В то же время усиливается тенденция к регионализации – Китай активизирует участие в интеграционных группировках и союзах (ШОС, АСЕАН+3), расширяет экономическое присутствие в Центральной Азии, пограничных странах. Значение «китайского фактора» для мировой экономики в будущем определяется возможностями решения ряда проблем:

– Приведет ли сокращение темпов роста китайской экономики и внедрение «зеленых технологий» к сокращению спроса на сырьевые товары?
– Сможет ли Китай на фоне потери конкурентных преимуществ в результате продолжающегося роста заработной платы сохранить роль «мировой фабрики» или «мировая фабрика» наряду с Китаем будет включать Юго-Восточную Азию?
– Получит ли Китай статус «мировой лаборатории» и как быстро это может произойти?
– Каким образом Китай будет встроен в цепочки добавленной стоимости, перейдет ли он на более высокие ступени в этих цепочках?
– Ограничится ли Китай ролью регионального лидера или будет претендовать на роль мирового лидера, реализуя глобальный проект Нового шелкового пути?

Китай в любом случае сохранит и упрочит свое место в мировом хозяйстве. Как подчеркивает известный китайский экономист Ху Аньган, будущее экономики страны связано с повышением инновационных возможностей высокотехнологичного производства, реализацией проекта «Один пояс – один путь», привлечением и вывозом ПИИ, ростом квалификации китайской рабочей силы и повышением качества производимой продукции[1].

Основные труды Е. Н. Самбуровой[2]

Разделы в книгах

1. Экономическая география зарубежных социалистических стран Азии: Учебник / Под ред. Н. В. Алисова, Э. Б. Валева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 4–27.
2. Китай. Серия «У карты мира». М.: Мысль, 1991. – 166 с.
3. Экономико-географические особенности развития хозяйства приморского региона Китая. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. М.: МГУ, 1992. – 24 с.
4. Социально-экономическая география зарубежного мира: Учебник / Отв. ред. В. В. Вольский. М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 499–503.
5. Города мира / Гл. ред. М. Аксенова. Серия: Самые красивые и знаменитые. М.: Аванта+, 2006. – 184 с.
6. Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слуки М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 448 с.
7. География мирового хозяйства: учебник / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. – 352 с.
8. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.

[1] Жэньминь жибао. 07.03.2017.

[2] Составлено Н. А. Слукой по: авторский каталог библиотеки географического факультета МГУ; ИСТИНА МГУ [Электронный источник] – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/samburova/; eLIBRARY.RU. [Электронный источник] – Режим доступа: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=75493 .

9. Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Педагогическая деятельность. Воспоминания / Под ред. В. А. Колосова, Е. В. Милановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 352 с.
10. Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века / Под ред. проф. И. А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2016. – 296 с.
11. Университетская география в современном мире / Под ред. А. С. Наумова. М.: ООО «Буки Веди», 2016 – 282 с.
12. География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.–Смоленск, Ойкумена, 2016. – 400 с.

Статьи в журналах и сборниках

13. Географические особенности формирования и развития инфраструктуры азиатских стран-членов СЭВ // География производственной инфраструктуры в зарубежных социалистических странах / Под ред. Л. Б. Вардомского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 83–91.
14. Региональные аспекты развития хозяйства Китая // Проблемы регионального развития и экономического районирования. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 8. М.: ИЛА АН СССР, Геогр. ф-т МГУ, 1987. – С. 49–67.
15. Пограничное сотрудничество России и Китая // Внешняя торговля. 1993. № 12. С. 19–21.
16. К вопросу о соотношении Центра и регионов // Реформа. 1994. № 5. С. 7–9.
17. Россия и Китай: сравнительный анализ региональных процессов // Проблемы Дальнего Востока, 1994. № 3, с. 111–119.
18. Свободные экономические зоны в современных региональных процессах в Китае и России // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1994. № 5. – С. 30–36.
19. Региональные процессы в переходной экономике России и Китая // Проблемы прогнозирования. 1995. № 2. – С. 67–78.
20. Предпринимательство в России: региональные различия // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 2. – С. 68–73.
21. Проблемы экономических отношений центра и регионов в реформируемом Китае // Бизнес и политика. 1997. № 12. – С. 70–77.
22. Мировые прямые инвестиции: динамика, география, отраслевая структура // География мирового хозяйства / Под ред. Н. С. Мироненко. М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 112–132.
23. Оффшорный бизнес в России: черная дыра экономики или инструмент развития? // Россия и современный мир. 2000. № 2. – С. 152–161.
24. Китай и «новая» Центральная Азия: проблемы и противоречия экономических и политических отношений // Процессы интеграции на постсоветском пространстве: тенденции и противоречия / Под ред. Л. Б. Вардомского. М.: ИМЭПИ РАН, т. 3. 2001. – С. 133–146.
25. Урбанистическая панорама Китая // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.: ИЛА РАН, т. 15, 2002. – С. 316–348.
26. Географическая логика диспропорциональности территориального развития Китая в пореформенный период // Проблемы геоконфликтологии / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, т. 2, 2004. – С. 173–192.

27. Шанхай – мировой город с китайской спецификой // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Слуки. М.: ООО Аванглион, 2007. – С. 169–185.
28. Китай – страна-«супергигант»: проблемы и преимущества // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сб. докладов, М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 145–158.
29. Урбанизация в Китае и Индии: сравнительный анализ // География мирового развития, М.: КМК, т. 2, 2010. – С. 240–253.
30. Китай и мировое хозяйство: проблемы взаимодействия // Глобальная социально-экономическая география. Сб. науч. тр. памяти Н. В. Алисова / Под ред. Н. А. Слуки. М.–Смоленск; Ойкумена, 2011. – С. 181–192.
31. Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. – С. 16–22.
32. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. – С. 49–55.
33. Современное географическое исследование расселения и хозяйства Индии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. – С. 124–125.
34. «Китайское экономическое чудо» в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3. – С. 149–157.
35. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. – С. 3–12.
36. География международной торговли // География в школе. 2017. № 7. – С. 3–10.
37. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40).

Влияние Китая на товарные рынки в начале XXI века

А. В. Хохлов

Введение: постановка проблемы. Последние два десятилетия мир является свидетелем быстрого повышения роли Китая в мировой экономике и международной торговле. Стабильно высокие темпы китайской экономики стали нормой еще в 1980-е годы, однако только к концу следующего десятилетия она приобрела масштаб, позволивший оказывать сильное влияние на крупные товарные рынки, а со временем и на общие процессы мирового хозяйства. Активное встраивание Китая в глобальные производственные цепочки, локомотивами которого были как внутренние, так и внешние силы, способствовало ускоренному развитию этого явления. Мы рассмотрим его на примере некоторых важных товарных рынков, сгруппировав их в отраслевые блоки.

Анализ выполнен на основе многолетней регулярной исследовательской деятельности автора в области отраслевой географии, внешней торговли и товарных рынков с опорой на широкий круг внешнеторговых, а также

Таблица 1. Изменение места и роли КНР в мировом импорте отдельных ресурсных товаров, 2000–2016 гг.

Ресурсные товары	Место			Доля, %		
	2000 г.	2008 г.	2016 г.	2000 г.	2008 г.	2016 г.
Нефть	8	3	2*	3,5	8	17
Природный газ	–	30	4	–	0,1	7
Уголь	30–35	5	1	0,3	4,5	20
Железная руда	2	1	1	14	50	68
Бокситы	12–15	1	1	1	40	62
Медь	2	1	1	10	20	38
Нефтехимическое сырье (мономеры и спирты)	2–3	1	1	8	17	32
Каучук (всех видов)	2	1	1	12	18	28
Круглый лес	2	1	1	12	27	38
Целлюлоза химическая	4	1	1	8	20	34
Пиломатериалы	6	2	2*	3	6	22
Зерно	25	50	2*	1	0,5	5
Соя	1	1	1	22	48	63

*В 2017 г. – 1-е место.
Примечание. Далекие места и значительные доли приведены с большей степенью округления.
Источник: расчеты и оценки автора.

отраслевых источников, с использованием собственных расчетов и оценок[1] (табл. 1).

Китай на рынке топлива. На протяжении многих лет Китай был крупным экспортером угля. На рубеже 1990-х и 2000-х годов его вывоз резко вырос (с 37 млн т в 1999 г. до 90 млн т в 2001 г.), что вывело страну на второе место в мире среди ведущих поставщиков с долей около 15 %. Однако с 2004 г. в связи с быстрым ростом внутреннего потребления экспорт угля стал снижаться, а импорт – увеличиваться. В 2003 г. экспорт превосходил импорт в 8,5 раза, а в 2008 г. они уже сравнялись. При этом практически весь экспорт приходился на соседние Японию, Республику Корею и Тайвань; равно как и импорт

[1] Хохлов А. В. Мировые товарные рынки: учеб. пособие. М.: Магистр: Инфра-М, 2014. – 304 с.; Хохлов А. В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства. М: ВАВТ, 2014. – 416 с.; Commodity Markets – The World Bank. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets; FAOSTAT. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fao.org/faostat/en/#data; Minerals Information – U.S. Geological Survey. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://minerals.usgs.gov/minerals/ ; Mineral Statistics – British Geological Survey. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/home.html ; Trade Map. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx и др.

шел из близлежащих стран: Вьетнама, Индонезии, Монголии, КНДР (не считая сравнительно небольших закупок высококачественного австралийского топлива).

Ситуация кардинально поменялась в 2009 г. Сохранение высокой динамики внутреннего спроса вкупе с всевозрастающими трудностями наращивания добычи (уже сопоставимой с добычей во всем остальном мире) привели к резкому скачку импорта: если в конце 2008 г. Китай ввозил 3 млн т угля в месяц, то уже в июне 2009 г. – свыше 16 млн т. Ажиотажный спрос Китая стал главной причиной, по которой рынок угля избежал резкого падения цен, характерного для других видов топлива в тот период. С лета 2009 г. Китай по закупкам угля встал на один уровень с главным мировым импортером – Японией, такой же внешний импорт суммарно имели страны ЕС. При этом китайский спрос вышел за границы региона: резко вырос поток угля из Австралии, появились крупные поставки из России, Северной Америки, ЮАР и даже Колумбии.

Во второй половине 2011 г. последовал новый скачок китайского импорта – он вышел на уровень 20–27 млн т в месяц (это больше тогдашнего годового импорта Турции или Италии). По итогам 2011 г. Китай уже занимал бесспорное первое место в мире по импорту угля с долей около 20 %. В следующие два года наращивание импорта продолжилось – он увеличился еще в 1,5 раза и в 2013 г. достиг абсолютного максимума в 327 млн т (1/4 мирового).

Достигнув зимой 2013/2014 г. пика, китайский импорт угля перешел в фазу устойчивого снижения. За два года закупки сжались на 40 %, мировая торговля углем, до того росшая непрерывно более 10 лет, стала сокращаться. В 2015 г. импорт угля Китая составил чуть больше 200 млн т (16 % мирового), и он немного уступил Индии. Власти Китая начали усиливать ограничения по добыче и использованию угля, в октябре 2014 г. были введены импортные пошлины. Прекратились поставки из ЮАР и США, еще раньше – из Колумбии.

Тем не менее, зарубежные поставщики лучше приспособились к новым реалиям – весной 2016 г. импорт угля Китаем вновь стал расти, быстро вернувшись в диапазон 20–27 млн т в месяц. Что примечательно, на фоне борьбы за улучшение экологической ситуации значительно вырос и ввоз низкокачественного угля из Индонезии, привлекательного благодаря своей дешевизне. В мировом масштабе Китай вернул себе первенство по импорту угля.

Внезапная активизация китайского импорта в 2016 г. привела к взлету мировых цен на уголь, некоторые котировки за полгода выросли более чем вдвое. В дальнейшем мировые цены на уголь несколько скорректировались, но все равно остались выше уровня 2014 г., хотя на рынке нефти и газа они остаются значительно меньше.

Таким образом, за последние 15 лет Китай прошел путь от одного из ведущих экспортеров угля до крупнейшего мирового импортера, имеющего долю более 20 % и оказывающего решающее влияние на динамику цен. В Китай направлено 25 % экспорта Индонезии, свыше 20 % – Австралии, около 15 % – России, а динамика экспорта Монголии и КНДР полностью определяется китайским спросом.

На других топливных рынках роль и влияние Китая пока менее значительны, но усиливаются. Стабильно, хотя и неравномерно, наращивая закупки *нефти*, Китай в списке ведущих мировых импортеров переместился с 8-го места в 2000 г. (70 млн т) на 3-е в 2005 г. (127 млн т) и 2-е в 2009 г. (204 млн т), а в 2017 г. опередил США и вышел на 1-е место (420 млн т против 412 млн т). Доля Китая в мировом нефтяном импорте приближается к 20 %. При этом на Китай все больше ориентируется нефтяной экспорт России вместо европейского направления, где освобождающуюся нишу занимают страны Персидского залива (в 2000-е годы шел противоположный процесс), с 2016 г. главным поставщиком нефти для Китая выступает не Саудовская Аравия, а Россия. Поставки нефти в Китай имеют большое значение для африканских государств: ему направлено около половины экспорта из Анголы, большая часть – из Конго и почти весь – из Судана.

На рынке *природного газа* с ориентацией на быстрорастущий китайский спрос в 2010–2015 гг. были запущены в эксплуатацию крупные газопроводы из Средней Азии (три нитки, суммарная мощность 55 млрд м³ в год, используется на 2/3) и Мьянмы (12 млрд м³, используется примерно на 1/3). В настоящее время строится газопровод из России (38 млрд м³в год), в начальной стадии четвертая нитка из Средней Азии (альтернативный маршрут, 30 млрд м³). В первую очередь на китайский рынок ориентированы последние СПГ-проекты Австралии, во второй половине 2017 г. ее поставки в Китай вышли на уровень 20 млн т в год против 4 млн т тремя годами ранее. В 2017 г., по нашей оценке, Китай немного опередил США и вышел на 3-е место в мире по общему импорту природного газа (около 95 млрд м³) после Японии и Германии. С высокой вероятностью до конца десятилетия он станет мировым лидером по этому показателю, притом что его выход на рынок состоялся только в 2006 г.

Китай на рынке черных металлов. На мировом рынке железной руды Китай уже в 1990-е годы стал вторым по величине импортером после Японии, несмотря на то, что входил в число лидирующих стран по добыче. В 2003 г. он вышел на 1-е место. Ежегодное увеличение импорта на величину, соответствующую 10–15% мировой торговли, не могло не отразиться на рынке. С 2004 г. железорудное сырье стало стремительно дорожать, к 2008 г. оно выросло в цене более чем вчетверо, а на спотовом рынке – вшестеро. Это привело к смене системы ценообразования на рынке. До того главенствующее положение занимали долгосрочные контракты между большой тройкой добывающих компаний («CVRD», «BHP Billiton», «Rio Tinto») и европейскими и японскими металлургами, определявшие цены на год, а на спотовом рынке совершались небольшие сделки и, как правило, со скидками. Теперь тон стали задавать китайские импортеры на спотовом рынке, на уровень цен которого стали ориентироваться крупные компании в долгосрочных контрактах. При этом производители стремились ограничивать объемы сырья по ним, чтобы иметь больше возможностей заработать на растущем спотовом рынке. К 2010 г. сложилась практика ежеквартального пересмотра цен долгосрочных контрактов, и сторону металлургов теперь представляли в первую очередь китайские компании.

Другим важным следствием острого дефицита железной руды в Китае и бурного роста цен на нее стала активизация добывающих проектов во всех регионах мира и растущая ориентация на китайский рынок практически всех экспортеров. Конкурентоспособными стали даже морские поставки из Скандинавии и с Кольского полуострова. В 2003 г. экспорт в Китай осуществляли 20 стран, в 2008 г. – 37, в начале 2010-х годов – 50–60, т. е. практически все заметные экспортеры железной руды.

За более чем 25 лет импорт железной руды Китаем снижался, притом незначительно, лишь дважды: в 1998 г. и 2010 г. В 2001–2005 гг. он возрастал в среднем на 41 млн т в год, в 2006–2010 гг. – на 69 млн т, в 2011–2017 гг. – на 65 млн т (это сопоставимо с уровнем закупок Республики Кореи, 3-го мирового импортера). В 2009 г. импорт Китая возрос на огромные 184 млн т, позволив рынку вырасти, несмотря на повсеместное падение металлургического производства, с этого же года он превосходит суммарные закупки всех остальных стран мира. Доля Китая в мировом импорте выросла с менее чем 15 % в 2000 г. до примерно 50 % в 2008 г. и 70 % в 2017 г. Благодаря китайскому спросу появилась существенная (не менее 1 млн т в год) добыча железной руды во Вьетнаме, Гондурасе, Индонезии, Либерии, Малайзии, Монголии, Свазиленде, Сьерра-Леоне, а у таких крупных производителей, как Австралия, Бразилия, ЮАР, она по сравнению с 2000 г. выросла в 2–4 раза. Однако в середине 2010-х годов новые добывающие мощности, ориентированные на китайский рынок, стали вступать в строй опережающими темпами, что привело к резкому обострению конкуренции, падению цен и снижению или даже остановке добычи на многих проектах[1].

Иначе складывалось участие Китая на мировом рынке стали[2]. В 1990-е годы Китай стабильно имел дефицит стали на внутреннем рынке и входил в число ведущих импортеров стальной продукции. В конце 1990-х – начале 2000-х годов вследствие быстрого развития машиностроения дефицит стали (главным образом, листовой) в Китае усилился. Для его устранения страна резко увеличила ввоз не только проката, но и полуфабрикатов для его производства (по которым ранее имела избыток), на несколько лет став крупнейшим мировым импортером стали и проката. Ажиотажный спрос Китая подстегнул мировые цены на сталь, к середине 2004 г. они практически удвоились, принеся большие прибыли металлургам разных стран (в дальнейшем повышение шло за счет удорожания сырья). Вследствие этого обстоятельства, а также благодаря активному вводу новых мощностей, в том же 2004 г. Китай начал в больших количествах экспортировать сталь и прокат, параллельно сокращая их ввоз. Уже по итогам 2004 г. Китай вошел в число ведущих мировых экспортеров стальных полуфабрикатов, а в 2006 г. стал лидером по экспорту проката. Ввоз проката, хоть и оставался весьма значительным, осуществлялся теперь почти исключительно из соседних Республики Кореи, Японии и Тайваня вследствие возникшей производственной кооперации, поставки из других стран перестали быть конкурентоспособными. При этом география китайского экспорта быстро расширялась: начав с Восточной и Юго-Восточной Азии, к 2008 г. китайская сталь в больших объемах присутствовала во всех регионах, даже в СНГ.

Такая экспансия в условиях обозначившегося уже в 2007 г. перенасыщения мирового рынка не прошла незаметно. Во многих странах были инициированы различные ограничительные меры против китайской продукции, сам Китай (не без воздействия ВТО и ведущих торговых партнеров) ввел, хоть и небольшие, экспортные пошлины на ряд массовых дешевых продуктов (полуфабрикаты и рядовой нелегированный прокат). Последнее, правда, не стало препятствием для китайских экспортеров, которые оформляют обычный прокат как легированный. С молчаливого согласия властей эта практика сохраняется до сих пор.

Испытав сильное снижение в кризисный 2009 г., китайский экспорт стального проката постепенно восстановился к 2014 г., выйдя на уровень примерно 50 млн т в год (свыше 15 % мирового). В 2014 г. в связи с прекращением роста внутреннего спроса рост экспорта приобрел взрывообразный характер, и уже в 2015 г. поставки достигли почти 100 млн т. Причем из этого объема 12 млн т составили полуфабрикаты, вывоз которых в заметных количествах не осуществлялся с конца 2008 г. Это сделало Китай вторым по величине их поставщиком на рынок после России. В связи с сохраняющимися внутренними ограничениями, полуфабрикаты из Китая вывозятся под видом проката (заготовка проходит таможню как прутки). На фоне общих проблем сырьевых рынков это спровоцировало обвал мировых цен на сталь с конца 2014 г. В результате китайский экспорт стали сначала стабилизировался, а с осени 2016 г. начал быстро снижаться, чему способствовали также меры правительства по снижению избыточных мощностей в отрасли и некоторое уменьшение поддержки экспорта. В наибольшей степени это повлияло на вывоз стальных полуфабрикатов – к лету 2017 г. он опять практически прекратился.

Тем не менее, в настоящее время Китай остается крупнейшим экспортером стали в мире с долей около 15 %, почти вдвое опережая занимающую второе место Японию. Избыток сталеплавильных и прокатных мощностей, несмотря на некоторое снижение, остается очень большим (его оценки сильно варьируются, но обычно измеряются сотнями миллионов тонн). Это оказывает большое влияние на мировой рынок, равно как и тенденции внутреннего спроса Китая на сталь. Китайские производители стали и проката, несмотря на сильную зависимость от импорта сырья, сохраняют высокую конкурентоспособность и способны в считанные месяцы менять ситуацию на внешних рынках.

Китай на рынке цветных металлов. Развитие *алюминиевой промышленности* Китая уже в 1990-е годы велось с опорой не только на собственные, но и привозные ресурсы, страна была крупным импортером глинозема. Ускорение темпов роста производства первичного алюминия в начале 2000-х

[1] Неустойчивость конъюнктуры ярко иллюстрирует пример Сьерра-Леоне. Добыча в этой стране, полностью ориентированная на Китай, началась в конце 2011 г., в 2014 г. достигла уровня 20 млн т в год, весной 2015 г. была остановлена, а в начале 2016 г. возобновлена.

[2] World Steel Association. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.worldsteel.org/ .

годов привело к резкому скачку китайского импорта глинозема: с 1,9 млн т в 2000 г. до 7 млн т в 2005 г., уже в 2002 г. по этому показателю страна вышла на первое место в мире, а мировые цены на глинозем выросли более чем вдвое за 2003–2004 гг. Дефицит глинозема на мировом рынке и высокие цены на него вынуждали китайские компании не только все более активно эксплуатировать внутренние ресурсы бокситов, но и искать (во всех смыслах) их за рубежом. В середине 2000-х годов началось бурное освоение ресурсов Индонезии: добыча там с типичных 1–1,5 млн т в год выросла до примерно 15 млн т в 2007 г., 25–30 млн т в 2010 г. и 55–60 млн т в 2013 г.[1], что соответствовало 1/5 мировой добыче и 2–3-му месту в мире после Австралии и наравне с Китаем. Практически вся добыча отправлялась в Китай.

Обеспокоенные хищнической эксплуатацией природных ресурсов, власти Индонезии в январе 2014 г. ввели запрет на вывоз руды[2]. Несмотря на то, что весь предыдущий год китайские компании активно наращивали запасы бокситов (ввоз из Индонезии вырос почти вдвое!), нужен был новый источник бокситов; и в 2015 г. таковым стала Малайзия, за один год вышедшая на 4-е место в мире по их добыче и 1-е – по экспорту. В январе 2016 г. власти Малайзии ввели запрет на добычу бокситов (экспорт осуществлялся еще больше года из накопленных запасов). Новым объектом внимания Китая стала Гвинея, традиционно ориентированная на торговлю в Атлантическом бассейне. С 2013 г. она поставляла небольшие объемы бокситов в Китай, но в 2016 г. последовал резкий скачок – 12 млн т, в 2017 г. закупки вышли на уровень 7–8 млн т в квартал. Китайский спрос стал мощным стимулом для гвинейской бокситодобычи (рост более чем вдвое за два года), в 2017 г. ставшей третьей по величине в мире. С учетом богатейших запасов Гвинеи, власти вряд ли будут ограничивать экспорт, по размерам которого она с 2016 г. занимает перовое место.

Схожей стратегии – импорта главным образом сырья, а не продуктов его переработки – Китай придерживается и на рынках других цветных металлов. Однако не везде ее в полной мере удается претворять в жизнь, что связано с ограниченностью предложения и концентрацией ресурсов у стран, имеющих возможность самостоятельно развивать переработку. Так, являясь главным в мире импортером *медных руд и концентратов*, а также медного лома, Китай вынужден выступать и крупнейшим в мире импортером меди, как рафинированной, так и гораздо менее представленной на рынке черновой. Аналогичная ситуация с *никелем*: Китай – крупнейший в мире покупатель не только рудного сырья, но и металла, в последние годы также стал лидером по ввозу промежуточных продуктов никелевой металлургии (ферроникеля, синтера и т.п.). На всех этих рынках Китай как ключевой игрок оказывает очень большое влияние на размещение производств, направления товаропотоков, динамику цен. Например, именно благодаря росту китайского спроса мировыми лидерами по добыче никеля в 2010-е годы стали Индонезия и Филиппины, опередив лидировавшую много лет Россию. Для самой России Китай в конце 2000-х годов стал ключевым рынком сбыта никеля, на который направлена в среднем половина поставок.

Китай на мировом рынке продовольствия встречал начало XXI века в статусе страны, решившей в целом проблему самообеспеченности продуктами питания[1]. Единственным относительно слабым местом были растительные жиры – страна выступала ведущим импортером маслосемян (прежде всего за счет сои, а также рапса) и занимала второе место по закупкам растительных масел. В 2000-е годы преимущество экспорта над импортом поначалу росло: активно развивался вывоз готового продовольствия и продукции тропического земледелия, ввоз зерна и мяса опустился до минимальных значений. Бурно рос лишь импорт сои, что обеспечивало страну пищевым маслом и кормами для производства мяса, в противном случае их пришлось бы импортировать в больших объемах. Ввоз растительных масел, главным образом дешевого пальмового, все равно увеличивался, но не стабильно. Однако к концу 2000-х годов ситуация стала меняться, невозможность дальнейшего быстрого наращивания производства продовольствия в условиях ограниченности ресурсов (прежде всего земельных) привела к регулярному образованию дефицита тех или иных видов продовольствия: где-то он оказывался временным, где-то приобретал характер устойчивого. В результате в 2010-е годы Китай стал быстро наращивать общий ввоз продовольствия, тогда как его вывоз, в целом, стагнирует.

С необходимостью крупных закупок зерна впервые с середины 1990-х годов Китай столкнулся в 2004 г., когда после нескольких лет подряд снижающихся урожаев был вынужден импортировать более 10 млн т пшеницы в течение полутора лет. Однако потом импорт опустился до минимума. В 2012 г. Китай в 2,5 раза увеличил импорт зерна (прирост пришелся на разные виды) – до 14 млн т, сразу войдя в число ведущих мировых импортеров. В 2014–2015 гг. последовало дальнейшее увеличение до 32,5 млн т (в 1,6 раза больше исторического максимума 1995 г.), в 2016 г. импорт сократился почти на 1/3, но в 2017 г. вновь возрос. С 2014 г. Китай занимает либо первое, либо второе место в мире по импорту зерна. При этом в наибольшей степени он влияет на рынок кормового зерна: в 2014–2015 гг. он спровоцировал ажиотаж на рынках ячменя и сорго, увеличив их закупки в 4,5 и 10 раз соответственно. На рынке ячменя «новый спрос» Китая составил 1/4 от прежних объемов торговли, на рынке сорго – 150 %. В 2012 г. Китай одномоментно стал одним из ведущих импортеров риса, в последующие годы прочно закрепившись на 1-м месте. На рынках пшеницы и кукурузы (двух главных

[1] Точных данных по добыче бокситов в Индонезии нет. Несколько лет, когда страна уже вела крупные отгрузки в Китай, многие ведущие отраслевые организации фиксировали прежний уровень добычи, а впоследствии перешли на оценки, повторяющие величину экспорта.

[2] Летом 2017 г. запрет был снят для компаний, построивших перерабатывающие заводы, пока поставки имеют небольшую величину.

[1] См., например: Стариков Н. А. Глобальная продовольственная ситуация: пространственные аспекты развития // Известия РАН, серия Географическая. 2017. № 5. – С. 19–30; Стариков Н. А., Ткаченко Т. Х. Глобальная продовольственная проблема: этапы и факторы развития // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 3. – С. 322–336.

видов зерна в мировой торговле) Китай пока относится к числу второстепенных покупателей.

Помимо рынка зерна, в 2010-е годы Китай приобрел значительный вес еще на нескольких продовольственных рынках. С 2013 г. он выступает крупнейшим в мире импортером мяса: сначала сильно вырос ввоз субпродуктов, потом свинины, потом говядины. При этом, по экспертным оценкам, помимо официального импорта, в Китай ввозится также существенное количество мяса через Вьетнам. На рынке молочной продукции Китай вошел в число ведущих импортеров, причем, если лидерство по ввозу молочного порошка вполне объяснимо, то растущий спрос на свежее молоко удивителен: Китай стал первой страной, сформировавшей значительный спрос на трансокеанские поставки данной продукции (ввозится из Европы, Новой Зеландии и Австралии). Стабильно растут и закупки продукции более глубокой переработки – сливочного масла и сыров. На рынке сахара Китай в несколько раз увеличил закупки сырца в 2010–2013 гг., и с тех пор делит с Индонезией 1–2-е место по его импорту. Кроме того, в 2015–2016 гг. образовался большой нелегальный ввоз рафинированного сахара через Мьянму (в основном из Индии и Таиланда), что сделало Китай одним из ведущих мировых импортеров этого товара. Непрерывно увеличивается импорт спиртных напитков, по ввозу которых Китай вошел в первую пятерку стран. Ослабление ограничений по рождаемости усилило позиции Китая как крупнейшего импортера детского питания.

Заключение. Подводя итог, отмечаем, что в начале XXI в. произошло радикальное усиление воздействия Китая на мировые товарные рынки. По одним товарам он выступает крупнейшим импортером (в основном сырье и продовольствие), по другим – главным экспортером (многие промышленные полуфабрикаты). При этом во всех случаях отмечается стабильное повышение его удельного веса – на некоторых крупных рынках этот показатель уже приблизился к 70 %, это уникальные показатели. Можно утверждать, что по силе влияния на товарные рынки через непосредственно рыночные факторы Китай достиг такого уровня, какого в мире еще не было. Такая зависимость от одного участника делает их менее устойчивыми и более непредсказуемыми.

КНР и система трансграничных цепочек добавленной стоимости

Т. Х. Ткаченко, С. А. Сафонов

Введение: постановка проблемы. С момента рождения геополитики как науки геополитические теории традиционно разрабатывались на классической силовой основе – вплоть до окончания холодной войны, когда многие исследователи уже прогнозировали смещение фокуса наступающей эпохи из военно-политической сферы в экономическую, а также эскалацию нового типа конфликтов – геоэкономических. Последовавшее взрывное развитие и рост корпоративных межгосударственных экономических

отношений начала XXI в., а также все возрастающая фрагментация производства товаров и услуг между различными странами привели к необходимости коренного пересмотра парадигмы исследований международных процессов. Истоки новой, геоэкономической, концепции прослеживаются в работах наиболее значительных зарубежных экономистов XX в., в том числе И. Валлерстайна, М. Портера.

Цепочки добавленной стоимости, в общем виде определяемые как полный спектр деятельности, который компании и рабочие производят для того, чтобы довести продукт от его концепции до конечного применения и дальше, в настоящее время настолько широко распространились между странами, что их по праву можно назвать глобальными. Исходя из этого определения, трансграничная цепочка добавленной стоимости (ТЦДС) может быть представлена как последовательность всех функциональных мероприятий, участвующих в процессе создания стоимости и включающих более чем одну страну[1]. Связывая географически разделенную деятельность в одной отрасли либо в кластере отраслей, цепочки добавленной стоимости позволяют не только определить важнейшие факторы, контролирующие и управляющие деятельностью в сетевых структурах, но и верно показать роль и значение каждой из стран в создании конечного продукта. Данный вопрос привлекает внимание не только исследователей, но и правительства по всему миру. Принципиальную важность имеет тот факт, что итоговые политические решения, основанные на использовании классических показателей внешней торговли, могут быть в корне неверными в плане оценки места страны в МРТ по причине многокомпонентности состава валового экспорта (рис. 1).

Рис. 1. Структура валового экспорта в рамках концепции ТЦДС (составлено авторами)

[1] Ткаченко Т. Х., Сафонов С. А. Глобальные цепочки добавленной стоимости в автомобилестроении: шанс для развивающихся стран // Глобалистика и геоэкономическая стратегия: мир и Россия. РУДН. М.: ИД «АС-Траст», 2013. – С. 235–240.

Краткий обзор основ исследований международной торговли с позиции концепции ТЦДС. Многие базовые экономические идеи XX в. претерпели ряд эволюционных изменений и в конечном итоге привели к созданию концепции ТЦДС. Несмотря на то, что статистические данные по данной тематике собирались в рамках различных проектов ВТО еще с 90-х годов XX в., в теоретическом виде данная концепция начала разрабатываться лишь на исходе первого десятилетия XXI в.; практические же выводы в виде рекомендаций ВТО по регулированию внешнеэкономической деятельности появились совсем недавно[1].

Для каждой конкретной страны включение в ТЦДС может происходить либо напрямую (когда страна обеспечивает вклад в экспорт других стран), либо косвенно (когда страна импортирует промежуточные товары и услуги для последующего использования в своем экспорте). Используя данный подход, можно рассчитать показатели[2], демонстрирующие определенную степень участия страны или отрасли в ТЦДС:

– доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте страны (индекс косвенного участия в цепочках добавленной стоимости), т. е. доля иностранных промежуточных товаров и услуг в валовом экспорте страны;
– доля отечественной добавленной стоимости в валовом экспорте зарубежных стран (индекс прямого участия в цепочках добавленной стоимости), т.е. доля произведенных внутри страны промежуточных товаров и услуг, используемых в экспорте зарубежных стран;
– общий индекс участия в цепочках добавленной стоимости представляет собой сумму двух предыдущих показателей.

Под промежуточными товарами и услугами в данном случае понимаются те, которые первый импортер также экспортирует, а не использует для конечного потребления. Другими словами, это промежуточные товары во внешнеторговом, а не производственном смысле, которые могут быть и сырьем, и деталями, и компонентами, и конечными товарами, и различными производственными услугами.

Статистическую основу исследований ТЦДС составляют пять международных баз данных (см. табл. 1), среди которых отдельного внимания заслуживает база «TiVA» (Trade in Value-Added), в том числе содержащая основные показатели участия в ТЦДС в разрезе стран и секторов.

В 2011 г. ВТО и ОЭСР запустили совместную программу исследований «Made in the World Initiative» («Сделано в мире»), основной идеей которой стало создание методики анализа международной торговли по принципу добавленной стоимости. ВТО-ОЭСР разработали методику оценки потоков торговли в показателях добавленной стоимости, при этом использовался метод межстрановых и межотраслевых балансов, а также полные

[1] Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости. // Доклад. ОЭСР, ВТО, ЮНКТАД, 2013.
[2] Gereffi G, Fernandez-Stark K. Global Value Chain Analysis: A Primer. Duke University, North Carolina, USA, 2011.

Таблица 1. Основные базы данных международной торговли в рамках ТЦДС
(составлено авторами)

Базы данных	Число географических единиц	Число секторов экономики	Временные рамки
GTAP (Global Trade Analysis Project)	140	57	1997, 2001, 2004, 2007, 2011
WIOD (World Input-Output Database)	43	35	2000–2014
OECD-WTO TiVA (Trade in Value-Added)	63	34	1995, 2000, 2005, 2008–2011, 2012–2014 (предварительно)
UNCTAD-Eora GVC Database	187	26	1990–2012
IDE-JETRO (Institute of Developing Economies – Japan External Trade Organization)	10	25	1975, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000, 2005

билатеральные матрицы потоков торговли. База данных «TiVA» позволяет по-новому взглянуть на современную международную торговлю, перейдя от классического анализа экспортно-импортных потоков товаров и услуг к более комплексному изучению лежащих в их основе ТЦДС. Благодаря этой базе данных, исследователи получили возможность напрямую получить представление о степени интеграции и позициях каждой страны в ТЦДС и международных производственных сетях. В настоящее время действует третья редакция базы «TiVA», датированная октябрем 2015 г., которая содержит как традиционные показатели внешнеэкономической деятельности, так и ряд новых индикаторов, характеризующих национальные экономики с точки зрения участия в ТЦДС. В базе «TiVA» представлена информация по 63 географическим единицам, включая все страны-члены ОЭСР и БРИКС за 1995–2011 гг. с разбивкой по 34 секторам. Глобальный характер ТЦДС требует от баз данных соответствующего географического охвата, тогда как зачастую в них отсутствуют целые регионы. Тем не менее, база «TiVA» включает в себя страны и территории, доля которых в целом составляет не менее 95 % от всей мировой торговли. Следует отметить, что в настоящее время в базе «TiVA» также присутствуют предварительные данные подсчетов за 2012–2014 гг.

В настоящее время в исследованиях ТЦДС выделяются две основные теоретические школы – интернационализм (школа макроуровневого анализа) и индустриализм (школа микроуровневого анализа). Первое направление представлено преимущественно североамериканскими исследователями из числа сотрудников и консультантов международных организаций, прежде всего в лице директора Центра глобализации, управления и конкурентоспособности Университета Дьюка Гарри Джереффи (США, Северная Каролина),

а также рядом европейских ученых[1]: К. Дэ Бэкером, Р. Каплински, П. Гиббоном и другими исследователями. Школа индустриализма представлена в первую очередь специалистами Института исследований развития Университета Сассекса (Великобритания, Сассекс), а также рядом широким кругом сотрудников и консультантов институтов региональных интеграционных объединений.

Каждая из школ предполагает использование отдельных подходов. Интернационалисты делают ставку преимущественно на макроуровневые исследования, применительно как к единицам анализа, так и к масштабу формулируемых рекомендаций. Индустриалисты специализируют свои исследования на более локальном, микроуровневом опыте отдельных отраслей и регионов. Данное разделение условно, поскольку описанные школы скорее дополняют друг друга, например, в форме совместных публикаций их представителей. С точки зрения методологии, современные исследования ТЦДС характеризуются следующими тенденциями:

– широкое распространение индустриалистского подхода;

– акцент на региональных и национальных особенностях систем, обеспечивающий целостность индустриалистского подхода и позволяющий частично объяснить итоговые выгоды и недостатки от участия в ТЦДС;

– общий рост прогностического потенциала исследований в рамках ТЦДС, позволяющий осуществлять стратегическое планирование и принимать эффективные политические решения по поводу участия в ТЦДС.

ТЦДС, региональные интеграционные объединения и ТНК. В современном мировом хозяйстве в целом и, в особенности, в его наиболее глобализированных отраслях важное значение имеют не только конечные продукты и услуги как результирующее воплощение деятельности ТЦДС, но и сама деятельность компаний, принимающих участие в процессе создания стоимости. Международная фрагментация производства является мощным источником повышения эффективности и конкурентоспособности компаний, а сами ТЦДС практически полностью координируются ТНК. Международная торговля промежуточными и конечными товарами и услугами ведется в рамках их сетей филиалов, подрядчиков и независимых поставщиков; показатели деятельности ТНК достигли колоссальных значений (табл. 2): экспорт зарубежных филиалов ТНК по итогам 2015 г. превысил 7,8 трлн долл., а общий объем продаж зарубежных филиалов ТНК сопоставим с половиной мирового ВВП.

ТНК координируют ТЦДС посредством сложных сетей взаимодействия между поставщиками и различных моделей управления – от прямой собственности на зарубежные филиалы до договорных отношений. Иерархические структуры, формируемые ТНК, определяют распределение добавленной стоимости, полученной от участия в рамках ТЦДС[2], и, следовательно, обладают геоэкономическим влиянием на развитие. Особое значение здесь

[1] De Backer K. OECD work on global value chains and trade in value added. OECD Publishing, Paris, 2013.

[2] Ibid.

Таблица 2. Динамика ключевых показателей деятельности зарубежных филиалов ТНК
(составлено по данным UNCTAD)

Показатели	Годы			2015 г. к 1990 г.
	1990	2014	2015	
Объем продаж зарубежных филиалов ТНК, млн долл.	5101	34149	36668	7,20
Добавленная стоимость зарубежных филиалов ТНК, млн долл.	1074	7419	7903	7,36
Общие активы зарубежных филиалов ТНК, млн долл.	4595	101 254	105 778	23,02
Экспорт зарубежных филиалов ТНК, млн долл.	1444	7688	7803	5,40
Занятые в зарубежных филиалах ТНК, тыс. чел.	21454	76821	79505	3,71

имеют региональные интеграционные объединения, поскольку за счет них формируются региональные производственные системы, оказывающие влияние на конкурентоспособность и предусматривающие перераспределение добавленной стоимости. Необходимость модернизации в рамках цепочек добавленной стоимости и переходе к производствам с большей долей улавливаемой добавленной стоимости стимулирует формирование союзов как среди государств, так и среди компаний. В настоящее время сформировалось довольно внушительное число интеграционных объединений различного уровня, имеющих большое значение для развития ТЦДС; также наметилось создание крупных мегаблоков (см. рис. 2).

ТЦДС и сектор услуг. Одним из важнейших отличий классической внешней торговли от модели ТЦДС является относительная роль товаров и услуг. По подсчетам в рамках классического подхода, доля торговли товарами в мировом экспорте в 1980 г. составляла около 80 % (20 % приходилось на торговлю услугами); к 2014 г. данное соотношение практически не изменилось (19 и 5 трлн долл. соответственно). Очень многие виды услуг традиционно считаются неторгуемыми, т. е. их невозможно экспортировать напрямую; данная ситуация начала меняться с появлением предоставления удаленных услуг, однако, их доля по-прежнему невелика. При рассмотрении международной торговли товарами и услугами с позиции концепции ТЦДС происходившие глубинные изменения видны намного более отчетливо: в промежуток с 1980 г. по 2009 г. доля услуг в мировом экспорте увеличилась в полтора раза[1]. Причины данного процесса во многом совпадают с теми же причинами, которые привели к росту доли услуг в ВВП: отделение предоставления услуг от производства и их аутсорсинг; растущая важность и бурное развитие услуг связи, телекоммуникаций и транспорта; растущая доля добавленной стоимости услуг в сложных промышленных товарах (например, программное обеспечение в автомобилях); относительная сложность переноса этапов ЦДС, относящихся к услугам, по сравнению с промышленными операциями и др.

1 Trade in Value-Added Database. WTO-OECD. 2017.

Согласно данным из базы данных ВТО-ОЭСР «TiVA», утверждение о том, что доля услуг в классическом экспорте меньше доли услуг в общем экспорте добавленной стоимости, справедливо для всех крупных экономик мира, хотя соотношение этих долей варьируется. В среднем для развитых стран доля услуг в общем экспорте добавленной стоимости составляет свыше 50 % (например, в США – около 55 %, в Нидерландах – около 70 %). Развивающиеся страны в среднем имеют меньшую долю услуг в общем экспорте добавленной стоимости, однако, это значение все равно выше, чем в рамках классического подхода: например, для КНР оно составляет около 40 %.

Сектор услуг не только вносит свой вклад в ТЦДС как поставщик чистой добавленной стоимости – его развитие оказывает влияние на каждую конкретную цепочку. В течение нескольких лет ТЦДС испытывают влияние активного развития и экспансии такого процесса, как «экономика совместного потребления» или «уберизация». Данный процесс получил ускоренное развитие после выхода на массовый рынок приложения для смартфонов «Uber» в Сан-Франциско в 2010 г. Через пять лет «Uber Technologies Inc» стала ТНК, осуществляющей деятельность более, чем в 60 странах мира, с капитализацией в 62,5 млрд долл. Сущность уберизации заключается в формировании на определенном рынке единого сервиса на основе ИКТ, координирующего деятельность независимых агентов в реальном масштабе времени. Участие в подобном сервисе осуществляется на основе принципов добровольности участия и взаимной выгоды, а сама модель снижает издержки своих клиентов (причем как покупателей, так и продавцов) путем оптимизации цепочек добавленной стоимости в реальном масштабе времени, устраняя непроизводительные элементы звеньев, а также балансирует интересы независимых участников рынка, практически полностью исключая участие человека, благодаря автоматизации процесса.

КНР и эволюция системы ТЦДС. В промежуток с 1995 г. по 2008 г. доля ТЦДС в международной торговле стабильно росла, получив ускоренное развитие в 2002–2008 гг. Во время мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. доля ТЦДС в международной торговле снизилась, однако она быстро восстановилась после завершения кризиса. Примечательна дальнейшая динамика доли ТЦДС: с 2011 г. она не только не продолжила ускоренно расти докризисными темпами, но и фактически стабилизировалась с тенденцией к понижению. Замедление темпов роста мирового ВВП, а также перенос начальных и конечных этапов звеньев цепочек в развивающиеся страны и их развитие, революционные изменения в секторе услуг и сфере ИКТ, а также процесс решоринга или переноса элементов цепочки добавленной стоимости назад, в страну базирования материнской ТНК, получивший распространение в развитых странах; оказали несоизмеримое влияние на ТЦДС, в особенности на сложные цепочки (добавленная стоимость в течение производственного процесса пересекает границу два и более раз), рост и развитие которых было одним из ключевых факторов экономического роста в предыдущем экономическом цикле.

Рассмотрим место КНР в мировой экономике, в мировой торговле с помощью традиционной статистики и с помощью показателей добавленной

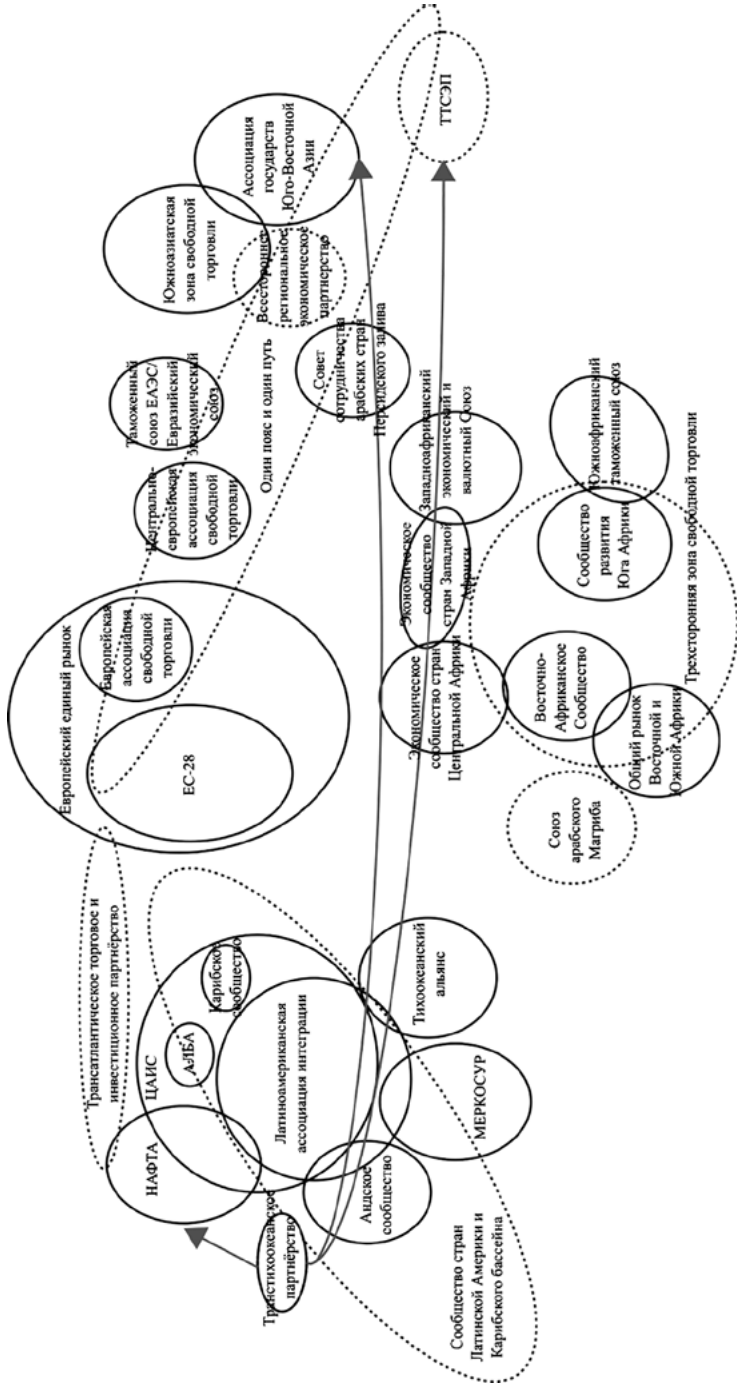


Рис. 2. Отдельные интеграционные объединения, имеющие ключевое значение для формирования и развития ТЦДС, 2016 г. (размер окружности пропорционален числу входящих в объединение членов; составлено по данным ВТО и ОЭСР)

стоимости, основываясь на методике WTO-OECD «TiVA», при которой задача сводится к идентификации добавленной стоимости национального и иностранного происхождения в валовом экспорте рассматриваемой страны.

Китайская экономика – вторая в мире после США по показателю номинального ВВП с около 11,2 трлн долл.; ее доля в мировом номинальном ВВП по итогам 2016 г. составила около 14,8 % (США – 24,65 %). Хорошо известна мощь индустрии страны и ее роль как ядра «мировой фабрики»: Китай – крупнейший нетто-экспортер товаров по итогам 2016 г. (+511 млрд долл.), значительно опережающий США – крупнейшего нетто-импортера товаров (–797 млрд долл.). Отдельного внимания заслуживает динамика изменения позиции КНР в мировом промышленном экспорте: еще в 2007 г. крупнейшим экспортером товаров была Германия (1,326 трлн долл., 9,5 % мирового), КНР же располагалась на 2-м месте (1,217 трлн долл., 8,7 % мирового); по итогам 2016 г. Германия – лишь на третьем месте (1,34 трлн долл.), уступая КНР и США (2,098 и 1,455 трлн долл. соответственно)[1].

Среди главных особенностей внешней торговли КНР, как указывает Е. Н. Самбурова, необходимо отметить следующие: высокая динамика объема (особенно после вступления в ВТО в конце 2001 г.); ведущая роль предприятий с участием иностранного капитала; устойчивое с 2004 г. положительное сальдо; высокий удельный вес торговых операций, связанных с поручительской переработкой и сборкой (около половины всего экспорта и 2/3 импорта) и, следовательно, тесная связь экспортных операций с импортом. Основная причина формирования большого активного сальдо – увеличение экспорта на фоне активизации иностранного инвестирования. С 2009 г. страна переходит от политики ограничения импорта и стимулирования экспорта к политике достижения баланса между экспортом и импортом. Увеличение внешнеторгового оборота, высокая экспортная и импортная квоты отражают растущую включенность Китая в мировое хозяйство[2], а рассмотрение динамики структуры валового экспорта КНР в показателях добавленной стоимости позволяет сделать вывод о его эволюции (рис. 3).

В промежуток с 2000 г. по 2011 г. произошло активное вовлечение КНР в ТЦДС, сопровождавшееся взрывным развитием сложных цепочек и сопутствующим ростом доли отечественной добавленной стоимости, используемой в экспорте других стран. Помимо последовавшего превращения в «мировую фабрику», активная государственная политика, трансферт технологий и развитие национального производства в КНР стимулировали переход страны на путь качественного роста, позволившего ей занимать все большую долю в глобальных ТЦДС. Это выразилось в устойчивом снижении доли иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте (табл. 3). Однако в промежуток с 2011 г. по 2014 г., когда темпы

[1] World Bank Database; WTO. International Trade Statistics Report, 2017.

[2] См. раздел «Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации»; Самбурова Е. Н. Китай и мировое хозяйство: проблемы взаимодействия // Глобальная социально-экономическая география / Под ред. Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. – С. 181–191.

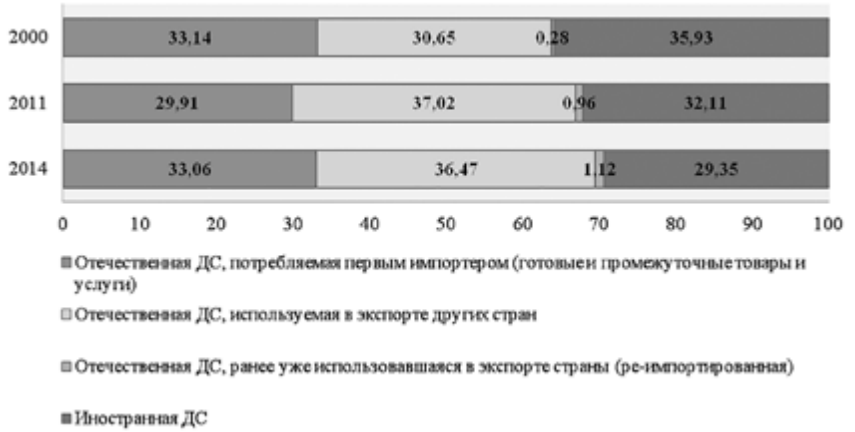


Рис. 3. *Динамика структуры валового экспорта КНР, %*
(составлено на основе данных БД «TiVA»)

роста в системе ТЦДС не только сильно замедлились, но и в отдельных секторах вовсе оказались отрицательными, структура валового экспорта КНР в показателях добавленной стоимости испытала новую трансформацию. Волатильность мировых рынков, сложности в управлении, развитие новых технологий, а также уязвимость перед различными кризисными ситуациями привели к укорочению, секторальному кризису сложных ТЦДС и увеличению роли простых ТЦДС, что, в свою очередь, стимулировало увеличение доли отечественной добавленной стоимости, потребляемой первым импортером, в валовом экспорте КНР. Продолжилось снижение доли иностранной добавленной стоимости, что во многом объясняется внешними причинами, а именно активным развитием процессов реиндустриализации и решоринга в развитых странах. Отдельного внимания

Таблица 3. *Динамика абсолютных среднегодовых темпов прироста показателей добавленной стоимости в структуре экспорта КНР в 2000–2014 гг., млн долл.*
(составлено по данным UNIDO)

Показатели	2000–2011 гг.	2011–2014 гг.
Отечественная добавленная стоимость, потребляемая первым импортером (готовые и промежуточные товары и услуги)	+41584,66	+47441,5
Отечественная добавленная стоимость, используемая в экспорте других стран	+53811,16	+32522,25
Отечественная добавленная стоимость, ранее уже использовавшаяся в экспорте страны (ре-импортированная)	+1512,583	+1877
Иностранная добавленная стоимость	+44557,92	+14749,75

также заслуживает увеличение доли ре-импортированной добавленной стоимости, являющейся признаком углубления внутрирегионального экономического сотрудничества.

Важной отличительной особенностью динамики структуры валового экспорта КНР в показателях добавленной стоимости является отсутствие отрицательных абсолютных среднегодовых темпов прироста, характерных для отдельных развивающихся стран в 2011–2014 гг. Несмотря на развитие кризисных процессов в сложных ТЦДС и противоположных по направленности процессов реиндустриализации и решоринга в развитых странах – основных торговых партнерах КНР, участие КНР в ТЦДС продолжает расширяться. Рассмотрим на примере обрабатывающей промышленности, с какими глубинными изменениями в других странах-лидерах связаны подобные новейшие сдвиги в валовом экспорте КНР (табл. 4).

Согласно статистике, лишь четыре участника из топ-10 в создании добавленной стоимости обрабатывающей промышленности мира – КНР, США, Республика Корея и Великобритания – улучшили свои позиции по отношению к другим участникам рейтинга. И если увеличение доли КНР – сформировавшийся, устойчивый тренд, то увеличение доли США и Великобритании – ситуация явно нестандартная, если принять во внимание то, что с 2000 г. доля данных стран в создании добавленной стоимости обрабатывающей промышленности мира устойчиво снижалась и составляла 26,7 % и 3,71 % соответственно. В последние десятилетия одним из главных трендов в развитых странах был процесс переноса промышленного производства за рубеж. Развитие всего комплекса отраслей национальной обрабатывающей промышленности сменилось выносом ряда производств в развивающиеся страны и взаимодействию в рамках ТЦДС. В первую очередь от процессов

Таблица 4. Динамика доли стран в создании добавленной стоимости обрабатывающей промышленности мира, 2011–2014 гг.
(составлено по данным UNIDO)

Позиция в рейтинге 2014 г.	Страны	Доля в 2014 г., %	Доля в 2011 г., %	Изменения за 2011–2014 гг., %
1	КНР	24,31553	20,2055	+4,110031
2	США	17,42751	16,5633	+0,864207
3	Япония	7,053993	9,452357	-2,39836
4	Германия	6,539466	6,703369	-0,1639
5	Республика Корея	3,236538	2,965786	+0,270752
6	Индия	2,697115	2,75766	-0,33627
7	Италия	2,464748	2,80102	-0,06055
8	Франция	2,356863	2,532191	-0,17533
9	Великобритания	2,348565	2,072581	+0,275984
10	Россия	1,991716	2,193988	-0,20227

деиндустриализации в развитых странах пострадали отрасли промышленности, соответствующие третьему и четвертому технологическому укладу, которые испытали сильное влияние процесса переноса производств в развивающиеся страны. Однако следует отметить, что значительное влияние также было оказано и на отрасли пятого технологического уклада[1]. Именно процессы деиндустриализации, сопровождающиеся потерей конкурентоспособности, рабочих мест и технологического лидерства стали вызывать беспокойство в правительственных и промышленных кругах развитых стран, активизировав целый комплекс мер прямой и косвенной государственной политики.

Развитие процессов реиндустриализации в развитых странах получило ускорение как раз после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда правительства начали активно искать возможности и средства для формирования устойчивого экономического роста, слабо подверженного воздействию кризисных процессов. Уроки кризиса показали, что страны, обладающие собственной развитой обрабатывающей промышленностью, сравнительно легче и быстрее переносят кризисные периоды, а их экономика в целом менее подвержена флуктуациям. Мощный комплекс обрабатывающей промышленности создает значительный мультипликативный эффект для других отраслей и экономики в целом, формируя стабильный спрос на высококвалифицированную рабочую силу и содействуя постоянным высокоинтенсивным научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам. В среднем порядка 2/3 осуществляемых НИОКР тесно связаны с промышленным производством.

Таким образом, участие КНР в ТЦДС продолжает увеличиваться в абсолютных значениях. Однако в результате новейших изменений произошел перелом в динамике структуры валового экспорта КНР в показателях добавленной стоимости. Для обрабатывающей промышленности дальнейшее расширение участия КНР в ТЦДС натолкнулось на преграду в виде процессов реиндустриализации и решоринга в развитых странах, особенного успеха в развитии которых достигли Великобритания и США.

Заключение. В современных условиях международная торговля уже не приравнивается исключительно к классическим торговым экспортно-импортным операциям, остро встает вопрос генезиса, направленности и структуры стоимости трансграничных потоков товаров и услуг, а также связанных с ними последствий. Вместе с тем, старый теоретический арсенал науки не в состоянии раскрыть сущность происходящих перемен и во многом утратил свою роль в объяснении современных процессов международной торговли. Это хорошо видно на примере сектора услуг с использованием концепции ТЦДС – одного из наиболее эффективных современных методов исследований межстранового взаимодействия в рамках МРТ, обладающего сформировавшимися подходами и статистической основой в виде баз данных международных организаций. Использование данного подхода позволяет нивелировать противоречия классической статистики, что может быть про-

[1] De Backer K. Reshoring: Myth or reality. Paris: OECD Publishing, 2016.

демонстрировано на примере увеличения доли сектора услуг в мировом экспорте в 1,5 раза – важное научное положение, необходимое для целостного понимания постиндустриального мира.

Ключевыми действующими факторами в рамках концепции выступают ТНК, масштабы деятельности которых позволяют им практически полностью координировать ТЦДС, а также региональные интеграционные объединения, за счет которых формируются региональные производственные системы, оказывающие существенное влияние на конкурентоспособность и предусматривающие перераспределение добавленной стоимости. Восход «промышленной звезды» КНР стал катализатором процессов деиндустриализации в развитых странах, причем переносу подверглись отрасли всех технологических укладов. В 1995–2008 гг. доля ТЦДС в международной торговле стабильно росла, получив ускоренное развитие в 2002–2008 гг.; однако посткризисное развитие ТЦДС в мире в целом и в КНР, в частности, натолкнулось на ряд преград, обусловивших фактическую стабилизацию с тенденцией к понижению. Одними из важнейших противоположно направленных процессов стали процессы решоринга и реиндустриализации, что привело к частичному развороту трансграничных потоков, а сама система мирового хозяйства оказалась в неустойчивом положении.

Для КНР участие в ТЦДС продолжает увеличиваться в абсолютных значениях, однако, в результате новейших изменений произошел перелом в динамике структуры валового экспорта КНР в показателях добавленной стоимости: значительно возросла роль простых ТЦДС по сравнению со сложными, ярче стали проявляться признаки расширяющейся региональной интеграции. Обрабатывающая промышленность КНР достигла впечатляющих успехов как в количественном, так и в качественном развитии, а ее дальнейшее расширение участия в ТЦДС и «освоение» доли иностранной ДС не только теснейшим образом взаимосвязано, но и будет определять будущее всей обрабатывающей промышленности.

Китай в международном движении прямых иностранных инвестиций

Д. Н. Самусенко

Введение: постановка проблемы. Экономика любой страны взаимодействует с мировым хозяйством через различные виды связей. С точки зрения перспектив мирохозяйственного развития, подтягивания менее развитых регионов к ядру мирового хозяйства, первостепенное значение имеют долгосрочные иностранные инвестиции. Как правило, они осуществляются крупными компаниями, которые становятся главными участниками глобализации и способствуют интернационализации экономик национальных государств.

Бурный экономический рост Китая был бы невозможен без его активной интеграции в процессы международного движения капитала, прежде всего ПИИ. На сегодняшний момент КНР относится к странам со сбалансированным характером участия в международном движении ПИИ. Согласно данным ЮНКТАД, к концу 2016 г. объемы накопленных ввезенных и вывезенных прямых инвестиций достигли 1,35 трлн долл. и 1,28 трлн долл. соответственно. В мировом масштабе это составляет около 5% по обоим показателям. Ныне Китай уверенно занимает 2-е место в мире по накопленным ввезенным и 6-е – по накопленным вывезенным прямым инвестициям[1]. Среди развивающихся стран Китай является безусловным лидером. Его доля в совокупном объеме накопленных ввезенных ПИИ в данной группе составляет 15 %, а в накопленных вывезенных ПИИ – 22 %[2].

Достигнутые успехи КНР во многом связаны с созданием благоприятного инвестиционного климата. В 1979 г. в Китае был принят закон, формально разрешающий деятельность предприятий с участием иностранного капитала. В мае 1980 г. четыре города (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сяньмэнь) были выбраны в качестве мест организации ОЭЗ. В 1984 г. аналогичные привилегии получили еще 14 городов[3]. Эти территории имели традиции торговли с заграницей и находились в восточных провинциях, на побережье. ОЭЗ в значительной мере были отрезаны от остальной страны[4]. В начальный период правительство поддержало их развитие дополнительными инвестициями в инфраструктуру, гарантировало налоговые льготы и ввело рыночные правила обмена валюты.

В 1979–1989 гг. 42 % ПИИ существовали в форме совместных предприятий, в которых китайские фирмы всегда имели контрольный пакет. Но уже в 1999 г. более половины ПИИ составляли инвестиции со 100-процентным иностранным капиталом. Это изменение знаменует собой радикальное открытие Китая для иностранных инвесторов[5].

Главными драйверами наращивания ПИИ в Китае были: быстрый рост экономики, низкая стоимость рабочей силы, хорошо развитая инфраструктура (главным образом в ОЭЗ), политика поддержки экспорта и эффективная система регулирования. Сыграли свою роль также налоговые льготы, особенно в ОЭЗ. Во-первых, в 1994 г. была введена единая система налогообложения

[1] Без учета Гонконга (Сянгана) и Макао (Аомэня).

[2] UNCTAD FDI database. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.unctad.org/fdistatistics .

[3] Кэ М., Цзюнь Л. Коммерция в Китае. Межконтинентальное издательство Китая, 2004. – 516 с.

[4] Козуб П. Почему Китай обогнал Индию? // Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Науч. ред. Л. Бальцерович, А. Жоньца; пер. с польского Ю. В. Чайникова под науч. ред. А. В. Куряева. М.: Мысль, 2016. – С. 373–412.

[5] Козуб П. Почему Китай обогнал Индию? // Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Науч. ред. Л. Бальцерович, А. Жоньца; пер. с польского Ю. В. Чайникова под науч. ред. А. В. Куряева. М.: Мысль, 2016. – С. 373–412.

для китайских и для иностранных фирм. Во-вторых, иностранные фирмы получили как минимум пятилетнее освобождение от налогов. Более того, им также был предложен возврат 40 % уже выплаченных налогов, при условии реинвестиции прибылей в Китай в течение как минимум 5 лет, а не вывоза их за границу[1].

Однако такая открытая внешнеэкономическая политика не сопровождалась постоянным увеличением льгот для иностранного капитала. Так, еще в середине 1990-х годов обозначилась тенденция к свертыванию некоторых преференций, предоставлявшихся зарубежным инвесторам. После принятия в 1995 г. закона о трудовых отношениях, предприятия с иностранными инвестициями стали в полном объеме уплачивать взносы во внебюджетные социальные фонды. В ОЭЗ зарубежные инвесторы с 1994 г. лишились права на беспошлинный импорт стройматериалов, сырья, комплектующих и топлива для собственных производственных нужд, а также на беспошлинный импорт транспортных средств и офисного оборудования[2].

За два десятилетия устойчивого и быстрого экономического роста Китай создал огромный рынок, очень привлекательный для иностранных компаний[3]. Однако китайское правительство вводило ограничения на вхождение в страну иностранного капитала. До вступления Китая в ВТО прямые иностранные инвестиции направлялись главным образом в производство, ориентированное на экспорт, в котором Китай являлся и технологической, и производственной базой[4]. Продукция продавалась на зарубежных рынках и не допускалась на внутренний. В силу сдерживающих факторов, связанных с экономической политикой, Китай лишался многих потенциально привлекательных инвестиций. После вступления в ВТО Китай отменил все ограничения, допустив продукцию иностранных предприятий на внутренний рынок[5].

Интеграция китайской экономики в мировое хозяйство расширяла возможности получения выгоды от специализации и масштаба производства, а в результате увеличивала прибыли китайских предприятий[6]. Их росту способствовали также другие реформы. Так, например, переток работников из деревни в города сдерживал рост издержек на рабочую силу, а приватизация ограничила присущее госпредприятиям расточительство. Благодаря всему этому у фирм были как средства, так и стимулы для инвестирования.

[1] Кэ М., Цзюнь Л. Коммерция в Китае. Межконтинентальное издательство Китая, 2004. – 516 с.

[2] Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии. М.: Международные отношения, 2007. – 256 с.

[3] Синцеров Л. М. Кризис мировых хозяйственных связей в середине XX века // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2013. № 1. – С. 22–27.

[4] Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. – С. 56–64.

[5] Йифу Л. Д. Демистификация китайской экономики / Пер. с англ. М. Недоступа под науч. ред. А. Куряева. М.: Мысль, 2016. – 384 с.

[6] Экономическая география мирового развития. XX век // Под общ. ред. Ю. Г. Липеца, В. А. Пуляркина, С. Б. Шлихтера. СПб.: Алетейя, 2003. – 397 с.

За годы с начала реформ приток ПИИ позволил Китаю получить доступ к технологиям, передовому опыту управления и глобальным рынкам. Постепенно переходя к производству все более сложной в техническом отношении продукции и включаясь в цепочки по производству высокотехнологичной продукции, Китай отчасти сохраняет и такое свое сравнительное преимущество как наличие дешевой рабочей силы. Это обстоятельство позволяет ТНК и китайским экспортным производителям по мере экономического развития прибрежной зоны и роста в этих регионах заработной платы переводить производственные мощности во внутренние районы страны, где пока еще имеются резервы дешевой низкоквалифицированной рабочей силы, необходимой для сборочных производств. Этим Китай существенно отличается от Тайваня и Республики Кореи, которые компенсировали нехватку кадров переводом производств в менее развитые страны региона, в том числе и в Китай[1].

Динамика и структура ввезенных в Китай ПИИ в 2000-е годы. В современных условиях для привлечения ПИИ и их эффективного освоения в стране создаются различные формы зон развития: экспортные промышленные зоны, районы беспошлинной торговли, парки высоких технологий и зоны с льготным режимом налогообложения. Благодаря ПИИ особые зоны экономического развития формируются как узловые центры глобального производства и мировой торговли. Несмотря на влияние глобализации и экономическую либерализацию, китайское руководство является основной силой, определяющей места размещения ПИИ и иностранных производств, а сами зоны развития проектируются государственными органами власти. При этом государственные органы управления опираются на местные органы власти и административно-управленческий аппарат как для выработки условий, на которых мировые ТНК будут размещать свои производства в зонах развития, так и для мобилизации местных ресурсов, необходимых для функционирования этих зон[2].

В КНР выделяют несколько видов иностранных инвестиций: поощряемые, разрешенные, ограниченные и запрещенные. Поощряются капиталовложения в сельское хозяйство, текстильную, химическую, нефтехимическую, аэрокосмическую, электронную отрасли промышленности, металлургию, энергетику и многие другие (всего около 260 направлений). Их ограничение установлено для отдельных секторов горнодобывающей, химической, пищевой, текстильной, табачной промышленности; а также нефтепереработки и энергетики (например, в строительстве и эксплуатации ТЭС мощностью до 300 тыс. кВт) и т. д. Запрещены иностранные инвестиции в предприятия, производящие оружие, в разведку, добычу и обогащение радиоактив-

[1] Пчелинцев В. С. Восточная Азия: Международные производственные системы и развитие региона // Новые производственные системы и региональные аспекты глобализации: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2014. – С.61–97.

[2] Вей Е. Д. Лун Джи Кинь. Зоны развития, иностранные инвестиции и формирование Шанхая как глобального города // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и реф. // Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 114–124.

ных и редкоземельных руд, в строительство и эксплуатацию электросетей, в управление авиаперевозками, в радио, телевидение, издание книг, газет, журналов и др.[1].

Важной особенностью китайской политики в отношении ПИИ являются дифференцированные ставки арендной платы для зарубежных инвесторов (в зависимости от отрасли и технологического уровня капиталовложений). Они позволяют целенаправленно формировать структуру ПИИ – с учетом региональных и отраслевых приоритетов, задач расширения внешних рынков, создания на территории страны полных циклов производства новой продукции[2].

Основным источником информации о прямых инвестициях в Китае является Национальное бюро статистики. К сожалению, оно не публикует развернутую информацию о накопленных ввезенных ПИИ в региональном и отраслевом разрезе; приводятся сведения только об их привлеченных потоках (которые в статистике обозначаются, как фактически утилизированные инвестиции). Несмотря на то, что такая информация дает представление лишь о текущей инвестиционной обстановке в стране, она позволяет хотя бы примерно оценить тренды в развитии географической и отраслевой структуры ввезенных в Китай ПИИ.

За период 2005–2015 гг. в региональной структуре потоков ввезенных ПИИ произошли изменения, заключающиеся в существенном повышении доли Азии с 59,2 % до 82,5 % на фоне сокращения удельного веса остальных регионов (табл. 1).

Таблица 1. Динамика потоков ввезенных прямых иностранных инвестиций в КНР по регионам мира, 2005–2015 гг.
(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

Регионы мира	2005 г.		2015 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Азия	35719	59,2	104 159	82,5
Латинская Америка	11293	18,7	9138	7,2
Европа	5643	9,4	6897	5,5
Северная Америка	3730	6,2	3043	2,4
Океания	1999	3,3	2444	1,9
Африка	1071	1,8	585	0,5
Не указано	869	1,4	–	–
Итого	**60325**	**100,0**	**126 266**	**100,0**

[1] Инвестиции в Китай [Электронный источник]. – Режим доступа: http://kaig.ru/rf/invchina.pdf.

[2] Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии. М.: Международные отношения, 2007. – 256 с.

При более детальном анализе данного феномена, на уровне крупнейших стран-инвесторов становится очевидным, что подобная концентрация региональной структуры потоков ввозимых инвестиций обусловлена повышением роли Гонконга (Сянгана). Являясь своеобразным «инвестиционным окном» Большого Китая в мировую экономику, он сегодня пропускает через себя почти 70 % всех поступающих в страну ПИИ (табл. 2)[1].

Таблица 2. Динамика потоков ввезенных прямых иностранных инвестиций в КНР по 10 крупнейшим странам-инвесторам, 2005–2015 гг.
(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

2005 г.			2015г.		
Страны	млн долл.	%	Страны	млн долл.	%
Гонконг	17949	29,8	Гонконг	86387	68,4
Брит. Виргинские о-ва	9022	15,0	Брит. Виргинские о-ва	7388	5,9
Япония	6529	10,8	Сингапур	6904	5,5
Республика Корея	5168	8,6	Республика Корея	4034	3,2
США	3061	5,1	Япония	3195	2,5
Сингапур	2204	3,7	США	2089	1,7
Тайвань	2152	3,6	Самоа	1991	1,6
Каймановы о-ва	1948	3,2	Германия	1556	1,2
Германия	1530	2,5	Тайвань	1537	1,2
Самоа	1352	2,2	Каймановы о-ва	1444	1,1
Итого	**60325**	**100,0**	**Итого**	**126 266**	**100,0**

В 2011 г. приток ПИИ в Китай достиг 124 млрд долл., причем впервые по объему поступлений ПИИ сектор услуг превысил обрабатывающую промышленность; по величине «чистого» притока иностранного капитала в форме ПИИ в национальную экономику он опередил США и вышел на 1-е место в мире (280 и 253 млрд долл. соответственно). Согласно данным Всемирного банка, страна сохранила лидерство и в последующие годы, еще больше увеличив отрыв. В 2012 г. «чистый» приток ПИИ в Китай составил 253,5 млрд долл., в США – 203,8 млрд долл.; в 2013 г. – 347,8 млрд долл. против 294,9 млрд долл.[2]. Хотя Китай остается весьма аттрактивным с точки зрения размещения ПИИ, в последнее время такие страны, как Индонезия, Вьетнам и Таиланд заметно

[1] Самусенко Д. Н. География прямых иностранных инвестиций в современном мировом хозяйстве. Автореф. дис. канд. геог. наук / Институт географии РАН. М., 2014. – 25 с.

[2] Самусенко Д. Н. География прямых иностранных инвестиций в современном мировом хозяйстве // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 3. – С. 16–27.

улучшили свои позиции в рейтинге привлечения иностранных инвестиций. С ростом издержек производства в Китае относительная конкурентоспособность стран АСЕАН повышается. Все это отражается на переориентации направлений потоков ПИИ. В то время как доля Китая в общем объеме инвестиций в Азию постепенно сокращается, удельный вес, например, Индии и Вьетнама растет[1]. Однако по абсолютному уровню ПИИ материковый Китай и Гонконг (Сянган) все еще доминируют в регионе.

Сегодня становится очевидным, что эпоха дешевой рабочей силы в Китае постепенно подходит к концу. Рост заработной платы и повышение эффективности труда наблюдается как в прибрежных, так и внутренних районах страны. Один из примеров этого – история повышения оплаты труда на 30 % на китайских предприятиях тайваньской компании «Foxconn», крупнейшего в мире поставщика комплектующих изделий для iPod американской «Apple». Пойти на это повышение ТНК пришлось после серии самоубийств в 2010 г., случившихся на китайских предприятиях из-за условий труда и низкой зарплаты. После этих событий «Foxconn» заявила о сокращении своих производственных мощностей в Китае с возможностью их последующего перемещения в Бразилию[2].

В отраслевой структуре поступающих в КНР инвестиций за рассматриваемый период также произошли изменения: от вложений преимущественно во вторичный сектор (в 2005 г. объем потоков, поступающих в него ПИИ, составлял 73,5 %) экономики, к вложениям в третичный сектор (2015 г. – 64,3 %) (табл. 3). При этом на уровне отдельных отраслей в 2015 г. лидером по потокам ввезенных ПИИ являлась обрабатывающая промышленность, доля которой составляла 31 %, вслед за которой располагался сегмент операций с недвижимостью – 23 %.

Таблица 3. Динамика потоков ввезенных прямых иностранных инвестиций в КНР по секторам экономики, 2005–2015 гг.
(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

Сектор экономики	2005 г.		2015 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Первичный	1073	1,8	1777	1,4
Вторичный	44337	73,5	43352	34,3
Третичный	14914	24,7	81138	64,3
Итого	**60325**	**100,0**	**126 267**	**100,0**

[1] Самбурова Е. Н., Кузина Т. В. Мировые прямые инвестиции: динамика, география, отраслевая структура // География мирового хозяйства. М.: МГУ, 1997. – С. 112–131.

[2] Пчелинцев В. С. Восточная Азия: Международные производственные системы и развитие региона // Новые производственные системы и региональные аспекты глобализации: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 61–97.

Динамика и структура накопленных зарубежных инвестиций Китая. Еще в 1980 г. в Китае специально созданные для зарубежной экспансии государственные холдинги, прежде всего «China International Trust and Investment Corporation» (CITIC), «China National Petroleum Corp.» (CNPC), «China National Offshore Oil Corp.» (CNOOC), «Sinochem», «China Minmetals» и др.; начали вывоз капитала с целью поддержки экспорта китайских товаров и расширения доступа к источникам сырья[1].

С начала XXI в. страна ускоренно наращивает вывоз зарубежных инвестиций. Национальное бюро статистики КНР предоставляет развернутую информацию о накопленных за рубежом ПИИ в региональном и отраслевом разрезах, что позволяет достаточно объективно оценить предпочтения в их размещении. Обращаясь к региональной структуре накопленных за рубежом прямых китайских инвестиций, стоит отметить тот факт, что за период 2005–2015 гг. принципиальных изменений не произошло. Главным регионом для инвестирования у Китая по-прежнему остается Азия (в 2005 г. ее доля составляла 71 %, в 2015 г. – 70 %). Почти в два раза выросла доля Северной Америки (с 2,2 % в 2005 г. до 4,8 % в 2015 г.), что позволило ей подняться с 5-го на 4-е место в рейтинге регионов. В три раза выросла доля Европы и Океании без изменений их позиций. Для Китая Европа представляет в достаточной степени легкий для доступа рынок, потому что он предлагает большой выбор партнеров. Это можно рассматривать как стратегию «разделяй и властвуй». Если одно государство ЕС ограничит доступ, китайская компания может получить выход на рынок через другую страну, являющуюся членом ЕС[2]. Единственным регионом, доля которого уменьшилась, является Латинская Америка (с 20 % в 2005 г. до 11,5 % в 2015 г.), хотя она по-прежнему занимает 2-е место по накопленным прямым китайским инвестициям (табл. 4). Такое снижение отчасти было обусловлено усилением контроля государства над отечественными компаниями, которые направляют свои инвестиции в офшоры с целью получения налоговых льгот при их дальнейшем реинвестировании в Китай[3].

На страновом уровне выясняется ряд интересных моментов. Во-первых, обращает на себя внимание то, что приоритетным объектом для китайских прямых инвестиций является Гонконг (Сянган). Данное обстоятельство уже было затронуто выше, но при рассмотрении потоков входящих ПИИ. Лидирующие строчки стран-получателей китайских прямых инвестиций занимают офшорные юрисдикции (табл. 5). Стоит отметить тот факт, что совокупная доля «налоговых гаваней» в объеме накопленных за рубежом китайских прямых инвестиций за рассматриваемый период времени снизилась с 84,5 % до 73,1 %[4].

[1] Пчелинцев В. С. Восточная Азия: Международные производственные системы и развитие региона // Новые производственные системы и региональные аспекты глобализации: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 61–97.

[2] Постиндустриальное развитие капиталистических стран: географический прогноз / Отв. ред. Зимин Б. Н., Шлихтер С. Б. М.: Наука, 1993. – 192 с.

[3] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2009 – 592 с.

[4] С учетом Гонконга (Сянгана) и Макао (Аомэня).

Таблица 4. Накопленные вывезенные прямые иностранные инвестиции из КНР по регионам мира, 2005–2015 гг.

(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

Регионы мира	2005 г.		2015 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Азия	40629	71,0	768 901	70,0
Латинская Америка	11470	20,0	126 319	11,5
Европа	1598	2,8	83679	7,6
Африка	1595	2,8	52179	4,8
Северная Америка	1263	2,2	34694	3,2
Океания	650	1,1	32092	2,9
Итого	**57206**	**100,0**	**1 097 865**	**100,0**

Таблица 5. Накопленные вывезенные прямые иностранные инвестиции из КНР по 10 крупнейшим странам-получателям, 2005–2015 гг.

(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

2005 г.			2015 г.		
Страны	млн долл.	%	Страны	млн долл.	%
Гонконг	36507	63,8	Гонконг	656 855	59,8
Каймановы о-ва	8936	15,6	Каймановы о-ва	62404	5,7
Брит. Виргинские о-ва	1984	3,5	Брит. Виргинские о-ва	51672	4,7
Республика Корея	882	1,5	США	40802	3,7
США	823	1,4	Сингапур	31985	2,9
Макао	599	1,0	Австралия	28374	2,6
Австралия	587	1,0	Великобритания	16632	1,5
Россия	466	0,8	Россия	14020	1,3
Судан	352	0,6	Канада	8516	0,8
Сингапур	325	0,6	Индонезия	8125	0,7
Итого	**57206**	**100,0**	**Итого**	**1 097 865**	**100,0**

Во-вторых, согласно статистическому ведомству Гонконга (Сянгана), в 2015 г. 39,6 % накопленных гонконгских прямых инвестиций было сконцентрировано в Большом Китае, в то время как доля накопленных в офшорах гонконгских инвестиций составляла 47,7 %[1]. Причем данный показатель был лишь незначительно выше такового в 2005 г., когда доля офшоров составляла 46,8 %, а 38,6 % приходилось на Большой Китай. Все это свидетельствует о еще более запутанных схемах при осуществлении местными компаниями капиталовложений за рубеж. Нельзя также не отметить то, что совокупный объем накопленных за рубежом гонконгских прямых инвестиций составляет 1,53 трлн долл., что на 247 млрд долл. выше, чем у Большого Китая[1]. Следовательно, вопреки статистическим данным Национального бюро статистики КНР преждевременно говорить о какой-либо деофшоризации китайской стратегии прямого зарубежного инвестирования. Тем не менее, как показывает анализ перечня крупнейших стран-получателей китайских прямых инвестиций, КНР все большее значение придает экономически развитым странам, что объясняется стремлением компаний из Поднебесной получить доступ к передовым технологиям[2].

Современная отраслевая структура накопленных зарубежных капиталовложений КНР носит постиндустриальный характер. Доля ПИИ в отрасли третичного сектора составляет почти 75 % (табл. 6). Лидирующими видами деятельности по состоянию на 2015 г. являлись сфера деловых услуг и лизинг, на долю которых приходилось 37,3 %, а также финансовые посреднические услуги – 14,5 %. При этом значительна доля накопленных капиталовложений в отраслях добывающей промышленности – 13 %, что, по сути, равносильно всем накопленным за рубежом китайским прямым инвестициям в первичном секторе.

Последнее обстоятельство объясняется тем, что государственные компании КНР проявляют особый интерес к приобретению за рубежом активов в нефтегазовой отрасли. В частности, был осуществлен ряд капиталовложений в разработку нефтегазовых месторождений в Африке и Средней Азии[3].

Таблица 6. Накопленные вывезенные прямые иностранные инвестиции из КНР по секторам экономики, 2005–2015 гг.

(источник: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/)

Сектор экономики	2005 г.		2015 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Первичный	9163	16,0	153 857	14,0
Вторичный	7262	12,7	121 315	11,1
Третичный	40781	71,3	822 692	74,9
Итого	**57206**	**100,0**	**1 097 865**	**100,0**

[1] Census and Statistics Department of Hong Kong. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.censtatd.gov.hk/hkstat/srh/index.jsp.

[1] UNCTAD FDI database. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.unctad.org/fdistatistics.

[2] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Изменение роли Китая в мировой экономике в пореформенный период (с 1979 г.) // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 255–267.

[3] Самусенко Д. Н. Прямые иностранные инвестиции и транснациональные корпорации в мировой экономике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 4 (18). – С. 427–430.

Мировой финансовый кризис также способствовал наращиванию зарубежной экспансии китайского капитала[1]. Со свойственными ему тенденциями «созидательного разрушения» он ускорил, по всей видимости, естественный ход событий – в мировом хозяйстве сложилась новая расстановка сил. В связи со снижением деловой активности в большинстве стран возникли благоприятные возможности для приложения капитала в ряде приоритетных для КНР отраслей мировой экономики. В этой связи П. Гемават пишет: «…Кризис ускорил процесс перемещения экономического роста в сторону развивающихся стран, в особенности азиатских»[2]. Используя снижение биржевых индексов, а также нехватку финансовых средств у зарубежных фирм, китайские компании особенно активно приобретали активы в сталелитейной, нефтегазовой и угольной отраслях[3].

В настоящее время Китай лидирует по количеству ТНК среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В списке 100 крупнейших ТНК из стран обозначенных групп, ежегодно публикуемом ЮНКТАД, 18 являются китайскими и 14 – гонконгскими. Причем, две компании входят в список 100 крупнейших нефинансовых ТНК мира, обе они являются государственными: уже упомянутая ранее «CNOOC» и «China COSCO Shipping Corp Ltd». Несмотря на разнообразие отраслевой структуры крупнейших китайских корпораций, среди которых есть такие высокотехнологичные, как «Lenovo Group Ltd», «Legend Holdings Corporation» и «Tencent Holdings Ltd», по совокупному объему активов и персонала лидируют компании, ведущие свою деятельность в отраслях, связанных с добычей и переработкой полезных ископаемых[4].

Заключение. Стоит отметить, что несмотря на практически равные объемы накопленных ввезенных и вывезенных ПИИ, в последние годы Китай все активнее старается предпринимать меры, направленные на стимулирование ПИИ в национальную экономику, ограничивая отток капитала из страны, чтобы противостоять ослаблению юаня. Так, например, в 2017 г. были введены меры, которые ограничивали или вовсе запрещали прямые инвестиции из Поднебесной в такие виды деятельности как операции с недвижимостью, гостиничное дело, развлечения, спорт и т.д. При этом были смягчены условия вложения иностранного капитала в отечественный банковский и финансовый секторы, добычу полезных ископаемых, строительство инфраструктуры и прочее. Министерство торговли также заявило, что власти страны продолжат реализацию ужесточающих мер в ряде отраслей, одновременно с этим поощряя инвестиции, связанные с промышленностью и технологиями.

[1] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. – М.: ИД «Форум», 2009. – 592 с.

[2] Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров: Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.

[3] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. – М.: ИД «Форум», 2009. – 592 с.

[4] World Investment Report 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf .

Движение КНР к Центру мирового хозяйства: роль национальных ТНК

Д. Б. Калашников

Введение: постановка проблемы. Руководство КНР в программе «Сделано в Китае 2025»[1] заявило, а на 19-м Всекитайском съезде КПК подтвердило планы к 100-летию образования КНР (2049) стать глобальным экономическим и технологическим лидером[2], по душевым показателям войти в клуб развитых стран, «подняться вверх в мировой цепочке добавленной стоимости». В научной литературе доказана всесторонняя зависимость КНР от внешнеэкономических связей и ее роль «мировой фабрики»[3], от которой она теперь решила отказаться. Таким образом, на современном этапе перед КНР стоит не традиционная задача интенсификации интеграции в мировое хозяйство, а новая проблема – изменения направлений и переподчинения существующих мирохозяйственных связей, трансформации пространственной структуры мирового хозяйства и состава стран Центра.

Гипотеза исследования предполагает, что в условиях современной глобальной взаимозависимости и доминирования финансового сектора над реальным, достижение Китаем поставленной цели возможно с помощью национальных ТНК, и только в том случае, если их деятельность (независимо от размера бизнеса и форм собственности) будет подчинена стратегическим целям развития КНР. Для доказательства гипотезы в настоящем исследовании выявляются функции национальных ТНК в движении Китая к глобальному лидерству, а также возможности государства определять стратегию их развития.

Участие страны в мирохозяйственных связях осуществляется компаниями, и в рейтингах крупнейших компаний мира КНР практически догнала США, что соответствует ее весу в мировом хозяйстве. Также стремительно вырос удельный вес КНР в мировых потоках ПИИ, с 1,3 % до 12,6 % за 2006–2016 гг. и в мировых накопленных ПИИ (с 0,5 % до 4,9 % за тот же период). Почему же в рейтинге ста крупнейших ТНК мира в 2016 г. по-прежнему всего две ТНК материкового Китая[4]?

Теоретические основы исследования: территориально-организационная структура современного мирового хозяйства. В основу исследова-

[1] Чжунго чжицзао 2025 (Сделано в КНР 2025). (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm .

[2] Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде КПК 18.10.2017 г. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm .

[3] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Изменение роли Китая в мировой экономике в пореформенный период (с 1979 г.) // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 255–267.

[4] UNCTAD. The World Investment Report. 2017. Annex tables 2, 4, 24. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx .

ния положен центр-периферический подход. Развитие мирового хозяйства осуществляется через процесс МРТ, которое приводит к неэквивалентному обмену между странами. По неравномерности распределения совокупного мирового продукта и, как следствие, уровню социально-экономического развития, выделяются страны богатеющего Центра и беднеющей Периферии. Н. Н. Баранский отмечал, что в МРТ одна сторона (более развитая) активна, а другая – пассивна, и его выгоды монополизируются торговым капиталом. При этом финансовый капитал стремится к расширению хозяйственной территории за пределы границ государства[1].

В постиндустриальную эпоху территориально-организационная структура мирового хозяйства трансформировалась: помимо «сырьевых придатков» появились еще и «индустриальные придатки» (промежуточная Полупериферия), которые обслуживают потребности стран Центра с их крупнейшими потребительскими рынками[2]. Постиндустриализация оказалась возможной благодаря эволюции факторов развития мирового хозяйства: отмена привязки мировых валют к золоту привела к новой модели накопления капитала. Коммерческие банки осуществляют эмиссию безналичной денежной массы путем выдачи кредитов. Профессор О. И. Лаврушин пишет, что если кредит в классической форме не создает дополнительный капитал, а перераспределяет его, то в современной финансовой системе «кредит может создавать капитал путем выдачи кредита за счет эмитирования новых безналичных денег, не имеющих материального покрытия и созданных накоплений»[3].

В результате современным Центром мирового хозяйства стали страны, осуществляющие эмиссию мировых валют, т. е. создающие капитал, что позволило им вынести производства, не утратив контроля над ними, из Центра в страны Периферии. Для нивелирования угрозы развития технологий и замкнутых производственных циклов в индустриализирующихся странах Запад построил глобальную экономику, основанную на огромных прибылях в финансовом секторе, подчинившем себе развитие всех отраслей реального сектора. Так, Л. В. Саргина указывает, что «данный процесс происходил путем взламывания национальных границ и суверенитетов с целью проникновения финансового капитала во все уголки мирового пространства в интересах осуществления свободных спекулятивных операций и сделок, а также подчинения Периферии интересам Центра… Способность финансового капитала приносить прибыль, превышающую среднюю по рынку, обуславливает затруднения в прибыльном вложении капитала в сферу производства»[4].

[1] Баранский Н. Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии / Редкол.: В. А. Анучин и др. М.: Мысль, 1980. – С. 114, 120.

[2] География мирового хозяйства: учебник / Отв. ред. Н. С. Мироненко. М.: «Трэвэл Медиа Интернэшнл», 2012. – С. 57.

[3] Деньги, кредит, банки: учебник / Под ред. О. И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2014. – С. 101–105; 240.

[4] Саргина Л. В. Особенности функционирования виртуально-финансового капитала и его влияние на развитие мирового хозяйства // Центр инновационных технологий и социальной экспертизы. 2016. № 5. – С. 8.

Для исследования пространственной структуры мирового хозяйства используется концепция глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС). Для определения истинного места страны в иерархии глобального хозяйства важнее знать не размещение производств, а государственную принадлежность владельцев операций с наибольшей добавленной стоимостью. Организаторами ГЦС могут выступать не только производители[1]. Мало того, «на смену производственным и товарным цепочкам приходят цепочки финансовые, которые являются источником технологического прогресса, и мировое хозяйство развивается не на экономических (воспроизводственных), а на политических механизмах… Кейнс… предрекал победу не тому государству, у которого хорошо вооруженная и умелая армия, а тому, у которого хорошо развита финансовая система… Таким образом, проблема догоняющего развития стала проблемой финансово-кредитных отношений, глобальным субъектом которых является государство» [2].

В современных теориях были сделаны попытки выделить «новое» МРТ, в рамках которого различают «межстрановое» и «транснациональное» разделение труда, где глобальный капитал и ТНК представляются самостоятельными факторами мирового хозяйства, утратившими связь с национальными корнями, а также убедить в неуправляемости процессов глобализации и финансиализации[3].

Однако государственная поддержка западных ТНК и финансовых институтов во время мирового кризиса 2008–2009 гг. доказала тесную связь интересов транснационального бизнеса и национальных экономик. Еще в 1989 г. американист А. П. Горкин констатировал, что в США конкуренция ТНК друг с другом осуществляется на уровне государств путем налоговой политики, льгот, доступа к инфраструктуре; и что «конкуренция начинается лишь там, где есть орган, принимающий решения о достижении какой-либо цели и методах, которыми она может быть достигнута»[4]. Китайские ученые отмечают, что перенимают опыт планирования размещения производительных сил у США, Японии, Германии, Нидерландов[5]. Таким образом, экономическая модель успешно развивающихся азиатских стран – государственный капитализм, сочетающий план и рынок – не является новой и азиатской. Норвежский экономист Э. С. Райнерт показал, что начиная с промышленной революции в Англии и до настоящего времени, во всех странах Центра в основе успеха лежит

[1] Кондратьев В. Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. – С. 5–17.

[2] Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. М.: Ин-т экономики РАН, 2012. – С. 19; 21. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Yevstigneevy.pdf.

[3] География мирового хозяйства: учебник / Отв. ред. Н. С. Мироненко. М.: «Трэвэл Медиа Интернэшнл», 2012. – 352 с.

[4] Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. – С. 204.

[5] Лу Яо. Территориальное планирование: четкая дорожная карта реформ [Кунцзянь гуйхуа: гайгэ лусяньту ицзин цинси] // [Ляован дунфан чжоукань] 20.10.2016. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.lwdf.cn/article_2695_1.html .

государственная экономическая политика, стимулирующая и защищающая прогрессивные отрасли домашней экономики и недопускающая их развития в странах Периферии[1]. Использование финансовых преимуществ и владение ГЦС осуществляется через ТНК, которые «готовят почву для проведения последующих мероприятий материнским государством, устанавливая свои правила в стране экспансии: определяют отрасль развития, распределение ресурсов, влияют на здоровье нации, на языковые нормы, … незаметно создают плацдарм «мягкой аннексии» региона»[2]. К подобному выводу приходит и О. В. Климовец: «При всей их независимости ТНК представляют в современных условиях внешнеэкономический инструмент, орудие государства, а не наоборот, несмотря на всю их экономическую мощь»[3].

Среди особенностей современных ТНК отметим такие, как повышение степени финансово-кредитного централизма, т. е. сосредоточение финансовых средств ТНК в офшорах и использование самокредитования для продвижения продукции потребителям[4]. А также переориентацию размещения зарубежного производства ТНК развитых стран на обслуживание местных рынков, характеризующихся ростом уровня жизни населения, прежде всего в сфере информационных, торговых, банковских, страховых услуг (в отличие от ориентации на дешевую рабочую силу для производства товаров для домашних рынков в 1970–1980-е годы)[5].

Могут ли менее развитые страны противостоять экспансии западных ТНК? Профессор Терутомо Озава (T. Ozawa) считает, что «национальные государства должны защищать от иностранных ТНК вход на домашний рынок, сформулировать такую политику, которая позволит использовать и максимизировать выгоды от притока ПИИ, и одновременно развивать национальные фирмы до уровня ТНК, которые смогут принести национальной экономике выгоды от зарубежных операций. Таким образом, обязательно возникают тесные связи и взаимодействие между государством и предприятиями, которые совместными усилиями на благо нации создают компании-лидеры в период догоняющего развития»[6]. Китайские ученые Ли Бинь и Чень Гуан делают вывод, что для

[1] Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. под ред. В. Автономова. М.: ИД Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2011. – С. 11. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://royallib.com/author/raynert_erik.html .

[2] Ловяго Р. В. ТНК – инструмент продвижения социального паразитизма в глобальном и региональном масштабе // Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной резервной системы США). Материалы международной научно-общественной конференции. – М.: Наука и политика. 2014. – С. 255–262.

[3] Климовец О. В. ТНК России: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 26.

[4] Джохадзе В. Д. Финансовые аспекты обеспечения стабильности транснациональных корпораций. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – С. 56.

[5] Зименков Р. И. Новые явления в зарубежной деятельности американских ТНК // Россия и Америка в XXI веке. 2015. № 1. – С. 7. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23341307_74692666.html .

[6] Ozawa T. Explaining the Rise of East Asian Multinationals: State-Industry Links, a Stages Model of Structural Change, and Japan as a Precedent Setter. // Columbia University. Center on Japanese Business and Study. Working Paper. New York. 2014. N 337. – P. 11.

строительства равных отношений с развитыми странами Китаю необходимо усиление государства и контроль над ключевыми производственными цепочками[1]. Ван Бицзюнь анализирует угрозы национальной экономике, связанные с открытием внутреннего рынка западным ТНК, и подчеркивает принципиальную важность сохранения в Китае госпредприятий[2].

В исследовании И. В. Пилипенко систематизированы теоретические знания о ТПК, которые могут охватывать не только районы нового освоения, но и старопромышленные, а также зарубежные территории и группы стран[3], и, отличаясь от кластеров генезисом и отраслевой структурой, они вместе с ними дополняют друг друга в развитии территории. Ученые КНР широко используют советский опыт, поэтому можно ожидать, что государство с помощью ТНК будет способно построить ТПК и кластеры в принимающих странах.

Методология исследования. Используется системный подход с применением широкого спектра методов количественного и качественного анализа статистических данных, сравнительного анализа, методов индукции и дедукции, обобщения и типологии, экспертной оценки. Существует много подходов к определению ТНК[4], в настоящем исследовании под ТНК, по определению ЮНКТАД, понимается юридическое лицо любой формы собственности, которое имеет хотя бы одно подразделение за рубежом, в котором оно контролирует более 10 % капитала[5].

Материалы исследования. Фактологической базой работы послужили документы государственных органов КНР, статистические данные КНР, ЮНКТАД, данные сайтов крупнейших ТНК Китая, мировых информационных агентств, рейтинги крупнейших компаний и ТНК мира и КНР, отечественные и зарубежные научные труды. Период исследования охватывает 2006–2017 гг.

Процедура исследования. В свете вышеизложенного видения устройства и эволюции системы мирового хозяйства анализируются количественные, организационные, отраслевые, географические особенности и тенденции развития ТНК материкового Китая в динамике, в том числе в сопоставлении с крупнейшими ТНК мира и менее развитых стран (МРС). Выявленные зако-

[1] Ли Бинь, Чень Гуан. Транснациональный монополистический капитал и новые изменения в мировой политике [Куаго лундуань цзыбэнь юй шицзе чжэнчжидэ синь бяньхуа] // Мировая экономика и политика [Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи] (на кит. яз.). 2014. № 6. – С. 120–144.

[2] Ван Бюцзюнь. Возможности и вызовы участия Китая в управлении глобальными инвестициями [Чжунго цаньюй цюаньцю тоуцзы чжилидэ цзиюй юй тьяочжань] // Международное экономическое обозрение [Гоцзи цзинцзи пинлунь] (на кит. яз.). 2014. № 1. – С. 94–109.

[3] Пилипенко И. В. Кластеры и территориально-производственные комплексы: различия двух концепций // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: «Пресс-Соло», 2004. – С. 4–49.

[4] Гречко Е. А. Географические различия систем корпоративного управления: Учебное пособие. М.: Географический ф-т МГУ, – 2015. – С. 61.

[5] UNCTAD. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/Transnational-corporations-(TNC).aspx .

номерности соотносятся хронологически и логически с целями и задачами экономического развития КНР.

Транснационализация компаний КНР: соотношение форм бизнеса. Сколько в Китае ТНК? В конце 2016 г. 24402 компании материкового Китая имели 37164 зарубежных подразделения в 190 странах и территориях мира. В период 2006–2016 гг. на одну материнскую компанию приходилось всего 1,5 филиала[1]. Отметим, что статистическим наблюдением в КНР охвачены только те предприятия, выручка от основной деятельности которых превышает 20 млн юаней в год[2] (примерно 3 млн долл.). До 2010 г. порог для сдачи статистической отчетности был установлен в размере от 5 млн юаней, при этом до 2006 г. учитывались данные всех государственных предприятий, независимо от масштаба деятельности, и в статистику прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) КНР не включалось движение капитала финансовых организаций. Таким образом, китайских ТНК существенно больше. Исследования подтверждают, что только в странах Африки китайские компании открыли тысячи малых предприятий, инвестиции в которые не учитывались статистикой КНР (чиновники Министерства коммерции подтверждают, что ПИИ до 10 млн долл. не требуют разрешений и поэтому часто не регистрируются), но зафиксированы местными органами власти[3]. В результате, истинный размер ПЗИ КНР в страны Африки в 3–7 раз больше официальных цифр. Аналогичная ситуация в сфере торговли и общественного питания, в 2013 г. малые предприятия составляли до 94 % филиалов китайских ТНК в Европе[4].

Статистика КНР, в отличие от ЮНКТАД, считает государственными только организации со 100-процентной долей государства в капитале. В КНР тысячи предприятий были преобразованы в акционерные общества, в которых государство сохранило контрольный пакет акций. Даже часто называемые «государственными» крупнейшие банки Китая также являются акционерными коммерческими банками, 20–30 % акций которых принадлежат иностранным инвесторам, и, таким образом, их зарубежные инвестиции отражаются как негосударственные. За 2006–2016 гг. доля государственных предприятий в ПЗИ КНР снизилась с 81 до 54,3 %, но доля именно частных компаний увеличилась только до 8,7 %[5]. За тот же период количество «негосударственных» ТНК увеличилось до 94,8%, в том числе полностью частных – до 26,2 %. Среди 100 крупнейших ТНК КНР имеются 73 государственные.

[1] Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2006–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/.

[2] Национальное статистическое бюро КНР. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://data.stats.gov.cn.

[3] Shen X. Private Chinese Investment in Africa: Myths and Realities // Development Policy Review. 2015. № 33 (1). – С. 83–106.

[4] Euro-China Investment Report 2013–2014 Executive Summary. Euro-China Centre at the Antwerp Management School, Antwerp.

[5] Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2006–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/ .

Особую роль в транснационализации играют суверенные фонды Китая, которые не включаются в рейтинги ТНК. Так, в конце 2015 г. только один фонд «China Investment Corporation» имел 385 млрд долл. зарубежных активов[1], преимущественно в виде долгосрочных инвестиций в акции крупнейших банков и корпораций США и ЕС. Китайское правительство контролирует 4 из 10 крупнейших суверенных фондов мира[2], и по величине зарубежных активов они сопоставимы с крупнейшими ТНК мира. Самые дорогие зарубежные приобретения КНР осуществляются суверенными фондами с расчетом на длительную перспективу, и нередко составляют «всего лишь» 1–9 % акций, и учитываются как портфельные инвестиции.

Анализ параметров зарубежной деятельности китайских компаний позволяет сделать выводы о размерах бизнеса участников. Средний размер проекта M&A и Greenfield investment китайских компаний в 2006–2016 гг. превышал 100 млн долл., что в 2–4 раза выше среднемировых значений[3]. Однако более 70 % ТНК КНР имеют всего лишь по одному зарубежному подразделению со средним размером активов 7–20 млн долл. В США граница выделения малого и среднего бизнеса по критерию величины активов находится на уровне 38,5 и 1000 млн долл., а в ЕС – 10 и 43 млн евро соответственно. Таким образом, подавляющее большинство зарубежных подразделений китайских компаний попадают под критерии малого бизнеса. Кроме того, рост зарубежных доходов всех ТНК КНР в 2010–2016 гг. оказался вдвое выше, чем у крупнейших ТНК[4]. Таким образом, рост транснациональной деятельности китайских компаний происходит преимущественно за счет новых и малых, а не старых и крупнейших ТНК. Малый бизнес наиболее уязвим даже в домашних условиях, поэтому его ускоренный «выход вовне» может свидетельствовать о государственной политике и поддержке.

За 2005–2017 гг. число компаний материкового Китая, вошедших в рейтинг крупнейших компаний мира «Fortune Global 500», увеличилось с 16 до 104, причем на фоне удвоившегося значения пороговой для включения в рейтинг величины доходов компании. Такой же рост виден в рейтинге «Forbes 2000» и в рейтингах крупнейших банков мира по показателям величины суммарных активов, первоклассных активов и прибыли, в которых к 2016 г. число китайских банков в первой десятке увеличилось до 5, а среди первых 50 – до 12 банков, не считая государственные политические банки[5].

[1] Агенство Синьхуа. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/2016-07/22/c_135533425.htm .

[2] Институт социального и экономического развития. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://isedworld.org/2016/10/24/ .

[3] Рассчитано по: UNCTAD. The World Investment Report. 2017. Annex tables 10, 12, 18, 21. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx .

[5] Рассчитано по: Отчет о развитии и сотрудничестве в области ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2010–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/ .

[5] The Banker, «База данных». [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.thebankerdatabase.com/ .

Однако «Fortune Global 500» и «Forbes 2000» не дают возможности сделать какую-либо оценку транснациональной деятельности входящих в них корпораций. Для оценки зарубежной деятельности составляют специальные рейтинги, в которых ранжирование компаний производится по величине их зарубежных активов. С 2011 г. влиятельная, координирующая связь правительства и бизнеса Конфедерация китайских предприятий/ Ассоциация предпринимателей Китая ежегодно публикует рейтинг 100 крупнейших нефинансовых ТНК материкового Китая, составляемого по методике ЮНКТАД[1]. Менее половины из крупнейших ТНК КНР входят в число крупнейших корпораций Китая и, наоборот, из чего можно сделать выводы о том, что в Китае далеко не все крупные корпорации являются ТНК, лидеры национальной экономики не обязательно являются лидерами развития зарубежной деятельности и масштаб бизнеса компании в Китае не является определяющим фактором транснационализации.

Данный вывод хорошо иллюстрируется величиной пороговых значений зарубежных активов, необходимых для включения компаний в рейтинги 100 крупнейших ТНК мира, МРС и КНР (табл. 1), которая в 2010 г. составляла 0,11, 2,0 и 30,3 млрд долл. соответственно. Несмотря на опережающие темпы роста зарубежных активов китайских ТНК (42,6 % против 3,5 % у крупнейших ТНК мира) и сокращение разрыва по данному показателю между крупнейшими ТНК Китая и мира с 275 до 40 раз к 2016 г., при сохранении текущих темпов роста, китайским компаниям потребуются десятилетия, чтобы сравняться к западными ТНК по данному показателю.

По величине суммарных активов, занятых и доходов сотня крупнейших ТНК Китая превосходит сотню крупнейших ТНК МРС (табл. 2), и всего в 1,5–2 раза уступает сотне крупнейших ТНК мира. Но при этом, по величине зарубежных активов и доходов китайские компании более чем в 2 раза уступают ТНК МРС и в 7 раз – ТНК мира. Таким образом, на сегодняшний день в Китае имеется большое количество крупнейших в мире компаний, но их зарубежная деятельность непропорционально мала.

Таблица 1. Изменение порогового значения величины зарубежных активов 100 крупнейших ТНК Китая, менее развитых стран и мира в 2010–2016 гг., млрд долл.
(рассчитано по: UNCTAD. The World Investment Report. 2011–2017. Annex tables; Рейтинги 100 крупнейших ТНК Китая 2011–2017)

100 крупнейших ТНК	Годы			Среднегодовой темп прироста в 2010–2016 гг., %
	2010	2013	2016	
Китая	0,11	0,34	0,93	42,6
МРС	2,0	3,8	4,7	18,6
мира	30,3	33,9	37,2	3,5

[1] China Enterprise Confederation / China Enterprise Directors Association, Рейтинги 100 крупнейших ТНК Китая 2011–2017 гг. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cec-ceda.org.cn/ .

Таблица 2. Соотношение величины показателей зарубежной (1) и общей (2) деятельности 100 крупнейших ТНК Китая, менее развитых стран и мира, 2016 г.
(рассчитано по: UNCTAD. The World Investment Report. 2017. Annex tables 24, 25; Рейтинг 100 крупнейших ТНК Китая 2017)

Показатели	100 крупнейших ТНК Китая		100 крупнейших ТНК МРС		100 крупнейших ТНК мира	
	1	2	1	2	1	2
Активы, трлн долл.	1,22	7,60	1,72	5,97	8,27	13,23
в % от ТНК мира	14,8	57,4	20,8	45,1	100,0	100,0
Доходы, млрд долл.	0,74	3,78	1,78	3,78	4,77	7,44
в % от ТНК мира	15,5	50,8	37,3	50,8	100,0	100,0
Занятые, млн чел.	1,17	12,98	3,96	12,05	9,28	16,18
в % от ТНК мира	12,6	80,2	42,7	74,5	100,0	100,0

Аналогичная ситуация наблюдается и с крупнейшими в мире китайскими банками, которые практически не развивают заграничную филиальную сеть (пик филиалов и занятых пройден в 2010 г.), т.е. не являются классическими ТНБ, идущими за филиалами ТНК своих стран[1]. Только два китайских банка – «ICBC» и «Bank of China» – по количеству зарубежных отделений можно назвать ТНБ (496 и 644 отделений и 19,5 и 25 тыс. занятых за рубежом соответственно)[2]. Это согласуется с современными тенденциями офшоризации и концентрации финансовых потоков внутри ТНК. Роль банков в транснационализации не уменьшается, но модель их деятельности трансформируется от взаимодействия со всеми филиалами ТНК к работе преимущественно с финансовым подразделением материнской компании в офшоре. Такая же тенденция «детранснационализации» наблюдается и у крупнейших банков мира. Тем не менее, на фоне низкой базы, все-таки происходит развитие зарубежной деятельности китайских банков, например, активы 6 китайских банков в США в 2005–2015 гг. увеличились в 48 раз, с 2,9 до 141,4 млрд долл. Кроме того, в США работают еще два гонконгских банка, являющихся дочерними структурами китайских банков[3].

В китайских первоисточниках подчеркивается прямая связь активизации рыночных реформ и транснационализации компаний со вступлением КНР в ВТО[4]. Однако за рамками исследований до сих пор остает-

[1] Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2006–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/.

[2] The Banker. «База данных»…

[3] Рассчитано по: ФРС США [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/releases/iba/.

[4] Вступление в ВТО и внешнеэкономические связи КНР / Под ред. Цзян Гоцин. [Цзяжу WTO юй чжунго дуйвай цзинмао гуаньси] (на кит. яз.). Ченду: Сычуань жэньминь, 2001. – 251 с.

ся один из факторов транснационализации, который не направлен на «выход вовне». Условия вступления, т. е. доступа китайских товаров на мировые рынки, предполагали «открытие» китайского рынка для западных ТНК и сокращение бюджетного субсидирования ряда ключевых отраслей. Устоять в конкурентной борьбе с западными ТНК, не нарушая установленных ими правил международной торговли, и сохранить ряд базовых отраслей промышленности в условиях искаженных мировых цен в сторону более дорогой конечной потребительской продукции, можно только одним способом – взять на вооружение их методы работы. Именно объединение в один холдинг сотен предприятий различной отраслевой принадлежности, трансфертное ценообразование с чрезмерным вкладом стоимости услуг и интеллектуальной собственности, использование офшоров позволяют современным ТНК осуществлять скрытое межотраслевое субсидирование. Такая мотивация защиты внутреннего рынка, который после вступления в ВТО стал частью глобального, может частично объяснить наличие в Китае крупнейших в мире многоотраслевых холдингов при отсутствии крупных ТНК.

Территориально-организационная структура «выхода за рубеж» ТНК КНР. Статистика КНР считает Гонконг (Сянган) зарубежьем, на него в 2006–2016 гг. пришлось около 60% накопленных ПЗИ материкового Китая. На втором месте – Латинская Америка с 94 % инвестиций в офшорные острова. Анализ распространения филиальной сети выявляет определенную закономерность: самые крупные ПЗИ КНР осуществляются через офшоры Латинской Америки, средние и крупные – через Гонконг (Сянган), малые – напрямую в страны назначения (табл. 3).

Таблица 3. Географическая структура накопленных прямых иностранных инвестиций и филиальной сети ТНК Китая, 2016 г.

(рассчитано по: Отчет о развитии и сотрудничестве в области ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/; Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/)

Регионы	Удельный вес региона, %:		Объем инвестиций на филиал, млн долл.
	в инвестициях	в числе филиалов ТНК	
Гонконг (Сянган)	57,5	32,3	65,1
Азия без Гонконга (Сянгана)	9,5	23,5	14,7
Европа	6,4	11,2	20,9
Северная Америка	5,6	15,2	13,4
Латинская Америка	15,3	5,5	100,7
Африка	2,9	8,8	12,3
Австралия и Океания	2,8	3,4	29,9

Попытки проследить дальнейшее движение китайских инвестиций через Гонконг (Сянган) обнаруживают следующие факты. Во-первых, у Гонконга (Сянгана) всего два крупных инвестиционных партнера – материковая КНР и Британские Виргинские острова, на которые в 2006–2016 гг. приходится около 80 % потоков и накопленных ПЗИ и ПИИ, т. е. китайские инвестиции из Гонконга (Сянгана) направляются в другие офшоры, а не в страны назначения. Во-вторых, 50 % ТНК КНР имеют филиалы в Гонконге (Сянгане), и для 40 % из них это единственный филиал, т. е. значительная часть ПЗИ КНР отправляется назад. В-третьих, суммарные ПЗИ Гонконга (Сянгана) и материкового Китая, после нивелирования взаимных потоков, оказываются примерно в два раза меньше.

Использование государственными компаниями офшорных схем исключает мотивацию в виде сокрытия структуры собственников или уклонения от налогообложения и еще раз подтверждает версию об использовании такой транснационализации для решения задачи защиты внутреннего рынка и концепцию финансово-кредитного централизма современных ТНК.

Через систему офшоров инвестиционные потоки китайских ТНК многократно перегруппировываются и объединяются в миллиардные суммы. Кроме того, 39 % капитала для приобретения зарубежных активов китайские корпорации привлекают за рубежом. Например, полученные в Гонконге (Сянгане) банковские займы и акционерный капитал при инвестировании за рубеж не учитываются в потоках ПЗИ КНР, так как не пересекают ее границу. Но отражаются в накопленных ПЗИ КНР. Так, в 2011–2015 гг. сумма потоков ПИИ китайских компаний составила 497,3 млрд долл., а прирост накопленных ПИИ составил 812,2 млрд долл., или на 314,9 млрд долл. больше. В исследовании «Офшоры в глобальной экономике», подготовленном под руководством академика Е. М. Примакова[1], отмечается, что «китайские компании широко используют офшорные территории как часть стратегии внешнеэкономической экспансии. Офшорами пользуются большинство крупнейших компаний в рамках государственных программ зарубежных инвестиций. Цель использования офшоров – повышение конкурентоспособности китайского промышленного экспорта и зарубежное инвестирование в инфраструктуру и добычу сырья… Имеют значение доступ к гонконгским финансовым средствам (прямое кредитование, привлечение финансовых средств, номинированных в юанях, выпуск юаневых бондов на Гонконгской бирже). В то же время фактор налоговой экономии при осуществлении прямых иностранных инвестиций теряет свою актуальность».

По данным альтернативной статистики крупнейших ПЗИ Китая (свыше 100 млн долл.), их довольно хорошо диверсифицированная в 2006–2013 гг. географическая структура резко сконцентрировалась на Северной Амери-

[1] Офшоры в глобальной экономике: мировой опыт и российские реалии. ЦСА РАН, апрель 2012 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/1962493.

ке и Европе, до 50–55 % в 2014–2015 гг. и до 70–75 % в 2016–2017 гг.[1]. Это напоминает перекрестное офшорное финансирование между ТНК стран Центра. Так китайские корпорации создают фундамент экономической безопасности и стабильности, как для КНР, так и для стран Центра, усиливая взаимозависимость, что является лучшей профилактикой экономических войн и санкций.

Еще одну особенность ТНК КНР можно обнаружить анализом структуры их индекса транснационализации (TNi), который рассчитывается как среднее арифметическое трех отношений: зарубежных активов, доходов и занятых к совокупным активам, доходам и занятым компании соответственно[2]. Консервативность индекса и его компонентов свидетельствует об устойчивости моделей транснационализации Китая и других стран. Уровень транснационализации китайских компаний стабильно составляет 14 %, МРС – 48–50 %, а крупнейших ТНК мира – 61 %. Малое значение индекса говорит о том, что растущий внутренний рынок КНР является основным для китайских компаний, что свойственно всем странам с крупным домашним рынком.

Для крупнейших ТНК мира, независимо от отрасли, характерна пропорциональная структура TNi, т. е. примерно равный вклад зарубежных активов, доходов и занятых в итоговое значение индекса (табл. 4). Китайские ТНК выделяются дисбалансом вклада компонентов в значение индекса: доходов

Таблица 4. Динамика структуры индекса транснационализации крупнейших ТНК Китая, менее развитых стран* и мира в 2010–2016 гг., %
(рассчитано по: UNCTAD. The World Investment Report. 2011–2017. Annex tables; Рейтинги 100 крупнейших ТНК Китая 2011–2017)

Индекс транснационализации	Для крупнейших ТНК:	Годы		
		2010	2013	2016
– общий	КНР	13,4	13,6	14,8
	МРС	48,2	48,5	50,2
	Мира	60,8	60,3	61,3
– по активам	КНР	14,8	14,7	16,0
	МРС	35,2	35,0	37,7
	Мира	62,2	58,9	62,5
– по занятым	КНР	4,2	5,3	9,0
	МРС	55,8	52,4	47,4
	Мира	56,3	57,0	57,4
– по доходам	КНР	21,1	20,9	19,5
	МРС	53,7	58,0	65,6
	Мира	63,8	65,0	64,1

**Примечание*. За вычетом ТНК материкового Китая.

[1] Рассчитано по: The American Enterprise Institute and The Heritage Foundation. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.aei.org/data/China-Global-Investment-Tracker .

[2] UNCTAD. The World Investment Report. 2017. Annex table 24.

51–53 %, активов 35–36 % и занятых 11–14 % (для любой ТНК разница во вкладе компонентов в TNi от 2 до 20 раз). Темпы роста зарубежных активов и занятых китайских ТНК в последние 5 лет значительно превышают темпы роста их зарубежных доходов. Однако это так и не устранило отмеченную диспропорцию: зарубежные филиалы китайских ТНК генерируют доходы, необеспеченные пропорциональным наличием зарубежных активов и особенно занятых. Такая структура TNi может свидетельствовать о направленности транснациональной деятельности Китая не на зарубежное производство, а на продвижение и реализацию (в том числе кредитование покупателей и лизинг) продукции материкового Китая.

Дисбаланс между компонентами индекса TNi затрудняет оценку значения «второй экономики» для Китая. Так, зарубежные доходы китайских ТНК в 2006–2013 гг. составляли более 4 % доходов всех китайских компаний[1], при этом численность зарубежных занятых китайских ТНК выросла с 0,04 до 0,11 % от всех занятых Китая и по-прежнему составляет незначительную величину. Китайские ТНК отличаются низкой долей местных иностранных работников – 45 % от общей численности занятых зарубежных филиалов.

Торговля через филиалы ТНК сильно снижает зависимость экспорта КНР от предпочтений и финансовых возможностей импортеров, политической конъюнктуры, а импорта (особенно сырья) – от рыночной конъюнктуры. Анализ географии внешней торговли стран Центра показывает, что из индустриальных стран Периферии и Полупериферии только Китай входит в число их крупнейших партнеров по импорту[2]. Для 10 крупнейших развитых экономик мира к 2014 г. КНР стала первым-вторым партнером, даже в США китайский импорт превысил традиционно высокие показатели Мексики и Бразилии. Китайские филиалы осуществляют расчеты, в том числе по внутрифирменным услугам и передаче прав на интеллектуальную собственность, а также кредитование клиентов в юанях. Все это ведет к росту объемов трансграничного движения юаня, а такие статистические данные в немалой степени влияют на определение места валюты в мире. Зарубежная выручка китайских компаний в 2014 г. составила 61 % от стоимости экспорта товаров Китая, и это соотношение ежегодно увеличивается.

Диверсификация отраслевой структуры зарубежной деятельности компаний КНР. В 2006–2012 гг. 70–80 % крупнейших капиталовложений ТНК КНР приходились на сырье для энергетики и металлургии, что полностью отвечало потребностям Китая как «мировой фабрики» (табл. 5). В 2015–2016 гг. доля сырьевого сектора снизилась до 24 %, и эта цифра преимущественно включает инвестиции в развитие нетрадиционных источников энергии. С 2012 г. достойное место заняли ПЗИ в недвижимость и транспортную инфраструктуру, а с 2015 г. – в высокотехнологичный сектор и туризм. Крупней-

[1] Рассчитано по: Национальное бюро статистики КНР…

[2] Калашников Д. Б. Трансформация мирового хозяйства под воздействием экономического развития Китая // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 4. – С. 9. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mirec.ru/2017-04/the-rise-of-china-and-its-impact-on-the-evolution-of-the-world-economy .

Таблица 5. Диверсификация отраслевой структуры крупнейших зарубежных проектов (более 100 млн долл.) ТНК Китая, 2006–2016 гг. удельный вес, %
(рассчитано по: The American Enterprise Institute and The Heritage Foundation)

Отрасли экономики	Годы					
	2006	2010	2012	2014	2015	2016
Сельское хозяйство	2,4	2,4	4,7	5,8	3,1	3,1
Энергетика	48,1	55,6	54,1	28,8	16,9	20,2
Металлургия	36,9	12,3	13,4	14,2	7,4	3,6
Финансы	0,5	4,3	3,6	6,4	12,4	3,8
Недвижимость	6,6	9,0	9,1	16,9	15,6	8,5
Транспорт	4,9	8,2	4,5	6,1	18,2	9,4
Туризм	0,0	0,0	0,0	6,3	3,7	12,8
Технологии	0,0	0,9	3,2	9,8	12,9	15,1
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

шие проекты ТНК КНР представлены практически всеми отраслями хозяйства. Особенно быстро развиваются ТНК третичного сектора. По тенденциям развития и динамике показателей ТНК Китая все более напоминают ТНК развитых стран, а не МРС.

Наиболее равномерным географическим распределением отличаются инвестиции в энергетический сектор (табл. 6). Вложения в металлургическое сырье сконцентрировано в Африке, Австралии и Латинской Америке. Инвестиционные проекты всех остальных отраслей сосредоточены на США и Европе. Это еще раз подтверждает нацеленность ТНК Китая на рынки богатых стран и на паритетный обмен активами с крупнейшими корпорациями стран Центра, выторгованный во время многодневных переговоров Си Цзиньпина с Б. Обамой, Д. Трампом и европейскими лидерами. Россия и СНГ в китайской статистике (как и в американской) относятся к несуществующему в отечественной географии региону Западная Азия.

Если максимальный объем накопленных ПЗИ приходится на финансовый сектор и деловые услуги (табл. 7), то по количеству ТНК и филиалов лидируют торговля и обрабатывающая промышленность. В этих же отраслях наблюдаются минимальные значения количества филиалов на одну ТНК и размера инвестиционных проектов. Отраслевая структура крупнейших ТНК КНР также претерпела существенные изменения. Для многих китайских ТНК довольно сложно определить отрасль специализации, сами себя они позиционируют как «диверсифицированные». Даже компания с выраженной специализацией, например, металлургический комбинат, может владеть сетью торговых центров и заниматься страхованием и недвижимостью. За 2010–2016 гг. сменилось более половины состава крупнейших ТНК за счет опережающего роста зарубежной деятельности новых компаний. В рейтинге 2017 г. 19 машиностроительных корпораций (в том числе 7 автомобилестро-

Таблица 6. Территориально-производственная структура крупнейших зарубежных проектов (более 100 млн долл.) ТНК Китая, удельные веса, 2006 – первое полугодие 2017 г., %
(рассчитано по: The American Enterprise Institute and The Heritage Foundation)

Отрасли экономики	Регионы						
	Азия	Европа	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Австралия и Океания	Итого
Сельское хозяйство	0,5	5,6	0,9	0,4	0,1	0,4	**7,9**
Энергетика	9,5	4,9	5,9	5,4	5,3	3,6	**34,6**
Металлургия	2,2	0,3	0,6	2,7	3,6	3,4	**12,8**
Финансы	0,7	2,4	2,8	0,3	0,6	0,2	**7,0**
Недвижимость	2,6	2,4	3,0	0,1	0,8	0,9	**9,8**
Транспорт	1,8	4,2	2,2	0,2	0,4	0,5	**9,2**
Туризм	0,2	1,3	2,2	0,0	0,1	0,1	**3,8**
Технологии	0,9	2,4	2,6	0,0	0,0	0,2	**6,1**
Прочие	1,0	3,6	3,1	0,3	0,5	0,2	**8,8**
Итого	**19,4**	**27,2**	**23,2**	**9,4**	**11,4**	**9,4**	**100,0**

Таблица 7. Отраслевая структура накопленных прямых иностранных инвестиций и филиальной сети ТНК Китая, 2016 г.
(рассчитано по: Отчет о развитии и сотрудничестве в области ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/; Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/)

Отрасли экономики	Удельный вес отрасли, %:			Объем инвестиций на филиал, млн долл.	Число филиалов на ТНК, ед.
	в инвестициях	в числе ТНК	в числе филиалов		
Финансы	13,1	0,4	1,3	371,8	5,2
Лизинг и деловые услуги	34,9	8,7	13,2	96,5	2,3
Обрабатывающая промышленность	8,0	31,2	20,8	14,0	1,0
Торговля	12,5	28,7	28,7	15,9	1,5
Недвижимость	3,4	2,5	2,4	51,7	1,5
Строительство	2,4	3,3	6,4	13,6	3,0
Добывающая промышленность	11,2	2,3	4,1	99,9	2,7
Транспорт и логистика	3,1	2,1	2,7	41,2	2,0

ительных), 14 диверсифицированных, 11 металлургических, по 7 из сферы недвижимости и производства потребительских товаров, 6 оптовой торговли, по 4 телекоммуникационных, транспортных и энергетических.

Проведенный анализ позволяет выделить 4 типа участвующих в транснационализации компаний КНР: 1) несколько десятков крупных корпораций, активно развивающих зарубежную деятельность и оспаривающих мировое лидерство в своих сферах специализации; 2) несколько сотен крупных корпораций со слабо развитой зарубежной деятельностью, использующие офшоры и модель транснационализации для защиты внутреннего рынка; 3) 20 тыс. малых и средних компаний с соответствующим масштабом зарубежной активности, занятых продвижением произведенных в КНР товаров и услуг, т. е. обеспечивающих домашнюю занятость рабочей силы и загрузку производственных мощностей; 4) несколько десятков тысяч микропредприятий, не учтенных статистикой, роль которых мало изучена.

Единая государственная стратегия развития национальных ТНК всех форм собственности. Китайское правительство жестко регламентирует территориальную и отраслевую структуру прямых инвестиций западных ТНК в Китае, тем более управляемым является процесс выхода за рубеж домашних компаний. Государственная финансовая система КНР является одним из основных рычагов управления процессом транснационализации, в том числе частных компаний; и ее возможности кредитования ставят даже малые отсталые компании в равные условия с западными ТНК, как дома, так и за рубежом[1].

Министерство Коммерции КНР ежегодно обновляет «Рекомендации по странам (территориям) в области ПЗИ», оказывает бесплатную консультационную поддержку для «выходящих за рубеж» предприятий[2]. В Китае создано более 400 тыс. НГО двух типов[3]: 1) «государственные негосударственные организации», созданные государством, их руководители назначаются из действующих чиновников; 2) «независимые НГО», которые обязаны отчитываться перед государством и ежегодно проходить перерегистрацию, их руководителями являются бывшие чиновники. Считается, что без сотрудничества хотя бы с одной НГО, которые доводят не прописанные в законодательстве пожелания власти до бизнеса, индивидуально оценивая возможности каждого предприятия, в КНР невозможно заниматься даже малым бизнесом. Без «добровольного» следования их рекомендациям, предприятиям закрыт доступ на биржу, к госзаказам, к дешевым кредитам госбанков.

В отличие от западных компаний с вековой историей развития, китайские, благодаря искусственному объединению в холдинги, появляются внезапно

[1] Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен / Под общ. ред. и с предисл. Л. С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2017. – С. 216–224.

[2] Рекомендации по странам (территориям) в области ПВИ. [Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицюй) чжинань]. (на кит. языке). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/.

[3] Lanlin B. M. Bloomfield J. A. CSR Guide for Multinational Corporations in China. Harmony Publication of Canada. 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.harmonyfdn.ca.

и во всех отраслях сразу. Со времени создания Комитета Госсовета КНР по управлению государственным имуществом (SASAC) в 2003 г. и до начала 2016 г. количество корпораций центрального подчинения сократилось со 196 до 106[1]. Постановлениями Госсовета КНР корпорации ликвидируются путем объединения. Несложно проследить скачкообразное улучшение позиций таких объединенных компаний в мировых рейтингах. Государство внезапно меняет руководство крупнейших ТНК, объединяет и перегруппировывает входящие в состав ТНК предприятия, что свидетельствует о полном отсутствии стратегического планирования на уровне корпораций.

Название китайской инициативы «Один пояс – один путь», включающей около 70 стран от Азии до Латинской Америки, означает единую глобальную стратегию, охватывающую весь мир, с помощью которой КНР планирует преобразить глобальную экономику для комфортной работы своих ТНК. В основе такой глобализации по-китайски лежит финансовая и гуманитарная инфраструктура, контуры которой уже отчетливо проявились[2].

Министерство Коммерции, МИД КНР и Национальная комиссия по развитию и реформам совместно разработали программу комплексного освоения территорий вдоль «нового шелкового пути»[3], предусматривающую на первом этапе строительство крупнейшими корпорациями энергетической, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, а затем установление контроля над торговлей и прочими видами коммерческой деятельности. Исследование Академии наук КНР «Голубая книга глобализации китайских предприятий 2017» установило, что китайские ТНК приходят в страну в 3 этапа[4]. Сначала появляются государственные предприятия с крупными комплексными инфраструктурными проектами. Затем на готовую инфраструктуру, пользуясь преференциальным доступом, заходит производственный и торговый малый и средний бизнес. Наконец, используя местные таланты и опыт работы в стране, развиваются предприятия высоких технологий и сферы услуг. В докладе также показано, что в последние годы китайские предприятия «выходят за рубеж» кучно, неформально объединившись, т.е. кластерами. Это позволяет снижать инвестиционные затраты и риски, совместно исследовать рынки, а также избегать конкуренции друг с другом, достигать взаимодополняемости, строить многоотраслевые связки собственных ГЦС. Практически, это строительство ТПК с дополняющими их кластерами.

[1] The State-owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.sasac.gov.cn/ .

[2] Чубаров И. Г., Калашников Д. Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1. – С. 25–33.

[3] Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html .

[4] Поэтапное освоение «одного пояса и одного пути»: за госкорпорациями идут частные предприятия. [Чжунци цаньюй «идай илу» цзяньшэ чэнти дуйши фачжань, миньци цзякуай сянгуань тоуцзы] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwydyl/zgzx/201711/20171102668489.shtml .

Заключение. Государство осуществляет стратегическое руководство процессом транснационализации компаний КНР всех форм собственности, которые являются инструментом внешнеэкономической политики государства. Проведенный анализ статистических данных и фактов позволяет выделить следующие функции ТНК в реализации задач развития национальной экономики: 1. Защита внутреннего рынка и суверенитета отечественной промышленности в условиях «открытия» экономики. 2. Обеспечение «мировой фабрики» сырьем, уменьшая зависимость от конъюнктуры мировых рынков. 3. Продвижение продукции КНР за рубежом в целях обеспечения занятости и загрузки мощностей домашней экономики. 4. Создание собственных ГЦС как основы глобального лидерства. 5. Перекрестное финансирование с крупнейшими западными ТНК в целях усиления взаимозависимости для предотвращения экономических войн и санкций.

Новый расклад мировых промышленных сил и Китай

И. А. Родионова

Введение: постановка проблемы. Глобализация, а также инновационное развитие и рост взаимозависимости государств в современном мире, привели к глубоким изменениям в архитектуре всемирного хозяйства и его отраслей, в первую очередь в индустрии[1]. ГЦС выступают ныне главным элементом мировой торговли и инвестиций[2]. Процесс производства товаров осуществляется в любом регионе мира, в любой стране; там, где есть для этого необходимые профессиональные знания, сырье и материалы соответствующего качества, доступные по конкурентной цене. Подобного рода международное производство «вызвано изменениями в деловой и правовой среде, новыми технологиями, изменениями в коллективном мышлении и стратегиях предприятий, а также систематической либерализацией торговли и инвестиций в течение последних двух десятилетий»[3]. В совместном

[1] Родионова И. А., Слука Н. А. Макротренды развития промышленности мира в эпоху глобализации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 102–112.

[2] Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике. – М.: Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, 2014. Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=269044.; Родионова И. А., Шувалова О. В. Мировая промышленность, международное производство и прямые иностранные инвестиции // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (часть 9). – С. 1988–1992.

[3] Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости: Доклад для Саммита лидеров стран G-20 (Санкт-Петербург, 6 августа 2013 г.). ОЭСР, ВТО, ЮНКТАД, 2013.

докладе ОЭСР–ВТО–ЮНКТАД отмечается, что «рост глобальных цепочек создания стоимости усилил зависимость: от 30 до 60 % экспорта стран G-20 составляют импортные ресурсы или используются в качестве ресурсов другими». В материале подчеркивается также, что необходимо включать ГЦС в стратегии промышленного развития государств (создавать необходимую обстановку для торговли и инвестиций, способствовать развитию производственных мощностей, повышению квалификации рабочей силы в странах мира).

Структурные сдвиги в пространственной организации мировой промышленности на региональном и глобальном уровне привели к изменению удельного веса стран мира в производстве и международной торговле. Это не могло не отразиться на положении государств в международных рейтингах и классификациях, в том числе отражающих положение дел в мировой индустрии.

В докладах ЮНИДО за разные годы представлен глубокий анализ трендов мирового индустриального развития (включая изменения в географической и товарной структуре мирового экспорта промышленной продукции), а также особенностей конкурентоспособности стран. Показатели фиксируют тренды производства и экспорта продукции обрабатывающей промышленности. При этом отмечается, что основным фактором роста производительности труда в промышленности являются именно структурные изменения в отрасли[1].

В 2016 г. был опубликован отчет о Глобальном индексе конкурентоспособности в обрабатывающей промышленности[2]. Результаты проведенного исследования показывают определяющее воздействие сферы производства (обрабатывающая промышленность) на формирование тенденций развития мировой экономики. Отмечается, что именно промышленность оказывает непосредственное влияние на развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест и вносит важный вклад в ВВП. Иными словами, «красная нить» отчета заключается в том, что сильный вторичный сектор хозяйства стран мира (особенно мощная обрабатывающая промышленность) – это прямой путь к экономическому благополучию даже в постиндустриальной экономике.

Цель данного раздела – выявить и охарактеризовать основные сдвиги в развитии промышленности на уровне отдельных стран и регионов мира за последнее время, которые привели к новому пространственному раскладу сил в мировой индустрии и лидерству Китая. Для расчетов были привлечены первоисточники: статистическая база ЮНИДО Научного фонда США, сборник Mineral Commodity Summaries 2017, сайт Международной ассоциации производителей автомобилей и др., а также многолетние наработки автора, опубликованные ранее в статьях и монографиях.

[1] Industrial Development Report 2016.The Role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. UNIDO, 2016.

[2] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://avraska.com.tr/Dokumanlar/Global-Manufacturing-Competitiveness-2016.pdf.

Сдвиги в макрорегиональной структуре производства промышленной продукции в XXI в. По-прежнему, наиболее значительная часть производственных мощностей, технологий, капитала (инвестиций) и производства промышленной продукции мира, как и ранее, сосредоточена в экономически высокоразвитых странах. Неизменно значительным в мировой индустрии остается место Северной Америки и Западной Европы (в 2016 г. – около 25 %). Хотя с начала 2000-х годов налицо перемены в едином «формате» – снижается доля ведущих стран в производстве продукции обрабатывающей промышленности мира (США Великобритании, Франции, Германии). Уже с начала 1970-х годов уменьшается роль региона Восточной Европы (государств Центрально-Восточной Европы), особенно с 1990-х гг., после распада СССР и системы социализма в целом. Постепенное ослабление позиции России в мировом промышленном производстве хорошо иллюстрируют следующие данные: в 1950 г. – 10,7% (доля СССР – около 15 %); в 1960 г. – 14,9 % (20 %); в 1970 г. – 13,5 % (18 %); в 1990 г. – 10,3 % (13 %); в 2007–2009 гг. – около 3 %; в 2010–2015 гг. – менее 3 %. Ныне доля России в обрабатывающей промышленности мира – примерно 2 %, а в производстве высокотехнологичной продукции – менее 1 %[1].

На этом фоне иная динамическая модель присуща для Азии, которая возглавила рейтинг наиболее «индустриальных» регионов мира. Ее доля в создании условно чистой продукции мировой обрабатывающей промышленности (manufacturing value added – MVA) выросла за период 1999–2014 гг. с 32 до 46,6 %. Это, безусловно, связано с экономическим феноменом Китая. По этому показателю он занимает 1-е место в мире (24,4 % в 2016 г.)[2], оставив позади промышленных гигантов – США (16 %), Японию (8,7 %), Германию (6,3 %), Италию (2,4 %) и Францию (2,3 %). Но не только по стоимости можно оценить прогресс производства. При сопоставлении объема промышленной продукции по весу или объему в динамике становится очевидным, что Китай уже является лидером во многих секторах и отдельных отраслях мировой индустрии. Причем, он первенствует не только в региональном масштабе, но и в глобальном – является «локомотивом» для всего третьего мира. Не без участия китайских ТНК существенно увеличилось производство многих видов промышленной продукции в азиатских странах НИС – Сингапуре, Республике Корее, Тайване, Таиланде, Малайзии, Индонезии и др. Значительно усилились позиции Мексики, Бразилии, Индии и ряда других стран (даже некоторых африканских). Стоит отметить, что по объему выпуска продукции обрабатывающей промышленности Индия (3,4 %) и Республика Корея (3,1 %), как и Китай, уже опередили Италию и Францию[3].

[1] Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Vol. XI. Issue 8 (46). P. 1769–1780.

[2] Родионова И. А., Шкваря Л. В. Рост значения стран Азии – главный тренд мирового индустриального развития //Азия и Африка сегодня. 2012. № 12. – С. 2–5.

[3] UNIDO. Industrial Statistics Database.INDSTAT4 – 2017 edition.

Но уровень индустриализации многочисленных развивающихся стран (и особенно из группы наименее развитых) растет медленными темпами. Да и значение большинства показателей намного ниже, чем у экономически развитых стран. В ряде из них в силу особенностей исторического развития зачастую процесс индустриализации только разворачивается, что отражается ростом веса промышленного сектора экономики в структуре занятости населения и ВВП, его влияния на все сферы жизнедеятельности. Тем не менее, главный сдвиг и основное направление современного этапа развития процесса индустриализации четко обозначен – в сторону развивающихся стран, в которых сосредоточена основная масса жителей планеты, причем экономически активного населения (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика и др.). Таким образом, в результате возникшей динамической дихотомии, при непосредственном участии и колоссальном вкладе Китая, в мировой индустрии на глобальном уровне фиксируются сдвиги в целом в направлении с Запада на Восток (от развитых в сторону развивающихся государств)[1].

Изменения в иерархии стран-лидеров мировой экономики и индустрии. Один из простейших способов определения лидеров мировой экономики – сравнение по объему ВВП по ППС. На 1-й позиции ныне разместился Китай (21,29 трлн долл., 1-е место, 2016 г.). Он опередил США, которые являлись ранее многие десятилетия мировым лидером (ныне18,57 трлн долл.). Далее идут Индия (8,66 трлн долл., 3-е место), Япония, Германия, Россия (3,75 трлн долл., 6-е место), Бразилия, Индонезия, Великобритания, Франция, Мексика, Республика Корея, Саудовская Аравия[2]. С учетом особой значимости в определении богатства стран вторичного сектора экономики, не удивительно, что данный порядок почти повторяет иерархия стран по абсолютным масштабам обрабатывающей промышленности (табл. 1). Проанализируем изменения ситуации в группе лидеров мировой индустрии за период с 2005–2016 гг. Во-первых, хорошо видны стремительные темпы промышленного возвышения Китая. Во-вторых, налицо утрата позиций большинством экономически развитых стран (США, Япония, Германия, Италия, Великобритания, Франция). В-третьих, острую конкуренцию элите составляют развивающиеся страны. Целый ряд из них уже находится в первой десятке лидеров: 5-е место занимает Индия, 6-е – Республика Корея, 9-е – Бразилия. Претендуют на вхождение в нее Индонезия и Мексика. Увы, но Россия в 2016 г. была лишь 13-й. В-четвертых, сохраняется высокая территориальная концентрация промышленного производства в мире. Так, на долю 15 лидеров обрабатывающей промышленности приходится 78 % мировой продукции.

Вместе с тем одним из важнейших индикаторов для оценки реального уровня развития индустрии и проведения международных сопоставлений

[1] Родионова И. А., Слука Н. А. Новая география мировой промышленности: глобальные тренды // География в школе. 2016. № 5. – С. 5–15.

[2] The World Factbook. Central Intelligence Agency. USA, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/.

Таблица 1. Страны-лидеры в мировой обрабатывающей промышленности, 2005–2016 гг. (в постоянных ценах, 2010 г.)
(источник: UNIDO*. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017 edition)

Страна	Доля в мировой обрабатывающей промышленности, %			Продукция обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения, долл.	
	2005	2010	2016*	2005	2016*
Китай	11,66	18,51	24,36	1431,9	2170,2
США	20,27	17,64	15,99	5905,6	6074,6
Япония	11,02	10,31	8,73	8404,0	8514,2
Германия	7,29	6,57	6,29	8478,9	9595,0
Индия	2,00	2,71	3,44	228,3	319,4
Республика Корея	2,51	2,93	3,10	6192,7	7556,8
Италия	3,67	2,91	2,36	5068,1	4854,5
Франция	3,10	2,58	2,30	4256,6	4380,5
Бразилия	2,88	2,71	1,84	1414,8	1080,9
Великобритания	2,66	2,15	1,84	3555,7	3475,2
Индонезия	1,55	1,60	1,83	687,1	866,0
Мексика	1,89	1,68	1,66	1466,9	1593,6
Россия	2,12	1,88	1,64	1362,1	1409,6
Мир, всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**1500,1**	**1660,8**

*UNIDO – оценка.

является добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения. В этом случае уже привычные иерархии рушатся. Более того, данные ЮНИДО фиксируют устойчивое сохранение общего разрыва между средними показателями в экономически развитых и развивающихся странах. При таком подходе даже Китай с гигантским населением оказывается неконкурентоспособным, но, тем не менее, опережая Россию. Прочие же развивающиеся страны и государства Запада разделяет целая пропасть, для преодоления которой потребуется еще немало усилий и времени. И это, не принимая во внимание, но держа в уме колоссальные различия в структуре и общем уровне технологичности промышленности двух групп стран.

Роль Азии и Китая в мировом объеме производства отдельных видов промышленной продукции. Анализ показывает, что опережающее промышленное развитие азиатского региона в первую очередь происходит по многим направлениям, но за счет весьма ограниченного круга стран – Китая, Японии, Индии и азиатских НИС. Так, именно он является ныне мировым лидером в производстве электроэнергии (почти 53 % мирового производства), масштабы которого в течение 1950–2015 гг. увеличились почти в 170 раз (в то время как в Северной Америке и Европе – лишь в 11 раз); в цветной и черной

металлургии (доля в выплавке стали выросла с 4 до 72 %); в производстве минеральных удобрений (с 4 до 50%); химических волокон (около 80 % мирового производства), по выпуску легковых (более 50 %) и грузовых (60 %) автомобилей и т.д. Перечень позиций можно продолжить и далее.

Известно, что Китай уже превзошел все страны мира по изготовлению большинства видов промышленных товаров. Так, по выплавке стали на эту страну приходится свыше 50 % мирового показателя в 2015г. (1-е место в мире), по выплавке первичного алюминия – около 55 % мирового объема (1-е место), по производству цемента – около 57 % мирового показателя (1-е место)[1], по производству автотранспортных средств – 24,5 млн шт. (1-е место), в том числе и по производству легковых автомобилей – 21,1 млн шт. (1-е место) и т. д. Любопытно, что Китай увеличивал объемы производства автомобилей несмотря на мировой финансово-экономический кризис и снижение выпуска продукции в развитых странах. Иными словами, Китай в настоящее время является лидером или входит в тройку стран-лидеров по производству многих видов промышленной продукции. Кроме того, вне всякого сомнения, заканчивается период выпуска дешевых и некачественных азиатских товаров на мировой рынок. В условиях конкурентной борьбы подобная стратегия Китая и азиатских НИС уже не является эффективной. Ориентация политики ныне направлена на производство высококачественной продукции (high-tech – НТ-продукция) на базе высоких технологий, на диверсификацию промышленности и промышленного экспорта, что, в сущности, в настоящее время и реализуется на деле.

Заключение. Результаты сопоставления удельного веса стран-лидеров в мировой индустрии, а также долей лидирующих 10, 5 и 3 государств в общемировых показателях в динамике с середины прошлого столетия (более чем за 60 лет) свидетельствуют о серьезных сдвигах. В 1938 г. тройка стран-лидеров суммарно производила около 60 % промышленной продукции мира (США – 28,7 %, СССР – 17,6 %, Германия – 13,2 %), в 1950 г. – чуть более половины (США, СССР и Великобритания), в конце XX в. – 40 % (США – 21 %, Китай – 11 %, Япония – 8 %). Но при этом доля ведущих 10 стран в общемировом объеме промышленного производства за 50 лет сократилась с 70 % до 67 %[2]. Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов: концентрация мирового промышленного производства в группе лидеров стала повышаться, но только и в первую очередь за счет бурного развития Китая. Ныне опять половина мирового производства создается всего лишь в трех странах. Это США, Китай и Япония. И объемы выпуска и создания большинства видов промышленной продукции (включая наукоемкую и высокотехнологичную) в Китае продолжают расти быстрыми темпами. Ведь растет и внутренний спрос на продукцию в стране, и растут объемы поставок на экспорт. Более

[1] Mineral Commodity Summaries 2017. U.S. Department of the Interior. U.S. Geological Survey. U.S. Geological Survey. Reston, Virginia, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2017/mcs2017.pdf.

[2] Родионова И. А. Мировая экономика: индустриальный сектор. М.: РУДН, 2010. – 606 с.

того, помимо Китая в отдельных развивающихся странах (Индия, азиатские НИС и др.) индустриализация происходит столь быстрыми темпами, что начинает ныне определять пространственную перегруппировку сил в мировой промышленности не только на региональном, но и на глобальном уровне. Четко фиксируется азиатский вектор в мировом индустриальном развитии.

Однако изменения отмечаются и в группе экономически развитых стран за счет реиндустриализации и неоиндустриализации, которые рассматриваются как закономерный процесс совершенствования производительных сил, ведущий к новой технотронной эре в развитии общества. Имеется в виду переход к наукоемкому, высокотехнологичному, массово-трудозамещающему, эколого-эффективному промышленному производству, которое и обеспечивает новый, более высокий уровень материального базиса экономики[1]. Передовые технологии стали еще более важными для достижения конкурентоспособности на уровне компаний и стран. Фактически, технологически интенсивные сектора ныне доминируют в глобальном производственном ландшафте в странах с развитой экономикой. Это обеспечивает ими достижение или поддержание конкурентоспособности производства.

Драйвером процесса неоиндустриализации специалисты называют развитие концепции «Интернета вещей» (Internet of Things – IoT). Темпы роста «Интернета вещей» ошеломляющие. Согласно прогнозу Gartner, в 2016 г. «Интернет вещей» объединил около 6 млрд «вещей», а к 2020 г. «Интернет вещей» будет включать уже 20,8 млрд устройств[2]. Следующим этапом развития данной концепции предположительно станет «Интернет всего» (Internet of Everything – IoE), который позволит подключить к всемирной сети буквально все, что только возможно себе представить. Планетарная сеть станет развиваться самостоятельно и принимать решения по разработанным программистами алгоритмам. Индустриальный интернет вещей кардинально изменяет всю экономическую модель взаимодействия «поставщик – потребитель». АТР занимает лидирующие позиции по новым подключениям.

На пути к этой новой парадигме мирового развития – «Индустрия 4.0» в условиях четвертой промышленной революции[3]. Все отрасли экономики изменятся, изменится и география мировой промышленности. Как они изменятся, покажет время. И вряд ли уступит занимаемую позицию лидера Китай.

[1] Толкачев С. Две модели неоиндустриализации // Экономист. 2015. 11. – С. 13–23; Ткаченко Т. Х., Сафонов С. А. Промышленный вектор исследований на кафедре географии мирового хозяйства Московского университета // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2015.– С. 49–58; Industrie 4.0 – Volkswirtschaftliches Potenzialfuer Deutschland. Studie / BITKOM, Fraunhofer-Institutfuerrbeitswirtschaft und Organisation (IAO), 2014.

[2] Gartner Says 6.4 Billion Connected «Things» Will Be in Use in 2016, Up 30 Percent From 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gartner.com/newsroom/id/3165317.

[3] Шваб К. Четвертая промышленная революция Сер.: Top Business Awards. М.: Изд-во Эксмо, 2017. – 208 с.

Китай на мировом фармацевтическом рынке

Е. Н. Перевалова

Введение: постановка проблемы. Фармацевтическая промышленность, находясь в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с научно-техническим потенциалом стран – одна из ключевых отраслей мирового хозяйства и развивается опережающими темпами. Ее формирование в Китае с учетом гигантского масштаба только внутреннего рынка – предмет самого пристального внимания и со стороны экономистов, и социологов, и политиков. Комплексный анализ фармацевтики страны – обширное исследовательское поле для экономико-географической науки. Одним из важнейших и неотъемлемых аспектов такого анализа является определение места, сильных и слабых сторон Китая на мировом фармацевтическом рынке. Это особенно познавательно с учетом большого внимания, которое уделяют властные структуры страны развитию отрасли и процессу импортозамещения важнейших препаратов; обеспечению должного доступа населения к медицинской помощи и медикаментам. Эти задачи возведены в ранг государственной стратегии по достижению фармацевтической безопасности. В рекордно короткие сроки в результате проведения грамотной политики китайская фарминдустрия демонстрирует стабильные и высокие показатели роста и прибыльности с перспективой серьезного расширения экспорта как источника дополнительных доходов.

Предпосылки и динамика развития фармацевтического рынка в Китае. История развития фармацевтики в Китае насчитывает тысячелетия. Издавна китайцы интересовались лекарственными средствами и методами лечения. До нас дошло множество книг о фармакологических свойствах растений, их ботанических характеристиках, географическом распространении и способах применения. По сравнению с другими странами, здесь довольно рано появились специалисты по изготовлению и торговле лекарственными средствами, а также первые учреждения, по назначению соответствующие аптекам[1]. Однако именно за последние десятилетия состоялся настоящий прорыв в развитии отрасли.

В результате проведения экономических реформ увеличение людности страны сопровождалось опережающим ростом душевого ВВП по ППС (рис. 1). Только за период с 1990–2015 гг. численность населения укрупнилась в 1,5 раза (на 236 млн чел.), а душевой ВВП по ППС – в 15 раз (с 980 долл. до 14450 долл.)[2]. В стране быстро прогрессирует число лиц со средними доходами и выше среднего. Стимулирует спрос на фармацевтическую продукцию еще 2 важных фактора. Во-первых, продолже-

[1] Интерфакс. Новости. 12.02.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/227.html?menu=34&id_issue=11387775.

[2] World Factbook; World Development Indicators (WDI), September, 2015 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://documents.worldbank.org/curated/en/2015/04/24352249/world-development-indicators-2015.

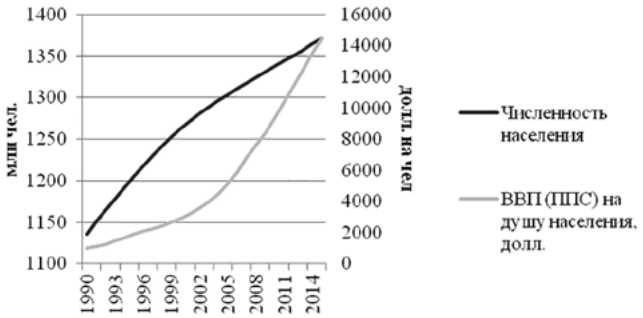


Рис. 1. Динамика численности населения и ВВП по ППС на душу населения в Китае, 1990–2014 гг.
(источник: National Accounts Main Aggregates Database, 1970–2015 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unstats.un.org/unsD/snaama/introduction.asp.)

ние старения китайского населения: согласно оценкам, если в 2010 г. доля населения старше 50 лет составляла 24 %, то к 2020 г. она достигнет уже 33 %[1]. Во-вторых, набирает темпы процесс урбанизации. Известно, что в городской среде значительно расширяются возможности доступа к современной медицинской помощи и приобретения необходимых лечебных средств, в том числе высокотехнологичных. Наконец, нельзя не отметить, что особую роль в развитии фармацевтической промышленности и медицины в целом играет государство. Общие расходы на здравоохранение за 2002–2015 гг. увеличились практически в 5 раз (с 136 млрд долл. до 650 млрд долл.) (5,6 % от ВВП)[2]. Более того, через реализацию ряда специальных стимулирующих программ в Китае созданы благоприятные условия для размещения частных инвестиций в этой сфере (рис. 2). Благодаря грамотной государственной политике, как ожидается, число граждан Китая, имеющих доступ к полной медицинской помощи, увеличится с нынешних 400 млн до 800–900 млн чел. в 2020 г.

Китайский рынок фармацевтических препаратов – один из самых быстрорастущих. Еще в 2009 г. его объем не достигал и 50 млрд долл., а в 2015 г. составил уже 108 млрд долл. (10 % от мирового)[3] (рис. 3). По этому показателю страна ныне занимает 3-е место в мире после США и Японии.

[1] Market trend China Pharmaceutical market: a growing evolution – IMA LIFE Sharping news, Bologna, Italy, Jan., 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ima-pharma.com/cgi-bin/articles/pdf/newslife/ima_life_markettrand1.pdf .

[2] National Accounts Main Aggregates Database, 1970–2015 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unstats.un.org/unsD/snaama/introduction.asp.

[3] Statista. Статистический портал. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/263102/pharmaceutical-market-worldwide-revenue-since-2001/.
Top Markets Report Pharmaceuticals Country Case Study, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://trade.gov/topmarkets/pdf/Pharmaceuticals_China.pdf.

Рис. 2. Государственные и частные расходы на здравоохранение в Китае, 2002–2014 гг., %
(источник: National Accounts Main Aggregates Database, 1970–2015 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unstats.un.org/unsD/snaama/introduction.asp.)

Предполагается, что к 2020 г. Китай преодолеет «планку» в 200 млрд долл. и займет 2-ю позицию[1].

Фармацевтическую промышленность Китая можно разделить на два макросектора по признаку выпускаемой продукции, исходя из специфики местного производства: медикаменты западного типа (химически синтезированные, созданные по всем стандартам развитых стран) и традиционные китайские медикаменты. Западные медикаменты преобладают, благодаря активной политике последних 50 лет по улучшению качества жизни насе-

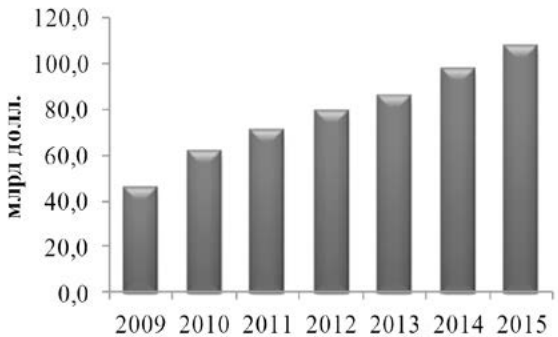


Рис. 3. Объем рынка фармацевтической продукции в Китае 2009–2015 гг.
(источник: Top Markets Report Pharmaceuticals Country Case Study, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://trade.gov/topmarkets/pdf/Pharmaceuticals_China.pdf)

[1] Кугач В. В., Мастыков А. Н. Современные тенденции развития фармации Китая // Организация фармации за рубежом. 2014. Апрель. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.recipe.by/files/magazines/recipe/txt/2_2007/29–38.pdf.

Рис. 4. Рост рынка дженериков в Китае, 2007–2015 гг.
(источник: Life sciences outlook China // Deloitte. 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Life-Sciences-Health-Care/gx-lshc-2015-life-sciences-report-china.pdf)

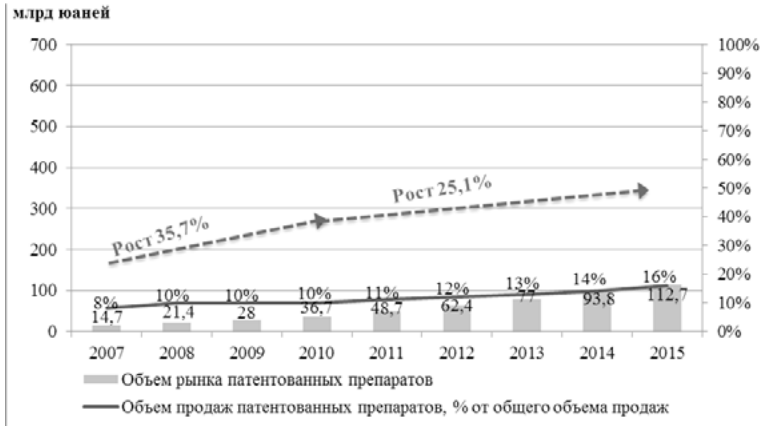


Рис. 5. Рост рынка патентованных препаратов в Китае 2007–2015 гг.
(источник: Life sciences outlook China // Deloitte. 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Life-Sciences-Health-Care/gx-lshc-2015-life-sciences-report-china.pdf)

ления, в том числе путем внедрения современной медицины и современных высокотехнологичных лекарств. Дженерики являются основой фармацевтической промышленности Китая (рис. 4).

Такая ситуация не изменится в ближайшее время по ряду причин: 1) стоимость производства дженериков в сравнении с патентованными лечебными средствами ниже из-за отсутствия расходов на НИОКР; 2) дешевые препараты пользуются повышенным спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке, особенно в развивающихся странах, что способствует увеличению внешней торговли; 3) высокий уровень конкуренции со стороны западных исследований в области фармацевтики ограничивает возможность выхода на мировой рынок отечественных патентованных лекарств. Объем инновационного производства пока очень низок. В среднем, китайские фармацевтические компании расходуют на НИОКР 1,7 % от объема продаж, что в 10 раз ниже среднемирового показателя[1].

В 2007–2010 гг. продажи патентованных лекарственных средств в среднем увеличивались на 35,7 % в год, в 2010–2015 г. – на 25% (рис. 5). Отмечается устойчивый рост рынка дженериков и патентованных препаратов, однако динамика последнего в два раза выше ввиду активного спроса на инновационные лекарственные средства.

Внешняя торговля фармацевтической продукцией. Присутствие Китая на международном фармацевтическом рынке быстро возрастает. С начала 2000-х годов страна выступает устойчивым и «тяжелым» нетто-импортером

[1] Chinese Pharmaceutical Market: Driving Forces and Emerging Trends, China, June, 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://ideas.repec.org/a/mul/j0hje1/doi10.1430-78327y2014i3p505-530.html.

препаратов. Из-за постоянно растущего спроса на местном рынке экспорт фармацевтической продукции по темпам роста существенно уступает импорту. В 2015 г. ввезено лекарств на сумму 19,2 млрд долл., а вывезено – на 6,9 млрд долл.[1] (рис. 6).

Торговля фармацевтической продукцией не является специализацией Китая. Так, ее доля в общей стоимости экспорта на 2014 г. составила 0,2 %, а импорта – 0,9 %. Но, тем не менее, это важная позиция в структуре внешней торговли страны. О повышении степени участия Китая в мировой торговле

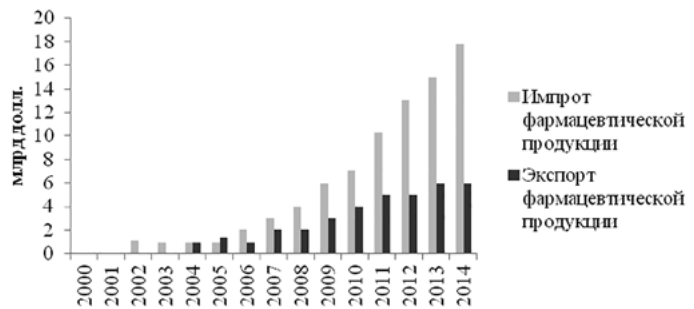


Рис. 6. Импорт и экспорт фармацевтической продукции Китая, 2000–2014 гг.
(источник: UN Comtrade Database [Электронный источник]. – Режим доступа: http://comtrade.un.org/)

[1] UN Comtrade Database [Электронный источник]. – Режим доступа: http://comtrade.un.org/.

фармацевтической продукцией свидетельствует значение индекса Грубеля-Ллойда[1], которое, по нашим расчетам, за 2005–2015 гг. увеличилось с 0,17 до 0,46.

На международном рынке Китай в качестве экспортера представлен дженериками и активными фармацевтическими ингредиентами (АФИ). Наряду с Индией он сохраняет пока статус ведущего поставщика активных субстанций на регулируемые фармацевтические рынки. Китай является одним из основных «дешевых» поставщиков на мировой рынок ацетилсалициловой кислоты, анальгина, витаминов, некоторых антибиотиков. Однако надо отметить, что эпоха дешевых субстанций подходит к концу. В Китае происходит стремительный рост цен на эту продукцию. Например, за период 2011–2016 годов цена на субстанцию левомицетин поднялась с 13 до 50–60 долл. за килограмм.

Согласно данным статистической базы ООН[1], наибольшая часть фармацевтической продукции завозится из Европы, прежде всего из Великобритании, Германии, Франции и Италии. В 2015 г. в странах региона было закуплено лекарственных препаратов на сумму 12 млрд долл. (62 % всего импорта фармацевтической продукции). ¾ общего объема европейского импорта занимают готовые лекарственные средства. В Европу экспортируется товаров на 1,5 млрд долл., начиная от фармсубстанций для изготовления лекарственных средств и заканчивая материалами для их упаковки.

Еще один крупный торговый партнер Китая – США, в которые в 2015 г. стоимость экспорта фармацевтической продукции Поднебесной составила 1,3 млрд долл., а импорта – 3,2 млрд долл. Их товарная структура аналогична европейской: в больших количествах в Китай завозятся готовые лекарственные средства, вывозятся в меньших количествах все виды продукции.

В торговле Китая со странами Азии характерно превышение экспорта над импортом. Экспортируется продукции на 2 млрд долл. (28 % от общей стоимости экспорта). Такой объем объясняется ростом спроса развивающихся стран на фармацевтическую продукцию и их географической близостью. Структура экспорта неодинакова: в Западной и Южной Азии напоминает американскую и европейскую; в Центральной, Восточной, Юго-Восточной преобладают дешевые ЛС-дженерики. Отдельно стоит выделить Японию – одного из лидеров в мировой фармацевтической промышленности за счет постоянного внедрения инноваций в производстве, наличия высококвалифицированных кадров и системы их подготовки, массовости новых научных разработок. Китай импортирует из Японии готовые лекарственные средства высокого качества, экспортируя материалы для их изготовления.

Китайские фармацевтические предприятия, производящие медикаменты и медико-здравоохранительные товары, уверенно выходят на рынок Африки. Основой экспорта в регион являются дешевые ЛС-дженерики, поэтому по стоимости данный поток товаров невелик (лишь 9 % от общего экспорта продукции отрасли). Импорт минимален, представлен лекарственными

[1] UN Comtrade Database [Электронный источник]. – Режим доступа: http://comtrade.un.org/.

средствами из ЮАР (менее 0,1 %). Вместе с тем сохраняется устойчивый и быстрый рост объема торговли медикаментами и медико-здравоохранительными товарами. Если в 2000 г. общий объем импорта и экспорта подобных товаров между Китаем и странами Африки составлял 49,5 млн долл., то в 2014 г. уже 610,2 млн долл. Нигерия, ДР Конго, Кения и ЮАР являются крупнейшими экспортными рынками китайской фармацевтической продукции.

Существенное место китайская фармацевтическая продукция занимает на российском рынке, где после распада СССР большинство предприятий отрасли было закрыто. По экспертной оценке, доля фармацевтических субстанций, произведенных в России, в настоящее время составляет менее 8 % от объема потребления этой продукции, а все остальное – импорт. Импорт фармацевтических субстанций в Россию в стоимостном выражении в 2016 г. составил 61 млрд руб. и поступал из 40 стран, но в натуральном выражении до 80 % всего импорта фармсубстанций приходилось на Китай. С учетом быстрого удорожания китайской продукции на международном рынке вопрос возрождения синтеза фармсубстанций в России – это вопрос национальной безопасности страны. С 2014 г. российская фарма взяла курс на импортозамещение и развитие фармпроизводств полного цикла на территории страны. В 2015 г. было принято постановление Минпромторга России, предоставляющее возможность компаниям обращаться за субсидиями на производство субстанций.

В целом, в настоящее время Китай больше ориентирован на удовлетворение потребностей внутреннего рынка, чем на экспансию на внешние рынки. С одной стороны, это объясняется отсутствием собственных инновационных препаратов, способных конкурировать на мировом рынке, а с другой, наличием огромного ненасыщенного местного фармацевтического рынка.

Заключение. В XXI в. происходит сильная трансформация китайской фармацевтической промышленности и рынка в целом. В 1990–2000-х гг. был заложен базис роста отрасли. И хотя возрастает импортная составляющая насыщения внутреннего рынка по мере роста покупательной способности населения, в стране происходит активное освоение внутреннего рынка и «внутренняя экспансия» местных компаний – процесс, который нельзя назвать характерным ни для одной развитой страны из числа лидеров фармацевтического рынка. Китай представляет собой уникальный пример построения мощной фармацевтической индустрии с большими объемами производства, но при этом пока слабо инновационной (производство базируется в основном на выпуске сырья, ингредиентов и лекарств-копий). Основная часть фармацевтического рынка Китая представлена именно дженериками, но здесь возрастает и роль препаратов традиционной китайской медицины, которые к тому же набирают популярность и на мировом рынке.

Фармацевтический рынок Китая развивается рекордно быстрыми темпами. На 2017 г. Китай занимает 3-е место среди крупнейших фармацевтических рынков, после США и Японии. Изучение всех составляющих этого успеха и его специфики весьма важно для формирования программ развития отрасли во многих странах, в том числе и России.

Место Китая на мировом рынке срезанных цветов

А. К. Цветкова

Введение: постановка проблемы. На сегодняшний день цветочная индустрия – это глобальная и быстроразвивающаяся отрасль, которая испытала стремительный подъем в течение последних нескольких десятилетий. Согласно классификации видов деятельности, выращивание цветов на срезку относится к цветоводству, входящему в состав сельского хозяйства. Совокупный мировой оборот отрасли срезанных цветов в 2015 г. достиг 36,8 млрд долл., что эквивалентно 0,8 % от валового оборота мирового сельского хозяйства. Срезанные цветы – это цветы или цветочные почки (чаще со стеблем и листьями), которые были отчленены от растения, несущего цветонос; как правило, удаленные части растений для внутреннего декоративного использования; в некоторых культурах (в странах Южной и Юго-Восточной Азии) выступают атрибутом для поклонения. Типичное применение продукции – в букете; с высокой добавленной стоимостью в виде гирлянд (особенно популярно в Южной Азии) и венков (в странах Европы и Америки).

Уровень потребления выращенных цветов по всему миру в стоимостном выражении в зависимости от источника данных оценивается от 40 до 60 млрд долл., а их экспорт ежегодно увеличивается более чем на 10 %, и такие темпы, по мнению некоторых специалистов, в краткосрочной перспективе сохранятся. Объем потребления особенно быстро растет на развивающихся рынках, включая страны Восточной Европы и Восточной Азии, а также Индию. Масштабы поставок на экспорт – в ряде развивающихся стран Восточной Африки, Южной и Центральной Америки, Ближнего Востока. При этом на глобальном рынке налицо формирование сравнительно новой тенденции в спросе к усилению разнообразия продукции. Под воздействием постоянно растущего и меняющегося спроса цветочная индустрия испытывает серьезные пространственные сдвиги: из стран, которые традиционно являлись и потребителями, и производителями, таких как, например, Нидерланды, в другие, относительно новые страны-продуценты такие, как Израиль, Колумбия, Эквадор, Кения и Эфиопия. К последним относятся и государства Юго-Восточной Азии, для которых характерен рост как потребления, так и выпуска продукции цветоводства ввиду богатства агроклиматических ресурсов и наличия относительно дешевой рабочей силы. В результате современная макрорегиональная структура отрасли отличается диспропорциональностью: в 2015 г. 37 % мирового производства цветоводства по стоимости приходилось на Европу, 17 % – на Северную Америку, 29 % – на Азию и Океанию (в статистике даются вместе), где весомые позиции занимают Индия и особенно Китай (6,2 млрд долл. или 48 % продукции региона). Роль остальных регионов мира пока невелика. Изучение опыта Китая в развитии такой пионерной отрасли, как цветочная индустрия, имеет большое не только научное, но и прикладное значение.

Промышленное производство срезанных цветов в Китае, возникшее в 1984 г. в Пекине, Шанхае и провинции Гуандун, получило бурное и почти повсеместное развитие только после 1990 г.[1] Это тесно связано, с одной стороны, с ростом потребительского спроса на продукцию отрасли в результате повышения уровня жизни населения и стремительного развития туристской индустрии; а с другой – с относительно более высокой доходностью производства в сравнении с иными видами аграрной деятельности и новыми возможностями поставок продукции на внешний рынок. В обеспечении внутреннего потребления немаловажную роль сыграл культ цветов в китайском обществе. Здесь по крайней мере семь различных видов цветов представляют собой естественный образ природного роста, самореализации и новых, благополучных начинаний в жизни. Согласно фэн-шуй, многие цветы приносят удачу и успех, потому что в здоровых цветущих растениях проявлена добрая Чи (или энергия). Не случайно уже в 1996 г. 260 млн стеблей свежесрезанных цветов были реализованы в Шанхае (около 20 на душу населения) и 100 млн в Пекине (примерно 10 на душу населения).Через десятилетие, в 2016 г., уступая лишь Индии, КНР занимает 2-е место в мире по производственным площадям, занятым под выращивание цветов на срезку (27,8 %), и дает 16,8 % мирового объема их производства.

В отрасли трудится более 3,5 млн чел. в 83,3 тыс. хозяйствах пяти основных категорий: а) совхозы; б) коллективные хозяйства; в) личные подсобные хозяйства; д) совместные предприятия; е) иностранные компании. Для сравнения во всем европейском регионе насчитывается почти вдвое меньше – 46,7 тыс. предприятий. В стране создана Китайская цветочная ассоциация (China Flower Association, CFA)[2] – добровольная национальная некоммерческая общественная организация, которая состоит из специализированных предприятий и предприятий смежных отраслей, учреждений, общественных организаций и отдельных лиц и служит для достижения общей цели – прогресса производства и торговли продукцией цветоводства. Правительство активно поддерживает формирование цветочной индустрии, ее стратегия развития вписана в план очередной «пятилетки» до 2020 г.

Для Китая характерен достаточно широкий ассортимент продукции отрасли во многом благодаря установлению тесного сотрудничества местных компаний с голландскими производителями. Известно более 30 видов цветов, которые являются коммерческими. За период 2005–2013 гг. заметно увеличились производственные площади для всех видов срезанных цветов, а ее структура претерпела существенные изменения (рис. 1). Если в середине 2000-х годов более 40 % всех площадей занимала категория «прочие растения», а на розы и хризантемы приходилось по 1/5, то к 2013 г. их пропорции практически сравнялись и составили по 24 %. Все большее место в структуре площадей отдается самым популярным на мировом рынке цветам: лилии, герберы, гвоздики. В целом ныне 55 % всех производственных площадей цветоводческой индустрии используется для культур, выращиваемых

[1] Cut Flower Production in Asia //FAO. 1998. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fao.org/docrep/005/ac452e/ac452e00.htm#Contents .

[2] Официальный сайт CFA. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chinaexhibition.com/Official_Site/21-198-China_Flower_Association.html .

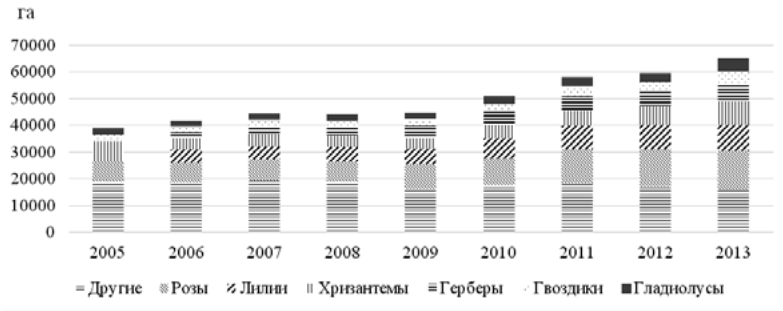


Рис. 1. Изменение структуры производственных площадей в открытом и закрытом грунте, занятых под выращивание цветов на срезку в КНР в 2005–2013 гг., га
(составлено по: ISFP, 2015, from China Flower Association, Statistics of China Floricultural Industry 2013, released by Ministry of Agriculture, PRC, July, 2014)

в питомниках (в основном декоративные деревья), и 16 % для производства срезанных цветов, горшечных растений и луковичных. 25 % площади цветоводства отведены для промышленных целей и, что немаловажно, для нужд медицины.

В настоящее время цветы для срезки выращивают почти по всей стране: от Хайнань на юге до Хэйлунцзян на севере, и от Шаньдун на востоке до СУАР на западе. Возникновению такой широкой географии отрасли во многом способствовало, помимо прочих факторов, вступление в действие в начале 1990-х гг. соглашения с Международной торговой палатой (International Chamber of Commerce, ICC), согласно которому китайские производители прошли подготовку и освоили технику промышленного цветоводства, чтобы конкурировать с глобальными игроками индустрии. На сегодня флагманом отрасли считается, пожалуй, провинция Юньнань, в которой из маленького стартапа в 1987 г. выросло крупное коммерческое производство продукции срезанных цветов. Здесь в 2013 г. их выращивали около 800 тыс. фермеров на 70 тыс. га. Ряд провинций специализируется на выпуске горшечных растений (Гуандун и Фуцзянь), луковичных культур (Юньнань, Ляонин), саженцев[1] (Сычуань, Чжэцзян, Цзянсу и Шаньдун), тропических растений и листвы, пригодной для составления букетов (Хайнань)[2].

Реализация продукции промышленного производства срезанных цветов. В 2015 г. Китай добился бесперебойного производства цветочной продукции, предназначенной как для внутреннего, так и внешнего рынка; общий объем продаж составил 130,3 млрд юаней (19,3 млрд долл.), в том

[1] Саженцы являются полупродуктом и реализуются в виде черенков и отводков для дальнейшего разведения в домашних условиях.

[2] Wenqian Zhu. Flower trade to power Yunnan province's fortunes // China Daily. 14.02.2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2015-02/14/content_19589378.htm .

числе свежесрезанных цветов – 12,7 млрд юаней (1,9 млрд долл.). Более 90 % срезанных цветов потребляется внутри Китая; прежде всего в крупных урбанизированных ареалах – Шанхае, Пекине, городах провинций Чжэцзян, Гуандун и др. Они продаются через оптовые и розничные каналы сбыта. Действует 670 рынков, более 7 тыс. цветочных магазинов и 7 региональных оптовых рынков в Пекине, Шанхае, Куньмине, Гуанчжоу, Фуцзяне, Чэнду и провинции Ляонин. Крупнейший из них находится в центре провинции Юньнань (China Kunming Dounan Flower Market) и создан по аналогии с ведущим в мире цветочным аукционом в Нидерландах. Здесь также представлены все лидеры цветоводства, ведется торговля по принципу аукциона, формируется цена и происходит дальнейшее перераспределение продукции по всей стране и за рубеж. Через рынок производится и импорт цветов, преимущественно из Нидерландов, Таиланда, Австралии и Малайзии; которые, согласно данным Международного торгового центра аукционных торгов в Куньмине (Kunming International Flower Auction Trading Center),продаются в среднем по цене в 3–5 раз выше, чем отечественных видов.

Еще 10 лет назад Китай не выделялся в топ-10 крупнейших экспортеров продукции срезанных цветов, а ныне находится на 6-м месте, занимая 1 % мирового рынка после таких стран, как Нидерланды (45 %), Колумбия (15 %), Эквадор (9 %), Эфиопия (8,5 %), Кения (8 %). Страна выполняет как прямые поставки за рубеж, так и реэкспортные через голландский аукцион в Алсмере, который является мировым торговым хабом продукции цветоводства и основной площадкой для формирования цен на них (рис. 2). В 2016 г. суммарные продажи срезанных цветов на экспорт достигли 105,5 млн долл., 86,6 % которого пришлось всего на пять провинций – Юньнань, Фуцзянь, Цзянсу, Гуандун и Чжэцзян. Среди них особое место занимает Юньнань, поставившая на внешний рынок, например, только в первом полугодии 2014 г. 31 % общего экспорта цветов (в основном розы и орхидеи).

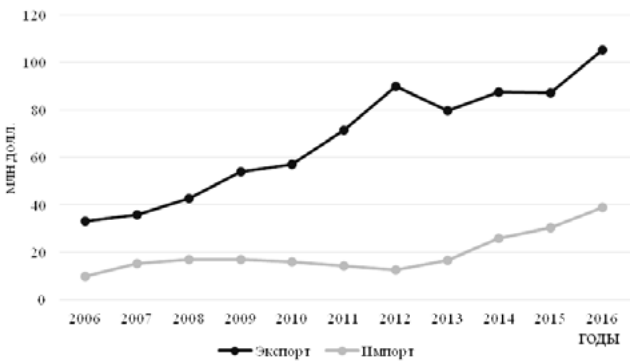


Рис. 2. Динамика внешней торговли КНР продукцией срезанных цветов, 2006–2016 гг., млн долл.
(составлено по: TradeMap, 2016)

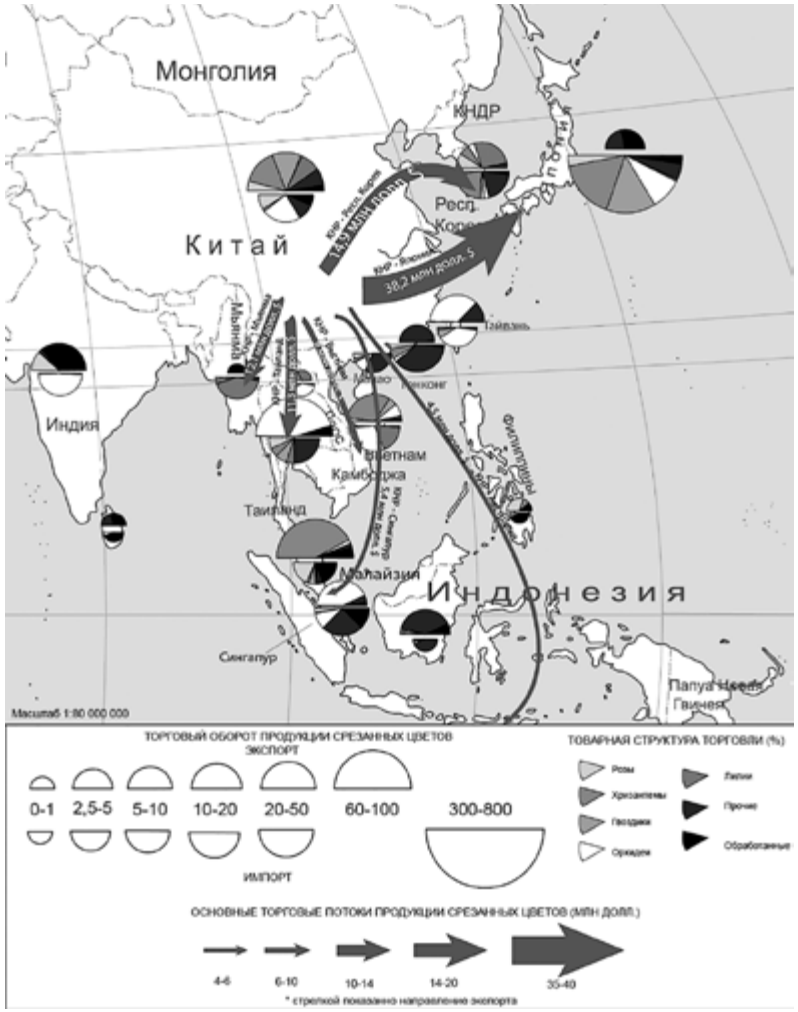


Рис. 3. КНР в азиатском сегменте мирового рынка срезанных цветов, 2016 г.
(составлено по: TradeMap, 2016)

Географическая структура экспорта КНР срезанных цветов отличается очень высоким уровнем региональной концентрации поставок.В 2016 г. 95 % продукции было направлено в страны Азии, в том числе 36 % – в Японию, 14% – в Республику Корею, по 11 % – в Мьянму и Таиланд, 7,6% – во Вьетнам (рис. 3). Подобная ориентация связей оказывает существенное влияние на специфику товарной структуры вывоза из Китая (табл. 1). Так, розы – самая популярная культура в мире (40 % продаж) – занимают в ней лишь 9 %; а вес товарной группы из хризантем, гвоздик и лилий, пользующихся в силу культурных традиций повышенным спросом у населения азиатских стран;

Таблица 1. Структура общемировых продаж и экспорта КНР срезанных цветов по товарным группам, 2016 г.
(составлено по: TradeMap, 2016;
UN Comtrade. United Nations Comtrade Database, 2017)

Мир, страны	Распределение по товарным группам, %:						
	розы	хризан-темы	гвоз-дики	орхидеи	лилии	высу-шенные	про-чие
Общемировые продажи	40	8	5	2	3	6	36
Экспорт КНР, всего,	9	25	24	1	21	3	17
в т.ч. в:							
Японию	0,7	31,2	38,7	2,5	0,1	6,7	20,0
Республику Корею	0,0	89,2	7,1	0,0	0,0	0,3	3,4
Мьянму	2,8	0,5	11,2	0,0	82,1	0,0	3,3
Таиланд	23,6	3,8	23,3	0,0	27,7	0,0	21,6
Вьетнам	3,0	0,0	5,0	0,0	80,0	0,0	11,0
Сингапур	41,0	1,0	17	0,0	13	0,0	27,0
Австралию	26,3	1,1	42,0	0,3	0,0	0,2	30,1

больше в 4 раза – 70 % (против 16 %). На этом фоне налицо наличие, во-первых, серьезных различий в товарной структуре импорта срезанных цветов из Китая в принимающих странах, а, во-вторых, высокого уровня локализации товарных потоков отдельных культур.

Главные позиции в экспорте КНР в Японию занимают гвоздики (38,7 % общей стоимости) и хризантемы (31 %), считающиеся символом солнца и долголетия. В Страну Восходящего Солнца поступает 97 % всех орхидей, поставляемых КНР на мировой рынок, 85 % высушенных и обработанных цветов, 58 % гвоздик, 45 % хризантем. Моновидовая структура китайского импорта срезанных цветов характерна для Республики Кореи, Мьянмы и Вьетнама. Более 80 % в ней в первом случае составляют хризантемы (50 % совокупного экспорта культуры из КНР), во втором и третьем – лилии (суммарно 73 %). Самой диверсифицированной структурой экспортных поставок из КНР отличается Таиланд: около 27,7 % приходится на лилии, 23,6 % – на розы, 23,3 % – на гвоздики, 21,6 % – на категорию прочих. Как очевидно, среди основных контрагентов Китая розы не пользуются особым спросом. В основном они поступают на рынки Таиланда (28 %), Сингапура (23,6 %) и Австралии (13 %).

Импорт срезанных цветов КНР в разы меньше экспорта (см. рис. 2) и в 2016 г. составил лишь 38 млн долл. Основными партнерами являются три страны. Таиланд (34 % совокупного импорта) поставляет главным образом орхидеи (93 % всех орхидей), что означает усиление региональной взаимодополняемости. Эквадор (26 %) специализируется на ввозе роз (65 % всех роз), категорий «прочие цветы» (27 %), а также «высушенные и обработанные цветы» (68 %). Нидерланды (13 % совокупного импорта) снабжают преимущественно разнообразными цветами (33 % по позиции).

Заключение. Цветочная промышленность Китая молода, но характеризуется высокими темпами роста. В сжатые сроки страна достигла высокой позиции среди основных игроков отрасли и дает около 17 % мирового объема цветов на срезку. Благоприятные агроклиматические условия, дешевизна рабочей силы в сельскохозяйственных районах, заимствование зарубежного опыта и использование новейших технологий, активная поддержка правительства позволяют гибко снижать издержки и обеспечивают конкурентоспособность производства.

Китай достиг высокого уровня потребления продукции отрасли на внутреннем рынке. При минимальном объеме импорта он занимает 6-е место среди стран-экспортеров срезанных цветов, поставляя их преимущественно на азиатский рынок, где главным контрагентом выступает Япония. Специфика спроса в странах-партнерах диктует немалые особенности в формировании товарной структуры вывоза из Китая, в котором в отличие от «общемирового стандарта» продаж с лидерством розы доминирует группа из хризантем, гвоздик и лилий. В настоящее время Китай активно ведет процесс диверсификации продукции срезанных цветов, стремясь расширить рынок сбыта. Ввиду ускоренного наращивания экспорта, импорт цветов, вероятно, будет медленно расти благодаря использованию широких возможностей по замещению потенциальных потребностей отечественной продукцией.

Китай на международном туристском рынке

А. Ю. Александрова, Е. В. Аигина

Введение: постановка проблемы. Современный Китай является одним из главных лидеров мирового туристского рынка, что невозможно было представить три десятилетия назад, когда реформы в стране только начинались. Быстрый подъем туризма в контексте общего экономического и социального развития начался в конце 1970-х годов практически с нулевого уровня. В настоящее время КНР уверенно входит в первую пятерку стран по размерам въездного туризма. По данным Национальной туристской администрации КНР (China National Tourism Administration, CNTA), в 2016 г. число туристских прибытий в страну достигло 59,3 млн, а поступления от международного туризма превысили 120 млрд долл. Но еще больше впечатляет тот факт, что с 2012 г. Китай является мировым лидером по масштабам выездного туризма. В 2016 г. состоялось 122 млн выездных туристских поездок китайских граждан, а расходы на выездной туризм составили почти 110 млрд долл.[1]. И хотя данные ЮНВТО и национальной статистики несколько расходятся, первенство КНР и значимость «китайского фактора» в развитии международного туристского рынка уже никто не оспаривает.

[1] China Tourism: 2016 Statistics and 2017 Economic Predictions. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/201710/t20171013_842558.shtml .

Можно выделить три основные стадии становления сферы туризма в Китае. Это развитие: 1) только въездного туризма с момента начала реформ, с конца 1970-х годов; 2) въездного и внутреннего туризма, чему способствовали быстрый экономический рост и улучшение благосостояния населения, с конца 1990-х гг.; 3) въездного, внутреннего, а также выездного туризма в XXI в., что не только подтверждает успехи в хозяйственном комплексе, но и демонстрирует активное включение страны в мировое экономическое и культурное пространство. Поэтапно хорошо прослеживается изменение отношения к туризму как виду деятельности и роли государства в его развитии. На первой стадии туризм воспринимался как инструмент политического влияния, пропаганды и демонстрации достижений страны, а также источник валютных поступлений, поэтому он находился под полным контролем и жестким административным управлением со стороны государственных органов. Но достаточно быстро экономическое значение туризма возобладало над политическими аспектами, и роль государства свелась к гибкому регулированию его формирования с акцентом на поддержку и стимулирование, а позже – продвижение национального туристского продукта. Впоследствии, когда масштабы и результаты функционирования отрасли приобрели особый размах, она была включена в число приоритетных направлений рыночной экономики, оказывающих большое влияние на развитие как отдельных территорий, так и сопряженных видов хозяйственной деятельности. Сфера туризма оказалась открытой для международных инвестиций и всестороннего сотрудничества, в том числе государственно-частного партнерства, но при мягком «наставничестве» государства[1].

Таким образом, современный Китай служит прекрасным образцом того, как развивающаяся страна превратила туризм из политического инструмента в крупномасштабную сферу экономики, развитие которой в настоящее время обусловлено преимущественно рыночными силами. Не вызывает сомнения и то, что государство, используя различные методы и расширяя собственный функционал, способствовало успеху отрасли, и этот положительный опыт представляет большой интерес для других стран. В то же время развитие туризма в КНР весьма специфично, как с точки зрения формирования состава видов деятельности, инфраструктуры, основных потоков, сезонности и прочих аспектов, так и с точки зрения пространственной организации. Все эти и многие иные вопросы требуют внимательного изучения.

Развитие въездного туризма в КНР. С начала 1980-х гг., когда были организованы первые туристские поездки в страну, а также возникли активные деловые обмены, въездной туристский поток устойчиво прогрессировал. За последние 20 лет он увеличился примерно в 3 раза (рис. 1). Сокращение числа туристских прибытий в 2003 г. было вызвано эпидемией атипичной пневмонии, имевшей большие масштабы в южных районах Китая; в 2009 г. – последствиями глобального экономического кризиса 2008 г., а также некоторым снижением интереса к Китаю как туристской дестинации после летней

[1] Zhang, H. Q., Chong, K., Ap, J. An analysis of tourism policy development in modern China // Tourism Management. 1999. Vol. 20. – P. 471–485.

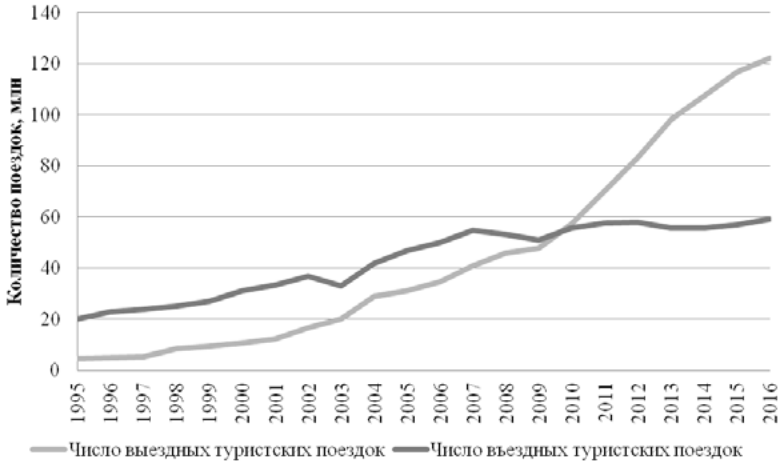


Рис. 1. Динамика выездного и въездного туристских потоков КНР, 1995–2016 гг., млн поездок
(источник: данные CNTA)

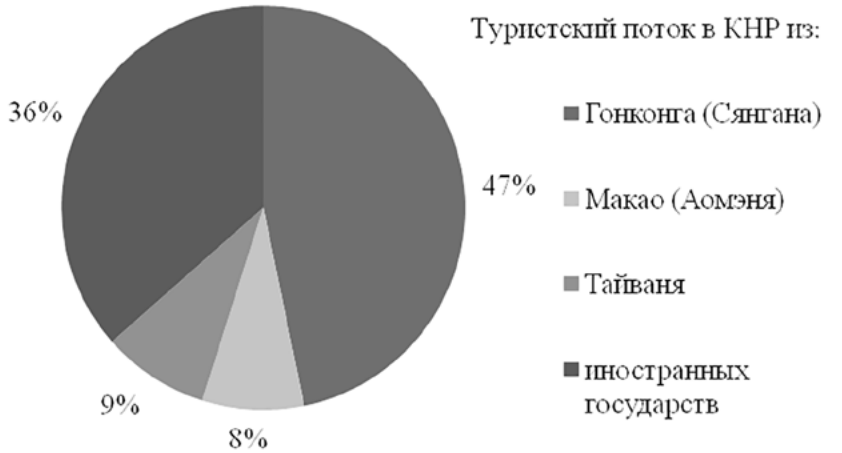


Рис. 2. Географическая структура въездного туристского потока в КНР в 2016 г., %
(источник: данные CNTA)

Олимпиады-2008. Необходимо также отметить, что в последние пять лет темпы роста числа туристских прибытий в страну замедлились, и объем въездного туристского потока увеличивается не так значительно, как раньше. Ныне, по данным CNTA, среди прибывающих доминируют лица в возрасте 25–44 года (46,8 %) и 45–64 года (34,3 %); мужского пола (65 %)[1]. Цели туристских поездок разнообразны: преобладают отдых и развлечения – 33,4 %, деловые поездки и встречи – 18,4 %, еще 3,1 % посещают друзей и родственников.

Очень серьезные изменения происходят внутри въездного туристского потока. В первую очередь они касаются состава основных стран, генерирующих туристские потоки в страну. Стоит вспомнить, что одной из главных особенностей статистики китайского въездного туризма (используемой и ЮНВТО) является учет поездок жителей специальных административных районов Гонконга (Сянгана) и Макао (Аомэнь), а также поездок жителей Тайваня на территорию материкового Китая как международных. Именно такие поездки туристов – китайцев по национальности вне зависимости от статуса территории их проживания – составляют более половины въездного туристского потока (рис. 2).

Это получает особое значение для развития туризма, поскольку такие туристы не имеют коммуникационных барьеров, и их поездки поддерживаются государством, так как способствуют геополитическому единству «Большого Китая». Именно соотечественники из Гонконга (Сянгана), Макао (Аомэня) и Тайваня, а также представители китайской диаспоры из стран Юго-Восточной Азии и других регионов мира стали первыми туристами, на которых «отрабатывались» китайская модель развития международного туризма, создаваемый туристский продукт, достигалась необходимая квалификация обслуживающего персонала. Некоторые из первых соотечественников-туристов стали и первыми иностранными инвесторами в туристскую индустрию, гостиничное хозяйство и в другие отрасли экономики Китая, в том числе через совместные предприятия в специальных экономических зонах и крупнейших городах[1].

Число прибытий граждан иностранных государств во въездном туристском потоке в КНР в последние 10 лет постепенно увеличивается и составляет 20–22 млн ежегодно. Среди них особо весом вклад ближайших соседей – стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также России (табл. 1). Быстрыми темпами растет число туристов из Вьетнама и других стран, включая США, ЕС и Австралию. В итоге на страны АТР приходится 67,5 % туристского потока, Европы – 17,3 %, Америки – 10,7 %, прочие – 4,5 %[2]. Вместе с тем в последние годы отмечается снижение объема визитеров из России и Японии, что вызвано исключительно их внутренними «проблемами» и никак не связано с китайской стороной. По числу туристских прибытий в материковый Китай Япония с 2005 г. уступила лидерство Республике Корее.

[1] China Tourism: 2016 Statistics and 2017 Economic Predictions. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/201710/t20171013_842558.shtml .

[1] Lew A. A., Wong A. Tourism and the Chinese Diaspora. In: C. M. Hall and A. M. Williams, eds., Tourism and Migration: New Relationships Between Production and Consumption. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic, 2002. – P. 205–219.

[2] China Tourism: 2016 Statistics and 2017 Economic Predictions. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/201710/t20171013_842558.shtml.

Таблица 1. Страны, генерирующие основные туристские потоки в КНР, 1995–2015 гг., тыс. прибытий
(источник: данные CNTA)

Страны-лидеры по числу прибытий (по данным 2015 г.)	Годы				
	1995	2000	2005	2010	2015
1. Республика Корея	529	1345	3545	4076	4444
2. Япония	1305	2202	3390	3731	2498
3. Вьетнам	19	82	201	920	2161
4. США	515	896	1556	2007	2086
5. Россия	489	1080	2224	2370	1582
6. Малайзия	252	441	900	1245	1076
7. Монголия	262	399	642	794	1014
8. Филиппины	220	364	654	828	1004
9. Сингапур	261	399	756	1004	905
10. Индия	45	121	357	549	751

В 1982 г. китайское правительство провозгласило приоритет развития въездного туризма как источника поступления иностранной валюты и открыло для иностранных туристов свыше 120 городов восточной, приморской части страны, до сих пор остающейся максимально привлекательной для иностранцев[1] (рис. 3). Абсолютным лидером среди регионов материкового Китая по числу международных туристских прибытий является одна из наиболее развитых провинций страны – Гуандун, где расположены три специальные экономические зоны: Шэньчжэнь, Шаньтоу и Чжухай. На втором месте Шанхай (свыше 8,5 млн прибытий в 2016 г.). Высока посещаемость Пекина (более 4,5 млн в 2016 г.)[2], провинций Цзянсу и Чжэцзян, а в последнее время – провинции Юньнань, знаменитой не только уникальными природными ландшафтами, но и национально-культурным разнообразием. Увеличение числа иностранных туристов здесь и в ГЧАР связано с быстрым ростом приграничного обмена с Вьетнамом.

Иностранные туристы посещают преимущественно традиционные маршруты, где расположены основные объекты показа – древние культурно-исторические памятники китайской цивилизации, в том числе такие как Великая Китайская стена, Запретный Город, Храм Неба и Летний дворец в Пекине, «терракотовое войско» в Сиане, архитектурно-парковые ансамбли Сучжоу и Ханчжоу, скальные монастыри Лунмэнь, пещеры Могао и др. По общему числу объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО на начало 2018 г. КНР занимает второе место среди всех стран мира (36 культурных объектов, 12 природных и 4 объекта смешанного характера), уступая только Италии. Планируется дополнение этого списка еще несколькими десятками объектов[1]. Вместе с тем, складываются и новые туристские районы, включающие участки побережья страны, где созданы особые экономические зоны – на территории Ляодунского и Шаньдунского полуостровов, в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян. Здесь развивается купально-пляжный отдых, индустрия современных развлечений (активно строятся тематические парки, комплексные торговые центры и т. п.). На юге страны крупнейший район купально-пляжного отдыха сложился на острове Хайнань.

Постепенно иностранные туристы проникают во все более удаленные от побережья и крупных городов районы страны, такие как Внутренняя Монголия, Тибет, Сычуань, Ганьсу, СУАР и другие территории, где имеются огромные ресурсы для развития экологического, активного, этнографического, гастрономического и других специальных видов туризма. Провинции центрального и западного Китая, уступающие по уровню экономического

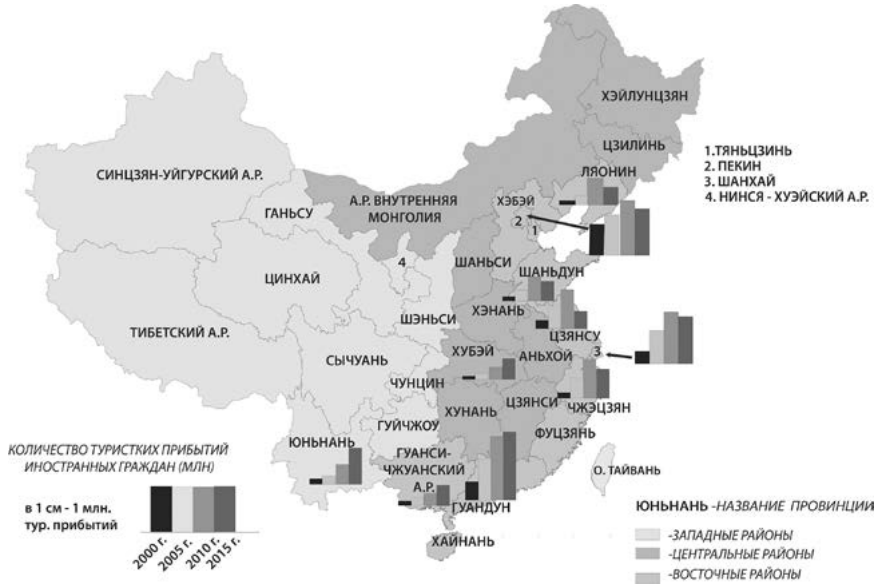


Рис. 3. Региональное распределение прибытий иностранных туристов в КНР
(источник: National Bureau of Statistics of China, China Statistical Yearbook 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm)

[1] Goh C., Li H., Li M. A Comparative Analysis of Domestic and International Tourism Spatial Distribution: Trends and Impacts // Journal of China Tourism Research. 2014. Vol. 10:4. – P. 388–413.

[2] Официальный сайт крупнейшего онлайн-туроператора по Китаю Travel China Guide. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.travelchinaguide.com/tourism/2016statistics/inbound.htm .

[1] Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Китае. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://whc.unesco.org/en/statesparties/cn.

развития восточной части страны, с начала 2000-х гг. активно стимулируют рост внутреннего туризма, который не столь требователен к комфортности туристской инфраструктуры и качеству услуг, но способствует их постепенному экономическому подъему и притоку инвестиций.

Для дальнейшего развития внутреннего и въездного туризма, с одной стороны, а с другой – для стимулирования деятельности местных органов власти и разного рода организаций, Национальной туристской администрацией КНР был разработан специальный стандарт, который делит туристские достопримечательности страны на пять категорий: от А (самая низкая) до ААААА (высшая). Категория присуждается по совокупности многих параметров: культурной значимости объекта, состояния транспортной инфраструктуры, наличия туристского продукта, уровня безопасности и санитарии, а также соответствия требованиям охраны окружающей среды, критериям туристской аттрактивности[1], посещаемости и др.[2]. Важно отметить, что законодательно предусмотрен механизм лишения категорийности. Он срабатывает, если обнаруживаются завышенные цены, плохое санитарное состояние, низкий уровень обслуживания объектов, ухудшение качества услуг или другие недостатки. В условиях быстрого роста спроса на качественный туристский продукт в Китае включение достопримечательности в тот или иной рейтинг служит условием туристской привлекательности, мотивом для его посещения, продвижения и развития дестинации. Этим обстоятельством объясняется обострение конкуренции между туристскими достопримечательностями страны за уровень категорийности.

Стандарт был введен в действие в 1999 г. В 2007 г. в КНР насчитывалось 66 объектов категории ААААА, в 2013 г. – 155, в настоящее время – около 200. Так, по данным туристской администрации Пекина, в столице страны на конец 2017 г. имелось: 8 туристских объектов категории ААААА; 67 – АААА; 75 – ААА; 41 – АА; 13 – А[3]. К туристским достопримечательностям высшей категории в Пекине относят Запретный Город, Храм Неба и Летний дворец, участок Великой Китайской стены Бадалинь, Императорские гробницы Мин и Цин – объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также резиденцию Гунванфу, участок Великой Китайской стены Мутяньюй и новый Олимпийский парк Пекина. Наличие такой обширной системы достопримечательностей разного типа и уровня позволяет существенно разнообразить туристские маршруты и перераспределять потоки. Это особенно важно с учетом их колоссальных объемов благодаря размаху внутреннего туризма в последние годы, в результате чего многие известные достопримечательности работают уже на пределе пропускной способности. Так, по итогам 2017 г. Императорский дворец династий Мин и Цин Гугун в Запретном городе принял 16,7 млн посетителей, и этот показатель с каждым годом растет, несмотря на жесткое ограничение ежедневного числа посетителей[1].

Стоит отметить, что в 2016 г. общее число поездок внутренних туристов достигло 4,4 млрд. Для сравнения: в 2005 г. – их было почти в четыре раза меньше – 1,2 млрд, а в 2010 г. в два раза меньше – 2,1 млрд[2]. При таких масштабах и темпах роста внутренних туристских потоков возникают очень серьезные проблемы с доступностью многих объектов показа, наличием мест в отелях и возможностей приобретения билетов на транспорт, а также с общим значительным повышением уровня цен на услуги, которые необходимо учитывать при организации въездного туризма. Иностранным туристам не рекомендуется посещать страну в периоды так называемых «золотых недель» – национальных праздников КНР, когда большая часть населения страны отдыхает и путешествует. В первую очередь, это неделя с 1 октября – Дня образования КНР, когда туристские достопримечательности заполнены до предела, транспортная инфраструктура перегружена, а цены существенно выше обычных. Помимо этого, большое количество внутренних туристов отмечается во время Цинмин (праздника поминовения усопших в апреле), 1 мая (День труда), Праздника середины осени (фестиваля лунных пряников) и во время Праздника весны (празднования китайского Нового года по лунному календарю в феврале).

В целом въездной туризм продолжает оставаться важным для Китая, как источником дохода, так и средством повышения его международного имиджа. Китайское правительство предпринимает серьезные и системные усилия по привлечению иностранцев в страну. Помимо прочего, это осуществляется путем организации мегасобытий, таких как летние Олимпийские игры-2008 в Пекине, выставка ЭКСПО в Шанхае в 2010 г. В том же ряду подготовка к проведению зимних Олимпийских игр в Пекине в 2022 г. В последнее время перспективы развития туризма связывают с крупнейшей экономической и геополитической инициативой Китая «Один пояс – один путь». Несмотря на дипломатическую и политическую напряженность в отношениях с соседними странами, Китай продолжает считать въездной туризм национальным приоритетом, «мостом между цивилизациями и культурами», а также «важной движущей силой для экономического развития»[3].

Выездной туризм. Хотя активное развитие выездного туризма началось в самом конце 1990-х гг., именно в этой сфере Китай показывает просто фантасти-

[1] В число туристских достопримечательностей включены живописные ландшафты, музеи, храмы, зоны отдыха, природные заповедники, тематические парки, лесные парки, геопарки, парки развлечений, зоопарки, ботанические сады, а также объекты промышленности, сельского хозяйства, торговли, науки и образования, военного дела, спорта, культуры, искусства и др.

[2] 旅游景区质量等级的划分与评定》（修订）(GB/T17775-2003) (Стандарт «Оценка и классификация качества туристских достопримечательностей») [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnta.com/zwgk/hybz/201506/t20150625_428118.shtml .

[3] Список туристских достопримечательностей Пекина. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://r.visitbeijing.com.cn/index.php?m=content&c=search&catid=7&theme=0&level=&dist=0&title=.

[1] 故宫2017年接待逾1699万游客 今年开放家具馆等区域 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2018-01/01/c_1122192731.htm .

[2] Статистические данные Национальной туристской администрации Китая. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/index.shtml# .

[3] President Xi Jinping's Address at the Opening Ceremony of «Tourism Year of China» in Russia. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/policies/tourismpolicies/201507/t20150707_721483.shtml .

ческие темпы роста. За прошедшие два десятилетия число поездок китайских туристов за пределы страны выросло в 25 раз и достигло 122 млн, сделав Китай абсолютным лидером в мире по масштабам выездного туризма (см. рис. 1). Начиная с 2010 г., выездной туристский поток в Китае преобладает над въездным и стал уже в 2 раза больше его по объему. Среди основных факторов подъема китайского выездного рынка туризма необходимо отметить следующие:

1) экономический рост и увеличение доходов населения вследствие начавшихся в 1978 г. реформ;

2) либерализация туристской деятельности (разрешение выезда и упрощение визового режима для китайских туристов);

3) увеличение свободного времени в результате введения в 1995 г. пятидневной 40-часовой рабочей недели и закрепление права каждого гражданина на ежегодный оплачиваемый отпуск;

4) изменения в облике потребителя в результате успешных экономических реформ и повышения качества жизни китайского населения, переход от традиционной модели накопления к модели «трат и потребления в целях получения нового опыта»;

5) включение Китая в международное экономическое пространство, установление стратегических и партнерских отношений на мировой арене;

6) укрепление юаня по отношению к иностранной валюте;

7) активные внешние рекламные кампании, что побудило среди китайского населения интерес к зарубежным дестинациям[1].

До 1978 г. Китай был в значительной степени закрыт для «прочего мира». Выезд в другие страны был разрешен ограниченному кругу бизнесменов, правительственных чиновников и студентов. Все начало меняться в 1990-х гг., когда правительство официально утвердило список дестинаций с одобренным статусом (Approved Destination Status – ADS), то есть стран, доступных для посещения китайскими гражданами в составе организованных групп. Первыми в этом ряду в 1983 г. стали Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь). Чуть позже к ним присоединились: Таиланд (1988 г.); Малайзия, Сингапур (1990 г.); Филиппины (1992 г.); Республика Корея (1998 г.); Австралия, Новая Зеландия (1999 г.). В 2005 г. список ADS был расширен сразу на 35 стран (в том числе большинство европейских), включая Россию. США вошли в него в 2008 г. На начало 2018 г. в перечне значилось 127 стран[2].

Политика ADS ограничивает зарубежные поездки китайских граждан утвержденным списком стран и вынуждает путешествовать организованными группами. Как правило, двусторонние соглашения в рамках ADS позволяют китайским туристским агентствам снизить стоимость получения визы,

[1] Александрова А. Ю., Майкова В. В. Китайский потребитель на российском туристском рынке // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XII Международной научно-практической конференции. МГУ имени М. В. Ломоносова, географический факультет, Москва, 25–26 апреля 2017. – АНО «Диалог культур», 2017. – С. 146–159.

[2] Официальный список стран с одобренным статусом для путешествий китайских туристов. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnta.gov.cn/ztwz/cjyzt/gltl/201507/t20150708_723265.shtml .

подавая заявки на получение групповых виз в рамках пакетных туров. Таким образом, хотя эти соглашения способствовали расширению зарубежных поездок китайских туристов, схема ADS также дает китайскому правительству возможность контролировать направления этих поездок. С 2003 г. лицам, проживающим в материковом Китае, разрешено посещать Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь) на индивидуальной основе. Возможно, переход от группового к индивидуальному путешествию станет следующим этапом реформы политики в области выездного туризма.

Статистическая информация по размерам выездных туристских потоков из страны публикуется нерегулярно и сильно отличается от данных ЮНВТО и национальной статистики принимающих стран. Одна из причин расхождений состоит в том, что CNTA ведет учет официальных данных о выезде китайских туристов на основе регистраций их въезда только в первую страну на пути следования, а не всех стран, которые туристы посещали во время поездки. Для многих регионов, особенно для стран Шенгенской зоны, регистрируемое таким образом количество въездов бывает меньше, чем число посещений стран китайскими туристами в реальности. Подробными исследованиями китайского выездного туризма занимается созданный в 2004 г. в Германии независимый Институт исследований китайского выездного туризма (China Outbound Tourism Research Institute, COTRI).

Как и в статистике въездного туризма, при подсчете выездов китайских граждан за рубеж учитываются поездки в Гонконг (Сянган), Макао (Аомэнь) и Тайвань, количество которых весьма значительно. Обычно эти поездки кратковременные, часто имеют деловой или личный характер, но для многих китайских туристов они стали первым опытом поездки «за границу». По данным COTRI, в 2016 г. впервые более 50 % выезжающих из Китая направлялись именно в зарубежные страны, а не в «Большой Китай»[1]. Таким образом, можно говорить о завершении начального этапа развития китайского выездного туризма и переходе к «общепринятой модели». Его ускоренному развитию способствует и постепенное упрощение визовых формальностей для граждан КНР. По данным на 2017 г. уже 27 дестинаций разрешают безвизовый въезд китайских туристов, 39 стран дают визу по прилету или электронную визу. Страны Шенгенской зоны открывают все больше визовых центров в Китае и сокращают время выдачи виз. Одновременно увеличивается количество прямых авиарейсов за рубеж не только из крупнейших агломераций восточной части страны, но и из городов второго эшелона[2].

С начала 2010-х гг. наиболее высокими темпами растут туристские прибытия в Республику Корею и Таиланд, которые в 2016 г. стали лидерами по приему китайских туристов (соответственно, 8,0 млн и 8,8 млн прибытий)[3]. Бы-

[1] Официальный сайт Института исследований китайского выездного туризма, China Outbound Tourism Research Institute. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://china-outbound.com/.

[2] Там же.

[3] China Tourism: 2016 Statistics and 2017 Economic Predictions. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics/TourismStatistics/201710/t20171013_842558.shtml .

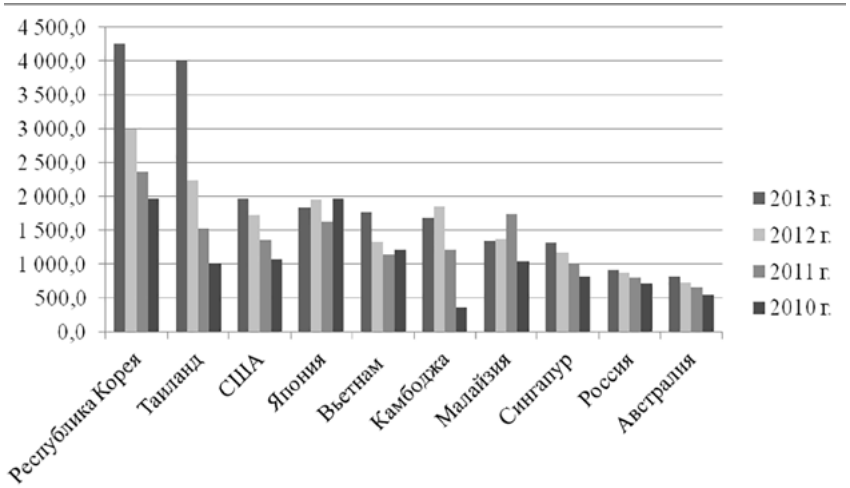


Рис. 4. Основные выездные туристские потоки из Китая по странам, 2010–2013 гг., тыс. отбытий
(источник: данные CNTA)

стро увеличивается их число в США (почти 3 млн прибытий) и Канаде (рис. 4). При этом на Китай приходится лишь 2 % туристского потока в ЕС, среди государств которого выделяются Франция и Италия (более 2 млн прибытий в каждой). Для частичного выправления ситуации и создания новых возможностей, в том числе путем упрощения визовых формальностей и улучшения авиационного сообщения, в странах ЕС 2018 г. объявлен «годом китайского туризма»[1]. К настоящему времени во многих странах китайские туристы формируют главный въездной поток, часто опережая традиционные потоки из стран-соседей или крупнейших западных стран. Это характерно для Таиланда, где их доля превышает 26 % общего турпотока, Японии (свыше 25 %), Республики Кореи (свыше 45 %), ожидается в Австралии (почти 14 %, второй по величине поток после Новой Зеландии) и в Новой Зеландии (свыше 11 %, второй по величине поток после Австралии)[2]. В России число прибытий туристов из КНР с 2009 г. по 2015 г. увеличилось почти в 6 раз, и по новой методике статистического учета составило 1 122 тыс., в 2016 г. – 1 289 тыс.[3] (рис. 5). С 2014 г. Китай возглавляет рейтинг стран на российском рынке въездного туризма; прогнозируется дальнейшее укрепление его позиции.

[1] Официальный портал 2018 EU – China Tourism Year. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ecty2018.org/ .

[2] UNWTO Yearbook of Tourism Statistics Data 2011 – 2015, 2017 Edition. Madrid: UNWTO, 2017.

[3] Туристическая ассоциация «Мир без границ». Профессиональное объединение в сфере российско-китайского туризма. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.visit-russia.ru/ .

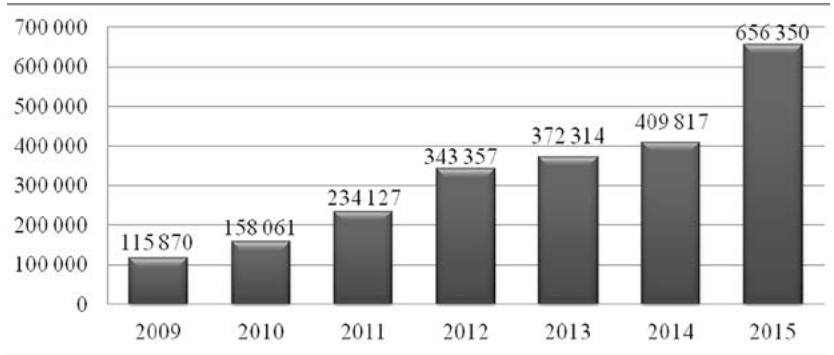


Рис. 5. Число туристских прибытий из Китая в Россию, 2009–2015 гг.
(источник: данные Туристической Ассоциации «Мир без границ». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.visit-russia.ru/)

Огромный потенциал выездного туризма из КНР – фактор усиления конкуренции между странами-реципиентами. Однако в силу специфики культуры и образа жизни китайские туристы сильно отличаются по своим запросам и поведению от «привычных» туристов – преимущественно представителей западного мира. Трудности их адаптации в иной среде связаны с языковым барьером и недостаточным информационным обеспечением, отсутствием привычной еды и развлекательных программ в национальном стиле, невозможностью использовать карты китайской платежной системы «Union Pay» и т. д. Кроме того, у китайских туристов есть и свои предпочтения по содержанию программ пребывания, где лидирующее место отводится шопингу и развлечениям. Для решения этих проблем и обеспечения максимального комфорта китайских туристов, представители турбизнеса многих стран стали разрабатывать специальные программы мероприятий[1]. Такая деятельность получила общее название «China Friendly»[2]. Программы «China Friendly» начали реализовывать в 2013–2014 г. туристские администрации Великобритании, Австралии, Испании и других активно посещаемых китайскими туристами стран. С 2014 г. по инициативе Туристической ассоциации «Мир без границ» аналогичный проект реализуется в России[3].

[1] Аигина Е. В. Учет национальных и религиозных особенностей туристов при организации путешествий // Вестник КазНУ. Серия географическая. 2016. № 1/2 (42). – С. 136–142.

[2] Для получения компаниями сертификата China Friendly необходимо выполнить многие требования. В их числе: соответствие предлагаемых продуктов и услуг культурным потребностям и ожиданиям китайских туристов; персонал должен владеть китайским языком, пройти обучение особенностям китайского менталитета и этикета, иметь опыт приема китайских туристов; в идеальном случае – наличие официального сотрудничества с компаниями-партнерами и туристскими экспертными организациями в Китае.

[3] Туристическая ассоциация «Мир без границ». Программа China Friendly. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.visit-russia.ru/our-projects/programma-china-friendly .

По данным маркетинговых исследований, типичный представитель китайского выездного туристского потока – это человек среднего возраста (70 % родились в 1970–1980-е гг.), трудоустроенный, обладающий достаточно высоким уровнем доходов и проживающий в крупнейших городах страны (Шанхай, Пекин), провинции Гуанчжоу. В последние год-два к ним стали добавляться туристы из приморских провинций Цзянсу, Ляонин и Тяньцзинь, а также внутренних провинций Хубэй, Хэнань, Хэбэй и Сычуань. Наибольшим спросом среди туристов пользуются семейные поездки и поездки с друзьями продолжительностью 6–8 дней группами по 10 чел., а среди вариантов размещения наиболее популярны гостиницы средней ценовой категории. В течение одной поездки, как правило, совмещаются несколько целей: культурно-познавательные, отдых и развлечения, шопинг[1].

Туристы из Китая в отличие от западных, основная доля расходов которых приходится на размещение и иные прямые услуги, только 30–50 % средств затрачивают на оплату туристского пакета, а большую часть – на покупки, прежде всего дорогие изделия всемирно известных торговых марок. В то же время китайские туристы активно приобретают и более простые товары, качество которых сильно отличается от национальных аналогов. Так, в России особым спросом пользуются молочные продукты и молочный шоколад, мед, изделия из золота и янтаря. После скандала с некачественным детским питанием в КНР в 2008 г. туристы за рубежом закупали огромное количество детских молочных смесей, что привело к ограничению их вывоза из Новой Зеландии, а теперь и из стран Европы[2].

Туристы из Китая, как и из Японии и Республики Кореи, испытывают самые большие трудности в ориентировании и коммуникации, поэтому используют наибольшее количество электронных приложений, путеводителей и других элементов современных информационных технологий, что также необходимо учитывать при организации их обслуживания. Одним из важнейших каналов воздействия на китайского потребителя туристских услуг являются национальные социальные сети, прежде всего «WeChat», «SinaWeibo» и «QQ». В них, согласно опросам, 3/4 туристов перед поездкой ищут информацию; свыше 44% – ориентируются на советы друзей и знакомых[3]. В связи с этим туристские компании и администрации принимающих стран должны уделять особое внимание продвижению продуктов и услуг именно в китайской части интернета, используя услуги местных блоггеров.

Китайский сегмент въездного туристского потока в России имеет ярко выраженную специфику. Он «активен» в мае-сентябре с ярко выраженным пиком

[1] Market Research Report on Chinese Outbound Tourist (City) Consumption (2014–2015) // World Tourism Cities Federation (IPSOS). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.wtcf.org.cn/pdf/worldtourismcities10eng.pdf .

[2] Chinese Tourists Raid Danish Supermarkets for Infant Milk Powder. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.dairyherd.com/article/chinese-tourists-raid-danish-supermarkets-infant-milk-powder .

[3] Market Research Report on Chinese Outbound Tourist (City) Consumption (2014–2015) // World Tourism Cities Federation (IPSOS). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.wtcf.org.cn/pdf/worldtourismcities10eng.pdf .

в июле-августе и практически обнулен в зимние месяцы. В отличие от популярных европейских дестинаций, культура и образ жизни которых является для них малопонятными и чуждыми, Россия часто воспринимается как «старший брат». В возрастной структуре прибывающих доминируют лица предпенсионного и пенсионного возрастов, которые стремятся к путешествию по «старой памяти». Для такой категории туристов особый интерес представляют поездки по местам, связанным с социалистическим прошлым страны, историей коммунистического движения и его лидеров. В России разработан «красный маршрут» – культурно-познавательный 9-дневный тур с посещением «трех столиц» и родины В. И. Ленина по маршруту Москва–Санкт-Петербург–Казань–Ульяновск. Максимальное количество туристов, которое можно достигнуть при развитии проекта – 100 тыс. чел. в год[1]. В 2014 г. этот маршрут стал обладателем Гран-при Всероссийской туристской премии «Маршрут года». Традиционно самыми востребованными остаются поездки сроком на 6–8 дней (36 % общего количества), что коррелирует с данными о путешествиях китайцев в целом по миру[2]; в большинстве своем в составе организованных групп, но с каждым годом растет число индивидуалов. Это более молодые и одновременно уже более опытные туристы, которые не боятся коммуникационных и прочих трудностей и активно осваивают новые направления и виды туризма. Их расходы примерно на четверть превышают расходы организованных туристов, а география и цели поездок значительно шире. Среди таких туристов много студентов и аспирантов, обучающихся в университетах Европы, США, Канады и Японии, представителей деловых кругов, работающих с европейскими, американскими и африканскими партнерами, а также представителей быстро растущего «среднего класса», для которых создаются новые туристские продукты, разрабатываются диверсифицированные маркетинговые стратегии. Это порождает огромные новые возможности для развития туризма в России и других странах.

Заключение. Вступление Китая в эпоху массового туризма дало стране новый импульс к развитию, стабилизации экономического роста, повышению уровня и качества жизни населения. По данным Всемирного Совета по туризму и путешествиям, в настоящее время прямой вклад туризма в ВВП КНР составляет 2,5 %; его доля в занятости населения – 3,1 %, а в общем объеме капитальных инвестиций – 3 %. Относительные величины не особенно впечатляют. Но по этим показателям в абсолютном выражении Китай уступает только США[3]. Кроме того, в планах руководства страны – значительное их увеличение.

[1] Официальный сайт проекта «Красный маршрут». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://redrouterussia.com/#top.

[2] Александрова А. Ю., Майкова В. В. Китайский потребитель на российском туристском рынке // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XII Международной научно-практической конференции. МГУ имени М. В. Ломоносова, географический факультет, Москва, 25–26 апреля 2017. – АНО «Диалог культур», 2017. – С. 146–159.

[3] World Travel and Tourism Council. Travel &Tourism Economic Impact China 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/countries-2017/china2017.pdf .

Растущее внимание к туризму в КНР обусловлено не только внутренними социально-экономическими эффектами. Все чаще он рассматривается властями как инструмент «мягкой силы» влияния в геополитическом пространстве мира. Укрепление позиций Китая на международном туристском рынке продиктовано тем, что страна активно ищет новые способы усиления регионального и глобального позиционирования. Туризму отводится все больше места в политике роста популярности китайской культуры, формировании благоприятного имиджа и позитивного представления об идеологических основах китайского общества, расширении международного сотрудничества. С этим, в частности, связана всемерная поддержка на государственном уровне расширения выездного туризма. Предполагается, что к 2025 г. выездной поток из Китая достигнет 220 млн поездок, а общий объем расходов на выездной туризм удвоится. По данным ЮНВТО и COTRI, в настоящее время лишь 3,5–4 % китайцев имеют загранпаспорта и могут путешествовать за рубеж, таким образом, стоит готовиться к революционным изменениям на мировом туристском рынке.

Интересным является вопрос о том, сохранится ли специфика китайского туристского рынка и насколько долго. Мнения экспертов на эту тему расходятся. Пока большинство поездок китайских туристов совершаются в пределах стран АТР, но постепенно их география расширяется. Меняется и модель поведения китайских туристов за рубежом. Они одновременно активно глобализируются и при этом больше стараются влиться в местную культуру, узнать ее особенности и традиции, специфику посещаемых стран. По мере все более активного включения туристов из Китая в международный обмен и обогащения опытом путешествий, влияние национальных особенностей на туристский спрос может снизиться. Хотя, учитывая огромную численность населения страны, потребность в организации таких путешествий будет сохраняться еще долго.

Инициатива Китая по развитию туризма на Шелковом пути[1]

И. Н. Тикунова, А. Е. Судакова

Введение: постановка проблемы. Великий Шелковый путь, зародившийся в конце II в. до н. э. и просуществовавший до XVI в. – первая трансконтинентальная система, соединившая и обеспечившая беспрецедентный товарный и культурный обмен между великими древними цивилизациями – китайской, индийской, персидской, египетской, греческой и римской. Долгие века по караванной дороге, изначально возникшей для вывоза из Китая шелка, перемещались не только разнообразные изделия из стекла, кожи, шерсти, хлопчатобумажные ткани, военное снаряжение, предметы роскоши, золото и серебро, но и традиции, научные и религиозные знания, идеи, технологии и инновации. Великий Шелковый путь не был целостным на всем своем протяжении и имел несколько ответвлений (см. рис. 1: Е. Н. Самбурова «Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации»). Он начинался в центральной области современного Китая и вел из Сианя (современная провинция Шэнси) через Ханчжоу, Лоян и Чанъань в Дуньхуан (современная провинция Ганьсу), который считался основными «воротами» в Китай. Далее маршрут раздваивался на северный и южный путь[1]. Северная дорога проходила через Турфан (СУАР), пересекала Памир и Ферганскую долину (Узбекистан) и пронизывала степи современного Казахстана. Южная дорога после Дуньхуана огибала пустыню Такла-Макан и сходилась с северной в уездах Яркенд и Кашгар (СУАР). Далее караванный путь вел в Бактрию (территория современных Узбекистана, Таджикистана и Афганистана), пролегал через Парфянское царство (Иран, Пакистан, Ирак, Афганистан, Туркменистан, Турция, Сирия и Саудовская Аравия) и достигал средиземноморского региона. Также существовали ответвления от южного пути, ведущие в Индию, а кроме них – ряд дорог, соединявших южное и северное направления. Во время арабских завоеваний и византийско-иранских войн был проложен маршрут, ведущий через территорию Северного Кавказа, в обход политически неспокойных регионов. В дальнейшем для развития сообщения стали использоваться морские пути. Однако после эпохи великих географических открытий Великий Шелковый путь постепенно утратил свою значимость и фактически исчез.

В последние годы растет интерес к возрождению древнего маршрута на современной основе. Еще в 1987 г. появилась программа ЮНЕСКО Шелковый путь – путь диалога. Она подразумевала на платформе установления тесных контактов и улучшения отношений между странами Евразии подробное изучение и сохранение культурно-исторического наследия Великого Шелкового пути[2]. Но настоящий бум замыслов по возобновлению его функционирования возник в первое десятилетие XXI в., когда амбициозные проекты предлагались разными странами. Китайская инициатива в 2013 г. подвела черту под этими идеями, объединив их и создав проект «Один пояс – один путь», призванный восстановить и увеличить значение трансконтинентальных путей и связей между Востоком и Западом. Инициатива базируется на возможности глубокой кооперации участвующих стран, взаимном их обогащении и процветании, на чувствах уважения и ответственности друг перед другом[3]. Проект стал частью и основой концепции Новый Шелковый путь и Морской Шелковый путь 21 века. Эта концепция включает в себя не только

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-55-53109).

[1] Ахметшин Н. Х. Тайны Шелкового пути: записки историка и путешественника. М.: Вече, 2002. – 415 с.

[2] Платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». [Электронный источник]. – Режим доступа: ru.unesco.org/silkroad/.

[3] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, М-во иностранных дел, М-во коммерции. – Изд. с санкции Госсовета КНР, март 2015. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2015. – 44 с.

формирование транспортного коридора, но и широкого экономического пояса, призванного объединить большое количество участников, привести к взаимовыгодному обмену и общему процветанию государств. Основа состоит из стран, исторически находившихся на Шелковом пути, однако влияние проекта планируется распространить также на Южную и Юго-Восточную Азию (расширенный экономический пояс), Океанию и Восточную Африку (Морской Шелковый путь 21 века). Проект в перспективе должен охватить около 40 стран и 3 млрд чел.

Еще в 2013 г. высшее руководство КНР нанесло визиты в более чем 20 стран и приняло участие в ряде экономических форумов, где всесторонне представили позитивные черты новой инициативы. В результате с некоторыми странами были подписаны меморандумы о сотрудничестве, и составлена программа среднесрочного и долгосрочного развития торгово-экономического партнерства. При этом основной задачей и базовым способом улучшения экономического взаимодействия между странами региона остается строительство новейшей транспортной инфраструктуры.

Выделяется несколько причин, по которым именно Китай стал наиболее успешным и мотивированным на результат инициатором создания проекта по возрождению Шелкового пути. Во-первых, перепроизводство промышленных товаров и замедление развития внутреннего рынка вынуждает искать новые рынки сбыта. Открытие еще одного торгового маршрута в этом контексте представляется достаточно неплохим решением. Во-вторых, по мнению некоторых экспертов, проект можно назвать не только экономическим, но и геополитическим. Предполагается, что КНР реализацией данной инициативы значительно повысит свой престиж на мировой политической и экономической арене и создаст новый полюс роста. В-третьих, осуществление проекта даст возможность Китаю как выгодно вложить, так и привлечь иностранные инвестиции; удовлетворить дефицит топливно-энергетических ресурсов с прокладкой новых нефте- и газопроводов. В-четвертых, Китай заинтересован в укреплении стабильности в регионе путем повышения благосостояния населения, что особенно касается беспокойной ситуации в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также Пакистана и Афганистана. Усиление международных связей должно снизить уровень рисков.

В целом цели Китая довольно сходны с идеалами стран Западной Европы: региональная стабильность, экономическое развитие и появление новых топливных и энергетических ресурсов. Кроме того, по оценкам экспертов, это сотрудничество поможет купировать существующий конфликт европейских стран с Россией, установив взаимное партнерство в новых условиях. В чисто экономическом отношении Китай предполагает увеличить доходы от торговли со странами Нового Шелкового пути до 2,5 трлн долл. в ближайшие 10 лет, затратив при этом около 1 трлн долл. из государственных резервов[1]. Основной проблемой реализации инициативы «пояс и путь» является недостаточное финансирование этапов проекта. По различным оценкам, создание Нового Шелкового пути потребует вложений в размере от 6 до 8 трлн долл. только в ближайшие 5–10 лет. В ответ на этот вызов Китай анонсировал создание ряда финансовых институтов.

[1] The new Silk road // The Economist. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.economist.com/news/special-report/21663326-chinas-latest-wave-globalisers-will-enrich-their-countryand-world-new-silk-road.

Одним из самых эффективных механизмов развития солидарности и сотрудничества стран является развитие международного туризма. Сегодня Шелковый путь – это пестрое пространство, богатое туристскими дестинациями и туристскими продуктами, основанными на богатой истории, разнообразии природных условий и культурных традициях народов этой территории. Кроме того, сооружение транспортных коридоров, предполагаемое в проекте, только поспособствует ускоренному развитию туризма в странах Шелкового пути, а туристская индустрия, в свою очередь, упростит установление культурных контактов участников.

Концепция туризма по Шелковому пути была впервые затронута на Генеральной Ассамблее ЮНВТО в Индонезии в 1993 г. В связи с возродившимся интересом к Шелковому пути – ростом культурного обмена, торговли и туризма – в ЮНВТО решили поддержать идею восстановления древнего пути, соединявшего Восток и Запад. Работая вместе с ЮНЕСКО, программа ЮНВТО объединила 33 страны, предлагая туристский концепт, сфокусированный на культурном и природном наследии, а также на возможности использования разнообразных транспортных средств (морские и континентальные маршруты). В настоящий момент программа Шелковый путь выработала несколько блоков основных задач, которые включают в себя создание маршрута с максимально «проницаемыми» границами, всеохватывающий статус туризма в регионе, взаимовыгодное сотрудничество участников, видение туризма как агента, укрепляющего мир и культурное взаимопонимание и сохраняющего культурное и природное наследие. Предполагается создание узнаваемого бренда Шелкового пути, формирование высококачественной инфраструктуры, организация поддержки туристского сектора со стороны государств, а также тесное сотрудничество между странами, подготовка современных систем управления культурным наследием, обеспечение заботы об окружающей среде и продвижение межкультурного диалога. Описание данной концепции включает в себя и развитие транснационального туризма, связанного с историческим наследием Шелкового пути, а также развитие других видов международного туризма (культурно-исторический, гастрономический, спортивный, морской и др.) на территории заинтересованных стран-участниц проекта и между ними.

При колоссальном потенциале большой проблемой для ускоренного развития международного туризма является глубокая неоднородность стран-участниц запускаемых проектов по общим масштабам и возможностям, уровню социально-экономического развития, стабильности политической обстановки. Шелковый путь объединяет страны-гиганты (Россия, Китай) и страны-карлики (Сан-Марино, Армения); флагманов мировой экономики (Япония, Италия, Израиль) и аутсайдеров (Таджикистан, Бангладеш); страны со сформированным сектором туризма (Италия, Греция, Турция, Хорватия) и только формирующимся. В целях безопасности туристам рекомендуется

воздержаться от посещения ряда государств. Так, в 2006 г. в Ираке террористическими группировками были уничтожены усыпальницы имамов в Самарре (древний город на Шелковом пути), а в 2015 г. – руины древнего города Хатры. Восстановление данных объектов ЮНЕСКО потребует в дальнейшем множество усилий и инвестиций со стороны государства и других институтов[1]. Из-за военных действий в настоящий момент недоступны культурно-исторические объекты Сирии. Такое положение дел значительно затрудняет процесс принятия соглашений странами-участницами программы ЮНВТО по вопросам сотрудничества в области туризма и выстраивания единой транспортной сети и единого стандарта в сфере обслуживания. Вместе с тем именно природное и культурное разнообразие стран вдоль Шелкового пути делает этот туристский маршрут столь привлекательным для туристов.

22 июня 2014 г. Великий Шелковый путь был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Заявка на включение древнего торгового пути была подана совместно Китаем, Казахстаном и Киргизией. В результате в список наследия был внесена сеть маршрутов Чанъань–Тянь-Шанского коридора, пролегающего по территории трех стран с общей протяженностью около 5 тыс. км. В составе этого коридора в список вошли 33 объекта, отражающие культурный и научный обмен (столицы, дворцовые комплексы, буддийские пещерные храмы, древние пути, почтовые отделения, сигнальные башни, участки Великой Китайской стены и др.)[2]. В дальнейшем ожидается поступление предложений подобного типа. Всего ЮНЕСКО выявлено 54 возможных коридора Шелкового пути, охватывающих более 150 тыс. км.

Особые рекреационные объекты Шелкового пути как первооснова действующих туристских маршрутов. Древняя магистраль, беря начало в Сиане и проходя через разные страны, связывала множество городов, включая Кашгар, Урумчи, Яркенд, Лхасу, Хотан, Лэшань и др. (табл. 1). К морскому участку маршрута Шелкового пути в Китае относят, прежде всего, города Нинбо и Цюаньчжоу. Многие из них и по сей день являются крупными культурными, историческими и экономическими центрами своих стран. На их территории или рядом с ними сохранились различные объекты, имеющие неоценимое культурное, историческое и археологическое значение и зачастую включенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Закономерно, что в *Китае* их наибольшее число находится в провинциях Шэньси, Ганьсу, СУАР, Цинхай и НХАР. К ним относятся Мавзолей первого императора династии Цинь и знаменитая Терракотовая армия (Шэньси), пещерные храмы Могао (Ганьсу), участки Великой Китайской стены (Ганьсу, Шэньси, СУАР, Цинхай, НХАР), а также часть Тянь-Шаня (СУАР). В предварительный список ЮНЕСКО входят участки горы Майцзишань и Ярданги в Дуньхуане (Ганьсу), Имперские гробницы в НХАР, древние жилые дома и городские стены ди-

[1] Уничтожение культурного наследия народов // Отдел новостей и СМИ ООН, новостной портал. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/198997/#.WRXyrNLyhPZ .

[2] Платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». [Электронный источник]. – Режим доступа: ru.unesco.org/silkroad/.

Таблица 1. Города Шелкового пути

Регионы	Страны	Города
Юго-Восточная Азия	Китай	Кашгар, Туофан, Гаочанг, Лэшань, Урумчи, Сиань, Дуньхуань, Яркенд, Лхаса, Лоян, Лэшань, Керия, Бишбалык, Гума, Лоулань, Ташкургн, Хами, Хотан, Цзинцзюэ, Чанъань, Чарклык, Черчен, Ланьчжоу, Цюаньчжоу
	Япония	Нара
	КНДР	Пхеньян
	Республика Корея	Кёнджу, Ульсан
Южная Азия	Пакистан	Мултан, Кветта, Барбарикон, Таксила, Гилгит
	Бангладеш	Вари-Багешвар, Дакка, Пундранагар, Викрампур
	Индонезия	Шривиайа, Пасай
Центральная Азия	Узбекистан	Бухара, Самарканд, Ташкент, Шахрисабз, Варашха, Варданзи
	Туркменистан	Ургенч, Хива, Ниса, Мерв, Куня-Ургенч, Амуль, Ниса
	Таджикистан	Худжанд, Истаравшан, Канибадан, Махрам
	Кыргызстан	Торугарт, Джуль, Суяб, Новокент, Баласагун, Борскооня, Ош, Таш-Рабат, Навакет
	Казахстан	Тараз, Алматы, Туркестан, Отрар, Сус, Мерке, Сайрам, Джамукат, Навакет, Куль, Акырстас, Карамерген
	Монголия	Каракорум, Хара-Балгас
Ближний Восток	Турция	Стамбул, Бурса, Измир, Сафранболу, Арданuч
	Сирия	Алеппо, Пальмира, Дамаск, Ракка
	Египет	Айас, Александрия
	Ирак	Мосул, Багдад, Самарра
	Иран	Керманшах, Тегеран, Ормуз, Нишапур, Хамадан, Себзевар, Бам
Закавказье	Азербайджан	Тебриз, Баку
	Грузия	Тбилиси, Сухум
	Армения	Ереван
Европа	Италия	Венеция, Рим
	Греция	Афины, Олимпия, Суфли, Салоники, Тессали
	Болгария	Худжанда
	Россия	Астрахань, Судак, Дербент, Елабуга, Улан-Удэ, Светлоград, Феодосия, Магас, Машаикское
	Хорватия	Дубровник, Сплит

настий Мин и Цин (Шэньси), хребет Кукушили и озеро Кукунор (Цинхай). Особенно богат на достопримечательности предварительный список СУАР: леса евфратского тополя в Такла-Макан, колодцы «кяриз» и Китайский Алтай. Кроме этого, непосредственно к культурно-историческому наследию Шелкового пути относится гора Эмэйшань и статуя «Большой Будда». Все объекты, расположенные в крупных исторических городах или рядом с ними сравнительно хорошо оборудованы для пребывания туристов и имеют достаточную транспортную доступность. Тем не менее, участки Великой Китайской стены не открыты для массового посещения, труднодоступны многие крупные природные объекты. Туристский сайт Китая предлагает большое количество информации и туров, связанных с древним торговым путем.

В *Монголии* находится один официальный объект ЮНЕСКО, связанный с Шелковым путем – это культурный ландшафт долины реки Орхон, считающийся памятником культуры кочевых народов, осуществлявших торговлю по древним путям.

В *Казахстане* занесены в список ЮНЕСКО 8 объектов, представляющих собой древние городища Каялык, Карамерген, Талгар, Актобе, Акыртас, Кулан, Костобе и Орнек. Наиболее известны из них Акыртас и Отрар, а также Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави в древнем Туркестане. Ожидают включения в список, руины крепости Сауран, а также мавзолеи Карахана в Таразе и Айша-Биби и Бабаджа-хатун. Туристскими компаниями страны предоставляются, как правило, туры, посвященные отдельным городам. На территории Киргизии особый интерес представляет Чуйская область с городищем Суяб, а также священная гора Сулайман-Тоо, расположенная рядом с древним городом Ош. В целом через *Киргизию* проходило три ветви Шелкового пути (Северная, Южная и Ферганская), следовавшие через живописные горные ландшафты. Туристский информационный центр Киргизии уделяет особое внимание развитию туризма, связанного с историко-культурным наследием Шелкового пути, предлагая ряд многодневных маршрутов, включающих показ не только исторических объектов, но и природных, а также знакомство с местной кухней. Тем не менее, данные туры скорее можно отнести к экстремальному, спортивному или экологическому туризму, так как они зачастую не обеспечены стандартной инфраструктурой индустрии гостеприимства и транспорта. В целом, вследствие низкого уровня экономического развития страны туризм здесь развит еще слабо, несмотря на обширные природные и культурные ресурсы. Жемчужины *Узбекистана* это в первую очередь исторические центры древних городов Бухара и Самарканд; *Туркменистана* – город Кёнеургенч и древние руины Мевра, а Таджикистана – дворцовые и культовые сооружения поселения Саразм.

В странах Ближнего Востока транспортная и туристская инфраструктура развита лучше, чем в странах Средней Азии. Кроме того, здесь в целом отмечается большая концентрация объектов культурно-исторического наследия ЮНЕСКО, не связанных напрямую с Шелковым путем (например, в Иране насчитывается 20 объектов, в Турции – 16). Объекты ЮНЕСКО, связанные с ним, присутствуют на территории почти всех стран региона. Так, в *Иране* ЮНЕСКО выделяет культурные ландшафты города Бам и исторический комплекс базара в Табризе, в *Пакистане* – город Таксила и исторические памятники в Макли, в Ираке – древний город Самарра (в настоящий момент сильно подвержен разрушению), в *Сирии* – старый город в Халебе, в *Турции* – город Сафранболу, а в *Саудовской Аравии* – археологический объект Мадаин-Салих. Эти факторы делают этот регион в целом более успешным в сфере туризма, однако, непростая политическая ситуация, конфликтогенность и закрытость многих стран значительно снижают вес данных преимуществ. Наиболее полную информацию о путешествиях по стране на информационном портале предоставляет Иран, в этом государстве существует отдельный бренд культурно-исторического туризма по Шелковому пути (Iran Silk Road). Много внимания уделяют Шелковому пути и различные туристские организации Турции. Отдельные проекты тематического туризма существуют в Пакистане.

Среди стран Закавказья только в *Азербайджане* ЮНЕСКО отдельно выделяет объект культурного наследия Шелкового пути – старую крепость в Баку с Дворцом Ширваншахов, в которой отражено влияние культуры множества народов, следовавших через данную местность. Тем не менее, все Закавказье имело большое значение для функционирования Шелкового пути из-за транзитного положения и благодаря большей политической стабильности этого региона на отдельных отрезках истории. Особенно его роль была высока во времена развития торгового пути Волга – Каспий. Сохранились древние столицы, религиозные и другие архитектурные объекты (многие из них включены в список ЮНЕСКО, но еще не отмечены организацией, как непосредственно относящиеся к Шелковому пути).

На этом участке (Северная ветвь) также был важен для торговли Кавказский регион России с основными торговыми центрами в городах Дербент и Магас, в Астрахани и древние города Крыма. Отдельные элементы исторического облика Дербента включены в список наследия ЮНЕСКО. Всего в России имеющими отношение к Шелковому пути были названы около 30 субъектов. Они расположены по южной границе государства: в Сибири, Приуралье, в Причерноморье и на Кавказе. Многие из данных регионов включили в разработку различные проекты, связанные с развитием тематического культурно-исторического туризма, и для российского туризма Шелковый путь был определен как перспективное направление развития. Так, в 2015 г. координационный совет по развитию курортов и туризма «Ассоциация Юг» представил проект межрегионального туристского маршрута «Великий Шелковый путь», который реализуется на территориях Краснодарского края, Астраханской, Ростовской, Волгоградской областях, а также в республиках Калмыкии, Адыгеи и Крыма. Препятствием для развития тематических маршрутов по южной границе России является слабая обеспеченность многих заинтересованных регионов туристской и транспортной инфраструктурой, особенно в восточной части страны. Тем не менее, в 2015 г. Россия вошла в десятку лидеров мира по популярности среди стран Шелкового пути.

Европейский регион традиционно не ассоциируется с Шелковым путем, хотя именно туда направлялись все ветви грандиозного торгового пути. В рамках проекта ЮНЕСКО Шелковый путь особенно отмечен объект всемирного наследия «Венеция и ее лагуна» как особый торговый центр про-

шлого. При этом Италия, несмотря на более опосредованное отношение к древнему маршруту, чем страны Средней Азии и Китая, в 2014 г. занимала 1-е место по ассоциациям туристов с Шелковым путем[1].

След Шелкового пути в странах Европы, в первую очередь в Италии и Греции, проявляется за счет местных шелковых производств. В старых торговых городах этих стран существует множество тематических музеев, связанных с производством шелковых тканей и другими восточными ремеслами, а также заметны некоторые особенности национальной кухни, возникшие под влиянием межнациональной торговли. Хорватия свою связь с Шелковым путем определяет через развитие бренда «Родина Марко Поло»[2]. Тем не менее, масштабы культурно-исторического наследия Шелкового пути в этих странах куда меньше, чем в восточных странах. Однако благодаря хорошему развитию транспортной инфраструктуры и насыщенности предложения индустрии гостеприимства, а также благодаря большей узнаваемости этих стран как традиционных туристских направлений, многие туристы предпочитают знакомиться с Шелковым путем именно в Южной и Восточной Европе.

Европа также была связана с Китаем во многом через Морской Шелковый путь. Он имеет отношение и к таким странам как Япония с историческими памятниками древнего столичного города Нара, Индонезия с храмовым комплексом Борободур, Бангладеш и, еще не принимающая участие в проекте, Индия. Япония, вследствие высокого уровня экономического развития, а также благодаря высоким стандартам в сфере гостеприимства и наличию одной из лучших в мире транспортных систем, по мнению ЮНВТО, наряду с Китаем входит в число ключевых туристских рынков проекта.

В результате работы ЮНВТО у многих государственных туристских организаций и у частных туроператоров пробудился интерес к развитию тематического маршрута по Шелковому пути. С появлением инициативы «пояс и путь», путешествия по нему становятся все более известными и популярными для массового туриста. В настоящий момент различными компаниями предлагаются не только туры в отдельные страны, но и трансграничные маршруты. Например, существуют большие туры продолжительностью более месяца по маршруту Китай – Киргизия – Узбекистан – Туркменистан – Иран. Другой вариант: Китай – Киргизия – Узбекистан – Туркменистан – Иран – Турция. Известны туры по странам Закавказья Азербайджан – Армения – Грузия. Возможны короткие путешествия по парам граничащих государств (Узбекистан – Киргизия, Узбекистан – Таджикистан, Азербайджан – Грузия и т. д.). Среди туров по Шелковому пути внутри отдельных стран особенно отличается разнообразием туристское предложение Китая, обычно включающее 6–8 городов. Кроме того, Шелковый путь – это не только города и музеи артефактов, но и привлекательные природные ландшафты, многие из которых в настоящий момент имеют статус заповедных и включены в список наследия ЮНЕСКО.

[1] TripAdvisor Travel Trends for the Silk Road // UNWTO Silk Programme. – 2016.

[2] План действий по Шелковому пути 2014/2015 // ЮНВТО. – 2014.

Широкую огласку приносят Шелковому пути различные акции, такие, как, например, ралли-марафон, в котором принимает участие более 40 стран[1]. С 2016 г. его маршрут общей протяженностью 10,7 тыс. км берет начало в Москве и проходит по территории трех стран: России, Казахстана и Китая.

Заключение. Шелковый путь в современных условиях, несомненно, завладевает все большим вниманием со стороны руководства многих государств и представителей крупного бизнеса, а также обычных граждан. Большое значение для развития туризма получает слияние усилий, с одной стороны, ЮНЕСКО и ЮНВТО, а с другой – инициативы Китая «пояс и путь», нацеленных на активизацию трансграничного и транснационального сотрудничества, взаимосвязь транспортной инфраструктуры (например, строительство таких железнодорожных путей, как Москва – Казань и Хоргос – Актау), снижение визовых преград и т. д. В свою очередь туризм имеет особое значение для экономики многих стран Шелкового пути. Принося значительный прямой вклад в ВВП, отрасль благодаря высокой мультипликативности, оказывает влияние на большое количество различных видов деятельности (строительство, транспорт, сервис, городская инфраструктура и др.). Кроме того, это мощный фактор привлечения инвестиций и крупных ТНК, а также диверсификации отраслевой структуры хозяйства и его ускоренного развития в целом.

Несмотря на ряд проблем политического и социально-экономического характера, требующих ускоренного решения, потенциал тематического туризма по Шелковому пути колоссален и в первую очередь базируется на объектах культурно-исторического наследия в древних городах, некогда стоявших на торговом маршруте. Наибольшая часть этих объектов находится в Китае и других странах Азии. При этом необходимо отметить, что большая доля таких достопримечательностей приходится на не вполне благополучные страны, где туристская индустрия развита слабо. По оценкам, особенно перспективны два новых вида туризма: трансграничного и транснационального. Трансграничный туризм в некоторых случаях служит основой для развития отсталых районов стран, а также для снижения барьерной функции границ между государствами. Транснациональный – для появления и углубления взаимодействий, интеграционных процессов между странами, для снижения политического напряжения. Примеры крупных туров, распространяющихся на три и более страны, существуют уже в настоящее время. Появляется все больше локальных (государственных и региональных) проектов, направленных на создание бренда и туристского продукта, связанного с этим древним путем. Приводит к сотрудничеству и выполнение задач стран по сохранению культурно-исторического наследия, находящегося на смежных территориях.

Инициатива Китая «пояс и путь» и развитие туристской отрасли в странах Шелкового пути тесно взаимосвязаны между собой, преследуют схожие цели и благотворно влияют друг на друга.

[1] Оф. сайт Ралли Silk way. – [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.silkwayrally.com/ru/rally2016/ .

Китай в географии мировой телефонной связи в конце XX – начале XXI века[1]

А. В. Нагирная, О. А. Ушакова

Введение: постановка проблемы. Мировая телефонная связь претерпела революционные изменения в конце XX – начале XXI в. в связи с появлением мобильного телефона и конвергенцией на его базе всех предшествующих ИКТ[2]. В результате существенные сдвиги произошли как в географии распространения телефонной связи, так и в индустрии средств телефонной связи. Данный раздел посвящен исследованию меняющейся роли Китая – крупнейшего в мире рынка и производителя мобильных телефонов – в географии мировой телефонной связи в конце XX – начале XXI в., а также анализу региональных закономерностей производства и потребления телефонной связи в Китае.

Динамика развития телефонной связи в Китае. Специфика географического положения КНР предопределила закономерности развития и распространения на ее территории различных видов связи. Огромная территория с многообразием ландшафтов, значительную часть которой составляет гористая местность, существенно ограничивают физические и экономические возможности прокладки проводных, кабельных и оптоволоконных линий связи. Нехватка проводной телефонной связи стала одной из причин стремительного распространения услуг мобильной телефонии.

Всего четверть века назад, в 1990 г., уровень телефонизации Китая был крайне низким – менее одного абонента на 100 жителей, тогда как в наиболее развитых странах на 100 жителей уже приходилось более 50 телефонов. К 2000 г. уровень интегральной телефонизации страны[3] составил 17 абонентов на 100 жителей (рис. 1). За 1990–2005 гг. проникновение стационарной связи увеличилось с 0,5 до 27 абонентов на 100 жителей, достигнув своего пика. На конец периода абонентская база мобильной связи превысила по своим абсолютным показателям стационарную (393,5 млн абонентов мобильной связи против 350 млн абонентов стационарной), а интегральная телефонизация составила 56 абонентов на 100 жителей. С этого момента численность абонентов мобильной связи продолжала расти, а емкость сети стационарной связи начала сокращаться. Таким образом, уровень интегральной телефонизации КНР до начала 2000-х гг. рос преимущественно за счет стационарной

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01213 «Региональные закономерности информатизации общества и распространения информационно-коммуникационных технологий»

[2] Нагирная А. В. Революционные изменения в географии мировой телефонной связи // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н.А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 191–201; Самбурова Е. Н., Ткаченко Т. Х. Различия в развитии ИКТ-комплексов Индии и Китая // Мат. межд. науч.-практ. конф. «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания». М.: Экон-информ, 2014. – С. 80–83.

[3] Измеряется совокупным числом абонентов мобильной и стационарной связи на 100 жителей.

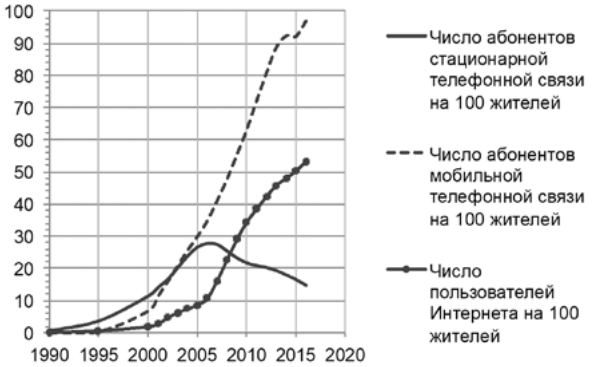


Рис. 1. Динамика распространения различных информационно-коммуникационных технологий в Китае, 1900–2016 гг. (составлено А. В. Нагирной по: International Telecommunication Union: Country ICT Data 2000–2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx)

связи, а с середины первого десятилетия XXI в. и по настоящий момент – за счет роста абонентской базы мобильной связи. В 2013 г. интегральная телефонизация КНР достигла среднемирового уровня и составила 109 абонентов на 100 жителей, в 2016 г. – 112.

Уровень проникновения мобильной связи в ближайшее время достигнет 100 абонентов на 100 жителей, что значительно ниже, чем в России (163/100), Бразилии (119/100) и немногим выше, чем в Индии (87/100). Таким образом, китайский рынок мобильной телефонной связи еще не достиг стадии насыщения и обладает большим потенциалом для дальнейшего роста.

Региональные закономерности распространения телефонной связи в Китае. В распространении телефонной связи четко прослеживаются региональные диспропорции, характерные для общего экономического развития страны в последние 30 лет (рис. 2, 3). Огромная территория Китая всегда была неоднородна по уровню социально-экономического развития. Углубление диспропорций в развитии регионов Китая рассматривается руководством страны как одна из главных проблем, выявившихся после экономической реформы 1978 г. На первом этапе (1980-е гг.) региональная политика в КНР была направлена на опережающее развитие приморских провинций. На втором этапе (1990-е гг.), когда начали резко возрастать территориальные контрасты, китайское правительство отказалось от поддержки ускоренного роста Востока, однако благодаря созданию системы «открытых городов» и «открытых районов», а также воздействию других внешнеэкономических факторов разрыв сохранялся и усугублялся. На третьем этапе, начиная с 2000-х гг., уполномоченные структуры стали предпринимать серьезные усилия, направленные на развитие внутренних районов страны: федеральные программы и отмена налоговых льгот для предприятий с иностранным капиталом (с 2007 г.), вве-

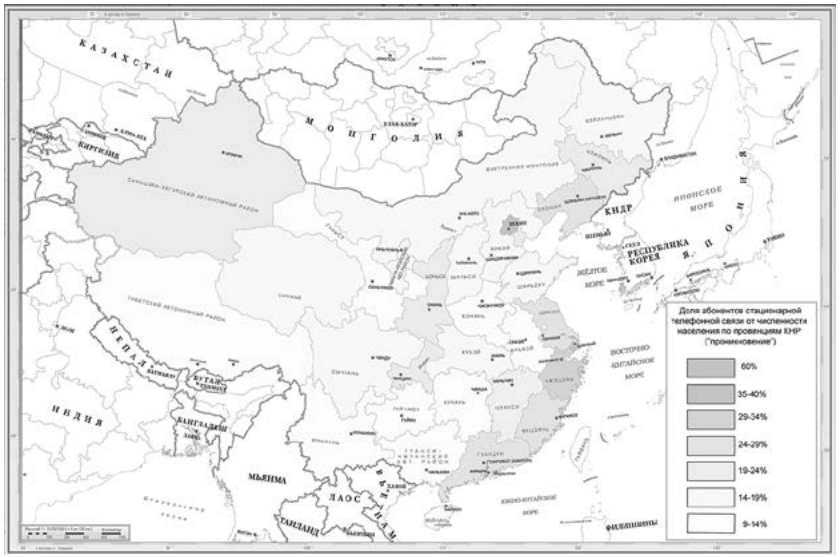


Рис. 2. Распространение стационарной телефонной связи на территории Китая, 2014 г.
(источник: Ушакова О. А. Китай: география телефонной связи // География в школе. 2017. № 8. – С. 23–27)

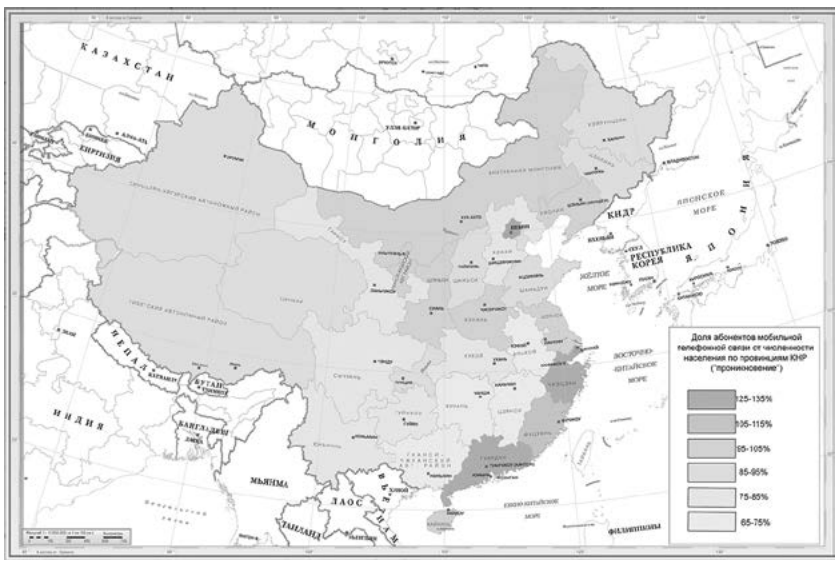


Рис. 3. Распространение мобильной телефонной связи на территории Китая, 2014 г.
(составлено Ушаковой О. А. по: China Statistical Yearbook, 2014. Beijing, 2014. – P. 287)

дение единых ставок налога на прибыль – 25 % по всему Китаю[1] и т. д. Однако, несмотря на принятые меры, восточные регионы все еще остаются намного более успешными в хозяйственном и социальном отношении. Внешнеэкономические факторы оказывают мощное влияние на опережающее развитие приморских провинций.

Место КНР в глобальной системе трафик-потоков телефонной связи. Анализ структуры трафик-потоков телефонной связи в КНР выявил доминирование мобильной телефонии и слабую интеграционную связь между сетями стационарной и мобильной связи. Основная часть исходящего трафика приходится на звонки мобильной связи (94 %), из которых местные мобильные вызовы внутри каждой отдельно взятой провинции составляют в среднем 89 %, на местный роуминг внутри страны (трафик между провинциями) приходится 4,8 %, доля международного мобильного трафика совсем незначительна – меньше 0,2 % всего трафика Китая. Удельный вес стационарной связи в последние годы постоянно снижается и составляет 6 % от общего телефонного трафика Китая. При этом 5 % приходится на местные вызовы и 1 % – на междугородние[2]. Таким образом, по типу внутренней телефонной коммуникации Китай можно отнести к странам мобильного типа, в которых преобладают трафик-потоки сети мобильной связи[3]. Средний объем трафика мобильной телефонной связи на душу населения в КНР в 2014 г. составил 4278,8 минут в год, что соответствует уровню высокоразвитых стран. В некоторых городах и провинциях выявлены еще более высокие показатели – Пекин (7 тыс. минут в год), Чжэцзян (6 тыс.), Гуандун (6,6 тыс.), Шанхай и СУАР (по 5,5 тыс. минут в год). Для сравнения в 2014 г. в странах с ВВП на душу населения более 20 тыс. долл. средний объем телефонного трафика составил 3390 минут в год на чел., в странах с душевым ВВП в диапазоне 10–20 тыс. долл. – 2340 минут, 5–10 тыс. долл. – 2860 минут, а при душевом ВВП менее 5 тыс. долл. – 1184 минут[4].

Невысокая доля телекоммуникационных взаимодействий между провинциями Китая и крайне низкая доля международного трафика обусловлены тем, что для крупнейших развивающихся стран характерен минимальный уровень международной телекоммуникационной «открытости». И хотя объем международного телефонного трафика Китая увеличился за последние два десятилетия более чем в 13 раз, на него приходится лишь 0,2 % всего телефонного трафика страны. Крупные страны, как правило, оказываются более ориентированными на развитие внутренних связей, чем внешних. Также в значительной степени низкий уровень международной телекоммуникатив-

[1] Самбурова Е. Н. Региональные проблемы Китая как отражение его бурного роста // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. – С. 50–59.
[2] China Statistical Yearbook, 2014. Beijing, 2014. – P. 287.
[2] Нагирная А. В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 5. – С. 30–40.
[4] Нагирная А. В. Революционные изменения в географии мировой телефонной связи // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.–Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 191–201.

ной «открытости» обусловлен низкой долей иммигрантов в населении Китая (менее 0,3 %), ведь международные миграции являются сегодня ключевым фактором формирования межгосударственных телекоммуникационных трафик-потоков[1].

Структура международных телефонных разговоров показала, что Китаю, также как и России, свойственна внутрирегиональная мононаправленность внешних коммуникаций. 3/4 всего международного трафика Китая циркулирует внутри АТР, и основными партнерами являются Гонконг (Сянган), Тайвань и Макао (Аомэнь). Однако выявлена тенденция к диверсификации международного голосового общения Китая: если 20 лет назад на Гонконг (Сянган), Тайвань и Макао (Аомэнь) приходилось 65 % внешнего телефонного трафика Китая, то сегодня – уже только половина. Медленно растет доля всех остальных направлений. Почти 1/4 трафика приходится сейчас на другие страны АТР (Японию, Республику Корею, Сингапур и др.), около 16 % – на страны Северной Америки (прежде всего США), 6 % – на государства Западной Европы, доля СНГ (главным образом России) составляет 1,5 % (рис. 4, 5).

Анализ разделения трафика на входящие и исходящие потоки за последние 20 лет выявил движение Китая от реципиентной к сбалансированной модели в международных голосовых коммуникациях. Если в 1996 г. на исходящие звонки приходилось 36 % всей продолжительности международных телефонных разговоров, то к 2015 г. – уже 41 %, что свидетельствует об активизации Китая в международном телекоммуникативном пространстве.

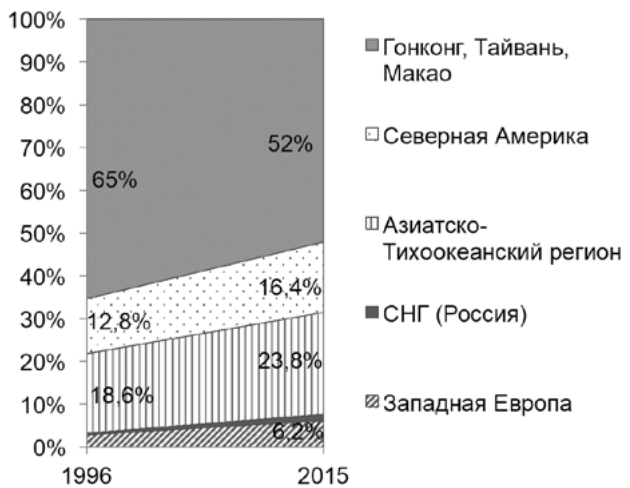


Рис. 5. Место Китая в международных потоках телефонной связи, 2015 г.
(составлено А. В. Нагирной по: TeleGeography Report & Database, 2016)

[1] Нагирная А. В. География международной телефонной связи // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Естественные науки. 2017. № 4 (28). – С. 74–86.

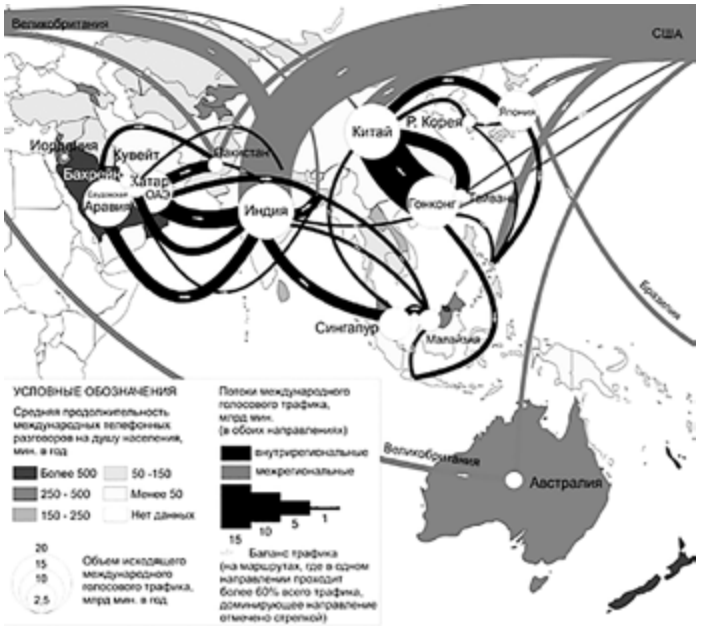


Рис. 4. Региональная структура международных голосовых трафик-потоков Китая, 1996–2015 гг.
(составлено А. В. Нагирной по: TeleGeography Report & Database, 2016)

Место Китая в мировом производстве мобильных телефонов. Современный мобильный телефон принял на себя весь спектр функций предыдущих ИКТ и стал ключевым товаром информационной эпохи. Мировой рынок производства мобильных телефонов постоянно трансформируется с момента его становления в конце XX в. до настоящего времени. Можно выделить несколько следующих исторических этапов в его развитии:

1) середина 1990-х гг. – зарождение индустрии, появление первых производителей преимущественно европейских и американских: «Nokia» (Финляндия), «Motorola» (США), «Siemens» (Германия), «Alcatel» (Франция), «LG» и «Samsung» (Республика Корея), выпуск широкой линейки аппаратов в разных ценовых категориях;

2) начало 2000-х гг. – появление первых смартфонов «Nokia» (Швеция), «Ericsson» (Швеция), «HTC» (Тайвань), становление индустрии портативных коммуникаторов, разработка специальных операционных систем для мобильных телефонов от ведущих мировых компаний – «Microsoft», «Google», «Android», «Linux», «Symbian»; а также развитие схемы производства тайваньскими ODM компаниями[1] («Foxconn Electronics», «Pegatron Technology»

[1] ODM-контракт (от анл. original design manufacturer) – вид сотрудничества двух компаний, при котором одна компания заказывает другой разработку и производство некоторого товара, а выпускает в продажу его потом уже под своей торговой маркой.

и «Inventec») большей части выпускаемых в мире мобильных телефонов и смартфонов, преимущественно на территории КНР;

3) конец первого десятилетия XXI в. – появление iPhone и других смартфонов с сенсорным экраном («Samsung», «HTC», «LG» и др.), консолидация рынка, продажа бывшими лидерами рынка («Alcatel», «Nokia», «Motorola», «Siemens») своих подразделений по разработке и производству мобильных телефонов китайским производителям. Стратегия китайских компаний преследовала две цели: покупку хорошо известного на мировых рынках бренда, чтобы начать с ним экспансию за пределами КНР, или покупку предшествующих технологических разработок. Первый случай хорошо иллюстрирует китайская компания «BenQ-Siemens»: при поглощении в первую очередь приобретался бренд, под которым китайский производитель начал вывод продукции на внешние рынки. Второй – компания «Lenovo», поглотившая крупнейшего американского производителя мобильных телефонов из США (до появления iPhone), и, спустя несколько, окончательно отказавшаяся от использования бренда «Motorola». Это было продиктовано тем, что клиенты, приобретавшие ранее американские аппараты, оказались не заинтересованы в продукции китайского производства. Французский «Alcatel» был выкуплен крупной китайской корпорацией «TCL» в 2013 г., бренд «Nokia» также разрабатывается китайской компанией «FIH Mobile» (дочерняя компания «Foxconn») и новообразованной «HMD Global». С конца 2000-х годов на мировом рынке производства смартфонов существует две крупнейшие конкурирующие друг с другом компании – «Apple» и «Samsung», все другие крупные производители телефонов стараются догнать их или сохранить свои позиции в объеме продаж;

4) конец второго десятилетия XXI в. – экспансия смартфонов китайских фирм («Huawei», «Meizu», «Xiaomi», «Oppo», «ZTE») с высокой производительностью, широким набором функций и более низкими ценами в сравнении с лидерами рынка – iPhone и Samsung. В 2016 г. китайские компании почти догнали «Apple» и «Samsung» по объемам продаж, укрепив позиции в различных сегментах рынка – от дешевых до дорогих премиальных устройств. По данным аналитической компании «TrendForce», в 2015 г. общемировые поставки смартфонов достигли 1,3 млрд шт. Бренды из КНР вместе взятые выпустили 539 млн аппаратов или более 40 % от общего числа, чуть больше – 547 млн аппаратов – на двоих подготовили к продаже «Samsung» и «Apple». Китай стал мировым лидером по производству мобильных телефонов.

География производства средств мобильной связи в КНР. На этапе становления индустрии производители стремились располагать фабрики в наиболее развитой восточной прибрежной части страны. Однако за последние годы уровень жизни в КНР резко вырос. Если в конце XX в. ВВП на душу населения составлял 800 долл., то в 2015 г. – уже 8000 долл.[1]. Началась миграция производства во внутренние районы КНР с более дешевой рабочей силой, а также в другие страны Азии, например, во Вьетнам. Отдельно стоит

[1] China Statistical Yearbook, 2014. Beijing, 2014. – P. 287.

отметить появление фабрик китайских производителей рядом с крупными мировыми рынками сбыта, освоение которых является их приоритетной задачей. Так, происходит активное увеличение производственных мощностей китайской быстрорастущей компании «Xiaomi» на востоке Индии[1]: начав продажи в 2013 г., к 2016 г. она заняла 2-е место на местном рынке смартфонов с выручкой, превышающей 1 млрд долл.

В Китае наглядно прослеживается поляризация распределения производств, которые сосредоточились в крупных городах – Пекине, Шанхае, Тяньцзине и наиболее экономически развитых прибрежных восточных провинциях – Фуцзяне и Гуандун, а также в развивающихся инновационных кластерах во внутренних районах страны. В пределах остальной территории производство либо отсутствует, либо масштабы его совсем невелики (рис. 6). Наибольший объем – 198 млн шт. – выпускается в Чжэнчжоу (провинция Хэнань), где располагается завод фирмы «Foxconn» по сборке iPhone. На этих же производственных мощностях производится сборка «Xiaomi».

Чэнду в провинции Сычуань (33 млн шт.) и Чунцин (176 млн шт.) – два города, где с начала 2000-х гг. организуется производственный кластер высокотехнологичной продукции. Это яркий пример миграции инновационного сектора промышленности из развитых приморских восточных провинций во внутренние западные районы КНР. Первыми перенесли заводы в этот регион производители компьютеров – компании «Hewlett-Packard» (HP), «Acer» и «Asustek Computers» (в Чунцин), «Dell» и «Lenovo» (в Чэнду). Здесь же многие из этих компаний выпускают смартфоны и планшеты. За ними последовали крупные тайваньские компании по контрактному производству («Wistron», «Inventec»). Одной из причин, помимо снижения издержек за счет

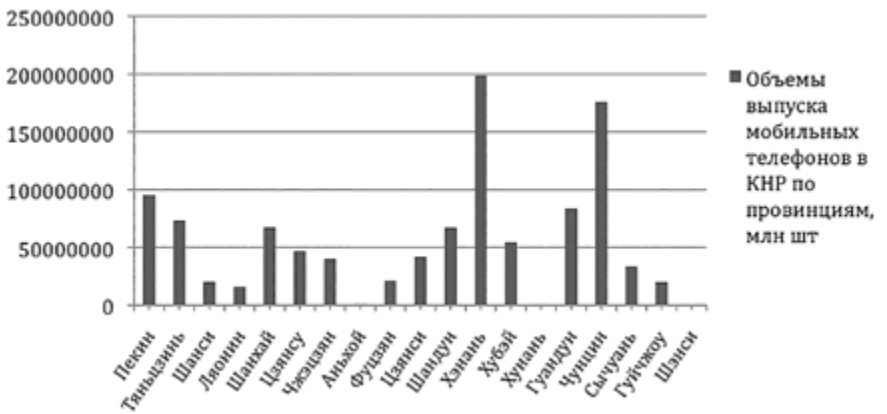


Рис. 6. Объемы выпуска мобильных телефонов КНР по провинциям в 2015 г., шт.
(источник: China Industry Statistical Yearbook 2016. China Statistics Press. – 587 p.)

[1] Китайская четверть // Ведомости. 2017. № 4276.

более низких зарплат, является хорошо отлаженные логистические каналы и сервисы, связанные с ними. Высокие показатели в провинции Хубэй – следствие располагающегося в Ухане завода «Lenovo».

В настоящее время Китай занимает 1-е место по производству мобильных телефонов, однако, здесь производится сборка телефонов: наиболее частый способ сотрудничества с китайскими фабриками – CM (Contract Manufacturing), производство по контракту. В этом случае компания-производитель обязуется выполнить конечную сборку устройств, предоставляя производственные мощности и рабочую силу, тогда как компания-заказчик сама разрабатывает продукт, закупает необходимые комплектующие, а также занимается продвижением и обслуживанием готовой продукции. Но в последние годы обнаружены новые тенденции. Ввоз комплектующих постепенно снижается, а их производство происходит внутри страны. Таким образом, Китай выходит на стадию, когда полный цикл производства конкретного вида телефона замкнут в пределах национальной территории, особенно это касается местных китайских производителей.

Заключение. Всего за два десятилетия Китай стал главным производителем мобильных телефонов в мире. Возможность занять соответствующую нишу появилась у страны за счет высокой конкурентоспособности продукции. Большой потенциал рабочей силы при низкой оплате труда и хорошо отлаженная логистика обеспечили Китаю лидирующие позиции в мировом производстве средств связи. Будучи «мировой фабрикой», Китай перенял опыт производства высокотехнологичных конкурентоспособных мобильных телефонов, а также опыт в менеджменте предприятий, и успешно перенес в производство аппаратов собственных брендов (Huawei, Meizu, Oppo, Vivo, OnePlus, Xiaomi). В перспективе можно говорить о продолжении трансформации структуры рынка производства смартфонов в сторону увеличения роли компаний из КНР.

В самом же Китае происходит миграция производств из развитых приморских восточных провинций в развивающиеся инновационные кластеры во внутренних районах страны, а также в другие страны Азии с более дешевой рабочей силой. При этом в условиях высокой распространенности аутсорсинга в сфере высокотехнологичных производств Китай в настоящее время начал переход к стадии развития, когда полный цикл производства конкретного дорогостоящего средства мобильной связи осуществляется внутри страны.

Связь в целом и особенно телефонная является сегодня одной из наиболее экономически эффективных и динамично развивающихся отраслей хозяйства. Она способствует экономическому росту, повышению конкурентоспособности страны и ее регионов, нивелирует социально-экономические контрасты. Значительное преобладание мобильной связи по сравнению со стационарной – результат, с одной стороны, глубокой территориальной асимметрии в экономическом развитии. С другой стороны, это следствие физико-географической неоднородности страны, лишь приморские части которой являются преимущественно равнинными, в остальных же регионах рельеф существенно осложняет дорогостоящую прокладку сетей стационарной телефонной связи. Мобильная связь компенсировала недостаток стационарной телефонной связи и способствовала пространственному выравниванию в доступе к услугам отрасли населения КНР. За последние 25 лет Китай совершил значительный рывок в развитии телефонной связи, но уровень ее проникновения еще не достиг стадии насыщения; и внутренний рынок обладает значительным потенциалом для дальнейшего роста.

«Зеленая экономика» и экологическая модернизация хозяйства КНР

Ю. Ю. Ковалев

Введение: постановка проблемы. Взаимосвязь между хозяйственной деятельностью человека, уровнем благосостояния общества и состоянием природного окружения была подмечена уже давно. Еще выдающийся историк Плиний Старший в начале нашей эры критиковал ненасытную страсть римских граждан к предметам роскоши, дорогим вещам, которые «вырывались из внутренностей и жил Матери Земли», оставляя за собой безжизненные «лунные ландшафты», заражая ядом землю и воды[1]. В XIX в. британский философ Г. Спенсер также подчеркивал неразрывную связь благосостояния общества с уровнем потребления природных ресурсов: чем выше уровень развития общества, тем больше оно нуждается в разнообразных природных ресурсах и, прежде всего, в энергетических. Для общественной динамики необходима энергия, сырьевые ресурсы[2].

Современные исследования истории энерго- и материалопотребления показывают, что каждый новый этап общественного развития человечества сопровождался возрастанием абсолютных и относительных показателей потребления ресурсов в десятки и более раз[3]. Особенно большие различия в процессах социально-природного метаболизма обнаруживаются при переходе от аграрного общества к индустриальному. В традиционном обществе потребление природных ресурсов не вызывает глубоких изменений в природной среде за исключением отдельных случаев. Социальный и природный метаболизм находятся в состоянии равновесия, они циркулярно замкнуты, не выходят за пределы региональной системы. С развитием промышленного производства модус отношений между антропогенными и природными системами резко изменяется: циркуляционные процессы все больше заменяются куммулятивными, нацеленными на экспансию и рост, выход за пределы региональных рынков и за границы региональных экосистем. Это время получило в экономической литературе обозначение индустриальной революции, так как накопление и инвестирование капитала в промышлен-

[1] Thommen L. Umweltgeschichte der Antike. München, 2009. – S. 123.
[2] Спенсер Г. Основные начала. М.: Книга по Требованию, 2013. – 476 с.
[3] Fischer-Kowalski M. Gesellschaftlicher Stoffwechsel und Kolonisierung von Natur. Ein Versuch in Sozialer Ökologie. Amsterdam, 1997.

ное производство, базирующееся на горючих полезных ископаемых, стали «мотором» социально-экономического развития. Одновременно с круговыми процессами производства и потребления набирает силы инвестиционная динамика, которая приводит к постоянному расширению производственных мощностей, усилению потребления товаров и услуг. На этой стадии круговой цикл движения товара уже не вписывается в экологический круговорот: для все увеличивающегося производства требуется все больше природных ресурсов, что приводит к изменению экосистем, уменьшению видового биоразнообразия, разрушению биосферы. Производимые отходы в виде газов, жидкостей и твердых тел также уже не могут «усваиваться» локальными (региональными) экологическими системами, что приводит к их аккумуляции в различных природных средах (атмосфере, океане, почвах и т. д.). Противоречия между экономической и экологической (природной) системами, между линейным ростом производства на основе поглощения материально-энергетических ресурсов в экономике и круговой циркуляцией веществ в природе становятся дестабилизирующим фактором для всех планетарных систем.

Особенно с начала 1950-х гг. и по сей день наблюдается так называемое «великое ускорение» (Big acceleration) социального развития, при котором феноменальный рост населения Земли, сельскохозяйственных угодий, ВВП мира, автомобилей, внешней торговли, иностранных инвестиций, туризма, потребления первичных энергоносителей, воды, азотных удобрений, распространение ресторанов McDonalds сопровождается феноменальным исчезновением биологических видов животных и растений, тропических лесов, невиданным ростом отходов, выбросами парниковых газов (CO_2, метана), закислением Мирового океана, подъемом температур на земной поверхности. Человек стал доминирующей геологической силой на нашей планете, изменяя все географические системы, дестабилизируя относительно устойчивые системные отношения. Вмешательство человека в природные процессы настолько велико, что говорят о новом геологическом периоде в истории Земли – антропоцене. Профессор департамента геологии университета Лестера (Великобритания) Ян Заласевич (J. Zalasiewicz) датирует его начало моментом взрыва первой атомной бомбы (16 июля 1945 г. в 11 ч. 29 мин. 21 сек.) на испытательном полигоне в Аламогордо, Нью-Мексико[1].

Термин «антропоцен» амбивалентен. С одной стороны, он выражает возрастающую мощь человека в универсуме, с другой – новое понимание его места и роли в природных процессах. Человек – составная часть комплексного нексуса материально-энергетических потоков на нашей планете. Все в мире взаимосвязано. Промышленный рост или массовое потребление энергии и природных материалов в товарном эквиваленте в одних регионах становится причиной засух, наводнений, тропических ураганов в других, что в свою очередь ведет к возрастанию социальной напряженности, конфликтам, войнам в этих регионах, обрекая массы людей на борьбу за существование

[1] Zalasiewicz J. Die Einstiegsfrage: Wann hat das Antropozän begonnen? // Das Antropozän. Hg. Renn J., Scherer B. Berlin, 2015. – S. 160–181.

и миграцию. Миграция из бедствующих регионов со своей стороны дестабилизирует социальные системы благополучных стран, порождая ксенофобию, расовую ненависть у населения, формируя новый ультраправый фронт (например, в странах Восточной Европы).

В антропоцене культурные и природные процессы тесно переплетены между собой, находятся в нелинейных, но причинно-взаимосвязанных отношениях. В нем мир воспринимается как единая, большая, комплексная, нелинейная система, способная к эмерджентному развитию, самоорганизации. Антропогенные системы (социальные, экономические, политические и др. субсистемы) находятся в тесном взаимодействии с природными. Это понимание открывает новые перспективы отношений между ними. Речь идет о коэволюции (совместной эволюции) территориальных систем. В ней экономика и природа не находятся в антагонизме, а, наоборот, кооперируются, дополняют, обогащают друг друга. На сегодняшний день доминирующей метафорой новой коэволюционной перспективы является концепция «зеленой экономики» (направление экологической модернизации стран мира), претендующая стать главной парадигмой социально-экономического развития XXI в.

Понятие «зеленая экономика» неразрывно связано с концепцией устойчивого развития и считается главной стратегией ее реализации. Впервые термин «зеленая экономика» начал использоваться в 1989 г. в серии работ американских исследователей Д. Пирса (D. Pearce) и Э Барбира (E. Barbier) под общим названием «Blueprint for a Green Economy». Центральной идеей «зеленой экономики», по их мнению, является устранение антагонизма между развитием экономики и природы, достижение экологических целей и путей экономического роста[1]. В дальнейшем контуры «зеленой экономики» вырисовываются в программе «Повестка дня на XXI век», принятой на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.; конкретизируются и постепенно оформляются в единое идейное направление на последующих конференциях ООН по устойчивому развитию и защите климата (Global Green New Deal 2008). В 2011 г. ЮНЕП публикует доклад «Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication», ставший планом действия конференции «Рио+20» в 2012 г. На ней представители более 180 стран высказались за принятие стратегии «зеленой экономики» как способа достижения целей устойчивого развития. В 2015 г. в завершение саммита ООН по климату был провозглашен переход к новому экономическому порядку, в основе которого будут находиться принципы «зеленой экономики». В климатических стратегиях многих стран мира, принятых в 2016–2017 гг., «зеленая экономика» – основа будущей экономической жизни общества. Достижение климатических целей возможно лишь при полной имплементации ее направлений: декарбонизации народных хозяйств, развития биоэкономики, экономики

[1] Übergang in eine Green Economy: Notwendige strukturelle Veränderungen und Erfolgsbedingungen für deren tragfähige Umsetzung in Deutschland. Umwelt Bundesamt. Dessau-Rosslau, 2016.

замкнутого цикла (циркулярной экономики), возобновляемой энергетики, экологических инноваций[1].

Согласно определению ЮНЕП, под «зеленой экономикой» понимают такой вид экономической деятельности, «который поддерживает благосостояние и социальное равенство и одновременно существенно снижает экологические риски и экологический ущерб»[2]. Другими словами, «зеленая экономика» – вид хозяйственной деятельности, обеспечивающий рост доходов населения и его занятость за счет государственных и частных инвестиций при сокращении выбросов парниковых газов и загрязнения окружающей среды, повышении эффективности использования энергетических ресурсов и сырья, сохранении биоразнообразия и услуг экологических систем. Основные цели развития «зеленой экономики»:

– минимизация загрязнения окружающей среды;
– создание экономики замкнутого цикла;
– эффективное использование ресурсов и энергии;
– формирование экономики возобновляемых ресурсов;
– полное обеспечение потребностей страны за счет возобновляемых энергоносителей;
– защита биологического многообразия и экосистем;
– структурные изменения: экологически безопасное производство товаров и услуг;
– включение в зеленую парадигму всех отраслей хозяйства и сферы услуг;
– усиление международной конкурентоспособности;
– снижение зависимости экономики от сырьевого фактора.

Принципы «зеленой экономики» становятся приоритетными в экономическом развитии многих государств и регионов мира. В Нидерландах, Швейцарии, Республике Корее, Японии, Великобритании приняты национальные стратегии ее развития. Китай, по мнению ЮНЕП, в настоящее время является одним из мировых флагманов экономики зеленого роста[3]. Апробация новых технологий в областях замкнутого циклического хозяйства, декорбонизации, повышения ресурсоэффективности промышленности, альтернативной энергетики превращают страну в громадную экспериментальную площадку. Здесь создаются не только технологические инновации, но и новые формы пространственной организации общества (например, экопарки, экогорода). Знания и передовой опыт Китая по трансформации территориальных

[1] Подробнее см.: Ковалев Ю. Ю. В завершении саммита ООН по климату в Париже: неустойчивость территориальных систем и новые риски регионального развития // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. Екатеринбург, 2016. – С. 91–108.

[2] UNEP. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication» UNEP, 2011. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf . – P. 2.

[3] UNEP. Multiple Pathways to Sustainable Development: Initial Finding from the Global South. UNEP, 2015. [Электронный источник] – Режим доступа https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1986MultiplePathwaysSustainableDevelopment.pdf.

систем в целях устойчивого развития может быть использован и в других странах. Однако говорить об этом еще рано. Страна находится в самом начале своего «зеленого» пути. Доминирующая на протяжении последних десятилетий экономическая политика «роста любой ценой» привела ее на грань экологической катастрофы. «Зеленая экономика» является поэтому как бы вынужденным, безальтернативным ответом на драматическую экологическую ситуацию внутри страны.

Экономический рост и экологическая деградация территориальных систем Китая. Китай – страна с крупнейшей в мире экономикой. Невиданный в мировой истории рост ВВП, промышленного производства, международной торговли в период 1990–2018 гг. выдвинул Китай в ранг влиятельнейшей глобальной экономической и политической силы. В 2016 г. ВВП по ППС страны составлял 19,8 трлн долл., что на 2,5 трлн долл. больше, чем в богатейшем государстве мира США (17,2 трлн долл.)[1]. По сравнению с 1990 г. абсолютный показатель ВВП по ППС вырос более чем в 10 раз. Также можно констатировать практически десятикратное увеличение душевых показателей ВВП за этот период (с 1,5 тыс. долл./чел. до 14,3 тыс. долл./чел.). Рост ВВП страны стал гарантом улучшения благосостояния народа. Доходы большей части населения страны увеличивались ежегодно. Сокращалась доля бедного населения. Если в 1990 г. удельный вес людей, живущих менее чем на 2 долл. в день (по ППС 2011 г.), составлял в Китае 66,6 % населения, то в 2010 г. – 11,2 %, в 2013 г. – 1,9 %[2]. За этот период времени в стране сформировался крупный средний класс. В 2015 г. насчитывалось 109 млн чел. с доходом от 50 до 500 тыс. долл. в год (10 % населения). На сегодняшний день Китай занимает первое место в мире по этому показателю (в абсолютном выражении). К 2020 г. доля среднего класса в структуре населения должна достичь 40 %[3].

Фундаментом прогресса благосостояния населения стал бум экспортно-ориентированного промышленного производства, которое в свою очередь базировалось на гигантских масштабах поглощения энергетических, сырьевых ресурсов из национальных экосистем. Рост промышленного производства сопровождался оскудением природного капитала и неимоверным загрязнением окружающей среды. Как итог, на смену материальной бедности населения страны пришла нищета природных систем и экологическая бедность жителей китайских городов и деревень.

Сегодня КНР остается крупнейшим в мире производителем большинства материало- и энергоемких промышленных товаров. По отдельным их видам (сталь, цемент, минеральные удобрения) на страну приходится порядка половины всего мирового производства (соответственно, 803 млн т; 2,4 млрд т;

[1] Factfish World Statistics and Data Research. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.factfish.com.

[2] World Bank. [Электронный источник]. Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators# .

[3] Chinas Mittelschicht als Versprechen. Neue Zürcher Zeitung. 29.07.2014 [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.nzz.ch/wirtschaft/chinas-mittelschicht-als-versprechen-1.18352702] .

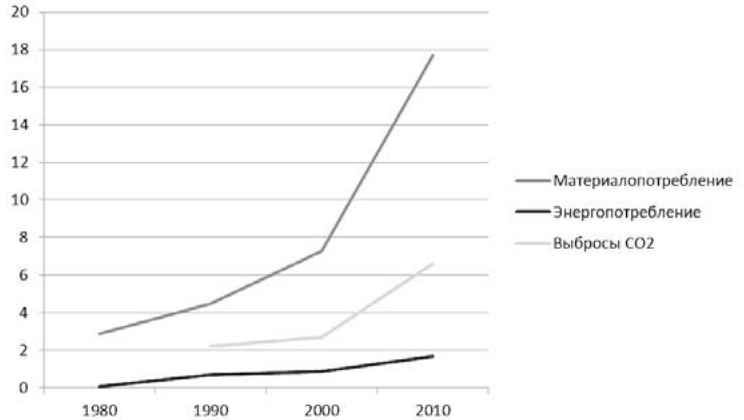


Рис. 1. Динамика материало- и энергопотребления в Китае и выбросов CO_2 за период 1980–2013 гг. (т/чел.)
(составлено по: MaterialfowsNet. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.materialflows.net/materialflowsnet/data/data-download/)

74 млн т)[1]. Восхождение к мировому промышленному доминированию Китая сопровождалось ростом энерго- и материалопотребления как в абсолютных, так и в относительных показателях, эмиссии в атмосферу парниковых газов (рис. 1).

В душевых показателях потребление материальных ресурсов увеличилось за период 1980–2013 гг. в 6 раз (с 3 до 18 т/чел.), энергоносителей – в более чем 3 раза (с 2 до 6,5 т/чел.). Выбросы парниковых газов (CO_2) выросли в 5 раз (с 1,5 до 7,5 т/чел.). В абсолютных показателях эмиссий углекислого газа выросли с 1,4 до 10,2 млрд т. Сегодня Китай является крупнейшим в мире производителем парниковых газов и тем самым, главной движущей планетарной силой глобального изменения климата. На него приходится 30,6 % мировых выбросов CO_2, что более чем в 2 раза превышает долю США (15,6 %).

Рост материало- и энергопотребления страны опирался как на собственные минеральные и энергетические ресурсы, так и на увеличивающийся импорт из других стран. Динамика извлечения собственных природных ресурсов, как говорил Плиний, из «внутренностей и жил матери Земли», впечатляет своими масштабами. Так, добыча конструкторских минеральных ресурсов выросла с 0,5 до 19,2 млрд т, угля – с 620 до 3720 млн т, нефти – со 105 до 209 млн т[2]. Потребление первичных энергоресурсов достигло в 2016 г. уровня в 3,05 млрд т, что выдвинуло Китай на 1-е место в мире. Это практически на 1 млрд т больше чем в США (2,2 млн т) и на 1,5 млрд больше, чем в ЕС (1,6 млрд т). Китай также опережает другие страны мира по выработке электроэнергии (24 % мирового производства). Более 2300 угольных электростанций генерируют 72,6 % национальной электроэнергии, что вдвигает Китай на 8-е место в мире по доле производства электроэнергии на экологически грязных угольных электростанциях.

Экономизация пространственных систем Китая, подчинение других субсистем территории логике экономического роста вызвало гигантские сдвиги в социально-природном метаболизме территориальных систем, нарушение в них биохимической циркуляции привело к загрязнению и разрушению природных систем. Занимающая первое место в мире по количеству зарегистрированных видов растений и животных (14 % от мира) страна, стремительно теряет свое биоразнообразие[1]. Непосредственной опасности подвержена и среда обитания человека. Китай является мировым лидером по объемам загрязнения воздуха, почв, грунтовых и поверхностных вод. По данным статистики 16 из 20 городов мира с самым загрязненным воздухом находятся в Китае. 90 % питьевой воды в городах страны контаминировано вредными для здоровья человека веществами[2]. Вода (75 % рек и озер) настолько токсична, что не подходит даже для орошения полей и разведения рыбы. Загрязнению подвергаются акватории морей, в которые попадают нефть, тяжелые металлы и другие вредные вещества[3]. Смогом охвачено 20 % территории страны. Масштабы его распространения продолжают нарастать. Проблема настолько остра, что даже появились инновационные проекты по созданию искусственных облаков над наиболее загрязненными регионами. В феврале 2014 г. над 15 провинциями Китая стоял сплошной смог, покрывший 1,81 млн км². Из них 980 тыс. км² оказались очень загрязненной территорией с высоким уровнем опасности. Лишь немногие крупные города Китая, такие, например, как столица Тибета Лхаса, Хайкоу (провинция Хайнань, Южный Китай) и Чжоушань (провинция Чжэцзян, Восточный Китай) являются относительно чистыми. Загрязнены сельскохозяйственные земли Китая. В ходе проведенного мониторинга по диагностике состояния пашни (по 78 показателям) было установлено, что почва в большей части регионов относится к сильно загрязненной, тяжелые металлы обнаружены на более чем 20 млн га. Свыше 3,3 млн га пашни признаны вообще непригодными для ведения сельского хозяйства[4]. По данным ВОЗ, загрязнение окружающей среды становится причиной многих прогрессирующих заболеваний и преждевременной смерти тысяч людей.

[1] China Statistical Yearbook, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm.

[2] MaterialfowsNet. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.materialflows.net/materialflowsnet/data/data-download/.

[1] China steht vor einem Öko-Kollaps // Wirtschaftswoche. 19.12.2012 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.wiwo.de/technologie/green/living/umwelt-china-steht-vor-einem-oeko-kollaps/13544904.html. .

[2] Freimuth J., Schädler M. Chinas Innovationsstrategie in der Globalen Wissensökonomie. Berlin, 2017. – S. 22.

[3] Кранина Е. И. Проблемы экологической безопасности Китая // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. – С. 14.

[4] Кранина Е. И. Проблемы экологической безопасности Китая // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. – С. 14–15.

В стране появился феномен «раковых деревень», где наблюдается высокий уровень смертности от онкологических заболеваний, вызванных загрязнением водной среды и почвенного покрова тяжелыми металлами, токсичными химическим соединениями и т. д.[1]. По мнению немецкого журнала «Wirtschaftswoche», Китай находился к началу 2013 г. на грани национальной экологической катастрофы. Без радикальных мер по трансформации экономических устоев страны, ни о каком дальнейшем развитии не могла идти речь.

«Зеленая экономика» Китая. Политическое руководство страны долгое время не придавало большого значения увеличению числа экологических проблем, сопровождающих экономический рост. Последний сам по себе был (и остается) основой благосостояния страны, одним из важнейших рычагов политических успехов КПК. Хотя его огромное значение никто в высших кругах страны не ставит под сомнение. Начиная с 2000-х гг., в стране активно развивается дискурс о «зеленой экономике», где важнейшую роль играют успехи зеленого роста в других государствах и, прежде всего, в Республике Корее. Главными документами, отражающими цели и задачи, стратегии реализации политики «зеленой экономики», являются пятилетние планы развития Китая и государственные законодательные акты.

В программе 11-го пятилетнего плана (2006–2011 гг.) были обозначены задачи по устранению экологических проблем, сокращению потребления природных ресурсов. В программе декларировались трансформация экономики Китая в направлении циклического хозяйства (замкнутой экономики) и создание энергетически эффективного, экологически сознательного общества[2]. Одной из приоритетных задач было сокращение энергопотребления на 20% в течение 5 лет, что стране не удалось реализовать. В 12-м пятилетнем плане, принятом в 2011 г., слово «трансформация» получает уже конкретное смысловое наполнение: «Трансформация модуса хозяйственного развития должна акцентировать внимание на важность создания ресурсощадящего и природоохранного общества для экономии энергии, сокращения выбросов парниковых газов и противодействия глобальному изменению климата. Мы должны развивать замкнутую циркулярную экономику и новые технологии декорбонизации»[3]. В 13-м пятилетнем плане (2016–2021 гг.) экологической модернизации отводится особое место. Она отмечена знаком приоритетного развития среди семи главных направлений развития страны (продвижение экологического развития и придание экологической составляющей статуса приоритетного), является составной частью других векторов развития: 1. Разработки инновационной структуры экономики; 2. Содействия трансформации промышленности; 3. Создания новой модели согласованного развития регионов.

Главные направления становления «зеленой экономики» в Китае согласуются с принципами ЮНЕП и по содержанию во многом аналогичны разработкам передовых в этом отношении стран (Швейцарии, Нидерландов, Великобритании, Японии, Республики Кореи). Для институционализации «зеленой экономики» в КНР по каждому из направлений были приняты национальные законодательные акты: 1. Создание экономики замкнутого цикла – Circular Economy Promotion Law (2009); 2. Программы по эффективному использованию энергии – Energy Conservation Law (2007); 3. Экологическое производство – Cleaner Production Promotion Law (2003); 4. Пространственное планирование, природоохранные мероприятия – Land Administration Law (1999), Environmental Protection Law (2015). Наряду с концепцией «зеленой экономики», исходящей из модели ЮНЕП, в Китае есть собственная, отечественная модель экологической модернизации страны. Эта модель получила название «Экологическая цивилизация» и впервые была озвучена в 2007 г. на 17 съезде КПК. В ноябре 2012 г. цель «создание «экологической цивилизации» была провозглашена приоритетом социально-экономического развития страны[1]. Основные положения концепции «экологической цивилизации» были высказаны заместителем председателя постоянного Комитета народного конгресса КНР тов. Чунюнь Янгом (Chunyan Jiang)[2]:

– Человек – часть природы. Отношения между людьми и другими существами должны базироваться на принципах равенства, дружбы, обоюдного доверия.

– Природа подарила нам жизнь. Мы должны быть ей благодарны и обходиться с ней хорошо.

– Человек имеет право использовать природные ресурсы, однако он должен принимать во внимание границы экосистем и окружающей среды, чтобы не допустить переиспользования.

– При использовании природных ресурсов человек должен: во-первых, руководствоваться моральными принципами справедливости между людьми, между странами, между поколениями; во-вторых, держать в приоритете защиту, эффективность и повторное использование ресурсов, чтобы свести к минимуму их потребление и негативное воздействие на окружающую среду.

– Устойчивое развитие должно стать высшей целью.

– Плоды развития должны распределяться на всех членов общества и не должны быть монополизированы небольшой группой.

[1] Ушаков И. XVIII съезд КПК и экологический императив Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. – С. 53.

[2] Ma K. The 11-th Five-Year Plan: Targets, Paths and Policy Orientation. NDRC 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/english/2006-03/23/content_234832.htm.

[3] Delegation of the European Union in China: China's 12-th Five-Year Plan 2011–2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.britishchamber.cn/content/chinas-twelfth-five-year-plan-2011–2015.

[1] UNEP. Multiple Pathways to sustainable Development: Initial Finding from the global South. UNEP, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1986MultiplePathwaysSustainableDevelopment.pdf.

[2] Jiang C. Chinese leader calls for ecological civilization // Qiushi Journal, Central Committee of the Chinese. 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://climateandcapitalism.com/2013/03/31/chinese-leader-calls-for-ecological-civilization. – P. 3.

При всей кажущейся наивности и утопичности данной концепции она стала предметом серьезных дискуссий в ООН и подробно рассматривается как альтернативный путь к устойчивому развитию[1]. Огромные экологические проблемы, загрязненность городов Китая, страх власти перед новыми социальными волнениями на почве экологического неравенства заставляет руководство КНР искать пути выхода из сложившейся ситуации. В концепции «экологической цивилизации» отражена надежда на создание нового модуса социально-природных отношений – модуса гармоничного, долгосрочного, стабильного экономического и социального развития.

Среди стратегий «зеленой экономики» форсированное развитие экономики замкнутого цикла находится в центре трансформационной парадигмы. Под термином «экономика замкнутого цикла» (циркулярная экономика) понимается вид хозяйствования, основанный на возобновлении ресурсов, переработке вторичного сырья, переходе от ископаемого топлива к использованию возобновляемых источников энергии.

Экономика замкнутого цикла (циркулярная экономика) включает в себя фазы производства, потребления и утилизации материальных продуктов (табл. 1). Конец жизненного цикла одного продукта будет в ней обозначать одновременно рождение нового. Отходы одного производства становятся сырьем для другого. Тем самым резко повышается эффективность использования ресурсов, сокращается производство промышленных отходов. По оценкам правительства, внедрение цикличной экономики позволит увеличить эффективность использования ресурсов за период 2011–2016 гг. на 15 %[2]. Экономика замкнутого цикла приносит большие доходы и создает рабочие места. По данным газеты «Beijing Review», оборот капитала в отрасли составил в 2012 г. 1 трлн юаней (128 млрд евро) с числом занятых более 20 млн чел.[3]. Экономика замкнутого цикла подразумевает создание особой инфраструктуры. В Китае с 2002 г. принята программа по строительству экопарков. С 2009 г. государство финансирует 700 проектов в этой области на сумму 814 млрд юаней, в том числе по строительству экологических городов[4]. Ныне уже функционируют сотни экопарков. Часть из них специализируются на цикличной экономике.

[1] UNEP. Multiple Pathways to sustainable Development: Initial Finding from the global South. UNEP, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1986MultiplePathwaysSustainableDevelopment.pdf.

[2] UNEP. Multiple Pathways to sustainable Development: Initial Finding from the global South. UNEP, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1986MultiplePathwaysSustainableDevelopment.pdf. – P. 9.

[3] Kreislaufwirtschaft in China beschleunigt entwickeln // Beijing review. 11.07.2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://german.beijingreview.com.cn/german2010/Focus/2012-07/11/content_466416.htm.

[4] Fuchs J. H., Du M., Gangnus A., Wang L. Neue Chancen in China. Mit den aufstrebenden Märkten wachsen, aber geistiges Eigentum schützen. München, 2012. – S. 124.

Таблица 1. Структура экономики замкнутого цикла КНР
(источник: Übergang in eine Green Economy: Notwendige strukturelle Veränderungen und Erfolgsbedingungen für deren tragfähige Umsetzung in Deutschland. Umwelt Bundesamt. Dessau-Rosslau, 2016. – S. 132)

	Уровень реализации		
Фаза цикла	**Микро (отдельный продукт, предприятие, процесс)**	**Мезо (территориальные кластеры)**	**Макро (город, регион, страна)**
Производство	Экологически чистое производство, ресурсоэффективность, экодизайн	Экоиндустриальные парки, экологическое сельское хозяйство	Региональная сеть экоиндустриальных парков
Потребление	потребление экопродуктов, экоуслуг	Экологические поселения, жилищные комплексы с высокими экологическими стандартами	Переход от модели собственности к модели аренды
Утилизация	Ресайклинг	Рынок вторсырья, отходов, парки экономики замкнутого цикла	Региональная система экономики замкнутого цикла
Акторы и рамочные условия	Политика и законы; информационные платформы; предприниматели; неправительственные организации		

Другой приоритетной областью «зеленой экономики» является развитие возобновляемой, «чистой» энергетики. К возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) относят как традиционную гидроэнергетику рек, так и новые виды энергий – ветровую, солнечную, геотермальную, биологическую, энергию приливов и отливов, океанических волн. Преимущество данного вида энергетики заключается в неисчерпаемости ее ресурсов, их экологической безопасности для окружающей среды. В настоящее время в мире наблюдается настоящий бум развития новых возобновляемых источников энергии и прежде всего солнечной и ветровой. В период с 2005 г. по 2016 г. мощности производства электроэнергии на возобновляемых источниках (не включая гидроэнергетику) выросли в мире в 5 раз (с 185 ГВт до 921 ГВт). При этом мощность ветровых энергоустановок увеличилась более чем в 8 раз (с 59 ГВт до 487 ГВт), солнечных – более чем в 3 раза (с 88 до 303 ГВт). Мировые инвестиции в подобные проекты возросли с 40 млрд долл. до 242 млрд долл.[1]. Доля новых возобновляемых источников в производстве электроэнергии выросла с 3,4 % в 2005 до 8 % в 2016 г. При таких темпах развития, согласно журналу

[1] Renewables 2007 Global Status Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/activities/gsr/RE2007_Global_Status_Report.pdf. – P. 21.

«Science Alert», к 2050 г. ¾ стран мира (132 государства) будут получать энергию исключительно от ветра, солнца, воды и биотоплива[1].

Китай – одна из самых динамично развивающихся в этой области стран мира. В 2005 г. установленные мощности его ВИЭ составляли 52 ГВт (1-е место в мире, 28 %)[2]. В 2016 г. их мощность возросла до 258 ГВт (пятикратное увеличение). На сегодняшний день Китай является непревзойденным мировым лидером по производству электроэнергии на ВИЭ. Мощности его ВИЭ в 2016 г. практически в 2 раза превосходили таковые в США (145 ГВт), в 3раза – Германии (90 ГВт), в 5 и более раз – Японии (51 ГВт) и Индии (46), в 8 раз – Италии (33 ГВт). Доля Китая в ВИЭ в мире практически не изменилась с 2005 г. Однако доля ВИЭ в структуре производства электроэнергии страны пока невысокая и составляет 4,1%, что в 2 раза меньше среднемирового показателя.

Среди новых и нетрадиционных видов ВИЭ главную роль в КНР играет ветровая электроэнергетика – 170 ГВт (65 % установленных мощностей ВИЭ страны в 2016 г.). Это практически на 90 ГВт больше, чем в США, занимающих вторую после Китая позицию в мире. Необходимо отметить, что в период 2010–2016 гг. КНР установленные мощности данного вида электроэнергии выросли практически в 4 раза. Только за один год (с 1 января 2015 г. по 1 января 2016 г.) они возросли на 23 ГВт[3].

Солнечная энергетика – вторая важнейшая составляющая развития ВИЭ в Китае. В 2016 г. мощность всех типов солнечных электростанций составляла 80 ГВт (31 % электроэнергии ВИЭ страны). За период 2015–2016 гг. мощности солнечных энергоустановок выросли на 34 ГВт или 46 %. Страна лидирует в мире не только по совокупной мощности солнечных энергоустановок, но также и по производству фотоэлектрических модулей. На Китай приходится 65 % мирового производства. Такие компании как «Jinkosolar», «Trina Solar» и «Ja Solar» занимают три верхние позиции в списке крупнейших мировых производителей[4]. Таким образом, ветровая и солнечная энергетика образуют основу «зеленой» энергетики Китая. Хотя на сегодняшний день они еще слабо представлены в структуре производства электроэнергии Китая, инвестиции в данную отрасль удивляют своими масштабами. В 2015 г. они достигли уровня 115 млрд долл., что составляло 37 % всех глобальных инвестиций в ВИЭ (рис. 2).

КНР не только инвестирует гигантские суммы в развитие внутренней альтернативной энергетики, но и является крупнейшим иностранным инвестором в этой отрасли в других странах. В 2016 г., по данным немецкого журнала «Шпигель», ПИИ из Китая в сектор ВИЭ составили 32 мрлд долл.

[1] Dockrill P. 7 Ways Renewable Energy Totally Kicked Ass in 2017 // Science Alert. 24.12.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.sciencealert.com/7-ways-renewable-energy-totally-kicked-ass-in-2017-power-environment.

[2] Renewables 2007 Global Status Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/activities/gsr/RE2007_Global_Status_Report.pdf. – P. 12.

[3] Renewables 2017 Global Status Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/wpcontent/uploads/2017/06/178399_GSR_2017_Full_Report_0621_Opt.pdf.

[4] Ibid. – P. 70.

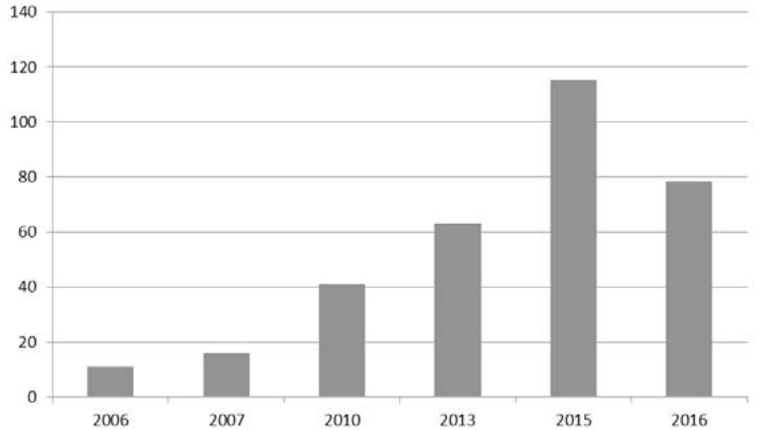


Рис. 2. Инвестиции КНР в возобновляемые источники энергии за период 2006–2016 гг., млрд долл.
(источник: Renewables 2017 Global Status Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/wpcontent/uploads/2017/06/178399_GSR_2017_Full_Report_0621_Opt.pdf. – P. 115)

Китай интенсивно покупает небольшие инновационные экотехнологичные фирмы в других странах. Так, в 2016 г. китайский концерн «Holding Beijing Enterprises» стал собственником немецкой компании «EEW», которую он поглотил за 1,4 млрд долл. Немецкая компания занималась разработками экотехнологий по превращению бытового мусора в электроэнергию[1].

Важнейшая стратегическая цель развития зеленой экономики – создание экологически и социально здоровой среды проживания человека. Особенно это касается крупных городов. Реализация принципов зеленой экономики в городах Китая призвана улучшить их бедственное экологическое состояние. Комплекс государственных мероприятий направлен в первую очередь на экологическую модернизацию жилищной и транспортной инфраструктуры, повышение их ресурсо- и энергоэффективности, а также на реализацию новых концепций «зеленой» мобильности населения: экологически чистый общественный транспорт, новые модели аренды автомобилей взамен традиционного владения, альтернативные виды передвижения.

Китай – крупнейшая автомобильная держава мира. В нем в 2017 г. было зарегистрировано 130 млн автомобилей. При сохранении современных темпов моторизации число автомобилей достигнет к 2027 г. 700 млн единиц[2]. Китайские города «задыхаются» от автомобильного смога, страдают от постоянного шума, пробок. Центральное правительство различными мера-

[1] China macht das große, grüne Geschäft // Spiegel. 06.01.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/china-will-weltmarktfuehrer-bei-erneuerbaren-energien-werden-a-1128807.html.

[2] Zukunftslabor China // Spiegel. 09.09.2017. – S. 86–88.

ми пытается изменить существующий тренд. Во-первых, государство целенаправленно поощряет развитие электромобильности. Компания «BYD» (Build Your Dreams), получающая от государственных банков миллиардные кредиты, является крупнейшим в мире производителем электроавтомобилей. В 2016 г. она продала 100 тыс. электроавтомобилей, что было на 70 % больше, чем у знаменитой «Tesla». По планам правительства к 2020 г. в стране должно насчитываться не менее 2 млн электроавтомобилей, к 2025 г. – 7 млн. Для достижения этих целей правительство Китая не только требует от национальных компаний скорейшего перехода на новые производства, но и ввело обязательную квоту выпуска электроавтомобилей для всех иностранных производителей. В 2018 г. данная квота составляет 8 %, с 2019 – 10%, с 2020 – 12 %. Спрос на электроавтомобили также во многом регулируется государством: весь городской общественный транспорт страны, включая такси, автомобили государственных служащих, должен быть по планам правительства электрическими.

Во-вторых, государство стимулирует изменение формы собственности используемого транспортного средства – отказ от частного владения и переход к краткосрочной коллективной аренде. В указаниях министерства городского строительства настоятельно требуется «редуцировать склонность у населения к приобретению личного автомобиля, чтобы снизить транспортную нагрузку в городах страны»[1]. Эта политика реализуется в конкретных мероприятиях. Например, покупка личного автомобиля в крупных городах Китая еще не означает его прямого использования. На это требуется разрешение властей в виде выдачи ими регистрационного автомобильного знака. В Пекине с 2011 г. регистрационные номера разыгрываются в городской лотерее. В августе 2017 г. было разыграно 13 тыс. лицензий (номеров) на поданные 2,9 млн заявок. Такая практика широко распространена и в других городах Китая.

Разнообразные службы аренды, каршеринга автомобилей и других транспортных средств также становятся альтернативой частному автомобилю. Высокий уровень дигитализации таких служб, использование ими программных приложений (Start, Didi) позволяет клиентам найти оптимальный вариант передвижения с низкими финансовыми затратами. Популярность такого вида услуг непрерывно растет. В июле 2017 г. программное приложение компании каршеринга Didi насчитывало 400 млн пользователей, хотя данная компания существует всего лишь с 2015 г. Все перечисленные мероприятия в рамках «зеленой экономики» призваны экологически модернизировать китайское общество, создают предпосылки его трансформации согласно концепции «экологической цивилизации». Устранение антагонизма между экономикой и экологией, создание более-менее согласованного развития видится как важнейший прогрессивный вклад в сохранение природных систем, улучшение качества окружающей среды.

Заключение. Китай делает гигантские шаги в развитии национальной «зеленой экономики». За последние 10 лет страна стала одним из мировых лидеров по внедрению принципов экономики замкнутого цикла, становлению альтернативной энергетики, реализации инновационных проектов в области транспортной мобильности, экологических парков, экогородов. Вызванные бурным экономическим ростом серьезные экологические проблемы стали главной причиной трансформации китайской экономики. Переход от количественного, основанного на природных невозобновляемых ресурсах к качественному, «зеленому» экономическому росту позволит стране сократить энерго- и материалопотребление (Input), уменьшить выбросы вредных веществ в природную среду (output). В климатических стратегиях развития Китая поставлена цель редукции эмиссии CO_2 к 2030 г. на 60 %, по отношению к 2005 г. Тем самым, упор делается на экологическое совершенствование производственных процессов. В 2030 г. Китай достигнет своего апогея выбросов CO_2. Его доля в мире вероятно возрастет. Это вызывает критику со стороны многих экологических организаций. Поставленные на Парижском саммите глобальные климатические цели (нагревание атмосферы Земли не более 1,8 градусов к 2100 г.) с таким сценарием несовместимы. Кроме того, развитие «зеленой экономики», перевооружение энергетического хозяйства, создание нового флота электроавтомобилей, дигитализация городов потребует громадных затрат невозобновимых ресурсов. Например, для изготовления одной ветровой офшорной энергетической установки необходимо в среднем 30 т меди. Растущая электромобильность населения потребует новых разработок месторождений лития и кобальта, а также редких металлов – необия, тулия. Их добыча, переработка, изготовление продуктов невозможны без крупного вмешательства в природную среду. Переход на принципы «зеленой экономики», возможно, еще более усугубит экологическую ситуацию в отдельных районах страны, будет способствовать разрушению природных ландшафтов. По мнению немецкого экономиста Н. Печа, единственный путь комплексной экологизации общества – это полный отказ от доктрины экономического роста, создание экономики построста[1]. Однако на сегодняшний день ни одна политическая система в мире не осмеливается реализовать ее принципы. Вместе с тем «зеленая экономика» остается безальтернативным движением в будущее.

[1] Zukunftslabor China // Spiegel. 09.09.2017. – S. 88.

Региональные особенности развития энергетики на возобновляемых источниках в Китае

Н. А. Чумаков

Введение: постановка проблемы. Поиск человечеством новых ВИЭ ведется перманентно и давно. Инновационные открытия и грамотное использование уже существующих технологий производства энергии на возобновляемых источниках могут приносить как экономические, так и экологические

[1] Paech N. Befreiung vom Überfluss. Auf dem Weg in die Postwachstumökonomie. München, 2013.

преимущества. ВИЭ постепенно заменяют традиционные ископаемые виды топлива и, соответственно, способствуют сокращению зависимости от импорта энергоресурсов, повышая энергобезопасность стран. Возобновляемая энергетика позволяет создавать дополнительные возможности для некоторых отраслей промышленности и сельского хозяйства, уменьшать выбросы в атмосферу парниковых газов и других вредных веществ. «Точечное» размещение ВИЭ может существенно сократить затраты на транспортировку топлива и строительство систем передачи электроэнергии на большие расстояния. В результате во многих странах в последнее время наблюдается четкая тенденция к увеличению их использования. В 2015 г. доля ВИЭ (без учета гидроэнергетики) в общем мировом потреблении энергоресурсов составила около 3 %, но за период с 2005 г. по 2015 г. она возросла в 5 раз, в том числе в странах ЕС – почти в 6 раз[1].

Китай – одна из мощнейших экономик мира с высочайшими темпами развития, что неизбежно требует увеличения объемов потребления энергии, а обеспеченность необходимыми природными ресурсами и благоприятные физико-географические условия страны создают возможность для использования ВИЭ. В Плане экономического развития на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) развитие приоритетных и наиболее перспективных направлений возобновляемой энергетики – гидроэнергетики, ветровой, солнечной, а также биоэнергетики – были названы стратегически важными[2]. Государство активно курирует и обеспечивает всестороннюю поддержку развитию возобновляемой энергетики, а результаты такой политики уже привели к серьезному прогрессу отрасли. С 2015 г. Китай является мировым лидером в развитии ключевых видов ВИЭ (гидроэнергетики, ветроэнергетики и солнечной энергетики). Вместе с тем, как показывает анализ данных специализированных компаний и организаций (International Energy Agency, Китайское национальное энергетическое агентство, International Hydropower Association, BP и др.) в силу целого ряда обстоятельств далеко не все регионы страны одинаково вовлечены в производство энергии на возобновляемых источниках; а дальнейшему переходу на ВИЭ препятствуют множество проблем. Китайский опыт в их решении может быть полезен для многих стран, в том числе и России.

Условия и предпосылки развития энергетики на возобновляемых источниках в КНР. С начала XXI в. наблюдается возникновение экспоненциального роста мирового потребления энергии: в среднем по 1 млрд тонн нефтяного эквивалента (т. н. э.) в пять лет (табл. 1). Еще выше темпы в Китае, который по объему потребления первичных энергоресурсов с 2010 г., превзойдя США (2,3 млрд т.н.э.)[1], занимает 1-е место в мире (2,5 млрд т.н.э.). В 2015 г. уровень потребления энергии в Китае достиг 3 млрд т.н.э., что составляет около 23 % потребления первичных энергоресурсов в мире[2]. Для Китая, как крупнейшего потребителя энергии, существует целый ряд веских обстоятельств ориентации на развитие ВИЭ:

1. *Ухудшение экологической ситуации.* Основным источником энергии в Китае традиционно является уголь. Страна – главный потребитель энергетического угля в мире (50,6 %), его доля в 2015 г. в топливно-энергетическом балансе составила 66 %, но это источник «грязной» энергии, который оказывает негативное воздействие на состояние окружающей среды. Современный Китай нацелен на развитие «зеленых» технологий и поиск решений экологической проблемы[3]. Одна из важнейших современных задач – перевод экономики на низкоуглеродную и энергоэффективную путем развития и расширения использования ВИЭ. В 2015 г. по уровню энергоемкости ВВП Китай заметно уступал развитым странам. Здесь она состав-

Таблица 1. Изменение структуры мирового первичного потребления энергии по видам ресурсов в 2000–2015 гг.
(составлено по: BP Statistical Review of World Energy Workbook // BP. 2002; BP Statistical Review of World Energy Full Report // BP. 2011–2016)

Виды ресурсов	Годы			
	2000	2005	2010	2015
Первичное потребление энергии в мире всего, млрд т.н.э.,	9,4	10,8	12,0	13,1
в т.ч. по видам ресурсов (%):				
Нефть	38,1	36,2	33,6	33,0
Газ	23,2	23,2	23,8	23,6
Уголь	25,6	27,9	29,6	29,0
Атомная энергия	6,2	5,8	5,2	4,4
Возобновляемые источники энергии,	-	-	-	9,7
в т.ч. гидроэнергия	6,4	6,1	6,5	6,9
Альтернативные источники	0,5	0,8	1,3	2,8

[1] BP Statistical Review of World Energy Full Report / BP. – 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf.

[2] Key information at a glance: China 12th Five-Year Plan for Renewable Energy Development (2011–2015) // China National Energy Administration: China National Renewable Energy Centre. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.understandchinaenergy.org/information-at-a-glance-china-12th-5-year-plan-for-renewable-energy-development-2011-2015/.

[1] International Energy Agency. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.iea.org/Sankey/.

[2] BP Statistical Review of World Energy Full Report // BP. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf.

[3] См. раздел «Зеленая экономика и экологическая модернизация хозяйства КНР»; Zhu L. China's Carbon Emissions Report / Energy Technology Innovation Policy: Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. Cambridge, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/carbon-emissions-report-2015-final.pdf.

ляла 0,17 т.н.э./1000 долл., в то время как в европейских странах – не более 0,1 т.н.э./1000 долл.[1].

2. *Проблема энергетической безопасности*. Преимущество ВИЭ – неиссякаемость в сравнении с традиционными источниками энергии (обеспеченность добычи нефти 57 лет, природного газа – 54 года, угля – 111 лет), также их использование позволяет снижать зависимость от внешних поставок энергоресурсов[2]. Китай выступает ведущим нетто-импортером энергоресурсов в мире, поэтому ВИЭ являются для него средством обеспечения энергетической безопасности[3].

3. *Экономические причины*. В целом использование ВИЭ требует достаточно больших капиталовложений и имеет длительный срок окупаемости, часто важную роль в инвестировании таких проектов играет государство. Однако развитие энергетики на возобновляемых источниках имеет ряд экономических преимуществ. Во-первых, это независимость от конъюнктуры цен на традиционные энергоресурсы. Во-вторых, завоевание отдельных сегментов мировых рынков ВИЭ, особенно в развивающихся странах. Так, Китай уже стал крупнейшим производителем солнечных панелей и ветрогенераторов в мире. В-третьих, возможность увеличения потребления энергоресурсов в неэнергетических отраслях, например, в нефтехимии.

4. *Проблема обеспечения энергией труднодоступных населенных пунктов и промышленных предприятий*. Это особенно актуально для такой огромной страны как Китай. В основу этого аспекта также заложен фактор сглаживания различий в социально-экономическом развитии его регионов. ВИЭ могут стимулировать подъем депрессивных и отдаленных территорий, способствуя созданию энергоемких производств и обеспечивая функционирование объектов в районах нефте- и газодобычи, где строительство традиционных электростанций и себестоимость производства электроэнергии обходится очень дорого. Хотя опыт использования ВИЭ в данном направлении уже существует, но масштабное распространение это получит только тогда, когда капитальные и эксплуатационные затраты возобновляемой энергетики будут ниже расходов на традиционные энергоресурсы.

5. *Наличие соответствующих природных условий*. В целом Китай – страна с высоким потенциалом развития практически всех видов ВИЭ, однако с большими пространственными контрастами по возможностям их освоения[4]. К примеру, очень высок потенциал развития ветроэнергетики на севере и северо-западе Поднебесной. По наиболее оптимистичным прогнозам максимальный технически возможный объем установленных мощностей ветроэнергетики в Китае может составлять около 3000 ГВт, из которых на прибрежную и морскую зону приходится около 300 ГВт. Этого достаточно не только для значительного увеличения доли отрасли в топливно-энергетическом балансе страны, но и фактически полного перехода на ветроэнергетику. Так, на сегодняшний день общая мощность всех гидросооружений мира составляет чуть более 1000 ГВ[1]. Наибольшим ветроэнергетическим потенциалом развития наземной ветроэнергетики обладают АРВМ (1610 ГВт), СУАР (390), ТАР (476), а прибрежной ветроэнергетики – Хэбэй (248) и Шаньдун (220 ГВт)[2].

Динамика развития и география основных видов энергетики на возобновляемых источниках в КНР. Энергетика на возобновляемых источниках в Китае при активном участии государства развивается очень быстро (табл. 2). К 2015 г. уже около 11 % энергопотребления страны приходилось на ВИЭ. Китай занимает 1-е место в мире по объемам установленных мощностей гидроэнергетики (27 %), ветроэнергетики (34 %), солнечной энергетики (30 %) и значительные позиции в биоэнергетике (10 %)[3]. Важными особенностями возобновляемой энергетики в Китае можно считать параллельное сосуществование очагов экстенсивного и интенсивного развития; а также использование инновационных и эффективных технологий в системах генерации крупных масштабов, занимающих обширные территории (например, солнечные фермы). Независимо от типа возобновляемого источника, преобразовательные энергетические установки и станции имеют очень большие установленные мощности. Некоторые объекты возобновляемой энергетики по своим мощностям превосходят мощности станций традиционной (топливной) энергетики. Так, страна располагает крупнейшей ГЭС в мире «Три ущелья» (22,5 ГВт), крупнейшей в мире солнечной фермой в провинции Цин-

Таблица 2. Рост общего объема установленных мощностей (ГВт) по видам энергетики на возобновляемых источниках в КНР, 2000–2015 гг.
(составлено по: China Energy Databook 8.0 // China Energy Group; China Renewable Energy Outlook 2016 // CNREC. 2016)

Виды ВИЭ	Годы			
	2000	2005	2010	2015
Гидроэнергетика	79	117	213	292
Ветроэнергетика	-	1,3	31	145
Солнечная энергетика	-	-	0,3	44
Биоэнергетика	1	2	5,5	10,3
Всего	**80**	**120,3**	**250**	**491**

[1] BP Statistical Review of World Energy Full Report / BP. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf.

[2] . Дакалов М.В. Масштабы и тенденции использования возобновляемых источников энергии // Бурение и Нефть. 2014. № 10. – С. 60–61.

[3] International Energy Agency. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.iea.org/Sankey/.

[4] Чеснокова С. В. Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики // Восточная аналитика. 2012. № 3. – С. 161–164.

[1] Renewables 2016: Global Status Report // REN21. Paris. [Электронный источник]. – Режимдоступа: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/05/GSR_2016_Full_Report_lowres.pdf/

[2] China Renewable Energy Outlook 2016 // CNREC. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://boostre.cnrec.org.cn/index.php/2016/11/01/china-renewable-energy-outlook-2016/?lang=en/

[3] Ibid.

хай (около 1 ГВт) и т. д. Для увеличения энергосвязности регионов в Китае налаживается специальная инфраструктура: каждый год к сети подключаются по несколько новых крупных магистральных ЛЭП.

Основные акторы (штаб-квартиры компаний, производства), кроме государственных компаний, расположены преимущественно в зонах функционирования специализированных кластеров, которые распределены по городам многих провинций. В 9 из 21 существующих кластеров присутствуют 13 (штаб-квартиры, центры производств или НИОКР) из 30 крупнейших компаний (по 10 от каждой сферы: ветроэнергетики, солнечной энергетики и гидроэнергетики). В кластерах также концентрируются и небольшие компании. Китайские государственные корпорации в основном располагаются в столичном регионе. Наибольшую концентрацию штаб-квартир и производств можно отметить в городах центрального подчинения – Шанхае, Пекине и Тяньцзине, а также в провинциях СУАР и Хубэй[1].

Традиционно более развита *гидроэнергетика*, доля которой в структуре ВИЭ около 60%, что связано с обилием водных ресурсов, крупнейшим в мире гидроэнергетическим потенциалом страны и более длительным историческим развитием отрасли[2]. В период 1990–2015-х гг. установленные мощности увеличились на 256 ГВт, достигнув в 2015 г. 292 ГВт. В 2015 г. производство электричества в Китае, получаемого на базе преобразования гидроэнергии, составило рекордное 1126 ТВт*ч. 2-е место занимает Бразилия с выработкой в 382,6 ТВт*ч, 3-е – делят Канада и США (около 375 ТВт*ч)[3].

Гидроэнергетика развивается во многих регионах страны (табл. 3). Лишь в 9 провинциях установленные мощности очень малы и полностью отсутствуют в Шанхае. Основные мощности ГЭС располагаются в Южном Китае с густой речной сетью и сильными перепадами высот. Важным фактором размещения также является наличие спроса на энергию: более 1/3 населения Китая проживает в бассейне реки Янцзы. Именно поэтому около 50 % установленных мощностей приходится на провинции Юньнань, Сычуань и Хубэй, формирующих «Юго-Западный» ареал развития гидроэнергетики.

Хотя в Китае развиваются два направления *солнечной энергетики* (тепловая и электрическая), в данной работе акцентируется внимание на фотоэлектрических мощностях, так как это наиболее интенсивно развивающаяся, широко распространенная и значительная часть мировой и китайской экономики. Тем не менее, солнечная тепловая энергетика является важным звеном отопительно-энергетической системы Китая. По состоянию на 2005 г. установленная мощность солнечных систем горячего водоснабжения в мире

[1] Renewable Energyin China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.dbs.com.cn/personal/aics/pdfController.page?pdfpath=/content/article/pdf/AIO/161118_insights_transiting_to_a_low_carbon_economy.pdf/.

[2] Чеснокова С. В. Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики // Восточная аналитика. 2012. № 3. – С. 161–164.

[3] Renewables 2016: Global Status Report // REN21. Paris. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/05/GSR_2016_Full_Report_lowres.pdf/.

Таблица 3. Структура установленных мощностей по видам энергетики на возобновляемых источниках в административно-территориальных единицах КНР, 2015 г.

(составлено по: China's Fast Track to a Renewable Future// RE100 China analysis.2015; China Renewable Energy Outlook 2016 // CNREC. 2016; Renewable Energy in China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. 2016; Статистическая информация по ветрогенерации за 2015 г. на сайте Национального Энергетического Управления; Статистическая информация по фотогенерации за 2015 г. на сайте Национального Энергетического Управления)

Регионы	Объем установленных мощностей ВИЭ (ГВт) всего, в т.ч.:					% ВИЭ в производстве электроэнергии
		гидро-энергетика	фотовольтаика	ветро-энергетика	биоэнергетика	
Аньхой	6,2	3,5	1,2	1,0	0,5	14,4
Пекин	3,7	2,6	0,2	1,0	-	28,0
Чунцин	7,7	7,5	-	0,2	-	62,1
Фуцзянь	13,7	11,4	0,2	2,1	-	29,1
Ганьсу	29,1	7,3	6,1	15,7	-	76,3
Гуандун	16,2	13,1	0,6	2,0	0,5	15,8
ГЧАР	16,5	15,4	0,1	1,0	-	45,3
Гуйчжоу	18,3	17,3	-	1,0	-	38,9
Хайнань	3,7	2,5	0,2	1,0	-	41,0
Хэбэй	20,9	4,3	2,3	13,8	0,5	26,9
Хэйлунцзян	10,4	2,5	0,2	7,1	0,6	28,3
Хэнань	7,6	5,5	0,4	1,0	0,7	11,4
Хубэй	40,8	38,7	0,5	1,0	0,6	61,9
Хунань	15,0	13,7	0,3	1,0	-	34,1
АРВМ	37,8	1,1	4,8	31,5	0,4	38,8
Цзянсу	10,1	2,7	4,2	2,5	0,7	10,2
Цзянси	7,1	5,6	0,4	1,0	-	24,8
Цзилинь	12,8	5,9	0,1	6,9	-	37,7
Ляонин	11,4	3,0	0,2	8,2	-	23,1
НХАР	11,8	2,0	3,0	6,8	-	41,3
Цинхай	19,7	13,5	5,7	0,5	-	90,7
Шэньси	5,9	3,8	1,1	1,0	-	14,9
Шаньдун	19,4	3,6	1,3	13,1	1,4	19,4
Шанхай	1,2	-	0,2	1,0	-	5,1
Шаньси	8,6	4,0	1,1	3,5	-	12,7
Сычуань	41,3	40,7	0,4	0,3	-	65,0
Тяньцзинь	2,7	1,5	0,1	1,0	-	18,5
ТАР	2,2	2,0	0,2	-	-	90,4
СУАР	26,6	4,8	5,7	16,1	-	54,2
Юньнань	44,4	41,6	0,7	2,2	-	78,9
Чжэцзян	14,3	11,2	1,6	1,0	0,4	19,9

оценивалась примерно в 100 ГВт. Китай уже тогда являлся мировым лидером по их эксплуатации с 60 ГВт установленной мощности и озвученной целью достижения мощности в 210 ГВт до 2020 г. Но уже к 2015 г. мощности водонагревательных систем мира составили 435 ГВт, а Китая – 308 ГВт. В этом же году Китай добавил 30 ГВт мощности, когда все остальные страны, развивающие данное направление, не преодолели отметку в 1 ГВт добавленных мощностей (кроме Турции)[1]. Таким образом, данное направление развивается преимущественно за счет Китая, который располагает 3/4 всех мировых мощностей водонагревательных систем.

Второе направление – фотовольтаика – берет начало лишь в 2007 г. и ее доля в структуре ВИЭ страны пока невысока (около 10 %). Но с 2015 г., нарастив 15 ГВт (30 % от установленных мощностей мира за год) и достигнув 44 ГВт мощности, Китай обогнал Германию[2] и стал мировым лидером по установленным мощностям солнечных панелей. Их размещение неравномерно по территории страны и обуславливается характером природно-климатических условий. Критическим минимумом, который определяет рентабельность деятельности установок, считается показатель солнечной радиации в 6 КВт/м^2/год. В Тибетском нагорье он достигает 9 КВт/м^2/год, несколько ниже – в ряде соседних районов. Основные мощности солнечной энергетики сосредоточены в высокогорных провинциях Цинхай и Ганьсу (около 50% мощностей)[3], которые вкупе с СУАР формируют ядро «Северо-Западного» ареала развития отрасли.

Биоэнергетика в Китае развивается сравнительно менее интенсивно. В 2015 г. Китай располагал установленными мощностями в размере более 10 ГВт, что составляло около 10 % от мирового объема (2-е место в мире после США – более 16 ГВт). Они сосредоточены на востоке страны, прежде всего в провинциях Шаньдун (15 %), Хэнань и Цзянсу. Также Китай является одним из крупнейших производителей биотоплива, уступая только США и Бразилии[4].

В Китае высок потенциал роста практически всех видов ВИЭ, активное развитие возобновляемой энергетики идет во всех провинциях. При этом сложилась определенная специализация регионов: на севере, северо-востоке преобладает ветроэнергетика, на юге – гидроэнергетика, на высокогорном западе солнечная энергетика постепенно вытесняет гидроэнергетику.

Контроль и поддержка государства как инструменты развития возобновляемой энергетики и сглаживания территориальных дисбалансов в КНР. Китай является крупнейшим в мире инвестором в сектор возобновляемой энергетики на протяжении 5 последних лет. В 2015 г. он занимал 1-е место в мире по объемам капиталовложений в развитие ВИЭ – 102,9 млрд долл. за год. По накопленным инвестициям в отрасль страна уступает только ЕС. При этом около 80 % финансовых вложений являются государственными, а объемы частных инвестиций очень малы[1]. Более того, властные структуры активно способствуют развитию производств энергетического оборудования, обеспечивая комфортные налоговые условия в специальных технологических кластерах по всей стране, которых уже больше 20; создают специальные органы управления с целью контроля и поддержки новых проектов.

Государственная организационная структура в области энергетики и возобновляемой энергетики, в частности, жестко вертикально соподчинена и возглавляется Государственным советом КНР (рис. 1). Ему подотчетны две комиссии: Национальная энергетическая комиссия и Национальная комиссия развития и реформ. Первая представляет собой межведомственный орган, созданный в 2010 г. и в настоящее время возглавляемый премьер-министром, нацеленный на определение стратегии и принятие решений по развитию энергетики страны. Вторая участвует в развитии энергетики через подотчетную ей организацию – Национальное энергетическое управление, предназначенное для мониторинга состояния энергетического комплекса страны и информирования Госсовета об эффективности энергетических стратегий, генерирования инновационных идей, проектов, подходов к ценообразованию и пр. Управление оказывает влияние на развитие возобновляемой

Рис. 1. Схема государственной организационной структуры возобновляемой энергетики в Китае
(составлено по: China's National Energy Administration a short overview. 2014)

[1] Renewables 2016: Global Status Report // REN21. Paris. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/05/GSR_2016_Full_Report_lowres.pdf/.

[2] Ibid.

[3] Renewable Energy Outline 2012 / China National Renewable Energy Centre China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnrec.org.cn/english/publication/2014-01-20-408.html.

[4] China Renewable Energy Outlook 2016 // CNREC. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://boostre.cnrec.org.cn/index.php/2016/11/01/china-renewable-energy-outlook-2016/?lang=en/.

[1] Renewables 2016: Global Status Report // REN21. Paris. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/05/GSR_2016_Full_Report_lowres.pdf/.

энергетики в Китае через «дочернюю» организацию – Национальный центр возобновляемой энергетики. Он образован в 2011 г. для оказания помощи департаментам Госсовета в исследованиях и реализации политики в области возобновляемой энергетики путем разработки механизмов поддержки бизнеса, управления национальными проектами и налаживания международного сотрудничества[1]. Все эти организации напрямую или косвенно оказывают влияние на крупнейшие корпорации и формирование территориально-отраслевой структуры энергетики Китая. При этом частные иностранные компании стремительно теряют свои позиции на рынке Китая, и наблюдается тенденция увеличения китайских частных компаний в секторе нетрадиционных (все, кроме крупной гидроэнергетики) ВИЭ.

Правительство Китая стимулирует расширение производственных мощностей генерации через введение квот, тарифов, субсидий, уделяя особое внимание нивелированию сложившихся пространственных контрастов в развитии ВИЭ в целом и их отдельных видов. Так, в 2014 г., исходя из оценки потенциала развития ветроэнергетики, территория Китая была разделена на четыре тарифные зоны[2]. В субъектах первых трех зон с наиболее благоприятными природно-ресурсными условиями были установлены фиксированные тарифы на закупку электроэнергии, произведенной на основе ветра (0,61–0,65 юаней/кВт*ч в зависимости от зоны). К четвертой зоне отнесены все остальные провинции к югу от «ветрового пояса» Китая. В этих субъектах тарифная планка была установлена на более высоком уровне (около 0,70 юаней/кВт*ч) с целью сбалансированного распределения производственных мощностей. Но крупнейшие ветроэнергетические компании все равно стремились размещать объекты в более перспективных регионах. В конце 2015 г. с целью ускоренного наращивания мощностей политика была видоизменена. Значение тарифа было привязано к дате введения проекта в эксплуатацию (табл. 4). В результате компании стали стремиться как можно раньше завершить установку ветрогенераторов и подключить их к общей сети. В результате за 2015 г. установленные мощности в первых трех зонах возросли на 21 ГВт, что составило 65 % от общей установленной мощности страны за год.

Аналогичные шаги предприняты в области солнечной энергетики. Территория Китая была разделена на 3 тарифные зоны. В наиболее перспективных регионах тарифы на закупку национальной энергетической сетью одного кВт*ч, произведенного на основе солнца, были назначены на уровне ниже, чем в субъектах с меньшим потенциалом. Так китайское правительство стремится стимулировать развитие солнечной энергетики в менее развитых регионах. Данная политика направлена на сглаживание территориального дисбаланса

[1] China's National Energy Administration a short overview. 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.tillvaxtanalys.se/download/18.5d9caa4d14d0347533bb2460/1430822528247/direct_response_2014_11_China%E2%80%99s+National+Energy+Administration.pdf/.

[2] Renewable Energyin China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. – 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.dbs.com.cn/personal/aics/pdfController.page?pdfpath=/content/article/pdf/AIO/161118_insights_transiting_to_a_low_carbon_economy.pdf/.

Таблица 4. Тарифные зоны на закупку электроэнергии, произведенной на основе ветра, 2015 г.
(составлено по: Renewable Energy in China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. 2016)

Тарифные зоны	Тарифы для проектов, введенных в эксплуатацию, юаней/кВт*ч:			Состав тарифных зон
	до 2016 г.	до 2018 г.	после 2018 г.	
I	0,51	0,49	0,44	Западная часть АРВМ, СУАР, Ганьсу
II	0,54	0,52	0,47	Хэбэй, Восточная часть АРВМ
III	0,58	0,56	0,51	Цзилинь, Хэйлунцзян, НХАР, Шаньдун
IV	0,61	0,61	0,58	Остальные регионы

в развитии отрасли и более рациональное распределение мощностей в целях разгрузки сетей передачи энергии (табл. 5).

При этом стоимость 1 кВт*ч солнечной энергии находится на высоком уровне (приблизительно в 2 раза больше, чем стоимость кВт*ч по тарифу для ветроэнергетики). Это говорит о приоритетности развития солнечной энергетики. Такая ценовая политика будет стимулировать дальнейший рост отрасли, а так как разрывы стоимости по фиксированным тарифам зон незначительны, вероятно, что сильного изменения в формирующейся территориально-отраслевой структуре не произойдет. Ключевыми регионами в развитии солнечной энергетики по-прежнему останутся СУАР, Ганьсу, Цинхай и НХАР.

Заключение. Активное развитие энергетики на возобновляемых источниках в Китае стимулируется стремлением не только нарастить производство энергии и уменьшить зависимость от импорта энергоресурсов, но и сократить выбросы парниковых газов. Вместе с тем динамика отдельных видов ВИЭ и их вклад в общий топливно-энергетический баланс страны далеко неоднозначны, а в территориальной структуре отрасли налицо образование выраженных специализированных регионов-ядер и ареалов. На севере, севе-

Таблица 5. Тарифные зоны на закупку электроэнергии, произведенной на основе солнца,2015 г.
(составлено по: Renewable Energy in China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. 2016)

Тарифные зоны	Тарифы, юаней/кВт*ч	Состав тарифных зон
I	0,9–0,8	СУАР, Ганьсу, Цинхай, НХАР
II	0,95–0,88	Хэбэй, Цзилинь, Хэйлунцзян, Пекин, Тяньцзинь, Ляонин, АРВМ, Шаньси, Шэньси, Юньнань, Сычуань, Шаньдун
III	1–0,98	Остальные регионы

ро-востоке преобладает ветроэнергетика, на юге – гидроэнергетика, на высокогорном западе солнечная энергетика постепенно вытесняет гидроэнергетику в структуре ВИЭ. На формирование общей и региональной структуры источников влияет не только природно-ресурсный потенциал, но и институциональные предпосылки, характер сложившегося производства энергии, особенности функционирования экономики.

На пути развития возобновляемой энергетики в Китае встает несколько весомых барьеров. Один из важнейших – вопрос рентабельности и конкурентоспособности относительно топливной энергетики, что особо остро ощущается в наиболее экономически развитых и плотно заселенных провинциях на востоке Китая. Во многом уязвимость функционирования возобновляемой энергетики определяется отдаленностью ключевых мощностей от конечных потребителей. Данная уязвимость основана на проблемах передачи энергии и отсутствии возможности гибко реагировать на изменение спроса в конечном пункте потребления. Не менее критичным остается сравнительно низкий интерес и скромное присутствие в отрасли частных компаний. Высокая значимость положительных экологических эффектов от перехода на ВИЭ за редким исключением учитываются частными инвесторами. Поэтому основную поддержку отрасль получает именно от государства. Правительству Китая необходимо создать действенную систему мер для привлечения частных и иностранных инвестиций, чтобы возобновляемая энергетика, успешно завершив начальный этап развития, смогла бы оказать достойную конкуренцию традиционным источникам энергии и, возможно, во многом разрешив проблему высокой углеродоемкости экономики Китая. Опыт западных стран, которые добились внушительных успехов в продвижении возобновляемой энергетики (Нидерланды, Германия, Дания, Норвегия и т. д.), показывает, что отрасль может быть рентабельной, необходимо время, грамотное построение системы управления и повышение уровня экологического воспитания населения и бизнеса. Решительность политики Китая, направленная на развитие ВИЭ для улучшения благосостояния общества, не оставляет сомнений о скором разрешении проблемных ситуаций.

Промышленность минеральных удобрений Китая в условиях изменения экономической политики

Г. П. Елисеев

Введение: постановка проблемы. Промышленность минеральных удобрений долгое время пользовалась всемерной поддержкой властей Китая как инструмент решения продовольственной проблемы страны, но в настоящее время ее рост жестко ограничивается. Новая политика в отношении отрасли отражает переход Китая на очередной этап экономического и социального развития и смену ориентиров с количественного роста на качественные преобразования.

Огромное население страны и его высокая плотность при ограниченности ресурсов для сельскохозяйственной деятельности требуют высокой эффективности аграрного производства, которая была бы невозможна без массового применения минеральных удобрений. Китай должен обеспечивать свое население продовольствием сам, так как на мировом рынке такого количества продовольствия просто нет[1]. В свое время китайская цивилизация была пионером в области аграрных технологий. В районах нижнего течения реки Янцзы издавна сформировалась культура заливного рисоводства в сочетании с применением удобрений[2]. Речь идет о применении органических удобрений – перегноя, навоза и человеческих фекалий, что являлось одной из особенностей китайского рисоводства. В XX в. Китай оказался догоняющим в мире по производству минеральных удобрений: рывок развития этой отрасли начался с реформ Дэн Сяопина, когда страна в короткий исторический период – с 1980 г. по 2000 г. – вышла на самообеспеченность по азотным и фосфатным удобрениям. Более того, как это было характерно для многих отраслей промышленности Китая, рост мощностей по производству удобрений не остановился с достижением полного импортозамещения и продолжился рекордными темпами в 2000–2015 гг., превратив страну не только в ведущего в мире производителя азотных и фосфатных удобрений, но и крупнейшего их экспортера. Китай не стал масштабным поставщиком на внешний рынок только калийных удобрений в связи с ограниченными запасами калийных солей (хотя и является крупным производителем калия). Он также продолжает импортировать аммиак (в основном для потребления в химической промышленности), а также отдельные виды комплексных удобрений NPK.

Китай достиг самообеспеченности по основным видам удобрений (кроме калийных) в 2000 г., а к 2013 г. – формально и полной обеспеченности продовольствием (400 кг зерна на душу населения)[3]. При этом Китай стал рекордсменом в мире по внесению удобрений. По данным ФАО, в 2014 г. внесение удобрений на 1 га обрабатываемой площади составил в пересчете на питательные вещества азота (кг): 422 – в Китае, 105 – во Франции, 78 – в США, 59 – в Бразилии, 10 – в России; фосфора: 155 – в Китае, 60 в – Бразилии, 26 – в США, 18 – во Франции, 4 – в России; калия: 66 – в Китае, 63 – в Бразилии, 27 – в США, 18 – во Франции, 2 – в России[4]. Такой уровень внесения удобрений с учетом расхода энергии при их производстве, выбросов парниковых газов и загрязняющих веществ, потерь при внесении с последующим загрязнением окружающей среды; свидетельствует об исключительной нагрузке на хозяйство и экологию страны. Возникает вопрос об устойчивости такого уровня применения агрохимикатов и его экономической целесообразности.

---

[1] Smil V. Japan and China: The Next Fifty Years. Japan-focus, 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://apjjf.org/-Vaclav-Smil/2213/article.html.

[2] Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., Изд-во Астрель, 2000. – С. 36.

[3] Cui Z., Zhang F., Zhang W. Evolution of Fertilizer Use-Related Policies, Their Implementation and Antricipated Impact. IFA Crossroads Asia-Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.

[4] FAOSTAT. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fao.org/faostat/en/#country.

В последние годы Китай перешел на новый этап экономического развития, когда рыночные реформы в целом осуществлены и форсированная индустриализация закончена. Этот переход не является безболезненным для самого Китая и всей мировой экономики, так как сопряжен с «мягкой» (пока) «посадкой» экономики страны и крахом сырьевого бума на мировом рынке в 2014–2015 гг. Столкнувшись с проблемами снижения роста спроса на внутреннем и экспортных рынках, финансовым кризисом, экологическими проблемами, экономика Китая замедлила рост с 10,5 % в 2010 г. до 6,8 % в 2017 г.[1]. Во многих отраслях промышленности потребовалась серьезная реструктуризация активов с закрытием устаревших и малоэффективных мощностей. В результате сократился спрос Китая на импортные сырьевые товары, что привело к падению цен на мировых сырьевых рынках в 2014–2016 гг., девальвации валют многих экспортеров сырья, включая Россию. Мировой и отечественный рынки удобрений Китая не избежали потрясений в результате этих перемен.

В изменившихся экономических условиях должна была быть скорректирована и экономическая политика страны, направленная теперь более на качественное развитие, нежели на количественный рост, превративший Китай в «фабрику мира». Прошедший в октябре 2017 г. 19-й съезд КПК подтвердил утвержденный на предыдущем съезде план «сяо-кан» («среднезажиточное общество») к 2021 г. (столетие КПК), что предполагает развитие среднего класса и искоренение бедности. Кроме этого, поставлена вторая «столетняя цель» – превратить Китай в «полностью развитую и передовую страну» к 2049 г., т. е. к столетнему юбилею основания Народной республики. План, утвержденный съездом, заключается в том, чтобы сделать Китай процветающим, цивилизованным, гармоничным и современным социалистическим обществом с качественным государственным управлением. На 2035 г. намечена промежуточная цель: модернизированный Китай превратится в мирового лидера в сфере инноваций, это будет страна с чистой природой, с массовым средним классом и со значительно сократившимся разрывом между городом и селом в темпах экономического роста, качестве государственных услуг и стандартах жизни. Китайское руководство пообещало продолжить проведение структурных реформ и либерализации экономики. Эта работа опирается на решения, принятые в 2013 г. на 3-м пленуме Центрального комитета КПК 18-го созыва, согласно которым рынку должна быть предоставлена «решающая роль» в распределении ресурсов[2].

На долю Китая, по данным на 2016 г., приходится 30 % мирового потребления карбамида, 33 % – аммофоса и диаммофоса, 24 % – калия, 11 % – сульфата аммония. В структуре мирового производства его удельный вес составляет 36 % по карбамиду, 47 % – по аммофосу и диаммофосу, 12 % – по калию и 31 % – по

[1] IMF GDP Data from January 2018 World Economic Outlook. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx.

[2] Jun Z. План Китая на будущие 30 лет. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.project-syndicate.org/commentary/china-19th-congress-development-blueprint-by-zhang-jun-2017-11/russian.

сульфату аммония[1]. С учетом значимости страны для всех игроков рынка во всем мире важно понимать: Что происходит в Поднебесной и как это может сказаться на отрасли минеральных удобрений в глобальных масштабах?

Промышленность минеральных удобрений Китая. Основой для производства *азотных удобрений* является аммиак, для синтеза которого требуются азот (берется из воздуха) и водород, который, в свою очередь, получается путем риформинга углеводородов. Наиболее удобным и дешевым углеводородом для этого процесса является метан, т. е. природный газ. Практически везде в мире производства аммиака используют природный газ, а сама азотная отрасль классифицируется как «газохимия». Применение других углеводородов для синтеза аммиака – за пределами Китая – редкие исключения (например, Индия, где производится менее 1 млн т аммиака на трех заводах, использующих нафту)[2]. В Китае, где за исключением западных регионов и провинции Сычуань запасы природного газа скудны, пришлось идти собственным путем. Крупные запасы угля в стране определили естественный выбор угля как основного сырья как для «газохимии» (производства аммиака и метанола), так и для «нефтехимии» (производство олефинов из метанола путем газификации угля).

Китай добывает более 3 млрд т углей разного качества (в сумме 1,685 млрд т.н.э.), что соответствует 46 % мировой добычи в 2016 г.[3]. В 1970-е гг. страна закупила за границей первые 13 крупнотоннажных агрегатов аммиака, из которых 10 работали на природном газе, а 3 – на нефтяном сырье. В 1980-е гг. с применением иностранных технологий и собственных разработок были внедрены производства синтеза аммиака из синтезгаза, полученного путем газификации антрацита – высококачественного энергетического угля. Этот путь получил существенное развитие, несмотря на относительную дороговизну антрацита и ограниченность его ресурсов. В основном антрацит добывают только в провинциях Шаньси и Гуйчжоу. В 1990–2000-е гг. были разработаны технологии получения синтезгаза из дешевых битуминозных углей, угольной пыли, газов коксохимии[4]. Переход на более дешевое сырье повысил конкурентоспособность китайского производства карбамида и предопределил массовый экспорт этого продукта.

Мощности по производству аммиака, по данным IFA, составляют на 2016 г. 72 млн т, в том числе 61 млн т или 85 % – мощности на угольном сырье[5]. Мощности по производству карбамида (из аммиака) базируются на 44 % на ан-

[1] IFA (International Fertilizer Producers Association), PIT Statistics, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org .

[2] IFA (International Fertilizer Producers Association), World Ammonia Capacities 2017, Detailed Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org .

[3] BP Statistical Review of World Energy, June 2017, p. 38. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf .

[4] The Chemical Fertilizer Industry in China. A Review and its Outlook. Ed. by: Zhang F., Zhang W, Ma W., et al. IFA, Paris, 2009.

[5] IFA (International Fertilizer Producers Association), World Ammonia Capacities 2017, Detailed Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org.

траците, на 29 % – на других термических углях, на 24 % – на природном газе и на 3 % – на газах коксовых батарей[1]. Важным фактором развития отрасли является то, что многие предприятия азотной промышленности принадлежат угольным вертикально интегрированным компаниям.

Основным азотным удобрением в Китае является карбамид. Мощности по его производству составляют по разным данным от 74 млн т[2] до 87,5 млн т в год[3]. В 2017 г. производство карбамида оценивается в 55,7 млн т, что по данным China Fertilizer Market Weekly составляет 63 % загрузки мощностей. Производство карбамида снизилось более чем на 15 млн т с рекордного уровня 2015 г. в 71 млн т. В Китае запрещено применение аммиачной селитры в чистом виде в качестве удобрения из соображений безопасности. Поскольку с агрономической точки зрения многим типам почв и культурам требуется азот в нитратной форме, в стране растет спрос на заменители аммиачной селитры. Это, прежде всего, жидкий раствор карбамида и селитры КАС (карбамидо-аммиачная смесь), равно как комплексные удобрения NPK, включающие азотный компонент в нитратной форме (значительная часть таких NPK импортируется из России и Норвегии). В качестве азотного удобрения потребляется и сульфат аммония (2,6 млн т в 2016 г.[4]), который в основном получается как побочный продукт производства капролактама, а также устаревшие виды азотных удобрений – бикарбонат аммония (АВС) и хлорид аммония, пока выпускаемых благодаря относительной простоте и дешевизне. Потребление последних продуктов составляет несколько миллионов тонн в год, но постепенно сокращается, так как вытесняется более эффективным карбамидом[5].

В табл. 1 приведены данные по динамике производства, внешней торговле и видимому потреблению карбамида в 1975–2017 гг., демонстрирующие впечатляющую динамику; переход от позиции чистого импортера (7 млн т в 1995 г.) к чистому экспорту – 13,7 млн т в 2015 г. За 12 месяцев с июля 2014 до июля 2015 г. Китай экспортировал более 16 млн т карбамида. В 2015 г. Китай обеспечил более 28 % мирового экспорта карбамида. Потребление карбамида достигло 57 млн т в 2015 г., в том числе 16 млн т – в промышленности (карбамидные смолы, меламин и др.), и 41 млн т – в сельском хозяйстве[6].

Размещение предприятий азотной промышленности определяется географией угольной промышленности. Крупнейшие угольные бассейны расположены на севере, северо-востоке и северо-западе страны. Соответственно диспозиции угольных бассейнов основные мощности по производству карбамида сосредоточены в провинциях Хэнань, Шаньдун и Шаньси, которые обеспечили почти 40 % его выпуска в 2016 г.[1]. Если же добавить СУАР и АРВМ, то на пять первых субъектов приходится 53 % производства карбамида (рис. 1). АРВМ – район развития азотной промышленности последнего десятилетия, где локализованы наиболее эффективные производства карбамида на базе газификации угля. В СУАР, провинциях Сычуань и Ганьсу преобладают мощности на основе переработки природного газа. В размещении производства карбамида важны три особенности:

1) Более 20 % всех мощностей находится западнее линии Ху Хуаньюна, которая делит страну на две равные части, но 94 % населения Китая живет восточнее этой линии, и только 6 % – западнее. Соответственно, потребление удобрений также концентрируется восточнее, в то время как наиболее перспективные растущие очаги производства карбамида расположены западнее, в том числе в СУАР и АРВМ. Политика стимулирования развития западных регионов, таким образом, соответствует тренду сдвига в размещении отрасли.

2) Вызывает удивление относительно небольшие объемы производства на юге Китая. Южнее реки Янцзы в 2016 г. произведено чуть более 20 % карбамида, а ведь в этом районе, где собирают 2 урожая в год, внесение удобрений выше среднего по стране. Именно юг в новых условиях может стать новым центром импорта карбамида, который прогнозируют некоторые эксперты[2].

Таблица 1. Производство, импорт, экспорт и видимое потребление карбамида в Китае, 1975–2017 гг., млн т в год*
(источники: IFA, GTT, China Fertilizer Market Weekly)

Показатели	Годы:										
	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017**
Производство	1,3	6,5	8,8	10,6	17,5	29,2	43,4	54,7	71,0	61,9	55,4
Импорт	1,9	3,0	3,8	8,1	7,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1
Экспорт	-	-	-	-	0,0	1,0	1,6	7,0	13,7	8,9	4,7
Видимое потребление	3,3	9,5	12,7	18,8	24,4	28,2	41,9	47,7	57,3	53,1	50,8

Примечания:
*Данные из разных источников различаются: так, IFA (Международная ассоциация производителей удобрений) публикует объемы производства в 2015 г. и 2016 г. – 71 млн т и 61,9 млн т, а по данным China Fertilizer Market Weekly со ссылкой на Национальное бюро статистики Китая в 2015 г. произведено 74,5 млн т, а в 2016 г. – 67 млн т.
**Данные по производству за 2017 г. – оценка на основе данных за 11 месяцев.

[1] Discussion: The Outlook for PR China's Nitrogen Industries. He-Ro Chemicals Ltd, October 2017.
[2] IFA (International Fertilizer Producers Association), World Ammonia Capacities 2017, Detailed Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org.
[3] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.
[4] IFA (International Fertilizer Producers Association), PIT Statistics, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org.
[5] The Chemical Fertilizer Industry in China. A Review and its Outlook. Ed. by: Zhang F., Zhang W, Ma W., et al. IFA, Paris, 2009.
[6] Yajie L. 2016–2017 China DAP and Urea Market Analysis & Forecast, BAIINFO, China P.R., presentation at IFA Crossroads Conference, Singapore 25–27 Oct. 2016.

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.
[2] Ibid.

Рис. 1. Производство карбамида в Китае, 2016 г.
(источник: China Fertilizer Business Week)

3) Наконец, важно, что существенные мощности – 45 % – производства в 2016 г. оказались сосредоточены в регионе «2+26 городов». Под этой формулой подразумеваются 2 города центрального подчинения – Пекин и Тяньцзинь, а также 26 городов провинций Хэбэй, Шаньси, Хэнань и Шаньдун, где в периоды обострения экологической ситуации (а также в период важных государственных праздников и общенациональных событий, например, пленумов и съездов партии) предписано закрывать все вредные производства. Так, в октябре 2017 г., в период проведения в Пекине съезда КПК, были закрыты металлургические, энергетические и химические предприятия, включая и азотные, в этой части страны[1].

Производство *фосфорных удобрений*, включая аммофос, диаммофос, суперфосфаты и различные марки комплексных удобрений, в отличие от азотных, размещается на юге Китая, где добывается фосфоросодержащее сырье. Около 1/3 фосфатов производится в провинции Хубэй. В четырех южных провинциях – Хубэй, Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань – производится 75 % фосфатной продукции в стране[2].

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.
[2] Ibid.

В отрасли фосфатных удобрений действует нескольких крупных добывающих компаний (обычно встречи руководителей таких компаний, на которых обсуждается общая позиция в отношении экспорта, называются в Китае «6+2», т. е. 6 крупных компании и 2 поменьше). Компания «Yuntianhua Group» имеет мощности производства 4,6 млн т диаммофоса, «Guizhou Kailin» – 3,7 млн т, «Wengfu» – 2,6 млн т, «Hubei Yihua» – 2,1 млн т, «Xiangfeng» – 1,2 млн т, «Hubei Dayukou» – 0,98 млн т диаммофоса[1]. Однако существенная часть производства осуществляется малыми и средними предприятиями.

Экспансия производства фосфатов аммония (аммофос и диаммофос) началась в 2000-х гг., до этого преобладающим продуктом являлся суперфосфат. К 2010 г. Китай не только достиг самообеспеченности фосфатами аммония, но и стал их нетто-экспортером (табл. 2). Основным удобрением для внутреннего рынка и для экспорта является диаммофос (диаммоний фосфат – DAP). В производстве и экспорте аммофоса (моноаммоний фосфата – MAP) большую долю имеет продукт с пониженным содержанием P_2O_5 – 44 % вместо обычного 51–52 %, что связано с производством этого продукта из бедных фосфоритов некоторых разрабатываемых месторождений[2].

Таблица 2. Производство, импорт, экспорт и видимое потребление аммофоса и диаммофоса в Китае, 1975–2017 гг., млн т в год в пересчете на P_2O_5
(источники: IFA, GTT, China Fertilizer Market Weekly)

Показатели	Годы:										
	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017*
Производство	-	-	-	0,1	0,6	1,5	4,9	10,8	14,9	13,9	14,0
Импорт	-	0,2	0,6	1,4	2,5	1,9	0,7	0,1	0,0	0,0	0,0
Экспорт	-	-	-	-	-	0,1	0,4	2,3	5,0	4,1	4,4
Видимое потребление		0,2	0,6	1,5	3,1	3,2	5,2	8,6	10,0	9,8	9,6

*Данные по производству за 2017 г. – оценка на основе данных за 11 месяцев.

Производство *калийных удобрений* сконцентрировано в провинции Цинхай, где расположена добыча компании «Qinghai Lake». Годовое производство составляет 11 млн т хлористого калия, еще 6,8 млн т (2016 г.) –7,5 млн т (2017 г.) импортируется из России, Беларуси, Канады и Лаоса[3].

Политика государственной поддержки. В период бурного роста мощностей по производству минеральных удобрений отрасль пользовалась

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание; Yajie L. 2016–2017 China DAP and Urea Market Analysis & Forecast, BAIINFO, China P.R., presentation at IFA Crossroads Conference, Singapore 25–27 Oct. 2016.
[2] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.
[3] IFA (International Fertilizer Producers Association), PIT Statistics, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org; China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

немалыми привилегиями и мерами государственной поддержки, прямой и косвенной. К мерам косвенной поддержки относится субсидирование фермеров, что способствует созданию платежеспособного спроса на удобрения. Субсидии сельскому хозяйству разных видов в сумме достигли в 2014 г. 35 млрд долл.[1]. Кроме этого, оказывалась прямая поддержка производителям удобрений, которая к 2010 г. оценивалась в 18 млрд долл.[2], включая:

– Возврат налога на добавленную стоимость предприятиям отрасли минеральных удобрений. В 2003–2015 гг. предприятия были освобождены от 13 % налога.
– Фиксированные пониженные цены на сырье – уголь и природный газ. Объем субсидий на природный газ достигал 1 млрд юаней в год.
– Скидки к тарифу на электроэнергию для предприятий отрасли. В 2004 г. эта субсидия составила 6,3 млрд юаней[3].
– Сниженные тарифы на перевозку удобрений и сырья для их производства по железным дорогам – скидка 5 млрд юаней в год[4].
– Льготное складирование продукции, произведенной вне сельскохозяйственного сезона, на государственных складах с объемом до 16 млн т. Субсидия к ставке кредитования дистрибуторов за хранение удобрений вне сезона в объеме 5–8 млн т на сумму 300–500 млн юаней[5].
– Прямые субсидии производителям и импортерам диаммофоса в размере 100 юаней на 1 т. В 2004 г. эта субсидия равнялась 670 млн юаням[6].

Исследования показали, что производители удобрений получили 70 % выигрыша от субсидирования, что составило 51 млрд юаней в год[7].

Наряду с поддержкой отрасли, правительство применяло меры по ограничению экспорта удобрений, справедливо полагая, что экспорт, особенно азотных удобрений – скрытая форма вывоза энергетических ресурсов, в то время как Китай является крупным импортером нефти и газа. В 2008–2013 гг. применялись сезонные запретительные пошлины на экспорт карбамида: окно экспорта составляло 4,5 месяца в году. С июля по сентябрь и в декабре-январе можно было экспортировать с уплатой экспортной пошлины 6 %. Все остальное время года (сезон внесения удобрений в Китае) пошлина на экспорт превышала 100 %. Этот режим оказывал большое влияние на ценообразования мирового рынка, так как его игрокам было заранее известно, когда на рынок выйдут существенные объемы продукции из Китая. С 2014 г. введена постоянная фиксированная экспортная пошлина в размере 80 юаней за тонну, которая полностью отменена с января 2017 г.[1].

Политика «нулевого роста». Начиная с 2015 г., с целью повышения качества азотной промышленности, китайское правительство выпустило несколько соответствующих политических документов:

1) «План действий по нулевому росту применения удобрений до 2020г.» выпущен Министерством сельского хозяйства:

– К 2020 г. будет выстроена система менеджмента и технологии научной фертилизации (внесения удобрений), уровень научной фертилизации будет значительно повышен.
– С 2015 г. по 2019 г. ежегодный рост использования удобрений должен сдерживаться в пределах 1 %.
– В 2019–2020 гг. использование удобрений для основных сельскохозяйственных культур достигнет нулевого роста.

2) «Заключение по вопросам содействия трансформации и развития химической промышленности удобрений» (2015 г.), опубликованное Министерством промышленности и информационных технологий:

– В принципе не должны строиться новые заводы аммиака, использующие в качестве сырья природный газ и антрацит.
– К 2020 г. мощности по азоту будут 60,6 млн т в пересчете на содержание азота, уровень их загрузки увеличится до 80 %.
– К 2020 г. доля производства аммиака из угля (исключая антрацит) вырастет с 24 % до 40 %.
– К 2020 г. доля применения новых видов удобрений в Китае увеличится с менее чем 10 % до 30 %.

3) Отмена льготной политики. В 2015 г. отменены специальные льготные цены на электроэнергию и вновь введен НДС (13 %). В 2016 г. отменены: льготные железнодорожные тарифы; ограничение на экспорт химических удобрений; льготные цены на природный газ (с 10 ноября).

Согласно плану, доля угольного сырья вырастет с 75,9 % в 2015 г. до 83 % в 2020 г. за счет роста доли неантрацитного угля. Удельный вес природного газа снизится с 21,2 % в 2015 г. до 14 % в 2020 г. В 2020 г. потребление угля в азотной индустрии возрастет, суммарное потребление будет около 82 млн т/год, что составляет 2,4–2,8 % от всего потребления угля[2].

Согласно программе «нулевого» роста, новая политика будет способствовать более полному усвоению удобрений, будет регулировать их структуру

---

[1] Gale F. China's Evolving Agricultural Policy, USDA, Economic Research Service, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.iica.int/sites/default/files/events/presentations/2015-10/chinaocos_evolving_agricultural_policy_fred-gale-english.pdf.

[2] Li Y., Zhang W., Ma L., Huang G., Oenema O., Zhang F., Dou Z., An Analysis of China's Fertilizer Policies: Impacts on the Industry, Food Security, and the Environment.., Jul, 2013. Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24216349.

[3] China Fertilizer Industry Overview Economics Essay Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.ukessays.com/essays/economics/china-fertilizer-industry-overview-economics-essay.php.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Li S., Zhang Y., Nadolnyak D., Wesley J. D., Zhang Y. Fertilizer industry subsidiesin China: who are the beneficiaries? // China Agricultural Economic Review. Vol. 6. Issue: 3. – P. 433–451, Электронный источник]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1108/CAER-12-2012-0134.

[1] Ju G., CRU Fertilizers, China's Choice after Market-oriented Transitionin Nitrogen Industry. Presentation at 2017 CRU Nitrogen & Syngas Conference, 28 Feb. – 2 Mar. 2017, London.

[2] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

потребления, улучшать систему внесения и использовать больше органических удобрений вместо химических. Основные методы будут включать в себя инновационные подходы, также будут укрепляться связи между производителями и фермерами, развиваться новые виды удобрений и новые механизированные технологии внесения. Кроме того, будут продвигаться органические удобрения, что приведет к повышению содержания органических веществ в почве, потребуется более качественная обработка пашни.

В 2016 г. в Китае введены новые стандарты по потреблению энергии для производства аммиака и карбамида, устанавливающие обязательные жесткие нормы, которые на 10–25 % ниже уровня, считавшегося аналитиками средним для Китая. В случае несоответствия указанным стандартам, предприятия должны быть закрыты на постоянной основе, либо на модернизацию (которая для старых заводов фактически означает снос и полную замену оборудования)[1].

Еще одно направление, нацеленное на снижение негативного экологического влияния минеральных удобрений в Китае – продвижение органических удобрений. В мае 2017 г. Министерство сельского хозяйства опубликовало соответствующую программу. В планах правительства достичь использования 75 % всего навоза и оснащение 95 % животноводческих ферм оборудованием по переработке навоза. Речь идет о переработке отходов животноводства в удобные для применения в сельском хозяйстве гранулированные органические удобрения. Около 40% всех химических удобрений, используемых в Китае, применяется для фруктов, овощей и чая. Правительство планирует сократить использование химических удобрений на 50 % в этих ключевых областях к 2020 г., добавив, что 100 районов будут выбраны в качестве демонстрационных площадок для замены некоторых химических удобрений на органические удобрения[2].

Экологические инспекции. Центральное правительство осуществило четыре раунда инспекций, начиная с января 2016 г., когда первая пилотная инспекция была проведена в провинции Хэбэй. По плану все 31 провинция и автономные районы должны были быть проинспектированы до конца 2017 г. Инспекции считаются мощным инструментом надзора над региональными властями в их деятельности по предотвращению загрязнения окружающей среды промышленными предприятиями. Инспекции имеют полномочия закрывать работу предприятий, не выполняющих экологические стандарты. По результатам инспекций, проведенных министерством, выявляются серьезные проблемы, в том числе слабое управление, неадекватное применение правил и даже протекция компаниям со стороны местных администраций. В итоге местные власти мотивируются к решению этих проблем.

В августе 2017 г. начался финальный раунд природоохранных инспекций высокого уровня в 8 последних провинциях: Цзилинь, Чжэцзян, Шаньдун, Хайнань, Сычуань, Цинхай, Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах. Сычуань, где вдоль реки Янцзы расположено много промышленных

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

[2] Ibid.

предприятий, стала первой провинцией, в которой инспекция стартовала 7 августа.

На самом деле, проходящие инспекции в провинциях Шаньдун, Сычуань и прочих могут иметь огромное влияние на загрузку мощностей по производству карбамида. Министерство защиты окружающей среды заявило, что производители, не соответствующие стандартам эмиссии, должны быть закрыты до 30 сентября. Поскольку производители карбамида выбрасывают много загрязняющих веществ в окружающую среду, их деятельность обычно серьезно затрагивается инспекциями. С другой стороны, поскольку многие малые и средние производители уже закрыты, среди выживших, как правило, крупные и технологически продвинутые заводы с минимальным уровнем эмиссии загрязняющих веществ. Поэтому, инспекции на этот раз могут и не оказать существенного влияния на загрузку мощностей. Кроме того, экологические инспекции – обоюдоострое средство, так как влияют на загрузку как производителей карбамида, так и предприятий, перерабатывающих карбамид. В результате этот раунд инспекций может не вызвать рост цен на карбамид, и даже привести к их снижению, если их влияние на спрос на карбамид окажется большим, чем на его производство[1].

Реакция отрасли на изменения. Отмена субсидий, льгот и переход к рыночным ценам привели к росту издержек на производство удобрений. По оценке CRU Fertilizers, по сравнению с условиями января 2015 г. к январю 2017 г. затраты на тонну карбамида при производстве аммиака из антрацита в провинции Шаньси выросли на 29 долл. (с учетом отмены экспортной пошлины – при экспорте рост издержек составит только 17 долл.)[2]. Рост издержек повлиял на конкурентоспособность китайского карбамида и привел к существенному снижению объема экспорта из Китая в 2016 и 2017 гг. – до 8,9 и 4,7 млн т, соответственно (на 35 % и 47 % год к году)[3]. Выросли затраты на производство фосфатов, в результате чего снизился экспорт китайского диаммофоса в Индию. В течение 2017 г. поставки между странами почти прекратились, так как субсидии Индии, принятые на финансовый год 2017/18 не покрывали затраты импортеров по ценам, минимальным для продукции из Китая с учетом выросших издержек.

Отрасль почувствовала сильное воздействие реформирования угольной отрасли – основного источника сырья. В 2016 г. массовое закрытие мощностей в угольной промышленности привело к появлению дефицита на внутреннем рынке угля и к росту цен на уголь. Это еще в большей мере повлияло на издержки и конкурентоспособность китайского карбамида, привело к росту цен на внутреннем рынке выше уровня экспортных рынков. В условиях дефицита угля многие предприятия по производству удобрений просто не

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

[2] Ju G., CRU Fertilizers, China's Choice after Market-oriented Transitionin Nitrogen Industry. Presentation at 2017 CRU Nitrogen & Syngas Conference, 28 Feb. – 2 Mar. 2017, London.

[3] IFA (International Fertilizer Producers Association), PIT Statistics, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org; China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание; GTT – база данных статистики по внешней торговле.

могли получить необходимые объемы сырья, так как приоритет отдавался поставкам на электростанции.

Перебои с поставкой сырья, принудительные закрытия по экологическим причинам, рост издержек и падение конкурентоспособности приводят к снижению загрузки мощностей. По данным China Fertilizer Market Weekly, на 6 февраля 2018 г. текущая загрузка мощностей по производству карбамида составляла всего 47 %, в том числе работающих на угольном сырье – 58 %, а природном газе – 17 %. Производители фосфатов в провинции Хубэй загружены на 50 %, в Юньнане – на 60 %, в Гуйчжоу – на 55 %[1].

В создавшихся условиях избыточные мощности, созданные в Китае, будут закрываться. В Китае уже не первый год говорят о необходимости закрытия устаревших и менее эффективных производств, мощностей малых предприятий, но теперь, похоже, эти планы перестают быть лозунгами и будут реально претворяться в жизнь. По оценке He-Ro Fertilizers, ожидается сокращение мощностей по производству карбамида с 77 млн т в 2016 г. до 73 млн т в 2017 г. (на 5 %) и до 68 млн т в 2020 г. (на 12 %). При этом доля крупных производств (более 500 тыс. т в год) вырастет с 71 % в 2016 г. до 77 % в 2017 г. и до 88 % в 2020 г. Удельный вес средних производителей (300–500 тыс. т в год) сократится с 21 % до 17 % и 12 % соответственно; а малых производств (менее 300 тыс. т в год) упадет с 8 % в 2016 г. до 6 % в 2017 г. и до 0 в 2020 г.[2]. CRU Fertilizers прогнозирует закрытие в 2017–2021 гг. мощностей по производству карбамида в объеме14 млн т[3].

В отрасли по производству фосфатов и комплексных удобрений ожидается закрытие большого числа малых предприятий. Эти предприятия потребляют большие объемы воды, загрязняют атмосферу и вырабатывают отходы в виде отвалов фосфогипса. В 2016 г. отрасль выработала 87 млн т фосфогипса, из которых утилизировано только 30 %[4]. Все эти проблемы оказались в фокусе внимания экологической политики. Большая часть производителей на рынке – малые и средние предприятия, не интегрированные с добычей сырья. В связи с этим, будущее этих предприятий под большим вопросом[5]. Также, вероятно, будет сокращаться добыча и переработка бедных фосфоритовых руд.

Немаловажным фактором является и сопутствующее изменениям в экономике Китая: снижение спроса на традиционные удобрения. По оценке BAIINFO, спрос на карбамид в Китае сократился с 58,8 млн т в 2014 г. до 57 млн т в 2015 г. и до 55 млн т в 2016 г., а в 2017 г., по расчетам видимого потребления, составит 51 млн т. Сокращение происходит за счет аграрного

[1] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

2 Discussion: The Outlook for PR China's Nitrogen Industries. He-Ro Chemicals Ltd, October 2017. – P. 15.

[3] Ju G., CRU Fertilizers, China's Choice after Market-oriented Transitionin Nitrogen Industry. Presentation at 2017 CRU Nitrogen & Syngas Conference, 28 Feb. – 2 Mar. 2017, London. – P. 14.

[4] Zhijian L. Impact of Green development Policies on the Chinese Fertilizer Industry. IFA Crossroads Asia Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.

[5] China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.

потребления – спрос на карбамид как на удобрение сократился с 43,8 млн т в 2014 г. до 41 млн т в 2015 и 39 млн т в 2016 г., в то время как промышленный спрос оценивался в 15 млн т в 2014 г. и в 16 млн т в 2015 и 2016 гг.[1].

Специальные удобрения. Китай является лидером в разработке и производстве специальных удобрений. К их числу относятся водорастворимые удобрения, предназначенные для применения в автоматизированных системах полива и внесения удобрений, для теплиц, современных аграрных производств в помещениях, гидропоники и т. д. Кроме того, к специальным удобрениям относятся удобрения со стабилизированным, замедленным или регулируемым освобождением питательных веществ, например, с ингибиторами нитрификации и уреазы, удобрения в гранулах, в оболочке и т. п., преимущества которых состоят в том, что их потери при внесении в почву существенно ниже, а эффективность выше, чем традиционных видов удобрений. Кроме того, негативное влияние на окружающую среду таких удобрений намного ниже. Эффективность применения удобрений увеличивается и при включении в их состав микроэлементов, необходимых для растений и усиливающих эффект от действия основных питательных веществ.

Недостатком специальных удобрений является их дороговизна, которая не позволяет заменить ими массовые виды традиционных удобрений, особенно в развивающихся странах. Однако применение таких удобрений постоянно растет. В Китае развивают массовое производство специальных удобрений, благодаря чему страна может предложить мировому рынку специальные удобрения по конкурентоспособным ценам. В 2016 г. производство водорастворимых удобрений в Китае составило 3,5 млн т, а удобрений с ингибиторами – 3,45 млн т. В 2020 г., согласно прогнозу, их производство вырастет, соответственно, до 6,9 млн т и 5,1 млн т[2].

Заключение. Сокращение мощностей, рост издержек и падение экспорта удобрений из Китая оказывает в краткосрочном и среднесрочном плане позитивное влияние на состояние мирового рынка минеральных удобрений, так как в существенной мере компенсирует избыточный рост экспортных мощностей в других регионах. В отрасли азотных удобрений речь идет о Северной Америке, Ближнем Востоке и России, в отрасли фосфатов – о Марокко и Саудовской Аравии. Более того, Китай может открыться для мировой отрасли удобрений как крупный импортный рынок, куда будут поставлять не только калий и аммиак, но и фосфаты и даже карбамид. География размещения азотной промышленности при этом играет не последнюю роль, так как недостаток мощностей на юге при росте внутренних транспортных расходов создает возможности для импорта карбамида в южные провинции.

В долгосрочном плане реструктуризация отрасли приведет к ее модернизации и росту конкурентоспособности. Сравнивая современное состояние производства минеральных удобрений в Китае и России, можно отметить,

[1] Yajie L. 2016–2017 China DAP and Urea Market Analysis & Forecast, BAIINFO, China P.R., presentation at IFA Crossroads Conference, Singapore 25–27 Oct. 2016. – P. 5.

[2] Huang P. China Special Fertilizer Development Report, CNCIC Consulting, China, IFA Crossroads Asia Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.

что в России в основном предприятия отрасли построены в 1970–1980 гг. с серьезной модернизацией в 1990–2000 гг. В Китае большая часть мощностей и так построена в 2000–2010 гг. на основе технологий новых поколений. После грядущей реструктуризации останутся наиболее современные и наиболее удачно расположенные предприятия, которые по эффективности будут намного превосходить азотные предприятия в России и других странах. Можно предположить, что объявленные стандарты потребления энергии, обязательные для предприятий в Китае, сегодня не могут быть достигнуты на заводах России (вероятно, за исключением немногих самых современных мощностей, введенных в строй в 2016–2018 гг. на заводах в Новгороде, Череповце, Куйбышеве, Азоте, Кингисеппе). В этом смысле промышленность минеральных удобрений Китая будет устанавливать качественные стандарты для всей мировой отрасли.

При снижении энергоемкости экономики Китая в целом (которая в долгосрочном плане приведет к длительному тренду снижения и выравнивания цен на углеводороды в разных регионах мира) будут стираться и конкурентные преимущества тех производителей удобрений, которые сегодня пользуются преимуществом низких цен на энергоносители. Это способно вызвать глобальные сдвиги в географии мировых рынков удобрений. Развитие подотрасли специальных удобрений, уже сейчас наблюдаемое в Китае, также может существенно изменить облик отрасли минеральных удобрений будущего, так как более эффективные специальные удобрения будут вытеснять с рынка традиционные виды удобрений (и их производителей).

Интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян и роль Шэньчжэня

В. Я. Портяков

Дельта реки Чжуцзян является, наряду с дельтой реки Янцзы и районом Биньхай вокруг Тяньцзиня, одной из трех китайских территорий интенсивного развития интеграционных процессов. Главное отличие «чжуцзянской» модели от двух других заключается в том, что интеграционный процесс здесь наряду с внутригосударственным имеет и официально заявленный внешний вектор, поскольку распространяется на особые административные районы КНР Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь).

Идея некоей формализации интеграционных процессов в дельте реки Чжуцзян впервые была высказана в 1983 г. Однако ее активная практическая реализация началась только в конце первого десятилетия XXI в. с принятием в 2008 г. Собранием народных представителей провинции Гуандун «Основных положений программы развития и реформ в дельте р. Чжуцзян на 2008–2020 годы», а в апреле 2009 г. – «Решения парткома и правительства провинции Гуандун о последовательном выполнении программы реформ и развития в районе дельты р. Чжуцзян».

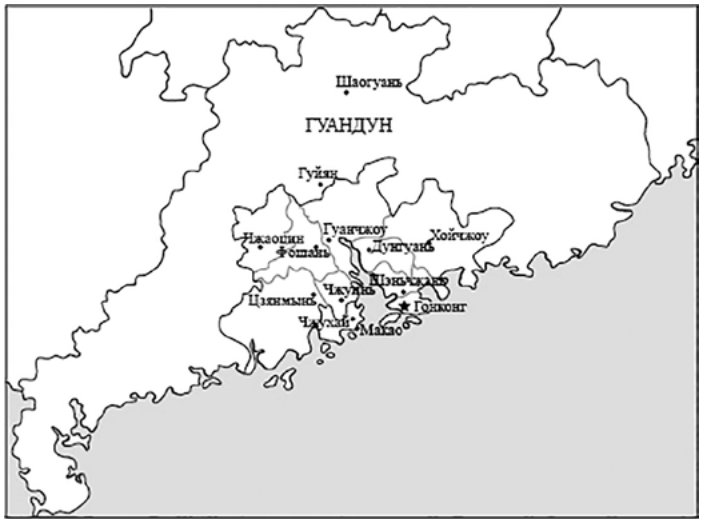


Рис. 1. Города дельты реки Чжуцзян

В этих документах ставилась задача в течение первых четырех лет добиться «большого развития» района дельты, доведя его ВРП в 2012 г. до 4 трлн юаней и уровень урбанизации до 81 %. На втором этапе – до 2020 г. – намечалось обеспечить «прорывное развитие» и первым в стране «в основном осуществить социалистическую модернизацию». ВРП планировалось довести до 7,2 трлн юаней, уровень урбанизации – до 85 %. По среднедушевому ВРП (135 тыс. юаней, или 19,4 тыс. долл.) дельта Чжуцзяна должна опередить уровень Тайваня 2008 г.[1].

Достичь намеченных рубежей предполагалось за счет интенсификации интеграционных процессов, т.е. налаживания более тесного экономического и социального взаимодействия городов в дельте.

По принципу географической близости выделены три группы городов, в рамках которых формируются элементы единого экономического, управленческого и социального пространства. Это «гуанчжоуский узел» с городами Гуанчжоу, Фошань и Чжаоцин, «шэньчжэньский узел» с городами Шэньчжэнь, Дунгуань, Хуйчжоу и «чжухайский узел» с городами Чжухай, Чжуншань и Цзянмэнь (рис. 1). В рамках этих образований действуют многочисленные соглашения о координации административных функций, кредитно-денежной, научно-технической, туристской деятельности, совместном развитии общественного транспорта и другой инфраструктуры.

[1] Доклад о развитии региональной экономики провинции Гуандун – 2009. Составитель: Комитет реформ и развития провинции Гуандун [Гуандун шэн цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2009) Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь] (на кит. яз.). Гуанчжоу, 2011. – С. 147.

Наиболее крупным по территории является «гуанчжоуский узел» – 26 тыс. км², 47,4 % территории дельты. Он же «на старте» лидировал по ВРП, общественным инвестициям и розничному товарообороту. «Шэньчжэньский узел» с территорией в 15,6 тыс. км² (28,8 %) лидировал по экспорту и финансовым доходам. «Чжухайский узел» с территорией в 13 тыс. км² (23,8 % территории дельты)[1] был наименьшим из трех по масштабам экономики (табл. 1), но являлся важной «точкой роста».

Таблица 1. Показатели экономического развития трех групп городов дельты реки Чжуцзян в 2009 г., млрд юаней

(источник: Доклад о развитии региональной экономики провинции Гуандун – 2009. Составитель: Комитет реформ и развития провинции Гуандун. [Гуандун шэн цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2009). Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь] (на кит. яз.). Гуанчжоу, 2011. – С. 128)

Наименование	ВРП	Инвестиции	Розничный товарооборот	Финансовые доходы
Гуанчжоу–Фошань–Чжаоцин	1479	459	530	101
Шэньчжэнь–Дунгуань–Хуйчжоу	1337	356	402	121
Чжухай–Чжуншань–Цзянмэнь	394	145	151	30

В 2009 г. 46 % ВРП района дельты реки Чжуцзян (3210 млрд юаней) было создано в «гуанчжоуском узле», 41,7 % – в «шэньчжэньском» и 12,3 % – в «чжухайском узле». В период 2010–2015 гг. годовые темпы прироста ВРП всех девяти городов дельты постепенно снижались с уровня 10–11 % до, как правило, 8–8,5 %. В 2015 г. ВРП дельты превысил 6,2 трлн юаней, при этом в его географическом распределении несколько снизились доли Гуанчжоу –Фошаня – Чжаоцина (до 45,1 %) и Чжухая – Чжуншаня – Цзянмэня (до 11,7 %) при увеличении доли Шэньчжэня – Дунгуаня – Хуйчжоу до 43,2 %. Гуанчжоу сохранил за собой небольшой перевес над Шэньчжэнем по размеру ВРП (табл. 2).

В то же время во внешней торговле с большим отрывом от других городов дельты неизменно лидирует Шэньчжэнь. В пиковом 2013 г. объем его внешнеторгового товарооборота превысил 537 млрд долл. – 1-е место в стране (табл. 3).

Как известно, в 2014 г. динамика роста внешней торговли Китая резко замедлилась, а в 2015 г. ее объем и вовсе сократился впервые с 2009 г. Не миновала аналогичная участь и район дельты реки Чжуцзян. Товарооборот здесь в 2015 г. вырос по сравнению с 2013 г. у Гуанчжоу и Дунгуаня, а также у играющих в данной сфере скромную роль Чжаоцина и Цзянмэня. У остальных городов дельты он упал, причем довольно значительно у Шэньчжэня и Чжухая. В связи с падением мировых цен на нефть и сырье импорт сократился значительнее, чем экспорт (табл. 4).

[1] Доклад о развитии региональной экономики провинции Гуандун – 2009. Составитель: Комитет реформ и развития провинции Гуандун [Гуандун шэн цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2009) Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь] (на кит. яз.). Гуанчжоу, 2011. – С. 128–136.

Таблица 2. Валовой региональный продукт городов дельты реки Чжуцзян в 2013 и 2015 гг.

(источники: Данные за 2013 г. – Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014. [Чжунго цзинцзи тэцюй фачжань баогао (2014)] (на кит. яз.). Пекин. 2014. – С. 248; Данные за 2015 г. – сведения статистических управлений соответствующих городов, сайт статистического управления провинции Гуандун КНР. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.gdstats.gov.cn.)

Города	2013 г., ВРП, млрд юаней	Добавленная стоимость в промышленности		Добавленная стоимость в сфере услуг		2015 г., ВРП, млрд юаней
		млрд юаней	доля в ВРП, %	млрд юаней	доля в ВРП, %	
Гуанчжоу	1542,0	443,0	28,73	996,4	64,62	1810,0
Шэньчжэнь	1450,0	569,5	39,28	819,8	56,54	1750,3
Чжухай	166,2	74,5	44,81	77,0	46,23	202,5
Фошань	701,0	365,3	52,11	253,0	36,1	800,4
Хуйчжоу	267,8	137,4	51,32	99,1	37,0	314,0
Дунгуань	549,0	211,2	38,48	295,1	53,75	627,5
Чжуншань	263,9	125,7	47,63	110,8	42,0	301,0
Цзянмэнь	200,0	71,4	35,72	82,8	41,41	224,0
Чжаоцин	166,0	81,3	49,0	60,6	36,54	197,0
Девять городов дельты р. Чжуцзян	**4761,6**	**1771,0**	**37,19**	**2607,8**	**54,77**	**6226,7**

Таблица 3. Объем внешней торговли городов дельты реки Чжуцзян в 2013 г., млрд долл.

(источник: Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014 [Чжунго цзинцзи тэцюй фачжань бао гао (2014)] (на кит. яз.). Пекин. 2014. – С. 227.)

Города	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Гуанчжоу	118,89	62,81	56,08
Шэньчжэнь	537,36	305,72	231,64
Чжухай	54,17	26,61	27,56
Фошань	63,94	42,52	21,41
Хуйчжоу	57,39	33,32	24,07
Дунгуань	153,07	90,86	62,21
Чжуншань	35,63	26,48	9,15
Цзянмэнь	19,73	14,0	5,73
Чжаоцин	7,02	4,83	2,19

Таблица 4. Объем внешней торговли городов дельты реки Чжуцзян в 2015 г.
(источник: Таможенная статистика [Хайгуань тунцзи] (на кит. яз.). – Пекин, 2015, № 12. – P. 149; Данные сайта www.gdstats.gov.cn.)

Город	Товарооборот		Экспорт		Импорт	
	млрд юаней	млрд долл.	млрд юаней	млрд долл.	млрд юаней	млрд долл.
Гуанчжоу	830,64	133,61	503,47	80,98	327,17	52,63
Шэньчжэнь	2751,66	442,49	1641,54	264,05	1110,12	178,44
Чжухай	296,65	47,66	179,33	28,84	116,72	18,82
Фошань*	365,97	58,86	268,13	43,13	97,84	15,73
Хуйчжоу	337,60	54,30	216,09	34,76	121,51	19,54
Дунгуань	1040,07	167,29	642,95	103,42	397,12	63,87
Чжуншань	173,89	27,97	…	…	…	…
Цзянмэнь	123,18	19,81	95,47	15,35	27,71	4,46
Чжаоцин	…	8,21	…	4,77	…	3,44

**Примечание:* Данные по Фошаню за 11 месяцев.

Интеграции дельты реки Чжуцзян с близлежащими Сянганом и Аомэнем придается роль «государственной стратегии». Хотя в отношении этих территорий, имеющих статус Особых административных районов КНР, в течение 50 лет должен действовать принцип «одна страна – две системы», процесс экономического, повседневного и психологического сближения Гонконга и Макао с континентальным Китаем был начат загодя. 29 июня 2003 г. КНР подписала с Сянганом «Соглашение о тесном экономическом сотрудничестве» (Close Economic Partnership Arrangement – CEPA), а 17 октября 2003 г. – аналогичное по сути соглашение было подписано и с Аомэнем. Они предусматривали поэтапное «обнуление» большинства товарных пошлин, взаимное открытие значительной части рынка услуг. Кроме содействия реализации CEPA, интеграционные соглашения между Гуандуном, Сянганом и Аомэнем предусматривают сотрудничество в развитии инфраструктуры, образовании, защите окружающей среды, совместном создании качественной бытовой среды[1]. Показательно здесь строительство нового кампуса Университета Макао на близлежащей территории КНР.

Ведущим экономическим партнером Гонконга как в дельте реки Чжуцзян, так и в материковой части Китая в целом неизменно выступает Шэньчжэнь. По данным официальной статистики, в 2011 г. доля Гонконга в использованных в Шэньчжэне ПИИ составила около 71 % (3,26 млрд долл. из 4,6 млрд), тогда как удельный вес следующих за ним по объемам инвесторов не превышал 2,5 % (Сингапур, 114 млн долл.) и 2,3 % (Япония, 107 млн долл.).

[1] Кан Сюэцинь. Исследование экономической интеграции в субрегиональном треугольнике роста Гуандун–Сянган-Аомэнь. [Юэ Ган Ао цзэнчжан саньцзяо цыцюйюй цзинцзи итихуа яньцзю] (на кит. яз.). Пекин, 2014. – С. 104–113.

Во внешней торговле Шэньчжэня в 2011 г. (414 млрд долл.) доля Гонконга – 27,5 %, причем в экспорте – 46 % (112,9 млрд долл. из 245,5 млрд.). Доли других ведущих партнеров во внешнеторговом обороте Шэньчжэня были существенно ниже: 9,1 % у США и примерно по 6 % у Японии и Тайваня[1].

В 2012–2013 гг. доминирование Гонконга в инвестиционной сфере сохранилось. Его доля в реализованных ПИИ в Шэньчжэне равнялась, соответственно, 72,6 % (3,8 млрд долл. из 5,23 млрд) и 76,5 % (4,186 млрд долл. из 5,47 млрд). Следующими по объему инвестиций в Шэньчжэнь в 2012 г. стали США (284 млн долл.), Республика Корея (197 млн долл.), а в 2013 г. Франция (220 млн долл.). На конец 2013 г. число предприятий с гонконгским капиталом, зарегистрированных в Шэньчжэне, составило 18,1 тыс. из общего числа зарегистрированных здесь предприятий с иностранным капиталом в 24,1 тыс.[2].

В этот же период доля Гонконга во внешней торговле Шэньчжэня возрастала: 31,7 % (148 млрд долл.) в 2012 г. и 34,1 % (183,5 млрд долл.) в 2013 г., при этом доля Гонконга в шэньчжэньском экспорте достигла, соответственно, 54 и 59,2 %. Доля следующих по объему торговых партнеров Шэньчжэня в эти же годы – 7,9 и 7,7 % (США) и 6,7 и 8,3 % (Тайвань)[3].

Снижение внешнеторгового товарооборота Шэньчжэня в 2014–2015 гг. затронуло и его торговлю с Гонконгом, доля которого в товарообороте упала до 29,7 % в 2014 г. и до 28,1 % в 2015 г., а в экспорте Шэньчжэня снизилась соответственно до 50,4 % и 46,5 % (табл. 5).

Отчасти понижательный тренд был связан с падением цен на нефть и нефтепродукты, но в какой-то мере на деловой активности Гонконга негативно сказалась и известная политическая напряженность в этом специальном административном районе КНР. Та же причина, напротив, усилила приток

Таблица 5. Торговля Шэньчжэня с Гонконгом в 2014–2015 гг. (млрд долл.)
(рассчитано по: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2015. [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2015] (на кит. яз.). Пекин, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www/sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjnj/201701/w020170120506125327799.pdf, – С. 327; Статистический ежегодник Шэньчжэня 2016. [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2016]. Пекин, 2016 (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www/sztj.gov.cn/xxgk/tjsj/tjnj/201701/t20170120_5943580.htm)

Показатели	2014 г.	2015 г.
Оборот	144,95	124,2
Экспорт	143,25	122,8
Импорт	1,7	1,4
Доля во внешней торговле Шэньчжэня, %	29,7	28,1
Доля в экспорте Шэньчжэня, %	50,4	46,5

[1] Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012. [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2012] (на кит. яз.). Пекин, 2012. – С. 290, 299.

[2] Статистический ежегодник Шэньчжэня 2014. [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2014] (на кит. яз.). Пекин, 2014. – С. 291, 294, 302.

[3] Там же. Рассчитано по: С. 307–308.

в Шэньчжэнь спасающегося от нестабильности гонконгского капитала. Его доля в использованных ПИИ в Шэньчжэне составила 75,6% в 2014 г. и 86,4% в 2015 г. Как бы то ни было, Гонконг сохранил свои позиции ведущего внешнеполитического партнера Шэньчжэня.

В тоже время у других городов дельты реки Чжуцзян ориентация внешнеэкономических связей на Гонконг не является столь же сильно выраженной, как у Шэньчжэня. Например, в 2015 г. экспорт Чжухая в США и ЕС превысил его экспорт в Гонконг. В экспорте Гуанчжоу Гонконг в 2015 г. занял первое место (90 млрд юаней), но вывоз в США (75 млрд юаней), ЕС (62,8 млрд) и АСЕАН (65,5 млрд юаней) отстал ненамного. С учетом же импорта внешняя торговля Гуанчжоу с этими регионами превысила торговлю столицы Гуандуна с Гонконгом[1].

Исторически сформировавшаяся близость Гонконга и Шэньчжэня в экономике и отчасти в повседневной жизни породила идею постепенной трансформации двух этих городов в единый международный мегаполис.

Соответствующие проекты вплоть до разработки «дорожной карты» формирования «Сянчжэня» активно обсуждались прежде всего в Шэньчжэне в середине 2000-х гг. Их энергично пытался реализовать бывший мэр Шэньчжэня Сюй Цзинхэн[2]. После его отстранения от должности интеграционный процесс в связке Шэньчжэнь – Гонконг замедлился, но не угас.

Во втором десятилетии XXI в. на первый план выдвинулось освоение шэньчжэньской территории Цяньхай, где на площади 15 км² совместно с Гонконгом создается экспериментальный район сотрудничества в развитии высоких технологий и современных услуг. Цяньхай патронирует непосредственно лидер КНР Си Цзиньпин, посетивший его в конце 2012 г. вскоре после избрания генеральным секретарем ЦК КПК.

Важный дополнительный стимул развитию Цяньхая должно придать его включение в апреле 2015 г. в состав Гуандунской зоны свободной торговли. Эта зона, получившая официальное название «Экспериментальный район свободной торговли провинции Гуандун Китая», включает три участка: Цяньхай – Шэкоу в Шэньчжэне площадью 28,2 км², Чжухай – Хэнцин (28 км²) и новый район Наньша в Гуанчжоу (60 км²). Одной из основных функций данной зоны призвано стать налаживание в течение 3–5 лет «образцового глубокого сотрудничества» Гуандуна, Сянгана и Аомэня, соответствующего международным нормам и стандартам. В 2016 г. ВРП участка Цянхай – Шэкоу достиг 140 млрд юаней[3].

Похоже, что интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян, особенно ориентированные на дальнейшее сближение ведущих экономических центров Гуандуна с Гонконгом и Макао, получили новую весомую поддержку от центрального правительства Китая. Еще одним важным шагом в этом направлении стало установление связи между Гонконгской и Шэньчжэньской биржами по торговле акциями, что было одобрено Госсоветом КНР 16 августа 2016 г.

Экономическое развитие дельты реки Чжуцзян призвано содействовать подъему других районов Китая. «Ближний радиус», в котором дельта призвана индуцировать дополнительный экономический рост, представлен «востоком», «западом» и «югом» провинции Гуандун. В 2009 г. ВРП дельты реки Чжуцзян составил 79,3 % от ВРП провинции Гуандун, ВРП «востока» – 6,7 %, «запада» – 7,2 % и ВРП «юга» провинции Гуандун – 6,7 %.

«Большой радиус» влияния охватывает соседние с Гуандуном провинции и автономные районы Южного и Юго-Западного Китая – Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район. Вместе с Гуандуном, Гонконгом и Макао этот район подчас называют «Панчжуцзянским». «Рамочное соглашение о сотрудничестве в Панчжуцзянском регионе» было подписано 3 июня 2004 г. в Гуанчжоу во время первой встречи глав правительств охваченных им провинций и автономных районов. В развитие этого документа были затем приняты базовая Программа развития сотрудничества в Панчжуцзянском регионе на 2006–2020 гг. и порядка ста установочных документов и соглашений о сотрудничестве в конкретных сферах – строительстве шоссейных дорог, развитии логистики и торговли, туризме, науке и технике, продвижении информатизации, охране окружающей среды и т. п. Сформировался институциональный формат сотрудничества: проводятся регулярные встречи глав провинциальных правительств, Гонконга и Макао, секретарей правительств (отдельно), ежегодные научные и торгово-экономические форумы[1].

В марте 2016 г. Госсовет КНР утвердил «Руководство по углублению сотрудничества в Панчжуцзянском регионе». Поставлены цели создания транспровинциальной платформы тесного экономического сотрудничества, дальнейшего углубления взаимодействия южных провинций КНР с Гонконгом и Макао, оживления экономической жизни вдоль всей речной системы Сицзян – Чжуцзян (это одна река, отдельные участки которой получили различные названия). Намечено создание Фонда развития панчжуцзянского региона[2].

Таким образом, несмотря на сложную ситуацию и в мировой, и в китайской экономике, интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян имеют неплохие шансы на динамичное развитие в обоих направлениях – как внешнем, так и внутреннем.

---

[1] Данные сайта: gdststs.gov.cn от 10.03.2016.

[2] См.: Синь Ц. и другие. Сянган – Шэньчжэнь: мотор продвижения Китая на более высокую ступень [Сянган+Шэньчжэнь: шэнцзи Чжунго иньцин] (на кит. яз.). Гуанчжоу, 2008.

[3] Госсовет распространил шесть документов о политике расширения зон свободной торговли [Гоуюань иньфа люсян цзымаоцюй чжунпан чжэнцэ вэньцзянь] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://finance.people.com.cn/n/2015/0420/c1004-26872651.html; Шэньчжэнь тэцюй бао. 21.12.2016.

[1] Цзяньвэнь Л., Лун Я. От безвозмездной помощи к равенству и взаимной выгоде: исследование регионального сотрудничества Тибета с внутренними районами и длительной общественной стабильности: [Цун учан юаньчжу дао пиндэн хухуй: Сицзан юй нэйди дэ дифан хэцзо юй чанчжи цзюань яньцзю] (на кит. яз.). Пекин, 2014. – С. 264–273.

[2] Жэньминь жибао. 16.03.2016.

Новая стратегия Китая в мировом хозяйстве[1]

И. Г. Чубаров

Введение: постановка проблемы. Стремительный экономический и социальный прогресс Китая стал главной тенденцией мирового хозяйства последних десятилетий, важнейшим фактором его структурных и территориальных трансформаций. Из года в год растет китайский вклад в глобальную экономику и значение на внешнеполитической арене, следствием чего стало усложнение пространственной структуры мирового хозяйства в сторону возрастания роли Полупериферии[2]. Изучению различных сторон этого сложного процесса, анализу его географических и экономических закономерностей посвящены последние опубликованные работы Е. Н. Самбуровой. В 2013 г. в контексте анализа последствий мирового финансово-экономического кризиса она задавалась центральными для изучения современного Китая вопросами: Подошло ли к концу «китайское чудо»? Исчерпаны ли источники его конкурентных преимуществ? Претендует ли Китай на мировое экономическое лидерство?[3]. Через 2 года одной из первых в российском китаеведении, опираясь на концепцию цепочек добавленной стоимости, она указала на китайскую инициативу «Один пояс – один путь» как «…локомотив включения развивающихся стран в международное разделение труда»[2]. В данном разделе в первом приближении раскрывается это важнейшее положение, анализируется динамика роли Китая в мировом хозяйстве через призму стратегических целей государственного курса.

«Фабрика мира» как итог периода рыночных реформ. За четыре десятилетия реформ в стране, где проживает каждый пятый житель планеты, удалось в кратчайшие по историческим меркам сроки кардинально развернуть траекторию своего развития и «нащупать» наиболее эффективные в конкретной ситуации методы хозяйствования. Новый политэкономический курс реформ *(гайгэ)* позволил стране качественно повысить уровень жизни населения, выстроить мощнейшую промышленную базу и занять наиболее важное место в системе международной торговли. Внешнеторговый оборот страны за 1978–2017 гг. увеличился в 200 раз – с 20 млрд долл. до 4,2 трлн долл. Слагающие успеха китайских реформ известны: это и постепенная «двухколейная» реформа ценообразования, и комплекс рыночных мер в сельском хозяйстве, и изменение системы управления госпредприятиями, и децентрализация административной системы, и пошаговое развитие банковской сферы и рынка капитала. С их помощью был произведен относительно безболезненный переход от полностью плановой экономики советского образца к работающей рыночной модели смешанного типа.

Не менее значимой является и политика внешней открытости (кайфан), благодаря которой страна вышла из изоляции и активно использует зарубежный опыт и инвестиции для модернизации всех сфер жизни. Четыре десятилетия постепенной интеграции Китая в мировую экономику привели к кардинальному сдвигу географии промышленности, в результате которого страна заслужила справедливое название «фабрика мира». В 2009 г. Китай вышел на 1-е место по объему экспорта, в 2013 г. обогнал США по совокупному объему внешней торговли. Страна в целом стала частью мировой Полупериферии, изменив структуру мировой экономики[1].

Известно, что, несмотря на успешные рыночные реформы и официально признанную «решающей» роль рынка в экономике, хозяйственный комплекс Китая не является полностью рыночным в западном понимании, а государство продолжает сохранять сильные позиции во многих ключевых отраслях[2]. В силу этого понимание закономерностей пространственного и отраслевого развития экономики страны, исходя из анализа только рыночных факторов конкурентоспособности, невозможно. Обязателен учет задач государственной политики и конкретных механизмов их реализации. Аналогичная конфигурация начинает вырисовываться и во внешнеэкономической деятельности. Если первые десятилетия реформ усилия правительства были целиком и полностью сосредоточены на привлечении в страну иностранных инвестиций, то ныне все больше внимания уделяется выработке комплексной стратегии Китая в мировом хозяйстве.

Стремительное увеличение объема внешних связей Китая в последние годы демонстрирует признаки перехода в новое качество. «Национальные чемпионы» – крупные производственные, подрядные и финансовые компании, как государственные, так и частные, накопили значительный объем средств и достигли высокого технологического и управленческого уровней, позволяющих начать самостоятельную работу на зарубежных рынках. Еще в начале 1990-х годов руководство Китая начало обсуждать выход китайских фирм на зарубежные рынки, а оформленный вид и название «выход вовне» (цзоу чу цюй) эта стратегия приобрела в середине 2010-х. Если в то время казалось, что такая инициатива явно опережала реальные возможности, то за прошедшие годы вынос производства за границу получил не только политическую, но и экономическую основу. В Китае непрерывно растет уровень оплаты труда, при этом численность трудоспособного населения упала ниже 1 млрд чел., а число жителей старше 65 лет составило 11,4 % (2017 г.). Комбинация этих факторов вызывает существенный рост себестоимости производства и сильные региональные диспропорции[3].

[1] Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук № МК-2007.2017.6.

[2] Колосов В. А., Гречко Е. А., Мироненко К. В., Самбурова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 1. – С. 3–12.

[3] Самбурова Е. Н. Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. – С. 16–21.

[1] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. «Китайское экономическое чудо» в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). – С. 149–157.

[2] Hu Biliang. China's Key to Success // China Today. 2017. № 12.

[3] Самбурова Е. Н. Региональные проблемы Китая как отражение его быстрого экономического роста // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. – С. 50–59.

Смысловые аспекты новой инициативы Китая. Стратегическим ответом на эти вызовы стала предложенная Китаем инициатива «Один пояс – один путь», появившаяся в 2013 г.[1]; пять лет ушли на концептуализацию и доработку формулировок[2]. В регион «пояса и пути» *(яньсяньгоцзя)* обычно включают все страны Азии (за исключением Японии и обеих Корей), Центральной и Восточной Европы и Северной Африки (иногда вся Африка целиком). Так, сотрудники Института географии и природных ресурсов Китайской академии наук причисляют к нему 69 стран, на которые приходится 43 % площади суши и 4,4 млрд населения, 38,2 % мирового ВВП[3]. В других авторитетных источниках встречается цифра 65 стран[4]. Осенью 2017 г. построение проекта вошло в устав правящей партии КПК, а государства-участники выделены отдельной строкой во всех статистических данных о внешних связях КНР. Руководство страны видит 5 ключевых смысловых аспектов «пояса и пути»[5]:

1. Политическая координация *(чжэнцэгоутун)*;
2. Взаимосвязь инфраструктуры *(шэшиляньтун)*;
3. Бесперебойная торговля *(маоичантун)*;
4. Свободное передвижение капитала *(цзыцзиньжунтун)*;
5. Укрепление близости между народами *(миньсиньсянтун)*.

Политическая координация направлена на поддержку китайских инициатив на международной арене. Крупнейшим мероприятием стал одноименный форум, впервые прошедший в Пекине в 2017 г. В нем приняли участие представители 130 стран и 70 международных организаций, в том числе 29 глав государств, генеральный секретарь ООН, руководители МВФ и Всемирного банка. В коммюнике форума подтверждается готовность стран работать по пяти направлениям в ходе проекта[6].

На двусторонней основе Китай к концу 2017 г. заключил более 100 соглашений в рамках проекта с 86 странами и международными организациями[1]. Крупные страны Центра (США, Великобритания, Япония) предпочитают поддерживать контакты на двусторонней основе и не акцентировать свое участие в более широком формате.

Политическая координация реализуется не только в двусторонних и многосторонних форматах. В дополнение к ним выдвинута концепция шести «экономических коридоров Шелкового пути», каждый из которых по географическому признаку объединяет несколько стран приграничного субрегиона. Сопоставление планов развития западных и северо-восточных регионов КНР свидетельствует, что по своей пространственной конфигурации предлагаемые в рамках «пояса и пути» международные коридоры являются выдвинутым за рубеж продолжениями осей территориального развития приграничных регионов Китая. «Коридоры» проекта в этом контексте являются своеобразным «интерфейсом» для расширения рамок территориального и отраслевого планирования за рубеж с целью выработки вариантов, способствующих развитию Китая[2].

Важно, что для выстраивания политической координации с соседними регионами Китай задействует также межрегиональные связи: приграничным провинциям вменяется в обязанность развивать связи с соседними странами, наращивать частоту обменов и компетенции на местном рынке. Естественный процесс трансграничных коммуникаций в пределах проекта проходит дополнительную институционализацию, к примеру, в ГЧАР ежегодно проводится крупномасштабная выставка «Китай – АСЕАН», в провинции Хэйлунцзян – российско-китайское ЭКСПО, в АРВМ – выставка «Китай – Монголия». Каждое из этих мероприятий является площадкой для формальных и неформальных переговоров разного уровня, а параллельно решается задача использования трансграничного потенциала для повышения уровня жизни в отстающих периферийных регионах Китая. «Витринами» проекта являются наиболее развитые приморские города и регионы страны, способные развивать отношения со всеми странами.

Принципиальной чертой политической координации в русле проекта является отсутствие требований политико-идеологического характера со стороны Китая. В отличие от западных стран, китайское руководство не навязывает свою схему развития и считает, что каждая страна имеет право на наиболее подходящую местным условиям политико-экономическую модель. Избегая прямой критики, в качестве альтернативы западной идее «универсальных ценностей» Китай продвигает более мягкие идеи о «инклюзивной глобализации» и человечестве как «сообществе общей судьбы». К примеру, на прошедшем в декабре 2017 г. в Пекине первом форуме прав человека государств Юга акцент был сделан на праве человека на развитие и улучшение материальных условий жизни[3].

---

[1] Чубаров И. Г., Калашников Д. Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1. – С. 25–33.

[2] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века. Пекин: Из-во лит-ры на ин.языках. 2017. – 45 с.; Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. – 75 с.

[3] Дун Сочэн, Чжао Миньянь, Го Пэн, Ши Гуанъи, Ли Юй, Ли Цзэхун, Ван Цзюньни, Чжу Шаоцин. Модель развития пояса экологического туризма на территории «одного пояса и одного пути» [«И дай и лу» шэнтайлюйю дай фачжаньмошиюйдуйцэ] // Вестник Китайской академии наук [Чжунгокэсюэюаньюанькань] (на кит. яз.). № 6 (31). 2016. – С. 647–653.

[4] Официальный сайт «Один пояс и один путь» провинции Гуандун. [Яньсяньгайкуан] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gdbeltandroad.gov.cn/index_40.aspx.

[5] Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. – 75 с.

[6] Joint Communique of the Leaders Roundtable of the Belt and Road Forum for International Cooperation. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2017/0516/c22-423.html.

[1] China signs cooperation agreements with 86 entities under Belt and Road // Xinhua. 23.12.2017.

[2] Чубаров И. Г. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. – С. 114–125.

[3] South-South Human Rights Forum calls for protection of people's right to development // China Daily. 08.12.2017.

Таким образом, содержанием политической координации «пояса и пути», помимо утверждения Китаем своего внешнеполитического статуса, является получение стабильного институционального доступа к территориальному и отраслевому планированию развития граничащих с Китаем стран и их отдельных регионов через механизмы межправительственных связей и «экономических коридоров».

Взаимосвязь инфраструктуры. Транспортные маршруты и обслуживающая их инфраструктура являются самой обсуждаемой стороной проекта. Накопив в ходе модернизации инфраструктуры внутри страны опыт и технологии, китайские строительные компании последние годы успешно получают подряды на строительства большого числа транспортных объектов за рубежом. Компоненты китайского курса это строительство новых и модернизация старых путей континентального автомобильного и железнодорожного транзита между Европой и Китаем и общее увеличение транспортной связности между странами, причем оба компонента имеют небольшое отношение к историческим маршрутам[1].

Так, обращает на себя внимание «дипломатия скоростных железных дорог». Благодаря успешной локализации зарубежных технологий и государственной строительной программе в Китае последнее десятилетие в стране была создана самая крупная в мире сеть ВСМ (более 20 тыс. км). Успешный опыт создает предпосылки для получения китайскими компаниями зарубежных проектов строительства ВСМ и обычных железнодорожных линий. Крупные железнодорожные проекты китайских компаний за рубежом включают в себя Момбаса – Найроби, Аддис-Абеба – Джибути, Белград – Будапешт, Куала-Лумпур – Сингапур, Москва – Казань и др.

Во-вторых, это развитие континентальных логистических перевозок между Китаем и Европой. Для развития международных железнодорожных грузовых перевозок создан государственный оператор «China Railway Express» *(Чжуноубаньле)*. С 2011 г. по июнь 2016 г. был организован 1881 товарный состав с грузами общей стоимостью 1,7 млрд долл., прямое железнодорожное сообщение связало между собой 35 китайских и 34 европейских города. Поставлена задача к 2020 г. довести число товарных составов до 5 тыс. ежегодно[2]. Китайская сторона продвигает схемы грузовых железных дорог, к примеру, Китай – Кыргызстан – Узбекистан[3]. Участвуют китайские фирмы и в строительстве портов: наиболее крупные – это Гвадар в Пакистане и Хамбантота на Шри-Ланке. Важную роль играет модернизация трансграничной инфраструктуры, актуальная для развития периферийных

[1] Kolosov V. A., Suocheng D., Portyakov V. Y., Chubarov I. G., Tarkhov S. A., Shuper V. A. The Chinese Initiative «The Belt and Road»: a Geographical Perspective // Geography, Environment, Sustainability. 2017. № 10. – P. 5–20.

[2] План развития CR Express на 2016–2020 гг. Государственный комитет КНР по реформе и развитию. [Чжуноубаньлецзяньшэфачжаньгуйхуа (2016–2020)] (на кит. яз.). Октябрь, 2016.

[3] Чубаров И. Г. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. – С. 114–125.

регионов[1]. В частности, на российско-китайской границе идет строительство двух мостов через Амур между городами Благовещенск и Хэйхэ, Нижнеленинское и Тунцзян.

Таким образом, взаимосвязанность инфраструктуры «пояса и пути» представляет собой строительство транспортно-инфраструктурных объектов в развивающихся странах. В географическом смысле это будет происходить вне зависимости от мест пролегания древних маршрутов, но с учетом необходимости ускоренного развития западного (и частично северо-восточного) макрорегиона КНР. Это направление деятельности китайского правительства направлено на увеличение портфеля заказов китайских строительных корпораций и их дальнейшее закрепление на рынках развивающихся стран через связанные кредиты смежным компаниям. Развитие инфраструктуры в этих странах также облегчает (уменьшает себестоимость) перенос туда производства китайских фирм и последующую работу китайских специалистов. Определенную роль играют соображения диверсификации маршрутов торговли в целях национальной безопасности.

Бесперебойная торговля. Последние десятилетия Китай позиционирует себя как последовательного сторонника либеральной международной торговли и борца с протекционизмом. Страна является одним из главных выгодоприобретателей современного этапа глобализации, «успешно приспособилась к американской модели глобализации и не заинтересована в дроблении и кластеризации единого мирового рынка»[2]. Выступление Си Цзиньпина на экономическом форуме в Давосе продемонстрировало, что в ответ на протекционистский поворот в экономической политике США китайское руководство готово взять на себя роль основного «защитника» свободы торговли в рамках «пояса и пути»[3].

«Бесперебойная торговля» в рамках проекта охватывает не только собственно торговлю и таможенные тарифы, но также инвестиции и другие формы экономического сотрудничества. Китай активно критикует развитые страны за случаи недопуска китайских компаний к покупкам зарубежных активов. В 2017 г. торговый оборот Китая со странами «пояса и пути» составил 1,1 трлн долл., что на 18 % больше, чем на год ранее, из них экспорт 0,7 млрд, а импорт 0,5 млрд.

Важнейшее значение имеют исходящие инвестиции. За 2000–2016 гг. доля КНР в мировых накопленных ПИИ выросла с 0.4 до 4.8%, а их общий объем превысил 1,2 трлн долл.[4] Согласно официальным оценкам, китайские инвестиции за рубеж в 2015–2020 гг. должны увеличиться еще как минимум на 500 млрд долл.[5], а общий объем иностранных активов под китайским кон-

[1] Чубаров И. Г., Михайлова Е. В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия в АТР. 2017. № 4. – С. 88–105.

[2] Титаренко М. Л., Ломанов А. В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. – С. 21.

[3] Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization // Xinhua. 24.03.2017.

[4] UNCTAD. World Investment Report. 2017. Annex table 2.

[5] Chinese President's Speech at Boao Forum for Asia // Xinhua. 28.03.2015.

тролем возрастет с нынешних 6,5 до примерно 20 трлн долл.[1] Е. Н. Самбурова и К. В. Мироненко выделяют четыре основных направления инвестирования Китая за рубеж: получение доступа к современным технологиям (покупка существующих фирм), к сырьевым ресурсам (разработка месторождений), к дешевой рабочей силе (перенос трудоемких производственных звеньев) и к местному рынку (создание сбытовых и сервисных подразделений)[2]. В 2017 г. китайские предприятия инвестировали в страны «пояса и пути» 14,4 млрд долл. и обрели от местных компаний подряды на сумму 144,3 млрд долл. Получила распространение модель «совместного выхода» за границу нескольких предприятий-смежников, что позволяет им снизить риски.

Как и стратегия «выхода вовне», которая начала реализовываться с 2000-х годов, а реальный скачок инвестиций за рубеж произошел на 10 лет позже, проект нацелен на долгосрочное и постепенное влияние на мировое хозяйство. В среднесрочном периоде можно прогнозировать массовый переезд нижних этажей текстильной и электронной промышленности из Китая в менее развитые страны, в первую очередь, Юго-Восточной Азии. Эксперты Deloitte выделили пять стран, которые в перспективе вместе смогут взять на себя ту роль, которую сейчас играет Китай в производстве трудоинтенсивных товаров – Малайзия, Индия, Таиланд, Индонезия и Вьетнам[3]. Как и 2–3 десятилетия назад, первыми «переезжают» наименее технологичные трудоинтенсивные производства, выпускаемые легко торгуемые на зарубежных рынках товары. При этом Китай продолжает за счет других факторов конкурентоспособности (емкость рынка, созданная инфраструктура, инженерные кадры, сложившиеся кластеры, щедрая господдержка) привлекать средне- и высокотехнологичные предприятия.

Для защиты принципов свободной торговли Китай борется с недобросовестной конкуренцией, создает сети свободных экономических зон и совместных промышленных парков за рубежом. Они обладают рядом преимуществ: возможно получение государственного финансирования, официальный межгосударственный уровень (внимание со стороны принимающих властей, получение различных льгот), улучшенная институциональная среда, экономия за счет коллективного пользования сопутствующей инфраструктурой (гостиницы, конференц-залы, перевод, юристы, наем сотрудников и т. п.). Выгоды очевидны для принимающей стороны – «одно окно» для общения с китайскими предприятиями и возможность контроля через межгосударственные каналы. Многие китайские предприятия в промышленных парках работают на экспорт в развитые страны, что уменьшает остроту конкуренции с местными производствами.

Для защиты от протекционизма и более справедливого решения коммерческих споров Китай выдвинул идею создать международные арбитражные

[1] China to Become One of World's Biggest Overseas Investors by 2020 // Financial Times, 26.06.2015.

[2] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китай в мировом хозяйстве: пути взаимодействия // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf .

[3] 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte. 2016.

центры на своей территории. Потенциально это способно в корне поменять нынешнюю международную правовую систему, основой которой является британское право и английский язык.

Курс бесперебойной торговли «пояса и пути» имеет своей целью снижение пошлин на зарубежных рынках, борьбу с протекционизмом для дальнейшего поддержания рентабельность экспорта китайских товаров и снятия законодательных препон для китайских инвестиций за границей.

Свободное передвижение капитала. Для полноценного участия в мирохозяйственных связях Китай стремится к изменению глобальной валютно-финансовой инфраструктуры[1]. Так, Китай последовательно выступает за увеличение квоты развивающихся стран в международных финансовых организациях, которые в настоящее время контролируются странами Центра мирового хозяйства. Доля КНР в мировом ВВП уже превысила 15 %, но доля его голосов в МВФ составляет лишь 6,41 %, а во Всемирном банке (МБРР) 4,57 % (меньше, чем у США и Японии).

Для изменения ситуации Китай создает новые каналы международного финансирования – это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине (уставный капитал 100 млрд долл., доля КНР 26,06 %) и Новый банк развития со штаб-квартирой в Шанхае (50 млрд долл., доля КНР – 20 %). Для осуществления зарубежных проектов создан Фонд Шелкового пути (40 млрд долл.). Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation, CIC) создает совместные инвестиционные фонды для работы с отдельными странами. Например, Российско-китайский инвестиционный фонд распоряжается капиталом 2 млрд долл. в равных долях от России и КНР, китайско-бразильский фонд – 20 млрд долл. (доля КНР – 75 %), совместный фонд с ОАЭ – 10 млрд долл., с Великобританией – 1,5 млрд долл. и т. д.

Кроме того, растет зарубежный инвестиционный портфель китайских «политических» банков. С 2013 г. Государственный банк развития (ГБР) и Экспортно-импортный банк Китая (ЭКСИМ) предоставили более 110 млрд долл. кредитов для реализации 1,2 тыс. проектов в странах «пояса и пути», общий же объем зарубежных займов ГБР еще в 2015 г. превысил 320 млрд долл. По оценкам, объем капитала, который Китай реализует на внешних рынках через свои институты развития, уже превысил аналогичные показатели МВФ и Всемирного банка[2]. Также специальные фонды для инвестиций в страны «пояса и пути» имеют четыре крупнейших госбанка, общий объем привлеченных ими средств оценивается в 20–30 млрд долл.[3].

Параллельно с развитием каналов международного финансирования, прилагаются усилия по интернационализации юаня. Целью является устранить такие проблемы китайских ТНК за рубежом, как невозможность вывести полученные в местной валюте доходы в другие страны, потери на коле-

[1] Михеев В. В., Луконин С. А. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. – С. 24–34.

[2] China's Growing Cloutin International Economic Affairs // The Economist. 23.03.2017.

[3] Exclusive: China's 'Big Four' Banks Raise Billions for Belt and Road Deals – sources // Reuters, 22.08.2017.

баниях обменного курса (наиболее актуально для долгосрочных китайских проектов в слаборазвитых сырьевых странах) и трудности с получением займов на китайском рынке под иностранные активы[1]. Для повышения уровня используемости юаня китайские финансовые институты, опираясь на накопленные валютные запасы, продвигают использование юаня на всех зарубежных проектах, где они участвуют. Китай выпускает юаневые займы с более выгодной ставкой и старается перевести на юани деятельность совместных индустриальных парков за рубежом. В 2016 г. юань был включен в корзину специальных прав заимствования МВФ.

Чтобы иностранные банки могли кредитовать клиентов в юанях, Китай заключает соглашения о валютных свопах. В 2016 г. такие соглашения имелись с более чем 30 странами. Кроме этого, Пекин заключил уже 23 соглашения о создании клиринговых юаневых центров и в 2015 г. запустил межбанковскую платежную систему CIPS, в которой участвуют 11 иностранных банков. Важным аспектом усиления влияния Китая на мировую финансовую систему является развитие платежных систем «UnionPay», «AliPay» и «WeChatPay» как альтернативы «Visa» и «MasterCard» в развивающихся странах[2], создание международных рейтинговых агентств и выход китайских банков за рубеж. К концу 2016 г. в общей сложности девять банков с китайским капиталом открыли 62 филиала в 26 странах «пояса и пути».

Приведенные факты свидетельствуют, что содержанием курса на свободное передвижение капитала в рамках проекта является выстраивание Китаем инфраструктуры по предоставлению развивающимся странам альтернативного развитым странам и контролируемым ими международных институтов целевого и политического финансирования, формирования «полного цикла» собственной международной финансовой инфраструктуры с целью создания условий для выхода своих частных и государственных компаний на зарубежные рынки.

Укрепление близости между народами. Привлекая значительные финансовые ресурсы, Китай предпринимает шаги по созданию и поддержанию своего положительного образа за рубежом. Целью наращивания «мягкой силы» является подготовка кадров для ведения внешнеэкономической деятельности, которая требует наличия большого числа квалифицированных переводчиков и специалистов-иностранцев.

Благодаря государственной поддержке прорыв произошел в сфере образования для иностранцев (табл. 1). За 2005–2014 гг. в 2 раза увеличилось число принимающих иностранцев китайских вузов и утроилось число иностранных учащихся, в результате чего страна вышла на 3-е место в мире по этому показателю после США и Великобритании. Быстрее всего, на 26 % в год, росло число учащихся из Африки; более чем в 15 раз увеличилось число учащихся из Казахстана, в 7 раз – из Пакистана, в 6 раз – из Таиланда, в 4 раза – из Индии, в 3 раза – из Индонезии. При этом практически не росли показатели развитых стран.

[1] XuYanzhuo. Belt and Road Boosts RMB Internationalization // China Today. Vol. 67. N. 1. January, 2018. – P. 42–44.

[2] China's Fight with Visa and MasterCard Goes Global // Financial Times. 24.04.2017.

Таблица 1. Подготовка иностранных учащихся в КНР и за рубежом

(составлено по: Опубликованы статистические данные об иностранных студентах в Китае [2015 нянь цюаньголайхуалюйскюэшэншуцзюйфабу] (на кит. яз.). Официальный сайт Министерства образования КНР. 14.04.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201604/t20160414_238263.html; Институты и Классы Конфуция [Гуаньюйкунцзясюэюанькэтан]. Официальный сайт Институтов Конфуция. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm)

Регион	Число прошедших обучение в КНР за 2005–2014 гг., тыс. чел.	Число учащихся в 2015 г., тыс. чел.	Число Институтов Конфуция, на 31.12.2017	Число Классов Конфуция, на 31.12.2017
Северная и Южная Америка, в т. ч.:	270	34,9	161	574
США	200	22,0	110	501
Австралия и Океания	34	6,0	19	101
Азия, в т.ч.:	1700	240,2	118	101
Республика Корея	620	66,7	23	13
Европа, в т. ч.:	410	66,7	173	307
Россия	110	16,2	17	5
Африка	180	49,8	54	30
Мир всего	**2594**	**397,6**	**512**	**1073**

В конце 2015 г. в Китае в более чем 800 учебных заведениях обучалось 398 тыс. иностранцев, 3/4 которых приехали из стран Полупериферии и Периферии. Начав три десятилетия назад с преподавания китайского языка и культуры, образование для иностранцев движется в сторону повышения доли неязыковых специальностей. Для привлечения иностранных студентов в Китае используются три основные стратегии: увеличение числа стипендий, курсов на английском языке и межправительственных соглашений о признании диплома и перезачете кредитов[1]. В 2014 г. более 40 тыс. студентов ежегодно обучались полностью бесплатно за счет правительства КНР (с 2004 г. рост в 5,5 раз), едва ли не больше (точной статистики нет) также бесплатно за счет провинциальных или городских квот. Широко распространены бесплатные стажировки для иностранных научно-педагогических работников и курсы повышения квалификации преподавателей китайского языка. За границей Китай инвестировал в создание 525 Институтов Конфуция (в вузах) и 1113 классов Конфуция (в школах), в которых ежегодно обучается более 5 млн слушателей[2].

[1] Великий китайский поход за иностранными студентами // Независимая газета. 28.10.2015.

[2] Институты и Классы Конфуция [Гуаньюйкунцзясюэюанькэтан]. Официальный сайт Институтов Конфуция. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm .

Помимо изучения китайского языка и культуры, укрепляется взаимодействие между китайскими и зарубежными научными, творческими, медицинскими (в том числе китайской медицины), образовательными организациями. В ноябре 2016 г. в Пекине состоялось совещание Академий наук стран проекта, направленное на выработку совместной программы исследований. В геокультурном смысле Китай стремится повторить американское возвышение XX в., важную роль в котором сыграло распространение американских идеалов и образа жизни. Так же и Китай будет «…настойчиво продвигать за рубеж весь имеющийся набор не несущих негативной окраски культурно-цивилизационных брендов»[1].

Таким образом, курс на укрепление близости между народами включает в себя подготовка кадрового резерва из числа своих и зарубежных граждан для осуществления зарубежных проектов китайских ТНК, а также последовательную работу с общественным мнением для купирования опасений по поводу экспансионистских намерений Китая, продвижение позитивного имиджа и «мягкой силы».

Заключение. Возникающая в рамках «пояса и пути» новая модель открытости китайской экономики означает значительные сдвиги в географии мирового хозяйства, в особенности, мирового промышленного производства. Продолжая уделять внимание экономическим связям с развитыми странами, Китай делает основную долгосрочную ставку на развивающийся мир, где его ТНК смогут полнее реализовать свои конкурентные преимущества. По мере развития инициативы в официальных документах все меньше исторических отсылок и все больше конкретных проектов. Е. Н. Самбурова неоднократно указывала, что переход КНР на более высокие ступени цепочек добавленной стоимости приведет к частичному переносу трудоемких производств в менее развитые азиатские страны. И действительно, рост прибыли китайских ТНК позволил им начать масштабную индустриализацию стран Полупериферии и Периферии мирового хозяйства, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается с нуля.

Успешная работа по пяти главным направлениям обеспечит встраивание китайских ТНК в уже сложившиеся мировые производственные цепочки и позволит создать новые, которые плотно свяжут Китай с Полупериферией и Периферией. Инициированная Поднебесной волна индустриализации развивающегося мира только зарождается, но в перспективе может радикально изменить пространственную организацию многих отраслей. Необходимое условие для этого – наличие собственной финансовой и кадровой инфраструктуры, в создание которой Китай активно инвестирует.

Оценки сущности и целей «пояса и пути» в научном и экспертном сообществе серьезно разнятся внутри Китая[2] и еще больше вне его. Проведенный первичный анализ основных составных частей китайской стратегии показывает, что ее полноценное осмысление невозможно без привлечения понятийного аппарата корпоративной географии[1], географического китаеведения и теории пространственного переноса добавленной стоимости. Проект является важной, если не важнейшей, составной частью «географического перехода», для отслеживания хода которого принципиально важна опора на пространственную парадигму межцисциплинарного познания мирохозяйственной архитектуры. «Пояс и путь», являясь долгосрочным и концентрированным выражением усилий китайского государства на международной экономической арене, будет влиять на ключевые процессы современности – ход глобализационного движения, трансформации МРТ, изменение роли и значения ТНК, терциализацию экономики и феномен неоиндустриализации развитых стран. Все упомянутое делает грандиозный проект естественным объектом изучения географов-мирохозяйственников и географов-китаеведов, того направления ученых, которое своими работами высочайшего уровня на протяжении многих лет представляла Е. Н. Самбурова.

[1] Портяков В. Я. Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. – С. 62.

[2] Подробнее см.: Денисов И. Е. Поднебесная смотрит на Запад. Контуры глобальных трансформаций. 2016. № 6 (51). – С. 20–40.

[1] Слука Н. А. Цели, задачи и проблемы корпоративной географии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. – С. 38–45.

Раздел 3

Современный Китай в геополитических координатах: достижения и проблемы

Новые контуры геополитического треугольника «Пекин–Вашингтон–Москва»[1]

В. В. Карякин

Введение: постановка проблемы. Одной из стран, своевременно поймавших в свои паруса ветер глобализации, является Китай, который в исторически короткий срок стал второй экономикой мира. Это позволило Пекину сделать заявку на ведущую роль в современных процессах глобализации в форме стратегической инициативы «Один пояс – один путь», являющейся беспрецедентным по масштабу и пространственно-временному охвату проектом[2]. Впервые со времен Чингизхана предпринята попытка выстроить систему экономических взаимосвязей в направлении Восток-Запад путем формирования Нового шелкового пути на основе создания разветвленной логистической системы экономических связей между крупнейшими рынками Евразии и странами Запада (см.: Е. Н. Самбурова «Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации», раздел 2, рис. 1).

Китай не упустил возможности воспользоваться представляющимися перспективами и сейчас пытается заменить надорвавшиеся в борьбе за глобальное лидерство США. Об этом четко заявил дебютировавший в Давосе в январе 2017 г. Си Цзиньпин, который подчеркнул, что «некоторые люди винят глобализацию за хаос в современном мире. Действительно, она создала проблемы, но нельзя из-за этого полностью отказываться от глобализации. Нужно направлять ее, минимизировать негативные последствия, давая вкусить ее плоды всем странам. Мировая экономика – это океан, от которого не отгородишься. Но Китай научился в нем хорошо плавать».

Китай – США: обострение соперничества. Пока США зализывают раны после боев за продвижение западной модели мироустройства, Пекин выдвинул собственный евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие. И Новый Шелковый путь призван обозначить основные черты нового миропорядка.

Как и следовало ожидать, это привело к еще большему обострению соперничества на международной арене, усилившемуся после антикитайских заявлений президента США Д. Трампа и презентации китайской концепции глобализации председателем КНР Си Цзиньпином в Давосе. Обозначилось жесткое противодействие Пекина американской концепции «удушающей анаконды», предполагающей охват евразийского континента по периметру «римленда» (т.е. внешнего геополитического периметра Евразии), его сердцевины (или «хартленда»), в качестве которой рассматриваются Китай и Россия.

Осуществляя охват Евразии путем продвижения НАТО на Восток к российским рубежам и укрепления оборонных альянсов с Японией, Республикой Кореей и Тайванем, Вашингтон создает угрозу российским и китайским национальным интересам, что объективно способствует их сближению. Следствием этого является стремление Москвы и Пекина к расширению военного, экономического и политического сотрудничества.

Место Европейского союза в геополитическом треугольнике «Пекин–Вашингтон–Москва». Рассуждения о совокупности изменений, являющихся следствием трансформации политики Вашингтона, Пекина и Москвы на восточном направлении, приводят к необходимости рассмотрения места Европы в новой геополитической реальности. Ведь если Большую Евразию рассматривать в контексте геостратегии китайского лидера, то формирование множества связующих нитей между Востоком и Западом на евразийском континенте неизбежно приведет к реализации китайского проекта «пояса и пути».

Вполне вероятно, что реализация Brexit`а обеспечит Лондону большую свободу маневра и формированию британской политики многовекторности. Покидающая единую Европу Великобритания, постарается использовать все возможности для того, чтобы обеспечить себе выгодную позицию в формате будущих мировых экономических отношений, связанном с созданием и функционированием логистических коридоров «Большого шелкового пути».

После Brexit'а перевес Германии в ЕС станет неоспоримым. Но это не значит, что Берлин сумеет навязать остальным 26 странам собственную модель формирования экономических связей. Представляется вероятным событием переосмысление интеграционных процессов и форм экономического взаимодействия, что создаст новое пространство возможностей для взаимовыгодного сотрудничества европейских стран с государственными и негосударственными субъектами в Восточной Азии.

[1] Обновленная версия статьи: Карякин В. В. Новые контуры геополитического треугольника «Пекин–Вашингтон–Москва» в свете трансформации американо-китайских отношений // Геополитический журнал. 2017. № 1(17). – С. 43–53.

[2] Кулинцев Ю. «Один пояс – один путь»: инициатива с китайской спецификой. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868 .

Здесь следует вспомнить, что еще совсем недавно ведущие страны ЕС с пренебрежением отмахивались от идеи создания Большой Европы «от Лиссабона до Владивостока». Теперь же Москве и Пекину предстоит реализация проекта создания кратчайшего сухопутного пути через евразийский континент к порогу Европы для «дальневосточных тигров».

Новое дыхание российско-китайского стратегического тандема. В рамках второго глобального интеграционного цикла у России и Китая нет острых противоречий в отношении видения желаемого мироустройства – обе страны отстаивают многополярную модель. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование США, которые открыто объявили Россию угрозой своим интересам, а Китай – своим экономическим конкурентом, что делает их естественными союзниками на данном историческом этапе.

Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность экономического и научно-технологического развития России и Китая компенсируется взаимными дополнениями. Так, недостаток сырьевых ресурсов у Китая в значительной степени компенсируется российскими поставками. С другой стороны, отсутствие или недостаточные объемы производства необходимой промышленной номенклатуры в России возмещается поставками из Китая. Отставание Пекина от мирового уровня в военных технологиях восполняется российскими разработками. Выгодно для возникновения союзных отношений и геостратегическое положение двух стран. Обе страны охватывают Евразию от Балтийского моря до Тихого океана. Образно выражаясь, Россия и Китай являются бойцами, стоящими спиной друг к другу и повернутыми в противоположные стороны: Китай – на Восток, а Россия – преимущественно на Запад.

Несмотря на то, что по объему промышленного производства Россия не конкурент США, этот недостаток компенсируется экономической мощью Китая, который сегодня официально занимает в мире 2-е, а по некоторым оценкам даже 1-е место. В ближайшей перспективе по суммарному ВВП Китай может превзойти все страны Запада. При этом российские ресурсы выступают в качестве тыловой базы Китая. Недостаток российских вооруженных сил общего назначения нивелируется многочисленной народно-освободительной армией Китая. А ограниченность китайских стратегических ядерных сил (на данном этапе развернуто около 60 носителей, способных достичь территории США) компенсируется российскими стратегическими ядерными силами, которые даже в ответном ударе способны нанести США неприемлемый ущерб. События в Сирии показали всему миру, что у российского оружия есть только один конкурент – Америка. Все остальные страны существенно отстают в этой области[1].

[1] Храмчихин А. Китай против России: Победа будет не за нами. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://pravoslav-voin.info/pravvoiny/1186-kitaj-protiv-rossii-pobeda-budet-ne-za-nami.html.

Стремление США к сохранению своего глобального лидерства. США по заявлению Д. Трампа будут и в дальнейшем стремиться удержать свои лидирующие позиции в мире, трансформировав существующий глобальный миропорядок на основе «обеспечения контроля над властью и ресурсами по всему миру». Но реализация новой американской политики, как предполагает Д. Трамп, будет осуществляться на других принципах.

В инаугурационной речи Д. Трамп сказал следующее: «На протяжении десятилетий мы обогащали иностранную промышленность в ущерб американской, субсидировали армии других стран, допуская прискорбное ослабление наших собственных вооруженных сил. Мы защищали границы других стран, и при этом отказывались защищать собственные границы. Мы тратили триллионы долларов за рубежом, в то время как американская инфраструктура ветшала и приходила в негодность. Мы обогатили другие страны, в то время как богатство, сила и уверенность нашей собственной страны исчезали за горизонтом. Один за другим закрывались и покидали нашу страну заводы и фабрики, и никто даже не думал о том, что миллионы и миллионы американских рабочих остаются без работы. Богатство нашего среднего класса утекало из их домов, а потом перераспределялось по всему миру. Но все это в прошлом. А мы теперь будем смотреть только в будущее»[1].

Какими же будут последствия изложенной программы действий нового американского президента?

Во-первых, он собирается положить конец безраздельной власти ТНК, которые должны утратить свое влияние на национальные государства.

Во-вторых, он намерен в ближайшие годы перевести на самообеспечение функционирование международных организаций, фондов и неправительственных организаций, существующих на американские деньги.

В-третьих, он четко обозначил тренд на изменение существующей системы мироустройства: однополярность должна уступить место многополярности, в которой центральные позиции займут ведущие мировые и региональные державы и сформированные ими союзы.

В-четвертых, изменится роль и значение зависимых от США государств-сателлитов, которые окажутся разменной монетой во время торгов между США, Китаем и Россией. В результате чего произойдет перераспределение зон геополитического влияния, которые будут поделены между наиболее сильными региональными и мировыми державами.

Все это приведет к тому, что существенным образом изменятся смысловые, ценностные и идеологические базисы современной эпохи – эпохи постмодерна[2], кризис которых обозначился в последние годы вследствие решительно-

[1] Тихонов Р. 45-й президент США: в Вашингтоне прошла инаугурация Дональда Трампа. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/351916-tramp-inauguracia-live .

[2] Постмодерн – социологическая, историко-философская концепция построения мира в эпоху постиндустриализма, опирающаяся на недоверие реалистическим концепциям и истинности отражения реальности человеческими органами чувств в условиях виртуальности информационных пространств.

го отпора западной «вестернизации» со стороны обществ с традиционным укладом жизни.

Российский джокер в дальневосточном геополитическом раскладе. В практическом плане внимание Москвы сосредоточено на высказывании Д. Трампа о намерении улучшить отношения с Россией[1]. И это вызывает беспокойство в Пекине. Там не хотят остаться одинокими перед дуумвиратом могущественных сверхдержав. Об этом свидетельствует заявление председателя КНР Си Цзиньпина в швейцарском Давосе о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве и координации» Китая с Россией[2].

Между тем следует отметить, что в российско-китайском договоре 2001 г. говорилось только о «стратегическом взаимодействии» двух стран[3]. Означает ли смена формулировки председателя Си о желании Пекина значительно расширить сотрудничество с Москвой? Эксперты склоняются к мнению, что речь идет лишь о попытке Пекина объединить усилия при решении отдельных международных проблем, касающихся китайских национальных интересов.

В связи с этим следует отметить, что Китай и Россия могут сблизиться только до определенной степени. Единый фронт против США создать будет невозможно. Китай не намерен подвергать риску свои мощные экономические связи с США, слишком активно поддерживая Россию. Как известно, Китай не присоединился к попыткам США изолировать Россию, но он не оказал и активного противодействия США на антироссийском фронте. Политическая дистанция между Пекином и Москвой продолжает соблюдаться. Это говорит о том, что, хотя Китай и Россия близки друг к другу и сотрудничают в экономической области, но сотрудничество по политической линии находится на весьма низком уровне. Из этого можно сделать вывод о том, что Москва и Пекин не соперники на международной арене, но в тоже время они и не политические союзники. Они – партнеры, взаимодействующие в поле своих национальных интересов, сближение которых обозначилось после прихода к власти новой американской администрации.

В данной ситуации уместно вспомнить содержание древнего китайского литературного произведения под названием «Троецарствие». В нем удача сопутствовала тем полководцам и государственным мужам, которые объединяли усилия двух царств против третьего, оставшегося в одиночестве. Это наложило отпечаток и на современную китайскую политическую культуру, в которой сохранилась тенденция оценивать состояние отношений между государствами в терминах геополитических треугольников. В данном случае в такой треугольник входят США, Китай и Россия.

[1] «Мы рассмотрим вопрос снятия санкций». Что Дональд Трамп говорит о России, Путине и Крыме. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.znak.com/2016-11-09/podborka_vyskazyvaniy_donalda_trampa_o_rossii_putine_i_kryme .

[2] Соловьева О. Си Цзиньпина признали «царем глобализации». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html .

[3] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 .

Поэтому неудивительно, что в отличие от Америки в китайских социальных сетях и СМИ обсуждают не вмешательство российских хакеров в американские выборы, а попытку Д. Трампа подорвать российско-китайское партнерство.

В Пекине полагают, что если Д. Трамп сможет найти путь к отмене части антироссийских санкций и расширить связи с Москвой, то Пекин окажется на слабой стороне треугольника. Это плохо, учитывая, что администрация Д. Трампа может бросить вызов Китаю в сфере торговли, в вопросах статуса Тайваня и искусственных островов, которые Китай активно создает в Южно-Китайском море, размещая там свои воинские подразделения и вооружения.

Китай как главная угроза американским интересам в АТР. Что касается американо-китайских отношений, то в предвыборной риторике Д. Трампа Пекин занимает особое место. Поднебесной отвели роль главного источника американских проблем. Под стать обвинениям были и угрозы. Кандидат-республиканец обещал ввести 45-процентную пошлину на весь китайский импорт, увеличить группировку военно-морских сил США в АТР и бороться с «авантюризмом КНР» по всему миру.

С завершением предвыборной кампании в США угрозы не прекратились. За день до выборов влиятельный американский журнал «Foreign Policy» опубликовал статью под характерным названием «Мир с помощью силы в Азии и на Тихом океане». Ее авторы – советники Д. Трампа А. Грей и П. Наварро, которым поручена разработка нового курса в китайско-американских отношениях. Содержание его изложено в статье предельно ясно. Прежние администрации, как указывают советники, шли на уступки, позволив Китаю достичь нынешнего могущества. Теперь эту политику предлагается пересмотреть. В частности, путем наращивания и без того мощной группировки ВМС США на Тихом океане. Другой пункт – усиление поддержки Тайваня, в том числе путем заключения «всеобъемлющей сделки» о поставках оружия на остров.

Объясняя причины антикитайского разворота, большинство комментаторов используют версию, изложенную Д. Трампом и его командой. Новая администрация якобы до глубины души озабочена возрождением американской промышленности, а потому стремится перенести промышленное производство обратно в США и протекционистскими мерами защитить страну от дешевого китайского импорта.

Преувеличивать значение этого пропагандистского клише не следует. Массово возвращать производственные мощности на родину не захотят сами американские корпорации из опасений разорения: американские рабочие попросту не согласятся на низкооплачиваемую работу. Китайское издание «Global Times» рассчитало, сколько будет стоить самый дешевый айфон фирмы «Apple», если все его составляющие будут производиться на территории США, – 2 тыс. долл. В этом случае корпорация не выдержит конкуренции с азиатскими производителями.

Но даже если Д. Трампу удастся убедить американские компании вернуть заводы в США, положение это особо не спасет – отчасти потому, что потеря

рабочих мест в наше время связана с замещением их роботами и автоматизацией производства.

Не пойдет Д. Трамп и на ограничение влияния финансово-спекулятивного капитала в пользу промышленного. В первую очередь потому, что разделять эти понятия в условиях США абсурдно. Еще в начале прошлого века промышленный капитал сросся с финансовым. Это подтверждают новые назначения. Так на ведущие экономические должности он назначил не производственников, а матерых «волков» с Уолл-стрит: министром финансов выдвинут экс-вице-президент инвестиционного банка «Goldman Sachs» С. Мнучин, а на пост министра торговли – известный финансист У. Росс.

Как представляется, истинный мотив американской атаки на Китай – это огромные экономические успехи Пекина, угрожающие американской гегемонии. Став второй экономической державой мира, Китай перешагнул собственные границы и стал фактором мирового влияния. На наших глазах Поднебесная превращается в центр нового глобального союза, основанного на ценностях, принципиально отличающихся от Pax Americana. «Все страны являются равноправными членами международного сообщества. Большие, сильные и богатые не должны запугивать маленьких, слабых и бедных» – так недавно выразил основную идею этого альтернативного миропорядка Председатель КНР Си Цзиньпин[1].

Вашингтону есть отчего бить тревогу. Состоявшийся в ноябре 2016 г. в Лиме (Перу) саммит АТЭС сопровождался полуофициальными переговорами между Мексикой, Перу, Чили, Новой Зеландией и рядом других стран. На них решался вопрос о судьбе транстихоокеанского партнерства (ТТП). Как известно, Д. Трамп вышел из данного соглашения. Однако хоронить экономический союз представители названных стран отказались, решив пригласить в него Китай. Против этого, как известно, решительно выступил Вашингтон, видевший в альянсе свой инструмент давления на Пекин.

Теперь же ТТП может слиться с другой зоной свободной торговли – ВРЭП, которое в перспективе объединит страны АСЕАН, Китай и ряд других государств. Главным сторонником заключения соглашения по ВРЭП является Пекин. Начавшиеся в 2012 г. переговоры шли с переменным успехом, но теперь процессу дан серьезный импульс.

Это вполне объяснимо. Китай готов способствовать экономическому развитию других стран, при этом не связывая помощь с кабальными условиями, как привыкли поступать США. Только за январь-октябрь 2015 г. инвестиции КНР за рубеж составили 146 млрд долл. – на 53 % больше, чем за аналогичный период 2014 г. В ближайшие 5 лет Пекин собирается инвестировать за рубеж почти триллион долларов.

Но самым главным раздражителем для США остается китайская стратегия «пояса и пути» и достигнутые при ее реализации успехи. В 2016 г. открылся порт Гвадар – ключевой пункт китайско-пакистанского экономического коридора. Всесторонней модернизации подвергся железнодорожный узел

[1] Соловьева О. Си Цзиньпина признали «царем глобализации». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html .

Урумчи на западе Китая. С ноября 2016 г. отсюда ежедневно отправляются международные грузовые рейсы в Центральную Азию и Европу. Началось строительство лаосско-китайской железной дороги протяженностью свыше 400 км. В следующем году в Китае пройдет саммит государств – участников вышеуказанной стратегии. Свое прибытие на него уже подтвердили лидеры трех десятков государств. Отношение США к планам Китая хорошо отражает статья в журнале «National Interest». В ней утверждается, что «пояс и путь» представляет собой главную угрозу мировому порядку и западному стилю управления в XXI в.».

Д. Трамп: Москва – слабое звено в дальневосточном геополитическом треугольнике. Для Москвы в политике новой американской администрации важны 3 вопроса: о чем конкретно Вашингтон предложит договариваться, на какой платформе и готов ли Д. Трамп к компромиссам?

Как явствует из предвыборной риторики Д. Трампа, он выйдет на переговоры с Москвой и Пекином хорошо подготовленным. И в первую очередь – на случай несговорчивости своих «партнеров» в качестве весомого аргумента убеждения у него будет «черный Джокер» в рукаве. Он заключается в новом пакете санкций в отношении России, который однопартийцы президента – республиканцы (а их в Сенате большинство), анонсировали на заседании американского законодательного органа власти. Документ, в частности, предлагает налагать санкции на компании, банки, инвестфонды и любые другие структуры за инвестиции в российские активы, за участие в приватизации, за покупку российского госдолга и другие транзакции. Такого американцы не делали даже по отношению к Ирану. В этом пакете важно то, что США планируют распространить санкции не только на своих резидентов, но и на третьи страны. Но это еще не все. Это лишь одна сторона «черного Джокера Трампа».

Вторая сторона, о которой почему-то никто не пишет – это нефть. И теперь уже не саудовская, а американская. На исходе 2015 г. геологи нашли крупнейшее в истории США месторождение углеводородов. Запасы бассейна углеводородов в Техасе, по последним оценкам, составляют 200 млрд баррелей нефти, 16 трлн куб. м газа и 1,6 млрд баррелей конденсата. Общую стоимость всего этого богатства оценили в 900 млрд долл. При желании, выбросив на рынок даже малую долю этих залежей, американцы смогут диктовать рынку любые нужные им цены, вплоть до 30 и даже 25 долл. за баррель, что критично для российских экспортеров нефти и газа.

Политика Вашингтона и Москвы взаимозависима. По стратегически важным вопросам они еще только вырабатывают подходы к решению стоящих перед ними проблем. Поэтому, скорее всего, до ослабления позиций России Д. Трамп не станет открыто выступать против Китая, Россия же не будет делать резких движений на международной арене. В данной ситуации, выражаясь шахматным языком: кто будет играть белыми фигурами на возможной встрече руководителей двух государств, покажет время. И В. Путин как мастер постановки политических спектаклей с исполнением в них главной роли еще покажет себя. Д. Трамп, как бизнесмен, прекрасно это понимает.

В Пекине опасаются, что В. Путин может пожертвовать частью отношений с Пекином ради сближения с Вашингтоном. Но здесь следует учитывать тот

факт, что американцы – ненадежные партнеры, политика которых меняется с приходом каждой новой администрации при неизменных стратегических императивах. И это происходит на фоне стремления Кремля и Белого дома наладить отношения в результате торга и компромиссов, что объективно невыгодно Китаю, так как в Пекине понимают, что Д. Трамп будет пытаться разыграть при этом антикитайскую карту.

Для противодействия антикитайской политике со стороны США Пекину необходимо развивать отношения с Евросоюзом, тем более что у нового президента США обозначились трудности в отношениях с руководством ключевых стран ЕС – Германией и Францией. Можно с уверенностью сказать, что проект создания Нового шелкового пути заинтересует Брюссель.

Если китайская дипломатия сумеет использовать свой арсенал стратегии непрямых действий, изложенных в стратагемах Сунь Цзы, то у Пекина будет возможность нейтрализовать Вашингтон в его попытках разрушить российско-китайское стратегическое партнерство и сформировать антикитайскую позицию ЕС. Это затруднит, если не заблокирует, откровенно враждебные шаги в адрес Китая, одним из которых может быть возникновение критической ситуации вокруг островов архипелага Наньша в Южно-Китайском море, который Китай считает своими и готов защищать их так же, как и остальную территорию страны. Тон официальных заявлений показывает, что Китай настроен решительно. Он готов к войне, если Пентагон попытается посягнуть на принадлежность данного архипелага.

Если обратиться к истории, то до открытого противостояния эти страны доходили после Второй мировой войны уже несколько раз, например, в Корее и во Вьетнаме. Сегодня глобальная конкуренция двух держав снова подталкивает их к противостоянию. Поэтому нельзя исключать возникновение войны в Южно-Китайском море. И здесь встает вопрос: удастся ли Вашингтону достигнуть военно-политических целей в ходе данного военного конфликта? Сомнительно. Ведь это же не Афганистан или Ирак. А вот Китай точно выйдет более сильным и уверенным в своей правоте.

Дело в том, что, несмотря на определенное американское военно-техническое преимущество в мировом океане, в своих территориальных водах Китай располагает таким военным потенциалом, который чреват для Пентагона большими потерями. Это приведет к ослаблению позиций Америки на международной арене, чем не замедлят воспользоваться Россия и Евросоюз.

Заключение. В целом следует отметить, что возрастающая экономическая и военная мощь Китая создала благоприятную возможность для Пекина занять лидирующие позиции в азиатско-тихоокеанском регионе. Возможности, предоставленные Китаю после декларации Д. Трампао переформатировании американской глобальной ответственности, безусловно, будут использованы Пекином. Однако это может оказаться очередной уловкой Вашингтона, так как в американской политике по-прежнему остается неизменным императив сохранения глобального лидерства.

Вместе с тем, следует понимать, что, оспорив американоцентричную систему международного порядка, основанного на «ценностях свободы личности, прав человека, демократии и верховенства закона», Пекин вынужден

будет предложить миру свой цивилизационный проект. Пока что у Пекина есть только один волшебный рычаг – богатая сверхдержава протягивает руку помощи всем странам и народам в интересах всеобщего процветания.

Если же обозначенные тенденции американской политики станут реальностью и восторжествуют идеи, обозначенные в выступлениях Д. Трампа, и он наложит высокие тарифы на китайские товары, то в конечном счете пострадают американские потребители. И это не обязательно приведет к массовому созданию рабочих мест для граждан США. Подписав указ о выходе США из ТТП, Д. Трамп сказал: «Мы сделали большое дело для американского рабочего». Но если когда-либо производство действительно вернется в США, как надеется Д. Трамп, оно вернется в условиях высокой автоматизации производственных процессов. В результате, американский рабочий не получит обещанного. А американские потребители будут облагаться налогами за счет высоких импортных пошлин на китайские товары.

В качестве президента США Д. Трамп собирается играть не просто в новую, а в принципиально другую игру, оставаясь в рамках атлантической модели глобализации. При этом можно надеяться на то, что это будет не «игра с нулевой суммой», когда все выгоды получает победитель, а игра, в которой соблюдается баланс национальных интересов и геополитических ресурсов участвующих сторон. Хотя баланс будет достигаться через жесткий торг, но, как ожидается, произойдет отход от существовавшего до сих пор принципа – «победитель забирает все». В результате может произойти возврат к новой версии Вестфальской системы и окончательный уход от однополярного построения мира.

Геополитическая конкуренция в Срединной Евразии[1]

В. Л. Бабурин

Введение: постановка проблемы. Евразия – крупнейший из 6 материков площадью свыше 54 млн км² и с населением 5,2 млрд чел. (на 1 июля 2015 г.), что составляет 36 % площади суши и более 70 % населения планеты. В пределах материка сегодня находится около 90 независимых государств (включая частично признанные страны). Существует достаточно много вариантов деления Евразии на части, в том числе и в рамках традиции зарубежной физической и социально-экономической географии. Здесь предлагается вариант, соединяющий некоторые общегеографические подходы к делимитации пространства с геополитикой. В общем случае возможны два варианта деления на мегарегионы.

[1] Раздел подготовлен при поддержке гранта РГО_РФФИ № 17-05-41087 «Социально-экономическая эффективность развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока».

Первый. По критерию «*глубинности*»: 1.1. Срединная Евразия (Россия, бывшие советские республики Центрально-Евроазиатского региона (ЦЕАР), Монголия, Китай, Афганистан, Иран). 1.2. Полуостровная Евразия (две Кореи, государства Индокитая, Индостана, Аравии, Передней Азии, Европы как макрополуострова). 1.3. Островная Евразия (Япония, Филиппины, Индонезия, Шри-Ланка, Кипр, Ирландия, Великобритания, Исландия и ряд небольших островных государств).

Второй. По критерию «*горно-барьерности*»: 2.1. Северная Евразия (Бенилюкс, Германия, Польша, Дания, Норвегия, Финляндия, государства Прибалтики, Белоруссия, Украина, ЦЕАР, Россия). 2.2. Южная Евразия (государства Средиземноморья, Закавказья; Иран, Афганистан, Пакистан, Индия, Бангладеш, государства Индокитая и Индонезия). 2.3. Восточная Евразия (Китай, Монголия, две Кореи, Япония).

Срединную Евразию формирует группа стран – либо прямых союзников России, либо имеющих с ней позитивные отношения стратегического партнерства. На нее приходится 66 % территории Евразии, 35 % населения и 29 % мирового ВВП по ППС. России здесь в географическом смысле принадлежит место сердцевины региона, а Сибирь и Дальний Восток фактически выступают как ядро пространственной структуры и ментальная платформа Евразийства[1]. Однако низкая плотность демографического и социально-экономического потенциала делают ее конкурентно, демографически и геополитически крайне уязвимой. Эта уязвимость предопределяла и предопределяет специфику выбора форм территориальной организации для повышения устойчивости Сибирско-Дальневосточного региона. Ведущая роль в этом принадлежит базовым транспортно-коммуникационным субширотным коридорам и «гирлянде» городов, нанизанных на них[2]. Но жесткая конкуренция со стороны стремительно растущего Китая будет неизбежно трансформировать эту унаследованную пространственную конструкцию.

Китай и Россия – абсолютные доминанты в Срединной Евразии, «прислоненные» друг к другу наименее освоенными регионами. Пока отчасти Россия в «контактной зоне» в целом «пустынной» с обеих сторон границы имеет некоторые преимущества за счет Транссиба в коммуникациях и сложившейся опорной городской сети. Но Китай бурно развивается и хотя север страны пока относительно «слаб», проект «Один пояс – один путь», нацеленный на создание «точек роста» и общий подъем китайского приграничья, кардинально меняет ситуацию, может привести к региональному переформатированию геополитического пространства Срединной Евразии. При минимальных выгодах сотрудничества в мегапроекте для России Китай получает явные геополитические дивиденды как уже по самой инициативности (правила игры), так и по фактическому наполнению экономического развития своего

[1] Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/3009207/.

[2] Бакланов П. Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). М.: Наука, 1986. – 149 с.

северо-востока и северо-запада, в том числе в виде образования пула городских агломераций, объединенных мощными транспортными коридорами. Более того, это несет в себе прямой урон для России за счет возможного перехвата лидерства в связующей трансконтинентальной функции. Россию вновь вытесняют в зону модели догоняющего развития.

В результате успешного освоения мероприятий «пояса и пути» возникает разная геополитическая динамика сопредельных территорий Китая и России. Как своего рода стратегическая альтернатива срочно требуется разработка особой программы развития Сибири и Дальнего Востока. И здесь ведущая роль принадлежит опорным городам формирующегося южно-сибирского и южно-дальневосточного фасада. Но эта роль может быть сохранена лишь в том случае, если за счет развития транспортно-коммуникационного каркаса, цепочки и ареалы городов будут трансформированы в низкоплотные агломерации с высоким разнообразием мест приложения труда, услуг и досуга. На этой основе потенциально можно не только остановить отток населения и связанного с ним социально-экономического потенциала, но и задав постиндустриальный вектор развития обеспечить «экранирование» от геополитического давления.

Анализ имеющейся информации позволяет говорить о потенциале создания Владивостокской, Иркутской и Красноярской низкоплотных агломераций, которые сопоставимы с китайским приграничным Хэйхэ (1,8 млн чел.) и монгольским Улан-Батором (1,5 млн чел.). Еще большим демоэкономическим потенциалом обладает расположенный на крайнем юго-западе Сибири урбанизированный ареал в составе Новосибирска, Томска, Кемерово, Барнаула, агломераций Кузбасса, а по дальней периферии – Омска и Бийска. Совокупная численность населения этого региона свыше 10 млн чел, в том числе более 8 млн городского населения. Территориальная близость (по Сибирским меркам) позволяет говорить о потенциале формирования здесь низкоплотного мегалополиса, который в перспективе может взять на себя роль общерегионального ядра для территорий Сибири, ЦЕАР, Западного Китая и Монголии.

Понимание описанных проблем и задач существует как в обществе, так и в научном сообществе. Основные дискуссии идут между вариантом создания «столицы» Сибири (а по сути и Дальнего Востока) либо на базе Новосибирска, либо на базе Красноярска. Оба региона претендуют на лидерство в реализации этого мегапроекта.

Россия – один из базовых блоков всех существующих геополитических концепций. Будь то модели С. Коэна, К. Хаусхофера, Х. Маккиндера или С. Хантингтона[1]. Россия – «Хартленд» (Heartland), наиболее континентальная страна на планете и одновременно самая океаническая среди кон-

[1] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001. – 416 с.; Геополитические и геоэкономические проблемы России / Отв. ред. С. Б. Лавров. СПб: РГО, 1995. – 230 с.; Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000. – 352 с.

тинентальных. Такое ее значение уже давно внеисторическое, оно не зависит от блоков, идеологии, политической ориентации, специфики режима: континентальность – ее эволюционно унаследованное свойство, географическая и геополитическая ярко выраженная отличительная черта. Располагаясь между Евроатлантической цивилизацией, восточно-азиатским и исламским миром, она соединяет в себе все черты их сходства и различия[1].

На этих просторах сконцентрирована значительная часть природно-ресурсного потенциала человечества. При этом здесь сохранились самые крупные территориальные блоки почти не затронутые хозяйственным освоением. Это – гарантия ресурсного самообеспечения на века вперед; но и – угроза попыток их интернационализации.

Другим свойством России является ее полиэтничность при цементирующей роли русского населения. Именно уникальный сплав, с одной стороны, традиционализма, носителями которого являются, как правило, сельские жители, компактно проживающие нерусские народы, а с другой стороны – модернизма, исходящего от преимущественно русского населения крупных городов.

Важной геополитической особенностью России является наличие огромных демографических и экономических градиентов вдоль всех ее границ. На западе это – европейский полуостров, концентрирующий в 3 раза большую численность населения и многократно превосходящий ее экономический потенциал (по ВВП). На юге и юго-востоке – исламский мир с населением на прилегающих территориях более 200 млн человек (включая Иран и Турцию) и экономическим потенциалом сопоставимым с российским. На Дальнем Востоке – Северо-Восточный Китай, Корея и Япония с совокупной численностью населения более 300 млн чел. и экономическим потенциалом, на порядок превосходящим российский.

Потенциальным геополитическим преимуществом России является ее сверхширокий выход к двум океанам – Тихому (в его наименее освоенной северо-западной части) и почти незатронутому освоением Северному Ледовитому. Здесь у нее есть неподконтрольные геополитическим противникам выходы в Мировой океан, один из крупнейших в мире участков континентального шельфа. Но, что особенно важно, здесь нет трудно купируемых геополитических угроз, а при условии восстановления военно-стратегического и социально-экономического контроля над побережьем возможно воссоздание узлов развития.

Еще одно из геополитических свойств России – при гигантских размерах площади «несоответствие» населения и экономики, территориальная диспропорциональность – «оголенность азиатской части». Пространственный анализ показывает, что за Уралом простирается слабо дифференцированная равнина, лишь вдоль южной и дальневосточной периферии, «отороченная» горами со схожим континентальным климатом (умеренно континентальный, континентальный, резко континентальный), абсолютным господством таежных ландшафтов с облеганием по югу остепненными пространствами. Распространяясь на тысячи километров вглубь Сибири, она превращает Москву в центр, преимущественно Европейской части России.

Однако традиционная унитарная конструкция российского государства роль столицы делает всеобъемлющей. В то же время очевидные изменения весовых категорий основных российских геополитических контрагентов требуют усиления внимания именно к восточным районам. Это особенно важно в контексте того, что за Уральским хребтом живет такое же количество населения, которое характерно для типичного экономического района Европейской части России. По совокупному населению Западная Сибирь в несколько раз уступает ЦЕАР, а Восточная Сибирь и Дальний Восток – на порядок северо-восточным провинциям Китая. Кроме того, освоение этого региона с точки зрения сформированного транспортно-коммуникационного каркаса, системы расселения несопоставимо с его пространственным объемом[1].

Конфигурационной особенностью России является ее субширотное простирание, которое детерминирует постоянные импульсы внутренних разрывов. Внутрироссийская территориальная организация, это радиально-кольцевая конструкция в Европейской части, отороченная по восточно-уральской периферии регулярной решеткой и линейно-узловая за Уралом дополнительно вытягивая демосоциальное и экономическое пространство.

Общая конструкция внутрироссийской геополитической структуры, согласно А. Дугину, включает четыре геополитических луча, которые связывают Москву с периферией «русского пространства». Эти лучи имеют разное качество и разделяются им на две пары – лучи Москва – Запад и Москва – Юг, с одной стороны, и лучи Москва – Восток и Москва – Север, с другой. Первые два луча с геополитической точки зрения «незакончены». Они упираются в сложную геополитическую систему значительного территориального объема, которая отделяет континентальную массу России от идеальной границы – береговой линии. Вторые два луча: оси Москва – Север и Москва– Восток резко отличаются от первой пары. Здесь граница России совпадает с береговой линией, «государств-прокладок» не существует, и поэтому политическая динамика в этих направлениях исчерпывается внутриполитическими темами. На Севере и на Востоке Россия имеет законченные геополитические границы. И главной задачей в данном случае является сохранить статус-кво, для чего необходимо создание на востоке геополитических субцентров. Более того, Север и Восток именно за счет океанических границ являются резервными и прекрасно защищенными тылами, где в критические моменты всегда можно создать дополнительные пространственные платформы для геополитического и стратегического переструктурирования[2].

Геополитические проблемы современной России – во многом следствие разрушения СССР и крушения «советского блока». Они были многократно усилены неудачными реформами и грубыми ошибками во внешней политике в конце прошлого столетия. Россия сейчас слабый геополитический

[1] Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996. – 392 с.

[1] Бутроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. – 112 с.

[2] Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

актор как в мире, так и в Восточной Евразии и Тихоокеанском регионе, чьи экономические и культурные позиции, пожалуй, еще более слабые.

Именно геополитические свойства Сибирских и Дальневосточных частей России предопределяют характер и специфику рассмотрения ее внутренних геополитических проблем и контактов с соседями, большинство из которых являются явными или скрытыми геополитическими и геоэкономическими конкурентами. В этой связи можно в более мягкой формулировке согласиться с тезисом А. Дугина о том, что проблемы стоят «в следующем ключе: Каким образом, и на каких естественных (или искусственных) предпосылках сохранить максимальный геополитический объем России, по возможности увеличить его, распределив все внутренние геополитические факторы так, чтобы наилучшим образом обеспечить возможность планетарной геополитической экспансии?»[1].

Разумеется, на данном этапе естественноисторической динамики вряд ли стоит ставить столь грандиозные задачи, но удержание унаследованного геополитического плацдарма, особенно в приграничных с Китаем и ЦЕАР частях обязательное условие выживания врожденной российской идентичности. Отсюда вытекает ряд вполне конкретных задач: 1) возможности внутрирегиональной консолидации и за счет эффектов масштаба и концентрации создать сеть ядер второго (после столичного) уровня, способных нести часть геополитической нагрузки; 2) возможности расширения пространственного влияния столичных и субстоличных регионов на периферию (особенно юго-восточную) и при благоприятных предпосылках и за ее пределы.

Это предполагает за счет механизмов воспроизводства и ретрансляции геополитических функций из центра уменьшение размеров геополитической периферии.

В современной ситуации геополитическая роль Сибири не может рассматриваться пропорционально ее пространству. Это особое, «резервное пространство», которое представляет собой самое обширное неосвоенное и слабо освоенное пространство евразийского материка, да и мира. И претендентов на его ресурсы более чем достаточно и со временем эти претензии будут только возрастать. В том числе и поэтому принципиально важно создать освоенный южный пояс со стабильным населением, преобладанием обрабатывающей высокотехнологичной промышленности, развитым АПК и постиндустриальной инфраструктурой.

Биполярная модель мира, созданная в начале нашего века на основе геополитической концепции Х. Маккиндера (концепция Хартленда), утверждала, что весь мир делится на Теллурическое (сухопутное) полушарие (в нашем случае Срединная Евразия) и Талассократическое (океаническое) полушарие, в которое входят государства, экономически зависящие от моря. Теллурическое полушарие состоит из сердцевинной части, в которую входят Европейская часть России, Урал, Сибирь, Казахстан, китайская провинция Синьцзян и Монголия. Граница Хартленда определяется недоступностью для морских кораблей. Он окружен внутренним полумесяцем, позже именованный «Римлендом» (Rimland, «Дуговая земля»). Вся остальная часть называется внешним полумесяцем. Именно неосвоенность Сибири (особенно Восточной Сибири) заставили Х. Макиндера в его более поздних работах включать «Леналенд» (Lenaland), т. е. пространство, лежащее восточнее от реки Лены, в особое геополитическое образование, не принадлежащее, строго говоря, Хартленду. Но уже О. Шпенглер отметил тот факт, что Сибирь представляет собой географическое пространство, роль которого может проясниться постепенно и оказаться решающей в историческом процессе. Он предвидел, что именно из Сибири сможет развиться особая уникальная культура, которая положит конец «упадку Запада» и его «фаустианской» цивилизации[1].

Долгое время после того, как стратегия, основывающаяся на этой версии, была признана неправомочной, американские геополитики действовали согласно ей из-за недостаточного понимания географической специфики. Примером может являться жесткое принятие концепции Хартленда З. Бжезинским[2]. В целом на Западе ныне широко распространено следующее предположение. Так как мировой баланс был нарушен двумя поистине глобальными событиями – дезинтеграцией Восточно-Европейского и Советского коммунистического строя, распадом Советского централизованного государства, то на расстановку сил способен повлиять лишь непредвиденный и драматический переворот мирового масштаба.

Но эти изменения являются историческими вехами постоянного процесса эволюции геополитической картины конца XX – начала XXI в. Постоянные дискуссии о так называемом «новом мировом порядке» подразумевают возможность создания такой международной ситуации, при которой расстановка сил в мире была бы неизменной. Но изменение является как неизбежным, так и необходимым фактором, способствующим прогрессу. Задача состоит в том, чтобы управлять этими изменениями с целью создания равновесия в пределах динамичной глобальной системы, отражающей взаимодействия между различными политическими силами. Сейчас создается множество геополитических теорий[3]. Практически в каждой из них рассматривается роль Советского Союза и России как его правопреемницы в мире.

Геополитический императив Центра в отношении Севера заключается в максимально возможном укреплении стратегического контроля над этими областями. Учитывая малозаселенность территорий, расположенных за северным полярным кругом, и отсутствие развитых политических и государственных традиций этносов там проживающих, культурно-политические аспекты здесь отступают на второй план. Наиболее важной стороной становятся военный контроль за побережьем (военные, военно-воздушные и военно-морские базы), информационное сообщение, энергоснабжение

[1] Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

[1] Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. – 584 с.

[2] Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.

[3] Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.

и обеспечение продовольственного и жилищного достатка. Последние шаги российского руководства ясно показывают, что предпринимается попытка четко обозначить российские геополитические интересы в Арктике и не только обозначить, но и подкрепить их реальными делами вроде создания арктической группировки войск, усиления пограничного контроля и т.п. Но этот контроль невозможен без опорных баз в южных, более заселенных и освоенных частях Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, если Сибирь[1] является природно-ресурсным и геополитическим резервом России, то Север, и особенно сибирский Север, является «резервом» самой Сибири, будучи самым удаленным от цивилизации регионом Евразии.

Проект интеграции Сибири ставит вопрос о географическом центре этого процесса, т. е. о той точке, которая смогла бы стать полномочным представителем Москвы за Уралом и выполнять функцию притяжения для всех остальных регионов. На эту роль, по мнению многих аналитиков и экспертов, более всего подходит Новосибирск, который не просто является крупнейшим городом всей Сибири, но и важнейшим интеллектуальным центром общероссийского масштаба, к тому же консолидирующим на мезоуровне социально-экономический потенциал юга Западной Сибири. От Новосибирска западная ось идет к Екатеринбургу, столице Урала, а Восточная – к Красноярску, Иркутску, далее Хабаровску и Владивостоку. На Новосибирск, таким образом «…падает важнейшая функция связи всего «русского пояса Сибири», в котором он является главным звеном». А ось Москва–Новосибирск становится «…тем главным «лучом», по которому осуществляется взаимообратный процесс обмена центробежными энергетическими потоками из Центра и центростремительными от периферии»[2]. В контексте сказанного А. Дугин полагает, что «для взаимодействия с «северной трапецией» удобно организовать дополнительные стратегические оси Новосибирск–Норильск и Хабаровск–Магадан. Стало быть, Восток будет стратегически сопряжен с Севером»[3]. Однако ось Новосибирск–Норильск трудно реализуема, так как и транспортно-коммуникационно и административно он ориентируется на Красноярск (экономически пока на европейский Север), но точно не на Новосибирск. Кроме того, к востоку остается все еще огромная периферия до которой трудно «дотянутся» и отсюда.

Уже упоминавшийся А. Дугин предлагает «сплотить усилия всех северных центров в разработке оптимальных моделей городов и селений с учетом климатической специфики. В данном аспекте требуется применение новейших технологий – нетрадиционных источников энергии (солнечная энергия, ветровая т. д.), строительных ноу-хау для вечной мерзлоты, системы коммуникаций и транспорта, развитие межрегионального авиатранспорта и т. д. Изначальным должен быть проект общего арктического развития, выработки единой и наиболее эффективной формулы, которая позволила бы

[1] Сибирь часто употребляется в ее прежнем сущностном содержании, как вся территория от Урала до Тихого океана.

[2] Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

[3] Дугин А. Г. Проект «Евразия». М.: ЭКСМО, Яуза, 2004. – 512 с.

в кратчайшие сроки модернизировать поселения, сделать их существование более динамичным и взаимосвязанным»[1].

И вновь становится очевидным, что для реализации подобного проекта необходимы 1–2 восточных геополитических узла. На всех этих уровнях ясно выступает потребность интеграции Севера. Результатом такой многоуровневой интеграции (пока существующей лишь потенциально) стало бы создание совершенно новой геополитической реальности, в которой значительное повышение автономности и региональной самостоятельности не ослабляло бы стратегической связи с Центром. Освоение Севера с южных меридиональных плацдармов стало бы путем в будущее. Именно широтная интеграции Северных регионов, учитывая их принадлежность к единой климатической и орографической зоне, а не чисто географическую близость к иным областям, будет способствовать их культурно-экономическому развитию, но препятствовать созданию предпосылок для потенциального политического и стратегического суверенитета.

В этом контексте полезно взглянуть на анализируемые процессы с позиций бассейнового подхода. Енисейский, Обский и Ленский бассейны охватывают почти всю Восточную Сибирь, континентальные районы Дальнего Востока и значительную часть Монголии. Енисейский бассейн занимает среди них центральное положение. Помимо Красноярского края, в его границы попадает большая часть территории Иркутской области, Бурятия, Хакасия и Тува. Красноярская агломерация находится в геополитическом центре этой конструкции как в силу географического положения (на пересечении Транссиба с Енисеем и на переходе от Гор Южной Сибири к Северным равнинам и плоскорьям), так и по причине концентрации в ее границах и ближайшем окружении огромного природно-ресурсного и по сибирским меркам крупного социально-экономического потенциала. Регион из всех восточных наиболее защищен от иноэтнической и экономической экспансии как с юго-запада (из ЦЕАР), так и с востока.

Обский бассейн, охватывает почти всю Западную Сибирь, Восточный Казахстан и частично Северо-Западный Китай. В его составе все субъекты федерации Западной Сибири. Новосибирская агломерация расположена в геополитическом центре этой конструкции как в силу географического положения (на пересечении Транссиба с Обью и на переходе от гор Южной Сибири к Западносибирской низменности), так и по причине концентрации в ее границах огромного природно-ресурсного и даже по общероссийским меркам крупного социально-экономического потенциала. Сам Новосибирск находится в окружении других крупнейших центров – Омска, Томска, Барнаула, агломераций Кузбасса, что позволяет говорить о потенциальной возможности формирования здесь низкоплотного мегалополиса с общей численностью населения более 10 млн чел. Регион на современном этапе относительно неплохо защищен от китайского геополитического давления и очевидно превосходит по экономической и демографической мощи прилегающие районы Казахстана.

[1] Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 608 с.

На самом востоке лежит наименее освоенный Ленский бассейн, почти целиком находящийся в составе Якутии и являющийся ядром Хартленда.

Немаловажным, в том числе и в ментальном плане, является восприятие центра страны. Указание на центр страны является ключевым для самоопределения и идентификации власти и населения. Географический центр страны расположен в Сибири – на территории Эвенкийского автономного округа, на юго-восточном берегу озера Виви. Это и есть в точном смысле слова Центральная Россия, она же Центральная Сибирь. Стержнем ее является Енисей, русло которого проходит практически по 90-му меридиану (не случайно его называют Сибирским меридианом, а надо бы называть еще и Российским). Нужно помнить, что и географический центр Азии расположен в этом регионе, им считается город Кызыл на слиянии Большого и Малого Енисея.

Центральным является и положение Сибири в основных геополитических моделях, как Х. Маккиндера, так и С. Хантингтона[1], едва ли не самой значительной за последнее десятилетия научной концепции. Автор считает, что основным источником конфликтов в нарождающемся мире будет не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов[2]. На карте хорошо видно, что и Новосибирск, и Красноярск фактически «прифронтовые города». Важно также учитывать, оценивая геополитический потенциал Сибири, что с окончанием холодной войны, по мнению С. Хантингтона, подошла к концу западная фаза развития международной политики, так как конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. Сейчас же на первый план выдвинулось взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями и между последними.

Цивилизация, по С. Хантингтону, представляет собой «некую культурную общность, причем наивысшего ранга и …определяется наличием общих черт субъективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей». «Облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия 7–8 крупных цивилизаций. К ним политолог относит: западную, православно-славянскую, конфуцианскую (непосредственно в районе Сибири граничащая с православно-славянской), исламскую (также расположенная вблизи рассматриваемого района и имеющая здесь стык с конфуцианской) и др.[3].

[1] Бабурин В. Л. Советский Союз: вчера, сегодня, завтра // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб: РГО, 1995. – С. 39–46; Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.

[2] Huntington S. «The Clash of Civilization?» // «Foreign Affairs», Summer, 1993.

[3] Там же.

Если серьезно обсуждать подобную геополитическую конструкцию, то проблемы внутрироссийской геополитической связности становятся одним из ведущих факторов геополитической устойчивости России. Особенно плохо обстоит дело с транспортно-экономической связностью. Дело не только в том, что социально-экономические связи Запада и Востока (а также связи внутри Востока) России обслуживаются недостаточным количеством железнодорожных, автомобильных магистралей, авиарейсов. Их необходимо всячески стимулировать: за счет льготных транспортных тарифов – как грузовых, так и пассажирских (что в последние годы частично делается); а также за счет специальных проектов (преимущественно государственных, но важен и общественный, негосударственный вклад) по социокультурному обмену и общению (культурные, образовательные, научные, социальные проекты). И, разумеется, любой проект с геополитическим контекстом (а газопровод именно такой проект) стоит в ряду подобных действий[1].

Кроме того, необходимо избирательно, точечно, предварительно продумав географические аспекты, в том числе в рамках таких программ ФМС как «Программа по содействию добровольному переселению Соотечественников в Российскую Федерацию», давать льготы отдельным лицам, сообществам, организациям в целях более прочного и надежного обустройства в привлекательных районах и населенных пунктах в границах Южной Сибири и юга Дальнего Востока. Государственное жилье и гарантированная работа, в сочетании с социальной инфраструктурой узловые элементы успешности данных проектов. Именно в границах низкоплотных агломераций есть возможность обеспечить на этой основе достойное качество жизни.

Следует также учитывать, что ситуация с Китаем серьезная. Пока он отвлечен на соревнование с США: кому быть к концу XXI в. сверхдержавой? И здесь Поднебесная не предъявляет пока к России повышенных геополитических претензий, держа курс на стратегическое партнерство. Однако всем ясен сейчас слишком разный экономический «вес» партнеров, а в будущем – и разный политический «вес».

Россия сейчас слабый геополитический актор в Восточной Евразии и Тихоокеанском регионе, чьи экономические и культурные позиции, пожалуй, еще более слабые. И в этом смысле здесь необходимы свои мощные субстоличные центры, которые смогли бы повернуть сырьевые потоки, как на новые внешние, так и на собственные рынки. Необходимость этого подкрепляется и тем, что не только нефть, но и газ превращаются в главную проблему мировой энергетики начала XXI в. К 2020 г. спрос на газ на глобальном рынке резко возрастет, в первую очередь в Китае. С точки зрения предложения ключевым фактором стало выведение на рынок российских ресурсов Восточной Сибири. Помимо укрепления глобальной энергетической безопасности такой шаг будет способствовать развитию огромного, но геополитически уязвимого региона страны. Речь, таким образом, идет о беспроигрышном варианте, позволяющем укрепить позиции России как ведущего поставщика энергии на мировой рынок

[1] Бакланов П. Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). М.: Наука, 1986. – 149 с.

и одновременно гарантировать потребителям энергоресурсов – как на востоке, так и на западе – беспрепятственные поставки газа по приемлемым ценам.

Однако, вне всякого сомнения, гипертрофия сырьевой функции в отношениях с Китаем на определенном этапе поставит вопрос о контроле над жизненно важными, системообразующими трансстрановыми коммуникациями; и здесь наличие еще одного партнера (например, Монголии или Казахстана) дает существенно большую геополитическую свободу выбора и, что не менее важно, обеспечивает геополитический «экран».

Тем временем, сами рыночные условия заставляют думать о новых инвестициях и необходимых структурных преобразованиях. Для создания инфраструктуры, разведки новых месторождений, прокладки трубопроводов и строительства заводов по сжижению газа требуются десятки миллиардов долларов. Для реализации амбициозных планов «Газпрома», очевидно, требуется укрепление его менеджмента. Избыток приоритетов (в том числе и «Алтайский» проект) может привести к посредственным результатам. Решения по всем этим вопросам, которые примет в ближайшее время правительство России, будут иметь глубокие и долговременные последствия как для международного энергетического рынка, так и для самой России.

В контексте сказанного особую роль приобретает Сибирь. В настоящее время география российского газового экспорта представляется «европоцентричной». Решения о прокладке трубопровода по дну Балтийского (первая очередь его пущена в эксплуатацию в ноябре 2011 г.) и Черного морей еще раз подтверждает этот уклон. Хотя рынок стран ЕС обширен, он растет медленными темпами и по любым канонам снижение рисков возможно только в рамках диверсификации, в том числе и территориальной. В то же время в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана усиливается конкуренция потребителей газа и нефти. При этом падение цен вовсе не означает ослабления давления спроса, т. к. рынок нефти в последние годы был одним из самых спекулятивных. В Китае, Республике Корее, Японии и США спрос растет, а предложение недостаточно. В этой связи экспортная стратегия «Газпрома» предусматривает удовлетворение европейского спроса за счет дальнейшей выработки западносибирских ресурсов, превращение Сахалина в экспортную базу для АТР и резервирование Ковыктинского месторождения для покрытия внутрироссийских нужд. Использование газа из Сибири для покрытия дефицита в центральных регионах страны нерационально: рядом с существующими экспортными трубопроводами расположены месторождения, которые ждут разработки; кроме того, существует возможность лучшего применения попутного газа.

Такая стратегия не только нелогична с экономической точки зрения – ее реализация означала бы также упущенную выгоду. Считать, что запасов одного Сахалина достаточно, для того чтобы Россия заняла важные позиции на рынках АТР, неверно. Сахалин не способен обеспечить России сколько-нибудь значимую нишу на растущем китайском рынке, не говоря уже об удовлетворении потребностей других стран региона. Китай должен будет принять решение: либо отвести солидную нишу в энергоимпорте российскому трубопроводному газу, что было бы предпочтительнее для КНР

с точки зрения диверсификации источников потребляемых ресурсов, либо положиться практически целиком на СПГ, доставляемый морским путем из Катара, Ирана, Индонезии и Австралии. Перекачка восточносибирского газа в центральные регионы России коммерчески невыгодна. Кроме того, если сахалинский газ полностью разойдется по рынкам Китая, Японии и Кореи, Россия утратит возможность зарезервировать за собой долю весьма прибыльного рынка западного побережья США и тем самым расширить критически важную экономическую основу российско-американских отношений.

Строящийся газопровод «Сила Сибири» на базе Чаяндинского месторождения в сочетании с интенсивной разведкой месторождений газа в треугольнике Ковыкта–Красноярск–Якутия позволяют увеличить достоверные запасы восточносибирского природного газа и обеспечить как экспортные, так и внутренние потребности в этом сырье.

Не менее амбициозным является проект газопровода Западная Сибирь – Западный Китай. В случае достижения коммерческих договоренностей с Китаем «Газпром» готов до 2030 г. реализовать проект магистрального газопровода «Алтай». Однако, по мнению Минприроды России, проект его строительства идет в разрез с российским и международным законодательством, а также характеризуется высокими экологическими рисками, особенно в варианте через плато Укок. В связи с этим Минприроды России считает целесообразным проработку вопроса об альтернативных схемах прокладки газопровода. Следует согласиться и с оценкой министерства о повышенной сложности природно-климатических и инженерно-геологических условий строительства. Вполне возможно, что с геополитической точки зрения более интересным являлась бы трасса через западную Монголию.

Сказанное не означает отказ от сотрудничества с Китаем в энергетической области. Но, во-первых, есть и другие альтернативные более технологичные версии такого сотрудничества. Например, когда говорится о развитии электроэнергетики, то прежде всего речь идет о строительстве новых очередей Березовской ГРЭС-1 с доведением ее мощности до 5,5 МВт для обеспечения потребностей южных районов Сибири. В то же время очевидно, что проекты развития Березовской и Богучанской электростанций носят геополитический характер, так как вырабатываемая на них электроэнергия будет избыточная для региона, и позволит обеспечивать поставки за его пределы в масштабе 20–25 млрд кВт ч. Для подобных потоков, учитывая наличие и других амбициозных электроэнергетических проектов, рассчитанных на более отдаленную перспективу, в обозримой перспективе в Южной Сибири достаточных потребителей нет. Поэтому именно Китайско-Монгольское направление становится тем геополитическим вектором, который может быть поддержан электроэнергетическими и иными энергонасыщенными потоками.

Резюмируя, отметим, что для реализации глобальных геополитических проектов в энергетической области необходимы:

– геополитический континентальный внутристрановой «тыл» в этой будущей межцивилизационной битве в виде Новосибирского мегалополиса, Красноярской, Иркутской и Владивостокской агломераций, с большим потенциалом потребительского роста;

– геополитическое континентальное «прикрытие» в виде цепи гор Южной Сибири и бесконечных пустынных пространств Монголии, которые в то же время в случае геополитической необходимости могут быть относительно быстро и малозатратно преодолены геополитическим коммуникационным коридором, контролируемым из России.

Подобный подход означает, что в долгосрочной геополитической перспективе для России более привлекательными являются варианты прокладки газопровода в Западный Китай через территорию Западной Монголии и/или Восточного Казахстана.

Красноярск как потенциальная столица Сибири: геополитический анализ на локальном уровне. Низкоплотная Большая Красноярская агломерация потенциально может объединить в своих границах территорию большей части юга Красноярского края с общей площадью 250 тыс. км² и населением около 2 млн чел.[1]. Ее потенциальные участники расположены на расстояниях (рис. 1):

– до 250 км на запад (Боготол в границах формирующейся Ачинской агломерации второго порядка);
– до 200–250 км на восток (формирующаяся Каннская агломерация второго порядка);
– до 300–350 км на север, вдоль Енисея (формирующаяся Лесосибирская агломерация второго порядка);
– до 400–450 км в южном направлении вдоль Енисея (сформировавшаяся Абакано-Минусинская агломерация второго порядка);
– до 600 км на северо-восток (проектируемая Богучанская агломерация).

Красноярск – ядро большой Красноярской агломерации. Это развитый центр промышленности, крупнейший в Восточной Сибири центр розничной и оптовой торговли, разнообразных услуг. Ведущие отрасли индустрии: цветная металлургия, машиностроение, деревообработка, химическая, пищевая отрасли. Важнейшими предприятиями, ориентированными на внешние рынки и, соответственно, во многом определяющими промышленную составляющую геополитического вектора развития агломерации являются: ОАО «СУЭК-Красноярск», ОАО «Красноярскуголь», ОАО «Енисейзолото» лишь головными офисами присутствующими в Красноярске; Красноярский алюминиевый завод, Красноярский завод цветных металлов им. Гулидова, Металлургический Завод «Сибэлектросталь», Ачинский глиноземный завод, Красноярский завод синтетического каучука, Химический комбинат «Енисей», Красноярский шинный завод. Многие предприятия имеют общероссийское и геополитическое значение.

Важно, что в крае существуют предприятия достаточно сложного машиностроения. С точки зрения геополитического и инновационного значения, можно выделить: «Красфарма», «Бирюса», ПО «Электрохимический завод», ФГУП «Красмаш» и ОАО «ИСС» имени академика М. Ф. Решетнева», ПО «Электрохимический завод» и др. Таким образом, предприятий инновационного сектора

[1] При условии включения в ее состав проектируемой Богучанской агломерации второго порядка площадь объекта мож т возрасти до 350 тыс. км².

Рис. 1. Геополитические элементы Большой Красноярской агломерации (составлено В. Л. Бабуриным, С. Г. Сафроновым)

в границах Красноярской большой агломерации достаточно много, и ведущие из них принадлежат к ВПК, что определяет их важное геополитическое значение. Фактически речь идет о предпосылках нересурсного развития, потенциально меняющего конфигурацию этого сегмента евразийского рынка.

Красноярск – крупный транзитный транспортный узел, расположенный на пересечение Транссибирской магистрали и исторически сложившихся торговых путей по реке Енисей. Через город осуществляется железнодорожное сообщение Абакан–Тайшет, Ачинск–Абакан, Красноярск–Богучаны, Ачинск–Лесосибирск. Предполагается создание мощного авиатранспортного хаба для консолидации и перевалки грузов, а также обслуживания транзитных пассажиров, в том числе по кроссполярным маршрутам.

Красноярск – крупный центр образования (29 вузов). Созданный в 2006 г. Сибирский федеральный университет является геополитическим проектом, направленным на развитие восточных регионов России. В городе расположен научный центр СО РАН.

Возможности развития Большой Красноярской агломерации, ее роли как геополитического субцентра на востоке России во многом определяются формированием современных и перспективных специализаций. Именно в пределах Красноярской агломерации или в ее непосредственной близости предполагается основное наращивание электроэнерегетических мощностей. Наибольшим экономическим потенциалом обладает Канско-Ачинский бассейн, почти полностью локализуемый в границах Красноярской агломерации. Практически все проекты, связанные с развитием металлургического комплекса, ориентированы на северную периферию Красноярской агломерации и входят в состав зоны опережающего развития «Приангарье».

Развитие этих специализаций создает предпосылки для размещения верхних стадий, с более высокой добавленной стоимостью, ориентированных на более квалифицированный труд и инновационную составляющую в границах уже собственно Красноярской агломерации с последующей ориентацией продукции более высоких переделов на мировые, прежде всего азиатские рынки. Большинство проектов в области развития лесопромышленного кластера, его верхних стадий с высокой добавленной стоимостью планируется также размещать непосредственно в границах агломерации. Высокой концентрации производства в химической промышленности способствует совокупность классических факторов размещения (обеспеченность сырьевыми и водными ресурсами, транспортной и энергетической инфраструктурой, а также размещением основных потребителей, в силу чего главные предприятия отрасли расположены в Красноярске, Канске, Железногорске, Ачинске).

Внутри Большой Красноярской агломерации[1] намечается пространственное разделение ролей, во многом повторяющее общероссийское. Северные части агломерации, это – преимущественное развитие ресурсно-сырьевых отраслей, дополненных более высокими технологическим переделами; центральная и южная часть – обрабатывающие производства, отрасли 5–6-го технологических укладов, транспортно-коммуникационные функции международного значения; на юге дополняемые отраслями АПК. Наиболее привлекательным стратегическим фокусом Красноярской агломерации является становление «Центром предпринимательства и инноваций», что позволит ей занять значимое место в развитии страны.

Несмотря на различные приоритеты и специализацию микрорайонов, направления стимулирования их развития, требуют выделения опорных территорий, обладающих достаточным потенциалом для интенсификации развития. В каждом из выделенных микрорайонов существуют территории, отличающиеся социально-экономическим благополучием, которые могут стать естественными точками роста, выполняя функции локомотива развития соответствующего микрорайона.

Данная модель пространственного развития предполагает интеграцию базовых территорий в социально-производственный комплекс территорий-лидеров через разнообразные цепочки социально-экономической межрайонной кооперации, в том числе как источники сырьевых и кадровых ресурсов, что предполагает стимулирование межтерриториальной интеграции. Таким образом, пространственное развитие ориентировано на формирование субъекта программирования, который обладает финансовыми, административными ресурсами и способен регулировать и корректировать ход интеграционных процессов.

[1] Муниципальные образования, входящие в состав формируемой Большой Красноярской агломерации, объединяются в 5 микрорайонов: Центральный (ядро – Красноярск), Западный (Ачинск), Восточный (Канск), Енисейский (формирующаяся Лесосибирская агломерация второго порядка) и Южный (Абакано-Минусинская агломерация второго порядка). Агломерирование этих территорий приведет к росту разнообразия мест приложения труда, услуг и досуга, как одного из важнейших критериев качества жизни.

Заключение. Сибирско-Дальневосточный геополитический регион в составе России является долговременным гарантом ее устойчивости в мирохозяйственных, этно-демографических и политических отношениях в первую очередь в Евразии. Стремительная эволюция Китая актуализирует анализ и действия по поиску модели его развития. В качестве одного из вариантов пространственного развития южных частей Сибири и Дальнего Востока выдвигается идея формирования системы взаимосвязанных низкоплотных агломераций (с демопотенциалом не менее 1–2 млн чел.). Среди них существует несколько потенциальных претендентов на региональное лидерство.

В Сибири Красноярская агломерация в своих претензиях на роль геополитического субцентра на Востоке страны имеет сильных конкурентов в лице прежде всего своих ближайших соседей – Новосибирск на западе и Большой Иркутск на востоке, также претендующих на подобные роли. Однако один из них слишком западный, другой – слишком восточный. Кроме того, только у Красноярска есть внутрикраевой выход к Арктике, будущей главной арене геополитического соперничества. На Дальнем Востоке, возможные конкуренты (прежде всего Владивостокская большая агломерация), слишком удалены и гораздо более «проницаемые» со стороны геополитических соседей.

Именно как геополитический континентальный тыл в этой будущей межцивилизационной битве может позиционироваться Большая Красноярская агломерация. Есть очевидные преимущества в ее положении и по отношению к южным цивилизационным соседям. Новосибирск слишком близко и «открыто» расположен по отношению к исламской цивилизации, а Иркутск приближен к китайской (конфуцианской). Красноярск и здесь расположен в геополитическом тылу, будучи прикрыт цепями гор Южной Сибири и бесконечными пустыми пространствами Монголии, которые в то же время в случае геополитической необходимости могут быть относительно быстро и малозатратно преодолены геополитическими коммуникационными коридорами.

Но реализация подобного мегапроекта с геополитическим оттенком возможна только на базе кардинальной реконструкции транспортно-коммуникационного каркаса региона с ориентаций, в первую очередь, на минимизацию временных затрат как на коммуникации людей, так и транзит грузов.

Китай в азиатском векторе развития России

Л. Б. Вардомский

Елена Самбурова много лет занималась изучением влияния внешних факторов на пространственное развитие экономики Китая и роста территориально-хозяйственных диспропорций под влиянием проэкспортной модели и концентрации ПИИ в приморских регионах страны. Хотя со временем ее научные интересы существенно расширились, но данная тематика оставалась центральной и должна была стать главным вопросом докторской диссертации. Но, увы, жестокая болезнь перечеркнула эти планы…

В одной из статей мы обращали внимание на схожесть пространственных структур России и Китая с точки зрения соотношения центральных и периферийных регионов. Но если первые в России располагаются в основном в европейской части страны, то в Китае они концентрируются в его приморской части[1]. В этой связи опыт Китая в сдерживании территориальных диспропорций, преодолении межпровинциального неравенства и конструирования более эффективной пространственной экономики весьма интересен для России.

Исследования Елены Николаевны, в том числе связанные с анализом внешних условий развития стран Центральной Азии, а также внутриматериковых регионов России, были весьма востребованы для научных работ, проводившихся в Институте экономики РАН. Она участвовала и в некоторых проектах института, внесла заметный вклад в изучение путей ускоренного развития отстающих регионов Китая и, в частности, Синьцзян-Уйгурского автономного района[2].

Сегодня Россия стремится экономически и политически развернуться в сторону Азии и использование научного наследия Е. Н. Самбуровой необходимо для понимания сложности и многоплановости этого процесса.

* * *

Введение: постановка проблемы. Проводимый далее анализ базируется на представлении о том, что трансформация пространственной структуры российской экономики происходит под влиянием как внутренних (размещение природных и социальных ресурсов, инерция прошлого развития, задачи межрегионального выравнивания и сбалансированного регионального развития, модель экономического развития), так и внешних факторов (внешнего спроса и предложения, мировых цен на товары и услуги экспорта и импорта, вопросов безопасности и геополитики). Сила воздействия внешних факторов на экономическое пространство России определяется объемами и географией международных торговых и финансовых связей, трансграничного движения населения, знаний, лучших практик, развитием международного обмена различными услугами, международной унификацией технологических и правовых норм и стандартов. Хотя по индексу вовлеченности в международную торговлю, рассчитываемом ВЭФ, Россия занимает место в нижней части (105-е) списка рейтингуемых стран (всего 138 стран)[3], влияние внешних факторов на пространственное развитие страны вполне очевидно. Гравитация центров мировой экономики воздействует на российское пространство, вызывая его структурную трансформацию.

[1] Вардомский Л. Б., Самбурова Е. Н. Региональные процессы в переходной экономике России и Китая // Вопросы прогнозирования. 1995. № 2. – С. 67–78.

[2] Самбурова Е. Н. Экономическое сотрудничество приграничных регионов Казахстана и Китая // Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах. М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 160–175.

[3] Рейтинг стран по уровню вовлеченности в международную торговлю. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalEnablingTrade_Report_2014.pdf .

Ослабление внешнеэкономического европоцентризма России. Особенностью России является расположение большей части экономического потенциала в Европейской части страны и одновременно преобладание Европы в ее внешнеэкономических связях (табл. 1). Данная ситуация складывалась исторически, параллельно с формированием российского государства. В настоящее время Европейская часть занимает четверть территории страны, но здесь проживает 80 % населения и производится около 70 % ВРП России.

На ЕС и другие страны континента, включая европейские страны СНГ, до 2014 г. приходилось 60 % внешнеторгового оборота и более 90 % притока ПИИ в Россию. При этом доходы от торговли с Европой всегда поддерживали развитие России и движение ее экономики от европейского центра на север и восток. Традиционное преобладание европейского вектора во внешнеэкономических связях России, по мнению Н. Ионичева, позволяет говорить о ней, как о неотъемлемой части Европы[1].

Совмещение внешнеэкономической и пространственной европоцентричности проявляется и в том, что большая часть субъектов России, наиболее широко включенных во внешнеторговые связи (более 10 млрд долл. в 2015 г.), располагаются в Европейской части России: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский край, Калининградская область[2]. Все они в основном ориентированы на европейские рынки. Но при этом для российского пространства характерно внутриматериковое размещение ключевых экспортных производств углеводородов, черных и цветных металлов, лесной продукции. Более 60 % экспортного потенциала размещается на расстоянии 2–4 тыс. км от ближайших морских портов вывоза. Такого рода «перевернu-

Таблица 1. Доли главных партнеров – соседей во внешней торговле России за 2000–2017 гг., %
(источник: ФТС РФ)

Годы	ЕС (28)		Китай		СНГ	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
2000	53,0	38,9	5,0	2,7	13,4	34,2
2005	55,2	44,2	5,4	7,4	13,5	19,2
2008	56,7	43,7	4,5	13,0	14,9	13,7
2010	53,9	42,1	5,1	17,0	15,0	13,8
2012	52,9	42,4	6,8	16,6	14,8	12,9
2014	52,1	41,4	7,5	17,8	12,8	11,2
2016	45,7	38,4	9,8	20,9	13,1	10,6
2017*	45,7	38,1	10,6	21,2	13,3	10,9

**Примечание*: Данные за 10 месяцев.

[1] Ионичев Н. П. История экономики. Внешние экономические связи России. М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 384.

[2] Здесь и далее данные по внешней торговле России приводятся по ФТС РФ.

тая» модель размещения экспортного производства из-за больших транспортных издержек[1] объективно понижает его доходность, но в то же время обеспечивает геополитическую устойчивость российского пространства.

Россию и ЕС соединяют многочисленные транспортные коридоры, возникшие за годы экономического сотрудничества, создана необходимая логистика для перемещения громадной массы товаров взаимной торговли, которая в 2013 г. достигла максимальной величины в 416 млрд долл., но в 2016 г. по экономическим и геополитическим причинами сжавшаяся до 200 млрд долл. Доля ЕС во внешней торговле России за 2013–2017 гг. уменьшилась с 49,3 % до 42,7 %. При этом сокращение европейской доли происходило на фоне глубокого спада внешнеторгового оборота России: после максимального объема в 844 млрд долл. в 2013 г. в 2016 г. он составил всего 468 млрд долл. В 2017 г. внешняя торговля стала увеличиваться, а доля ЕС стабилизировалась.

На этом фоне обращает на себя внимание устойчивый рост в последние десять лет доли КНР в российском ввозе и вывозе. При этом прирост доли КНР в импорте России за 2008–2017 гг. примерно равнялся сумме потерь в долях ЕС и СНГ.

Высокая степень экономической взаимозависимости России и Европы лежала в основе идеи ОЕЭП, выдвинутой в 2001 г. Ее реализация позволила бы институализировать сложившуюся экономическую связанность. Но из-за политических разногласий она так и не перешла в плоскость реального воплощения.

Украинский кризис обнажил асимметрию во взаимных экономических и политических отношениях, противоречия между растущей экономической взаимозависимостью и конфликтом геополитических интересов. Его разрешения стороны пытаются добиться через взаимные экономические санкции и нанесение друг другу экономического ущерба, что отражает характерную для настоящего времени подчиненность экономики геополитическим интересам. Санкции ударили, прежде всего, по тем секторам экономики, которые лежали в основе концепции ОЕЭП и обеспечивали соблюдение одного из главных драйверов сотрудничества: инвестиции и технологии Европы в обмен на широкий доступ к российскому рынку и сырьевым ресурсам.

Тем не менее, вопрос о ОЕЭП официально не снят с повестки дня. Но теперь речь идет о взаимодействии ЕС и ЕАЭС. Армения, Беларусь, Казахстан, так же как Россия, экономически тесно связаны с ЕС. Но ЕС пока игнорирует ЕАЭС и делает ставку на индивидуальное взаимодействие с отдельными странами.

Учитывая высокий уровень связанности экономик России и ЕС, их свертывание по политическим причинам уже обернулось для сторон крупными потерями. Тем не менее, в основе ослабления европейского вектора помимо геополитических причин лежат объективные мирохозяйственные процессы.

Особенности внешнеэкономических связей России по азиатскому вектору. Внешнеторговый разворот России в сторону Азии начался в середине нулевых годов и ускорился после экономического кризиса 2008–2009 гг. и геополитического конфликта с Западом. Но с точки зрения хода мирового развития это скорее вторичные причины. Главным же является то, что в первой десятке стран по ВВП на душу населения находятся шесть азиатских стран, а среди 20 наиболее динамичных экономик мира – 12 стран континента. В первой тридцатке стран мира по объему ВВП половина – страны Азии, играющие важную роль в формировании полицентричности мировой экономики. Среди них, помимо Китая и Японии, – Индия, Иран, Индонезия, Саудовская Аравия, Таиланд, Турция, Республика Корея. При этом, если Россия для ЕС все же экономическая периферия, то для многих стран Азии она в состоянии выступать в качестве экономического центра. Развитию экономических связей с азиатскими странами способствует межконтинентальное, серединное положение России в географической Евразии. Она находится по соседству не только с ЕС – 16,7 % от мирового ВВП по ППС[1], но и с Китаем, на который в 2015 г. пришлось 17,2 % мирового ВВП, с США – 15,8 % и Японией – 4,2 %. Сухопутная граница России со странами Азии в 2,5 раза длиннее, чем граница с Европой.

За 2008–2016 гг. доля стран Азии (без стран Центральной Азии) во внешнеторговом обороте России выросла с 23,4 % до 32,6 %. Ведущую роль в повышении доли азиатских стран во внешней торговле сыграл Китай (см. табл. 1), доля которого во внешнеторговом обороте России за эти годы увеличилась с 7,6 % до 14,1 %.

На сегодняшний день в экономическом сотрудничестве с азиатскими странами преобладает Северо-Восточная Азия: Китай вместе с Гонконгом и Тайванем, Республика Корея, КНДР, Монголия и Япония. За 2008–2017 гг. их доля во внешней торговле России увеличилась с 15 % до 23 %, что составляет более 70 % от всего товарооборота РФ со странами зарубежной Азии. Этим объясняется то, что внешнеторговый разворот России на Азию отождествляется с АТР.

В отличие от Китая, доля других азиатских стран в торговле России была неустойчива, отражая перепады во взаимных отношениях и состояния проектной базы сотрудничества (табл. 2). Тем не менее, в рамках азиатского вектора, на мой взгляд, существуют хорошие перспективы наращивания внешнеэкономических связей не только с Китаем и другими странами Северо-Восточной Азии, но и по всем азиатским направлениям. Представляется, что имеется значительный потенциал для увеличения внешней торговли России со странами Юго-Восточной Азии (в 2017 г. на них пришлось менее 3 %), Южной Азии во главе с Индией (менее 2 %), Турцией и Ираном (4,5 %) и Центральной Азии (около 4 %). Его реализация может происходить как на двухсторонней основе, так и путем расширения взаимодействия ЕАЭС с азиатскими странами или их интеграционными объединениями. В любом случае дальнейшее увеличение доли стран Азии во внешнеэкономических связях России будет определяться темпами взаимной адаптации их экономик, которые во многом обусловлены созданием современной транспортно-логистиче-

[1] Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Изд-во «Гео», 2008. – С. 229–237.

[1] Данные Мирового банка.

Таблица 2. Доли других главных азиатских партнеров во внешней торговле России за 2000–2017 гг., %
(источник: ФТС РФ)

Годы	Турция		Япония		Индия		Страны Центральной Азии	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
2000	3,5	1,6	3,1	2,6	1,2	2,5	3,1	7,6
2005	5,2	2,2	1,8	7,3	1,1	1,0	3,9	5,6
2010	6,0	2,5	3,8	5,2	1,9	1,1	4,4	3,4
2015	5,6	2,2	4,2	3,7	1,6	1,2	4,6	3,1
2016	4,8	1,2	3,3	3,7	1,9	1,3	4,8	2,7
2017*	5,1	1,4	3,0	3,4	1,7	1,3	4,9	2,8

**Примечание*: Данные за 10 месяцев.

ской системы их обслуживания (пока она не соответствует задачам поворота на Восток и Юг); налаживанием между Россией и ее азиатскими партнерами технологических и инвестиционных связей в рамках избранных проектов сотрудничества, усиления ориентации на азиатские рынки ближних к ним российских регионов. Немалую роль в этом процессе может сыграть евразийская интеграция, но пока она невелика.

Проблемы и ограничения восточного дрейфа российской экономики. Территориальная структура экономики менялась в СССР и России при одновременном протекании процессов структурной и технологической модернизации экономики на обжитых территориях и освоения новых пространств в основном для добычи природных ресурсов и решения оборонных задач. Ускоренное развитие то востока, то запада страны отражало происходящие в ней и в мире политические и экономические изменения. Освоение новых пространств всегда было необходимо для обеспечения действующего обрабатывающего производства топливом и сырьем и финансовыми ресурсами от их экспорта для модернизации экономики староосвоенных территорий.

Восстановительный рост в России после спада 1990-х гг. сопровождался вплоть до 2008 г. увеличением в общем ВРП Европейской части страны (табл. 3). Во многом он был связан с ускоренным ростом столичных регионов и быстрым ростом взаимных экономических связей России и ЕС. В этот период была создана Балтийская трубопроводная система, быстро развивались морские порты и сборочные производства в Ленинградской и Калининградской областях и Санкт-Петербурге. Был построен «Северный поток», напрямую соединивший газотранспортные сети Германии и России. За счет развития сферы услуг, рынка недвижимости, транспорта и логистики, сборочных производств и производств, выпускающих потребительские товары на основе зарубежных технологий, динамично развивался Московский регион (Москва, Московская и Калужская области).

Одновременно с 1998 г. по 2008 г. в общем ВРП России произошло существенное сокращение долей Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Рост внешнеэкономических связей со странами Азии с середины нулевых годов не вызвал заметного роста доли в ВРП этих макрорегионов. За 2008–2015 гг. она увеличилась на 1,4 % (табл. 3). Опережающий рост торговли с Китаем не сопровождался сдвигом российской экономики в азиатскую часть страны. Это объясняется тем, что большая часть этой торговли замыкается на регионы Европейской части России, в которые товары доставляется преимущественно морским путем через Суэцкий канал. Кроме того, в азиатских макрорегионах продолжалось сокращение численности населения.

Таблица 3. Изменение долей федеральных округов в общем валовом региональном продукте России за 1998–2015 гг., %
(источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сборник. М.: Росстат, 2016. – С. 514–515)

Федеральные округа	Годы					
	1998	2005	2008	2013	2014	2015
Европейские	66,2	67,5	71,1	70,4	70,5	70,1
Уральский	14,0	17,1	14,2	14,2	13,6	13,8
Сибирский	13,4	10,8	10,2	10,2	10,4	10,4
Дальневосточный	6,4	4,6	4,5	5,2	5,5	5,7

Ослабление внешнеэкономического европоцентризма России, следующее за сдвигами в мировой экономике и потоках капиталов и технологий, пока оказывает слабое влияние на пространственные пропорции российской экономики. В ближайшие годы доля стран Азии во внешней торговле России превзойдет долю Европы, но как это скажется на пространственном развитии? Естественно, что темпы пространственной трансформации значительно ниже, чем внешнеэкономической, поскольку «эффект колеи» у первой выше. Однако синхронизация процессов усиления азиатского вектора во внешнеэкономическом и пространственном измерениях позволит ускорить экономический оборот и повысить производительность российской экономики. Длительное существование разрыва в этих структурных процессах будет понижать эффективность участия России в международном экономическом сотрудничестве.

Рост доли азиатской России в ВРП за 2009–2015 гг. произошел в основном за счет дальневосточных регионов. Он был связан с освоением нефтегазовых месторождений на шельфе Охотского моря, строительством нефтепровода ВСТО и газопровода Сахалин – Владивосток, завода по производству сжиженного газа на Сахалине, ряда крупных инфраструктурных объектов в связи с саммитом АТЭС во Владивостоке в 2012 г. В настоящее время крупные инвестиционные проекты на Дальнем Востоке связаны с космодромом «Восточный» в Амурской области, газопроводом «Сила Сибири», реконструкцией Транссиба и формированием территорий опережающего развития.

Исторически развитие восточных регионов России шло медленно, по мере формирования транспортной сети, спроса на ресурсы этих регионов, изменений в институтах страны и геополитических условиях развития страны. К настоящему времени Дальний Восток и Забайкалье в своих внешнеэкономических связях однозначно ориентируются на соседние страны, но в них не удалось создать экономическую базу, способной стать органичной частью хозяйства стран Северо-Восточной Азии и тем более АТР в целом. Это объясняется рядом причин, среди которых недостаточная заселенность дальневосточных регионов, слабо развитая инфраструктура, длительный период закрытости этих территорий по военно-политическим причинам, экономическая специализация с преобладанием отраслей оборонной промышленности, ориентированная на внутренний рынок. Исторический опыт освоения восточных районов свидетельствует о том, что оно обходится довольно дорого государственному бюджету. Создание единиц однотипных производственных мощностей, одного квадратного метра жилья на востоке заметно дороже, чем в европейской части[1].

Динамика пространственных пропорций экономики России в генерализованном виде свидетельствует о том, что ее внутриматериковые части отстают по темпам развития от приокеанических, что вытекает из логики рыночной экономики.

Для постепенного сдвига экономики России на восток необходимы устойчиво более высокие темпы ее роста в азиатских регионах по сравнению со среднероссийскими темпами. На это нацелены специальные меры по развитию дальневосточных регионов страны. Но их, на мой взгляд, недостаточно для существенного изменения пространственных пропорций в пользу зауральских регионов. По сложности решения сдвиг экономики на восток превосходит задачу ускоренного развития несырьевого экспорта, поскольку Европа для России неопределенно долго будет иметь преимущество перед Азией с точки зрения среды экономического сотрудничества, учитывая исторически сложившиеся экономические и культурные связи, логистику, близкое понимание бизнеса.

Постсоветский сдвиг на восток. Следуя тренду мировой экономики, азиатская часть СНГ – страны Центральной Азии – в 2008–2016 гг. развивалась значительно быстрее, чем постсоветские страны (без стран Балтии) в целом. В итоге их доля в общем ВВП СНГ по номиналу увеличилась с 8,7 % в 2005 г. до 14,5 % в 2016 г. (табл. 4), а без учета России – с 37 до 55 %. В инвестициях в основной капитал она возросла с 10,6 до 22,3 %, а в населении СНГ и Грузии с 19,6 до 24,2 %.

Более высокие темпы роста стран Центральной Азии в период 2008–2016 гг. связаны с ростом населения, экспорта углеводородов и большими объемами трудовых миграций. Эти факторы обеспечат сохранение ускоренного развития упомянутых стран Содружества в обозримом будущем. Определенную роль в экономическом росте играет фактор сравнительно дешевой

[1] Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Изд-во «Экономика», 2006. – С. 172–182.

Таблица 4. Изменение доли стран СНГ в общем ВВП (в текущих ценах) за 1991–2016 гг., %

(источники: Содружество независимых государств. Стат. Сборник. 1991–2016. МГСК СНГ; Мировой банк)

Страны	Годы			
	1991	2000	2008	2016
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0
Россия	67,7	73,7	76,4	73,5
Страны Запада СНГ				
Белоруссия	4,1	2,9	2,8	2,7
Молдова	1,3	0,4	0,3	0,4
Украина	14,5	9,0	8,4	5,3
Всего	**19,9**	**12,3**	**11,7**	**8,4**
Страны Южного Кавказа				
Азербайджан	1,3	1,5	2,3	2,2
Армения	0,8	0,6	0,5	0,6
Грузия	0,9	0,9	0,6	0,8
Всего	**3,0**	**3,0**	**3,4**	**3,6**
Страны Центральной Азии				
Казахстан	4,2	5,2	6,1	7,8
Киргизия	0,9	0,4	0,2	0,4
Таджикистан	0,6	0,3	0,2	0,4
Туркменистан	0,7	1,2	0,9	2,1
Узбекистан	3,0	3,9	1,3	3,8
Всего	**9,4**	**11,0**	**8,7**	**14,5**

рабочей силы, что может привлечь соответствующие инвестиции из России, Китая, Турции. Для Китая также важно вынести часть производств с вредным воздействием на природную среду из своих густонаселенных районов в сопредельные страны.

Главным потребителем центрально-азиатских углеводородов является Китай, а трудовых ресурсов – Россия. Крупные инвестиции КНР в ТЭК Казахстана и Туркменистана и связанный с этим быстрый рост товарооборота приводит ряд исследователей к выводу, что Китай вытесняет Россию из Центральной Азии[1]. Действительно, торговые связи России и стран СНГ сегодня сталкиваются со структурными ограничениями, вытекающими из сырьевого характера их экономики. На пространстве Центральной Азии Россия сегодня имеет дело с усилением международной конкуренции, прежде всего со стороны Китая, в результате вступления Казахстана, Киргизии и Таджикистана в ВТО.

[1] Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского экономического союза // Научные доклады ИЭ РАН. М.: ИЭ РАН, 2016. – 59 с.

В прошедшие годы структурно экономика России, хотя и менялась, но за счет либо развертывания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию импортных связей из третьих стран, либо создания мощностей по импортозамещению, что сдерживало рост ввоза, прежде всего из стран СНГ. В связи с этим потенциал России как интеграционного ядра Евразии не увеличивался пропорционально росту ее экономики. С другой стороны, экономики стран Центральной Азии прогрессировали в основном за счет тех производств, продукция которых находила сбыт в третьих странах.

Экономическое лидерство России в регионе ограничивает сильная подверженность ее экономики «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран-партнеров через падение курса рубля и через это спроса на их товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы были значительно ниже, чем у многих постсоветских партнеров. Нынешнее экономическое состояние России некоторые исследователи объясняют ее попаданием в «ловушку среднего дохода»[1].

Либерализация взаимной торговли в виде двухсторонних режимов свободной торговли, зоны свободной торговли в рамках СНГ, запущенной в 2012 г., и создания в 2010 г. единого таможенного пространства в рамках ЕврАзЭС, в 2015 г. преобразованного в ЕАЭС, не смогла обеспечить устойчивый рост взаимной торговли. Интеграционные проекты на постсоветском пространстве изначально были сориентированы на сохранение советского экономического наследия и оказались бесполезными с точки зрения формирования новой специализации стран Содружества в глобальной экономике.

Сотрудничество на основе углубляющихся межстрановых различий по демографической динамике, по уровню доходов населения, ресурсам экономического развития, но при отсутствии достаточных механизмов содействия экономическому развитию отстающих стран, не может иметь поступательный характер.

Взаимные торговые связи могли бы стимулировать совместные проекты, но их число довольно ограничено. В силу этого объемы взаимной торговли сильно зависят от колебаний мировых цен на биржевые товары и полуфабрикаты. Тем не менее, если в 2005–2010 гг. общая доля стран Центральной Азии во внешней торговле России со странами СНГ составляла 24–26 %, то в 2017 г. – 33%. Но рост доли произошел на фоне серьезного спада взаимных торговых отношений России и СНГ в 2012–2016 гг.: с 124,2 млрд долл. до 59 млрд долл., или более чем в 2 раза. Масштаб сокращения взаимной торговли России и стран Центральной Азии был меньше – 1,7 раза (31,4 млрд долл. и 18,8 млрд долл. соответственно). При этом более 70 % этого оборота приходится на торговлю России с Казахстаном. В 2016 г. Россия и КНР имели близкие объемы внешней торговли со странами Центральной Азии за исключением Туркменистана, в торговом обороте которого на КНР приходилось около 46 %, а на Россию – всего 7 %.

[1] Дмитриев М. Новая формула богатства: как России вырваться из ловушки среднего дохода. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/5581596d9a794771284d8142 .

Я разделяю мнение Е. Н. Самбуровой, полагавшей, что КНР и Россия заинтересованы в укреплении государств Центральной Азии, которые, в свою очередь, надеются на предсказуемость и партнерскую политику соседних великих держав[1]. Главная внутренняя угроза стабильности стран Центральной Азии связана с бедностью населения и ограниченностью ресурсов развития национальных экономик. КНР за счет инвестиций в ТЭК и инфраструктуру способствует развитию этих стран. Россия через интеграционные проекты и привлечение трудовых ресурсов сокращает безработицу в странах, обеспечивает их выход на свой рынок и рынки третьих стран. Так что КНР и Россия способствуют экономическому росту центральноазиатских государств. Это содействие осуществляется как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС. В начале октября 2017 г. было объявлено о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, которое станет шагом на пути к выстраиванию механизма эффективного и долгосрочного сотрудничества между странами ЕАЭС и Китаем.

Это сотрудничество необходимо по причине внутриматерикового положения стран Центральной Азии и значительных пространств России и Китая, которое удорожает и замедляет их коммуникацию с мировыми рынками. Более высокий уровень издержек по экспорту и импорту сдерживает внешнюю торговлю и ограничивает применение проэкспортных моделей развития. По мере снижения импортных тарифов фактор удаленности от мировых рынков становится более значимым для торговли, а значит и для экономического развития в целом. В этом отношении большое значение имеет активизация совместных усилий рассматриваемых стан по развитию регионального сотрудничества и созданию трансевразийских транспортных коридоров[2].

Главной платформой реализации транзитного потенциала ЕАЭС в отношении торговых связей КНР с ЕС и странами Ближнего Востока стала «Объединенная транспортно-логистическая компания» (ОТЛК) с участием российских, казахстанских и белорусских железных дорог. Маршрут между центральными и приморскими районами КНР и ЕС через Казахстан, Россию и Беларусь короче на 1000 км, чем по Транссибу. ОТЛК организует на маршруте Достык–Брест стабильные перевозки, что позволило достичь значительного роста их объема В 2016 г. компанией достигнут более чем двукратный рост объема перевозок между ЕС и КНР по сравнению с 2015 г. – свыше 100 тыс. контейнеров (ДФЭ)[3]. В 2017 г. запланировано перевезти порядка 140 тыс. ДФЭ, а в 2025 г. достигнуть показателя в 1 млн ДФЭ. Обслуживая транзитный спрос Китая и Европы, страны ЕАЭС модернизируют национальный транспорт

[1] Самбурова Е. Н. Китай и «Новая» Центральная Азия: проблемы и противоречия экономических и политических отношений // Процессы интеграции на постсоветском пространстве: тенденции и противоречия. Проблемы постсоветских стран. Вып. № 3. М.: ИМЭПИ РАН, 2001. – С. 135.

[2] Самбурова Е. Н. Шанхайская организация сотрудничества – особенности образования и направления возможного развития // Экономическое пространство ЕврАзЭС: факторы и пределы интеграции. Проблемы постсоветских стран. Вып. № 6. М.: ИМЭПИ РАН, 2004. – С. 229–230.

[3] Двадцатифутовый эквивалент.

и логистику, что улучшает условия участия во внешней торговле, способствует диверсификации экспорта, улучшает транспортные условия развития их регионов и евразийской интеграции, создают предпосылки для интеграции «интеграций». ОТЛК – пример связи интеграции и инноваций, сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс – один путь», взаимосвязанности внешних и внутренних условий развития национальной экономики.

Пути ускорения развития азиатской России. Наиболее радикальным способом довольно быстрого поворота России к Азии был бы перенос столицы ближе к географическому центру государства, который находится в районе среднего течения Ангары. Сторонником этой идеи, в частности, был нынешний министр обороны России С. К. Шойгу[1]. Но сегодня этот вопрос на политическом уровне не обсуждается. Напротив, в актуальной повестке дня стоят вопросы освоения так называемой Новой Москвы и реновации городской территории занимаемой «пятиэтажками», формирование инновационного центра «Сколково». Параллельно федеральные усилия по пространственному развитию России концентрируются на юге (республики Северного Кавказа и Крым) и севере страны, в регионах, развитие которых не может происходить на основе рыночных критериев и требует масштабных государственных расходов.

В этом контексте для сдвига российской экономики на восток целесообразно использовать в полной мере выгоды экономического положения не только Дальнего Востока, но и всей Сибири, которая занимает центральное положение в Евразии. Упор только на Дальний Восток вряд ли позволит преодолеть инерцию пространственной европоцентричности, которую хорошо иллюстрирует проект Новой Москвы.

Пока же сибирские регионы отстают по темпам социально-экономического развития от среднероссийских показателей[2]. Одна из причин этого, в моем представлении, сравнительно слабое включение этих регионов в международные торговые и инвестиционные связи. По данным региональных таможенных управлений, на Дальневосточный федеральный округ приходится около 5 % внешнеторгового оборота России, или столько же, сколько в общем ВРП, а на Сибирский федеральный округ – 7 % (2015 г.), что значительно меньше, чем доля округа в ВРП. Отношение внешнеторгового оборота Сибирского федерального округа к его ВРП[3] в 2015 г. равнялось 37 %, против 48,1 % у Дальневосточного федерального округа и 54,5 % у России в целом. Этому препятствует упоминавшееся выше внутриматериковое положение региона, удаленность от внешних рынков и недостаточно развитая транспортно-логистическая система. По оценке Л. Безрукова, в транспортно-географическом отношении Сибирь более континентальна, чем лишенные выхода к морю государства Центральной Азии и Монголия[4].

[1] Ившина О. Шойгу предложил перенести столицу в Сибирь. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/04/120406_shoigu_capital_siberia.shtml .

[2] Басарева В. Г., Михеева Н. Н. Сибирский федеральный округ: что мешает экономическому росту // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). – С. 104–125.

[3] ВРП был пересчитан в доллары по среднегодовому курсу рубля.

[4] Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Изд-во «Гео», 2008. – С. 238.

Будучи сырьевой базой России и многих стран мира, она постепенно отстает в развитии, поскольку в регионе концентрируются начальные, низкодоходные звенья производственно-технологических цепочек добавленной стоимости.

Тем не менее, Сибирь является естественным плацдармом развития Дальнего Востока и Забайкалья, имеет довольно развитую обрабатывающую промышленность, играет важную роль во внешнеэкономических связях России со многими странами Азии, имеет мощный инновационный потенциал. Учитывая комплекс ресурсов и географическое положение, регион может играть значительно большую роль в евразийской интеграции и модернизации экономики Центральной Азии и соседних с ней стран, в проекте «Большая Евразия» в целом, через это ускоряя свое развитие.

Крупные городские центры региона – Барнаул, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень – имеют необходимые предпосылки для превращения в фокусы новой комплементарности Сибири, Центральной Азии, Западного Китая и Монголии. Идея формирования международного региона «Сибирь – Центральная Азия» была выдвинута в начале 2000-х гг. Но тогда она опережала свое время. Сейчас в условиях ЕАЭС к этой идеи следует вернуться, поскольку сильно вырос экономический потенциал Центральной Азии и ее роль как транспортного моста в азиатские страны. Инфраструктурные усилия России и Китая концентрируются на широтных транспортных коридорах. Россия наметила модернизировать Транссиб и БАМ. Китай создает коридор от своего побережья через СУАР, Казахстан, Центральную Азию, Россию в Европу. Но транспортные проекты Экономического пояса Шелкового пути и проект Трансевразийского пояса развития (вдоль Транссиба), который продвигает ОАО «РЖД», вряд ли станут конкурентами. Эти два мощных евроазиатских коридора дополняют друг друга, поскольку к ним в зависимости от взаимоположения отправителей и получателей грузов тяготеют разные части пространства ЕС, России, стран СНГ, Китая и Японии. Сооружение между ними современных в технологическом отношении меридиональных соединений, таких как Новосибирск–Китай (на базе существующих или новых транспортных магистралей), Тюмень–Омск–Астана–Алматы–Ташкент–Афганистан–Пакистан–Индия, Красноярск–Кызыл–Монголия–Китай, Челябинск–Атырау–Узень–Туркменистан–Иран и т. п.; способно существенно улучшить транспортное положение сибирских регионов относительно внешних рынков.

В экономическом развитии внутриматериковых регионов России ориентация на внешний спрос должна сочетаться с наращиванием внутреннего спроса. И в этом контексте создание международных транспортных коридоров одновременно повысит взаимную транспортную доступность российских регионов. Как показывает опыт Китая, конкурентному партнерству регионов, их всестороннему взаимодействию, приводящему к «углублению» внутреннего рынка товаров, услуг, труда и капиталов способствует организация разветвленной системы скоростного внутреннего сообщения. При его наличии могут формироваться линейные агломерации, генерирующие эффекты пространственной концентрации экономики. Проекты по созданию скоростных и высокоскоростных маршрутов в России начнут активно реализовываться в период 2020–2030 гг. с привлечением китайских технологий и капиталов.

К сожалению, в списке проектов не так много сибирских маршрутов и международных маршрутов связующих страны ЕАЭС[1].

Для того, чтобы евразийская интеграция стала весомым фактором развития зауральских регионов, нужны новые производства и новые товары взаимной торговли. Поэтому не стоит откладывать переход к проектному принципу развития ЕАЭС. Соответствующая работа начинается, но она должна проводиться более активно на уровне как стран-участниц, так и Евразийской экономической комиссии. В настоящее время реализуемые в странах национальные проекты осуществляются в однотипных производствах и приводят к конкуренции на общем рынке, которая нередко оборачивается использованием разного рода нетарифных методов ограничения импорта из стран-партнеров. Задача же заключается в формировании новой специализации экономик на внутриотраслевой основе с образованием трансграничных цепочек добавленной стоимости.

Усиление проектной составляющей должно иметь и региональное измерение. Пока в интеграционных процессах доминируют национальный уровень и уровень субъектов хозяйствования без увязки интеграции с решением проблем развития регионов стран-членов ЕАЭС. Координация стратегий стран для формирования специализации в рамках новой индустриализации должна подкрепляться координацией стратегий развития регионов, прежде всего приграничных. В рамках такой координации необходимо создавать особые зоны и территории опережающего развития в сибирских и уральских регионах России, в смежных областях Казахстана при ориентации на рынки ЕАЭС и всей Центральной Азии с прилегающими районами Китая, Монголии, Афганистана и Ирана, которым нужны товары разной технологической сложности, эффективные в сочетании с дешевой рабочей силой.

Возможно ли сотрудничество российского и китайского бизнеса за рубежом?[2]

А. В. Кузнецов

Введение: постановка проблемы. Экономическая конкуренция России и Китая в Центральной Азии обсуждается уже довольно давно[3]. Актуальность этой темы только возросла с созданием ЕАЭС, который позиционируется как долгосрочный перспективный интеграционный проект на постсоветском пространстве; а также с активизацией усилий КНР по практической реали-

[1] Инновационный дайджест РЖД [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.rzd-expo.ru/innovation/high_speed_traffic_and_infrastructure/prospects_for_the_development_of_high_speed_movement_in_russia.php .

[2] Данная публикация является обновленной версией статьи: Кузнецов А. В. Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕЭАС // Контуры глобальных трансформаций. 2017. № 5. – С. 15–29.

[3] См., например:Лузянин С. Г. Россия и Китай в Центральной Азии и на Дальнем Востоке: конкуренция или сотрудничество? // Мир и политика. 2010. № 2. – С. 24–37.

зации концепции «Экономического пояса Шелкового пути» (ныне в рамках концепции «Один пояс – один путь»). Формально лидеры России и Китая объявили в мае 2015 г. о сопряжении строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути», однако эксперты говорят не только о возможностях взаимодействия России и Китая, но и об обострении соперничества двух крупных держав[1].

В этом разделе делается акцент на относительно менее изученных аспектах данной проблемы. Во-первых, в географическом плане рассматривается не столько популярная у большинства экспертов Центральная Азия, сколько именно ЕАЭС – причем, не только Казахстан и Киргизия, но и Армения и Белоруссия (последняя особенно важна в связи с ростом интереса КНР к экспансии в Восточной Европе), а также сама Россия. Во-вторых, уделяется повышенное внимание не политико-экономическим факторам (такой подход довольно распространен[2]), а инвестициям компаний, в том числе частных; причем вопросы взаимодействия и конкуренции российских и китайских ТНК анализируются отнюдь не только в привязке к странам ЕАЭС. В этой связи проверяется гипотеза о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия за пределами постсоветского пространства, поскольку отсутствие кооперации российских и китайских ТНК в других регионах мира скорее может свидетельствовать лишь о вынужденном, обусловленном политическими факторами характере сотрудничества в странах ЕАЭС.

Современная роль Китая во внешнеэкономических связях ЕАЭС. По мере роста экономической мощи Китая его роль во внешнеэкономических связях большинства стран мира быстро растет. Не стали исключением и страны ЕАЭС. Например, российский товарный экспорт в Китай вырос более чем в 7 раз с 2000 г. по 2013 г. – с 5,2 млрд долл. до 37,5 млрд долл. При этом доля КНР в российском экспорте увеличилась с 5,1 % до 7,1 %. Одновременно российский товарный импорт из Китая вырос в 56 раз (!) – с 0,9 млрд долл. до 53,2 млрд долл. В итоге доля КНР в российском импорте увеличилась с 2,8 % до 16,9 %, причем знак сальдо торгового баланса поменялся. В целом доля Китая во внешнеторговом обороте России выросла за 13 лет с 4,5 % до 10,8 %. В 2014–2016 гг. объем экспорта и импорта сильно сократился – соответственно до 28,0 млрд долл. и 38,1 млрд долл[3]. Лишь в 2017 г. показатели вновь

[1] Салицкий А. И., Семенова Н. К. Россия и Китай на евразийском пространстве: стратегическое партнерство с элементами конкуренции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 5. – С. 69–78; Лукин А. В., Лузянин С. Г., Ли Синь, Денисов И. Е., Сыроежкин К. Л., Пятачкова А. С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016; Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. № 3. – С. 67–81; и др.

[2] См., например: Михеев В. В., Швыдко В. Г., Луконин С. А. Китай – Россия: когда эмоции уместны? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. – С. 5–13.

[3] Расчеты по: Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf .– С. 474, 479, 481.

стали расти, причем объем российского экспорта достиг рекордного уровня 38,9 млрд долл., тогда как объем импорта из КНР увеличился до 48,0 млрд долл. При этом удельный вес КНР продолжал возрастать все эти годы. По итогам 2017 г. доля Китая достигла 10,9 % в экспорте России, 21,2 % в импорте России и 14,9 % в целом в торговом обороте[1].

Похожие процессы происходят и в других странах ЕАЭС, как в плане динамики, так и географических приоритетов во внешней торговле. Китай уже входит в тройку лидеров среди важнейших партнеров всех стран ЕАЭС (табл. 1).Только у Казахстана наблюдается положительное сальдо во внешней торговле с Китаем, что обусловлено масштабным экспортом сырья (в том числе с предприятий и с помощью транспортной инфраструктуры, находящихся под контролем китайских инвесторов). Тем не менее, у Казахстана, как и у остальных стран ЕАЭС, за исключением Киргизии, роль ЕС–28 в товарообороте намного больше. Это связано с тем, что значительная часть экспортных поставок Казахстана, как и России, ориентирована по-прежнему на Запад, а также из-за более диверсифицированного масштабного товарного импорта из стран ЕС.

При том что у остальных четырех стран ЕАЭС, включая Россию, отрицательное сальдо торговли с Китаем, более чем 10-кратный разрыв между экспортом и импортом только у Киргизии. Он обусловлен среди прочего использованием этого государства в качестве транзита для поставки товаров в третьи страны, в том числе ЕАЭС. При этом собственный экспорт Киргизии за пределы постсоветских стран связан, прежде всего, с поставками золота (особенно в Швейцарию). Экспортная ориентация золоторудной промышленности, естественно, привлекает иностранные капиталовложения, однако компании из соседнего Китая по масштабам присутствия пока уступают канадским инвесторам (в отрасли действуют и другие иностранные фирмы, в том числе из стран ЕАЭС).

К сожалению, сказанное выше позволяет выявить два тренда, развитие которых пока является наиболее вероятным во взаимоотношениях с Китаем всех стран ЕАЭС, включая Россию. Во-первых, рост экспорта в Китай возможен прежде всего за счет наращивания поставок сырья и полуфабрикатов (например, путем развития производственной базы с помощью китайского капитала). Во-вторых, улучшение структуры импорта возможно главным образом при усилении транзитных функций постсоветских стран. Последнее можно обеспечить как благодаря чисто транспортным операциям, так и налаживанию выпуска продукции на предприятиях с китайским капиталом для дальнейших поставок на Запад (прежде всего в страны ЕС).

Что касается прямых инвестиций, то значение капиталовложений из России значимо, прежде всего, для Белоруссии и Армении, тогда как из Китая – для Казахстана и Киргизии (табл. 2). Особенно это заметно при расчете накопленных прямых инвестиций с учетом вложений через третьи страны, поскольку и китайские, и особенно российские и казахстанские ТНК неред-

[1] Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 4 квартал. ФТС России, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://stat.customs.ru .

Таблица 1. Место Китая в географии внешней торговли стран ЕАЭС в 2017 г.
(источники: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 4 квартал. ФТС России, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://stat.customs.ru., Табл. 3, 4; Беларусь в цифрах, 2018: статистический справочник. Минск: Белстат, 2018. [Электронныйисточник]. – Режимдоступа: http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b03/b033f06fe02eb45f02640bdc838310a9.rar.,– С. 68; Trade Statistics for International Business Development (database). [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.trademap.org/; База данных внешней торговли)

	Показатель	Россия	Казахстан	Белоруссия	Армения	Киргизия
Всего	экспорт, млрд долл.	357,08	48,34	29,21	2,24	1,79
	импорт, млрд долл.	226,97	29,30	34,23	4,18	4,48
	оборот, млрд долл.	584,05	77,64	63,44	6,42	6,27
	доля в обороте, %	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Страны ЕАЭС	экспорт, млрд долл.	33,37	5,12	13,58	0,56	0,57
	импорт, млрд долл.	17,41	12,24	19,71	1,21	1,85
	оборот, млрд долл.	50,78	17,36	33,29	1,77	2,42
	доля в обороте, %	**8,7**	**22,4**	**52,5**	**27,6**	**38,6**
Россия	экспорт, млрд долл.	X	4,52	12,83	0,54	0,26
	импорт, млрд долл.	X	11,47	19.59	1,17	1,18
	оборот, млрд долл.	X	15,99	32,42	1,71	1,44
	доля в обороте, %	**X**	**20,6**	**51,1**	**26,6**	**23,0**
Прочие страны	экспорт, млрд долл.	323,71	43,22	15,63	1,68	1,22
	импорт, млрд долл.	209,56	17,06	14,52	2,97	2,63
	оборот, млрд долл.	533,27	60,28	30,15	4,65	3,85
	доля в обороте, %	**91,3**	**77,6**	**47,5**	**72,4**	**61,4**
ЕС-28	экспорт, млрд. долл.	159,60	24,28	7,87	0,63	0,25
	импорт, млрд долл.	86,89	5,74	6,66	0,93	0,30
	оборот, млрд долл.	246,49	30,02	14,53	1,56	0,55
	доля в обороте, %	**42,2**	**38,7**	**22,9**	**24,3**	**8,8**
Китай	экспорт, млрд долл.	38,92	5,78	0,36	0,12	0,10
	импорт, млрд. долл.	48,04	4,69	2,74	0,48	1,50
	оборот, млрд долл.	86,96	10,47	3,10	0,60	1,60
	доля в обороте, %	**14,9**	**13,5**	**4,9**	**9,3**	**25,5**
Пятерка стран-лидеров вне ЕАЭС по торговому обороту.		Китай ФРГ Нидерланды Италия США	Китай Италия Нидерланды Швейцария Франция	Украина Китай ФРГ Великобритания Польша	Китай Швейцария ФРГ Болгария Грузия	Китай Швейцария Турция Узбекистан Великобритания

Таблица 2. Накопленные прямые инвестиции в странах ЕАЭС в конце 2016 г.

(источники: (UNCTAD, 2017, annextable 3); (Кузнецов и др., 2017.– С. 8); Исходящие прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж по инструментам и странам-партнерам в 2014–2017 гг. (по состоянию на дату, по принципу направленности). [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx; Состояние нетто-позиции по прямым инвестициям по направлению вложения по странам на 31 декабря 2016 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.nationalbank.kz/cont/15ru_4q16.xlsx)

Страна – источник инвестиций	Россия		Казахстан		Белоруссия		Армения		Киргизия	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Всего (данные ЮНКТАД)	379,0	100	129,8	100	19,0	100	4,6	100	5,1	100
Россия (данные ЦБ РФ)	X	X	3,0	2	3,8	20	1,2	26	0,2	4
Россия (данные ИМЭМО РАН)	X	X	8,2	6	8,5	45	3,4	74	0,9	18
Китай (данные ИМЭМО РАН)	8,2	2	21,5	17	0,6	3	0,0	0	0,9	17
Казахстан (данные ИМЭМО РАН)	2,9	0,8	X	X	0,1	0,5	0,0	0	0,6	12
Казахстан (данные Национального банка Казахстана)	1,2	0,3	X	X	0,0	0,1	0,0	0	0,3	6

ко осуществляют капиталовложения через фирмы, зарегистрированные на Кипре, Британских Виргинских островах и в иных подобных юрисдикциях. Такие подсчеты прямых инвестиций уже шесть лет делаются исследовательской командой ИМЭМО РАН[1]. Они показывают занижение реальных масштабов прямых инвестиций официальной статистикой более чем вдвое. При этом в Киргизии значение инвесторов из России и Китая (а также Канады) примерно сопоставимо, не намного от них отстает и Казахстан. В Армении китайских прямых инвестиций почти нет, тогда как относительно значимую роль играют инвесторы из нескольких стран ЕС, Ливана и США (во многом это представители армянской диаспоры).

В инвестиционной сфере значение Китая для Киргизии оказывается куда более значимым благодаря кредитам. Так, по данным Минфина Кыргызской Республики, на конец 2016 г. внешний долг страны составил почти 3,8 млрд долл., в том числе перед Экспортно-импортным банком Китая – свыше 1,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2010 г. более чем в 10 раз (по сути весь прирост госдолга Киргизии связан с увеличением обязательств

[1] Кузнецов А. В., Гемуева К. А., Квашнин Ю. Д., Невская А. А., Макарова А. А., Четверикова А. С., Цукарев Т. В. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 56 с.

перед Китаем). Для сравнения: за тот же период долг Киргизии перед Россией сократился с 300 млн долл. до 270 млн долл., перед Азиатским банком развития вырос с 564 млн долл. до 568 млн долл., перед Международной ассоциацией развития (группа Всемирного банка) уменьшился с 649 млн долл. до 618 млн долл., перед Японским банком международного сотрудничества снизился с 431 млн долл. до 236 млн долл. и т. д.[1]. К концу 2017 г. внешний долг Киргизии приблизился к 4,1 млрд долл., причем на Экспортно-импортный банк Китая пришлось уже 1,7 млрд долл.[2]. Опыт других небогатых развивающихся стран показывает, что через какое-то время эти долги скорее всего придется конвертировать в прямые инвестиции китайских компаний – либо в сырьевых, либо в инфраструктурных предприятиях. Уже сейчас такая география внешнего долга Киргизии (свыше 41 % приходится на КНР) в немалой степени определяет внешнеторговую ориентацию этой страны, несмотря на ее формальное членство в ЕАЭС. Китайские кредиты получают и другие страны ЕАЭС, в том числе Белоруссия и Армения, где присутствие прямых китайских инвесторов пока невелико.

Китайский фактор в конкуренции инвесторов в странах ЕАЭС. Значение китайских инвестиций в странах ЕАЭС постоянно растет. По расчетам ИМЭМО РАН, если в конце 2010 г. накопленные прямые капиталовложения из Китая в пяти странах ЕАЭС составили 17,3 млрд долл., то к концу 2016 г. они выросли до 31,3 млрд долл.[3], причем в 2017 г. показатель еще увеличился. Данные китайской статистики несколько иные[4]. Так, цифры по России у китайцев оказываются больше (видимо, за счет небольших проектов в восточных регионах страны), а по Казахстану – существенно меньше. Вероятно, последнее связано с проблемами учета инвестиций «Trans-Asia Gas Pipeline Company», принадлежащей «CNPC», в магистральные трубопроводы из Туркмении (через Узбекистан) и непосредственно из Казахстана в Китай, а также со сложностью оценки вложений в ряд добывающих проектов через офшоры.

Вместе с тем, пока отраслевая структура китайских прямых инвестиций достаточно примитивная, с креном в сторону нефтегазового сектора, других сырьевых отраслей и инфраструктурных проектов. Особенно это характерно для Казахстана и Киргизии (как, впрочем, и для не входящего в ЕАЭС

[1] Структура государственного внешнего долга КР по состоянию на 31.12.2016 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/struktura_vneshnego_dolga31.12.2016.xls .

[2] Структура государственного внешнего долга КР на 2017 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/2018/struktura_vneshnego_dolga_na_31.12.2017.xls .

[3] Расчеты исследовательской команды под руководством А. В. Кузнецова в рамках проектах «Мониторинг и анализ инвестиций в странах СНГ и Евразии» по заказу ЕАБР.

[4] Пока доступны детальные данные на конец 2015 г.: 14 млрд долл. в России, 5 млрд долл. в Казахстане, 1 млрд долл. в Киргизии, почти 0,5 млрд долл. в Белоруссии и меньше 10 млн долл. в Армении. См.: The Belt and Road Initiative: Country Profiles. [Электронныйисточник]. – Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative-Country-Profiles/obor/en/1/1X3CGF6L/1X0A36I0.htm.

соседнего Таджикистана). Несколько отличной выглядит структура китайских прямых инвестиций только в Белоруссии, где наряду с вложениями в недвижимость выделяется машиностроение. Крупнейшим проектом (инвестиции превысили 0,3 млрд долл.) стало создание китайской компанией «Geely Automobile Holdings» совместного предприятия по сборке легковых автомобилей, ориентированного прежде всего на сбыт на российском рынке. Сначала это была «отверточная» сборка, но к осени 2017 г. запущен завод, отвечающий требованиям ЕАЭС о минимальной локализации автомобильного производства. По сути, этот пример иллюстрирует конкуренцию стран – членов ЕАЭС за инвестиции, ориентированные на рынок всего интеграционного проекта, причем китайские ТНК выбирают не Россию, считающуюся более комфортной для ТНК с точки зрения общих условий для иностранных капиталовложений, а соседнюю Белоруссию, где власти могут обеспечить индивидуальное сопровождение крупных проектов.

Иногда российские ТНК не выдерживают конкуренцию с китайскими инвесторами по причине использования последними нестандартных для западных ТНК стратегий. Например, в Киргизии построен крупный НПЗ Джунда в Кара-Балте именно на средства китайских инвесторов, поскольку они обеспечили объект также и квалифицированными кадрами из КНР, пока киргизская сторона не обучила своих специалистов. Этот довод оказался весомее, чем отсутствие сырья, которое теперь поступает с перебоями (тогда как приход российского инвестора дал бы сразу стабильные поставки сырой нефти из России или Казахстана). Еще один НПЗ в Киргизии в последние годы также построили китайцы (в Токмоке). Кстати, не исключено, что таким способом китайцы стремились закрепиться в нефтепереработке всего ЕАЭС – за счет страны, где эта отрасль была не развита.

В то же время во многих нишах, особенно в сфере услуг, российские и западные ТНК вообще не встречают китайской конкуренции. В частности, китайские прямые инвестиции в банковском деле стран ЕАЭС незначительны, тогда как капиталовложения российских компаний (а иногда и инвесторов других стран ЕАЭС) довольно существенны. Так, лишь в двух странах ЕАЭС – России и Казахстане – действуют китайские банки «Bank of China» и «Industrial & Commercial Bank of China». Собственные средства их дочерних банков на конец 2016 г. в России составили соответственно 101 млн и 93 млн долл., а в Казахстане – 72 млн и 51 млн долл. (кроме того, летом 2017 г. подписано соглашение о продаже 60 % акций казахстанского «Алтын Банк» консорциуму «China CITIC Bank Corporation» и «China Shuangwei Investment Co»). В результате в России китайские банки не только не идут ни в какое сравнение с ведущими отечественными банками, а также такими европейскими гигантами, как «ЮниКредит Банк» (Италия), «Райффайзенбанк» (Австрия) или «Росбанк» (Франция), но и оказываются сопоставимы с подконтрольным казахстанскому капиталу «Москоммерцбанком» (собственный капитал этой дочерней структуры «Казкоммерцбанка» в конце 2016 г. составил 60 млн долл.). В России действуют также и менее крупные казахстанские, а также белорусские и армянские банки. В Казахстане два китайских банка в сумме почти вдвое уступают по масштабам прямых инвестиций российским банкам – «Сбербанку», «Группе ВТБ» и «Альфа-банку», конкурентами которых выступают прежде всего местные банки, а также ряд западных банков и дочерних структур банков из азиатских мусульманских стран. В Белоруссии крупнейшими российскими банками являются «Внешэкономбанк», «Газпромбанк», «Сбербанк», «Группа ВТБ» и «Альфа-Банк» (в совокупности их прямые инвестиции превышают 0,7 млрд долл.). В Киргизии действуют три крупных казахстанских банка – «АТФ-Банк», «БТА Банк» и «Халык Банк». В Армении действуют российская «Группа ВТБ» (собственный капитал – 78 млн долл.) и еще ряд менее значимых банков (нередко представленных россиянами из армянской диаспоры).

Китайских ПИИ нет пока в телекоммуникационном бизнесе стран ЕАЭС, тогда как российские ТНК входят в число важнейших игроков на рынках всех этих государств. При этом в Белоруссии российская «МТС» конкурирует с операторами, подконтрольными австрийскому и турецкому капиталу, а в Казахстане «VEON» (российско-норвежская компания, до 2017 г. носившая имя «VimpelCom») – в основном с операторами, принадлежащими скандинавским инвесторам. Рынок Армении поделен между «МТС» и «VEON», с которыми конкурирует только дочерняя структура французской «Orange». На рынке Киргизии в основном соперничают операторы, подконтрольные российским и казахстанским инвесторам.

Курс на евразийскую экономическую интеграцию стран ЕАЭС воспринимается, по крайней мере российским бизнесом, как позитивный фактор для принятия решения об инвестировании в те государства, которые в ней участвуют. Не случайно в 2016 г. именно во всех странах ЕАЭС, в отличие от большинства постсоветских государств, оставшихся за бортом данного интеграционного проекта, росли накопленные российские прямые инвестиции[1]. Однако прогнозировать дальнейший рост взаимных инвестиций в рамках ЕАЭС было бы преждевременно. Во-первых, неблагоприятная экономическая конъюнктура подрывает финансовые возможности постсоветских ТНК для зарубежных инвестиций – не без причины в 2016 г. российские ТНК продолжили распродажу части своих заграничных активов. Во-вторых, в некоторых странах стараются не допустить иностранных (прежде всего российских) инвесторов в стратегически важные отрасли экономики. В качестве иллюстрации обычно называют несостоявшуюся приватизацию компании «Беларуськалий», но подобные примеры есть и в странах Центральной Азии[2].

Таким образом, за исключением Киргизии (которая по масштабам накопленных китайских прямых инвестиций превосходит Узбекистан и Таджикистан) и сырьевых секторов Казахстана, китайский фактор в конкуренции инвесторов до сих пор менее значим, нежели западноевропейский. Однако

[1] Кузнецов А. В., Гемуева К. А., Квашнин Ю. Д., Невская А. А., Макарова А. А., Четверикова А. С., Цукарев Т. В. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – С. 24.

[2] Квашнин Ю. Д. Взаимные прямые инвестиции на пространстве СНГ: проблемы, перспективы, уроки украинского кризиса // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. – С. 139–149.

в случае Армении представители ЕС действуют по шаблону, полагаясь на стратегию, выработанную в рамках «Восточного партнерства» и апробированную на примере Украины: выдвигать много претензий к инвестиционному климату страны и ждать его улучшения [1]. В таких условиях с учетом решения Армении присоединиться к ЕАЭС для российских ТНК особой угрозы со стороны конкурентов из ЕС нет (хотя имеющиеся проблемы с инвестиционным климатом, естественно, надо преодолевать). По Белоруссии ситуация несколько сложнее. Существует много работ по белорусскому инвестиционному климату. В некоторых публикациях ставится довольно точный диагноз специфике ПИИ в стране: например, доминирование капиталовложений, ориентированных на внутренний рынок, а не на экспорт (что плохо для долгосрочной устойчивости развития небольшой Белоруссии); а также высокая роль их непродуктивных типов, в частности, вложений в недвижимость[2]. Однако белорусских экспертов закономерно беспокоит абсолютное преобладание российских ТНК, поскольку помимо отраслевой диверсификации иностранных капиталовложений перед любой страной встает задача и их географической диверсификации. При этом скорее всего альтернативой российским ТНК все-таки станут западноевропейские ТНК, хотя контакты с китайцами (впрочем, как и с другими азиатами) белорусская сторона только приветствует.

Есть ли сотрудничество российских и китайских ТНК вне ЕАЭС и КНР? В последнее время постоянно появляются сообщения о новых китайских проектах в России. Среди последних сделок можно выделить прежде всего продажу за примерно 1,1 млрд долл. 20-процентной доли ПАО «Верхнечонскнефтегаз» компанией «Роснефть» китайскому инвестору «Beijing Gas Group Company Limited» (договор подписан в ноябре 2016 г., сделка закрыта в июне 2017 г.). Следует также отметить приобретение в 2015 г. и 2016 г. по 10 % акций нефтехимической компании ПАО «Сибур Холдинг» в сумме за более чем 2,5 млрд долл. соответственно «Sinopec» и «Silk Road Fund». Еще один сверхкрупный проект с миноритарным китайским прямым инвестором – «Ямал-СПГ», где «CNPC» принадлежит 20 %, и она уже вложила начиная с 2013 г. порядка 2,5 млрд долл. В целом, по данным Министерства коммерции КНР, на конец 2016 г. объем накопленных китайских прямых инвестиций в России составил 9,5 млрд долл., что почти в 10 раз больше российских прямых капиталовложений в КНР[3]. Рекордными должны были стать инвестиции китайской «CEFC China Energy» по покупке катарско-швейцарского пакета в 14,16 % акций «Роснефти» осенью 2017 г. за более чем 9 млрд

[1] Mamikonyan G., Lewandowski K. EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on Armenian Economy // ZeszytynaukowepolitechnikiŁódzkiej. 2016. № 1207. – S. 119–129.

[2] Петрушкевич Е. Н. Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику // Белорусский экономический журнал. 2017. № 3. – С. 58–79.

[3] Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. Торгпредство РФ в КНР, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment .

долл., однако весной 2018 г. сделка была отложена, так как у китайской компании не оказалось собственных средств, а внешние заимствования могли подорвать ее финансовую устойчивость[1].

При этом ряд ведущих российских ТНК уже запустил начальные фазы долгосрочных крупных проектов, таких как строительство НПЗ в Тяньцзине компанией «Роснефть». Тем не менее, за пределами двусторонних инвестиционных связей сотрудничества российских и китайских компаний почти нет. На наш взгляд, это обусловлено либо разной мотивацией к прямому инвестированию за рубежом и применяемыми ТНК двух стран стратегиями заграничной экспансии, либо серьезной конкуренцией за освоение ресурсов или завоевание рынков в отсутствие больших возможностей для стратегических альянсов (например, ради технологической кооперации или обмена опытом по работе на данном рынке).

Большая часть российских и китайских прямых инвестиций в странах Центральной Азии пока сосредоточена в нефтегазовом секторе. При этом как раз только в Казахстане есть примеры совместного российско-китайского сотрудничества в освоении ресурсов – в настоящее время северную часть месторождения Кумколь на паритетных началах (в рамках деятельности «Тургай Петролеум») осваивают ведущая частная ТНК России «Лукойл» и китайская «CNPC» (через канадскую дочернюю структуру «PetroKazakhstan»). С 2009 г. «Лукойл» был также совладельцем компании «Caspian Investment Resources», продав в 2015 г. свой 50-процентный пакет китайскому партнеру «Sinopec». Если посмотреть на довольно обширную географию зарубежного бизнеса по разведке и добыче углеводородов у компании «Лукойл», которая в настоящее время включает также Азербайджан, Узбекистан, Ирак, Египет, Норвегию, Румынию, Камерун, Нигерию, Гану и Мексику, там можно увидеть большой перечень партнеров. Помимо местных (обычно государственных компаний), среди них ТНК из США, нескольких стран ЕС, Норвегии, Японии, Турции, даже Малайзии и Ирана, но не Китая. Обычно это связано со стремлением российского инвестора получить опыт бурения на глубоководном шельфе или в других сложных либо нетипичных для России геологических условиях, а подобные технологии китайские партнеры предложить не могут. «Газпром» при освоении зарубежных месторождений также сотрудничает с местным бизнесом и ТНК третьих стран, но только германскими, итальянскими и французскими, а отнюдь не китайскими компаниями. Кооперация российского гиганта с компаниями из ЕС имеет свои корни в многолетнем сотрудничестве по развитию трубопроводов из России в ЕС и соответствующего сбытового хозяйства (подземные газохранилища и др.). Похожая ситуация и у «Роснефти». Как известно, Китай лишь недавно стал рассматриваться российскими компаниями как частичная замена рынков в ЕС.

Большое количество сырьевых компаний-гигантов у России, которые объективно склонны к интернационализации своего бизнеса, равно как и стрем-

[1] Китайская CEFC отложила покупку акций «Роснефти». М.: РБК, 2018. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/13/03/2018/5aa7a31e9a79472076f58c99 .

ление Китая установить контроль над сырьем за рубежом с помощью китайских капиталовложений, обуславливают рост прямых инвестиций обеих стран в самых разных отраслях в развивающихся государствах. Однако, например, в сфере добычи урана, импорт которого важен для дальнейшего развития атомной энергетики и в России, и в Китае, наблюдаются явно не пересекающиеся стратегии экспансии[1]. Так, в 2007 г. подконтрольная государству китайская «Sino-U» создала свое первое зарубежное совместное горнодобывающее предприятие – в Нигере. При этом, помимо местного капитала, партнерами китайской урановой компании выступают южнокорейские и австралийские фирмы. В то же время российский «Газпромбанк» (через свой сырьевой холдинг «GPB Global Resources») вошел в проекты в Нигере в начале 2011 г., получив две лицензии на разведку и добычу урана на участках Тулук-2 и Тулук-4 вблизи города Агадес. Остальные зарубежные проекты в урановом секторе реализует входящая в «Росатом» компания «Атомэнергопром» – в Казахстане, Танзании и США.

В черной и цветной металлургии, алмазной и некоторых других отраслях Россия и Китай выступают скорее как конкуренты. Безусловно, отдельные прямые инвестиции на территории страны-соседа имеются. Так, «РУСАЛ» уже десяток лет владеет катодными заводами в провинции Шаньси стоимостью несколько десятков миллионов долларов, а китайское общество «Лунсин» (принадлежит китайской «Zijin Mining Group») в 2015 г. запустило полиметаллический Кызыл-Таштыгский горно-обогатительный комбинат в Туве, вложив почти за 10 лет строительства около 0,3 млрд долл. Вместе с тем российские ТНК в случае выбора партнеров для освоения зарубежных месторождений или дальнейшей переработки сырья предпочитают местные либо западные компании. Например, «РУСАЛ» в 2007 г. заметно расширил свое зарубежное присутствие в алюминиевом бизнесе, объединив свои активы с глиноземным подразделением швейцарской «Glencore», причем в ряде проектов у него были европейские партнеры. Правда, например, на Ямайке в 2011 г. 35-процентная доля норвежской «Norsk Hydro» была выкуплена, а уже через пять лет все 100 % акций боксито-глиноземного комплекса «Alpart» российский инвестор, испытывавший финансовые трудности, продал китайскому конкуренту «JISCO» почти за 0,3 млрд долл. Явно не планируется кооперация российских и китайских компаний на рынках драгоценных и полудрагоценных камней. Скорее, российская «АЛРОСА» пытается реализовать стратегию по укреплению на рынке КНР, в том числе создав во Владивостоке осенью 2016 г. Евразийский алмазный центр (к работе на российском Дальнем Востоке уже проявили интерес инвесторы из Индии и ЮАР), а также расширяя свое присутствие на рудниках Анголы (помимо местной компании ее партнером выступает португальский бизнес).

В инфраструктурных проектах инвесторы из России и Китая также скорее конкурируют. Китайские компании, как правило, имеют куда большие финансовые ресурсы (в том числе благодаря доступу к дешевым кредитам),

[1] См., например: Корендясов Е. Н. Битва за уран в Сахаре и Сахеле // Индекс безопасности. 2013. № 4. – С. 61–70.

а также многочисленную собственную рабочую силу. Отчасти показательным является проект строительства Никарагуанского канала, хотя перспективы его успешного завершения по-прежнему довольно туманны.

В отраслях обрабатывающей промышленности часто нет возможностей для реального сотрудничества ТНК двух стран по причине разного уровня развития производства в России и Китае. Хорошей иллюстрацией служит производство электроники и электротехники, где действует сразу несколько ведущих китайских ТНК[1]. Однако и в автомобилестроении, химической индустрии или лесопромышленном комплексе не наблюдается совместного инвестиционного освоения третьих стран (при том, что примеры потоков прямых инвестиций между Китаем и Россией имеются). Не происходит такого сотрудничества и в сфере услуг, хотя как российские, так и китайские бизнес-структуры основывают за рубежом банки, развивают компании мобильной телефонной связи, строят транспортные коридоры[2]. Лишь отчасти это связано с готовностью китайского бизнеса (в отличие от западных и российских ТНК) вкладывать средства в политически нестабильные страны при низкой инвестиционной привлекательности отраслей (например, в сельское хозяйство, примитивные отрасли обрабатывающей промышленности, сооружение инженерной инфраструктуры)[3]. При этом китайцы снабжают местных партнеров долгосрочными кредитными ресурсами, а при необходимости обеспечивают свой инвестиционный проект и китайской рабочей силой, тогда как аналогичная стратегия просто недоступна российским компаниям. Есть, однако, примеры и прямой конкуренции – например, в Пакистане между российско-норвежской компанией со штаб-квартирой в Нидерландах «VEON» (до начала 2017 г. «VimpelCom») и подконтрольной государству китайской компанией с регистрацией в Гонконге (Сянгане) «ChinaMobile».

Более того, речь идет не только об отсутствии больших возможностей для сотрудничества китайских и российских ТНК в развивающихся странах. Ведь китайские ТНК все чаще пытаются выйти со своими инвестициями в страны ЕС[4], где российские ТНК активно инвестируют средства уже больше десятилетия. Тем не менее, примеров кооперации (в том числе по преодолению политически мотивированного протекционизма) пока между ними не наблюдается. Если не рассматривать капиталовложения в недвижимость, то среди российских инвестиций в ЕС наиболее заметны проекты в сталелитей-

[1] UNCTAD. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1782; annextable 2.

[2] Например: Оптимизация инвестиционных связей современной России / Под ред. А. В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 120 с.

[3] Ayodele Th., Sotola O. China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment // IPPA Working Paper Series. 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf .

[4] Hanemann Th., Huotari M. A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf .

ной промышленности и нефтепереработке, где партнерами российских ТНК нередко выступают западные компании, а китайские инвестиции сосредоточены, прежде всего, в машиностроении и других отраслях, где возможен доступ к передовым технологиям. В этой связи наиболее интересным представляется пример итальянского производителя шин «Pirelli». Еще в 2011 г. эта компания обзавелась первым совместным с госкорпорацией «Ростех» производственным предприятием в России, а в 2012 г. купила второй завод в стране. В свою очередь в 2014 г., когда уже разворачивалась «война санкций», подконтрольная государству «Роснефть» купила 13,1 % акций итальянской ТНК, дав старт новому сотрудничеству России и Италии в шинной отрасли (причем были даже планы не ограничиваться кооперацией в торговле и новыми производствами в России, организовав совместное предприятие в Армении). При этом уже в 2015 г. контроль над «Pirelli» установила китайская «ChemChina», купив свыше 63 % акций, причем первые 13,1 % акций она купила, как и «Роснефть», через приобретение половины акций совладельца шинного гиганта – фирмы «Camfin». Однако если при покупке 13,1 % акций «Роснефтью» россияне получили сразу несколько мест в совете директоров «Pirelli», то после поглощения итальянской ТНК подконтрольной государству китайской компанией представителей российского бизнеса в совете директоров «Pirelli» вскоре не осталось. Хотя при этом председатель правления российской ТНК И. И. Сечин назвал сделку с китайцами «уникальным примером нового евразийского бизнес-мышления»[1].

По-видимому, при всей шумихе в СМИ относительно конфликта России и Запада культурно-историческая близость россиян и других европейцев перевешивает разрыв в традициях ведения бизнеса, выстраивании «социального капитала» между российскими и китайскими предпринимателями.

Заключение. Таким образом, взаимодействие российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС скорее всего обусловлено политическими факторами. Это не значит, что оно бесперспективно – политическое сближение России и Китая в условиях высокой роли у обеих стран национальных ТНК, подконтрольных государству, может способствовать реализации совместных проектов в странах ЕАЭС. Однако в долгосрочном плане скорее можно ожидать интенсификации российско-китайских инвестиционных связей (с преобладанием китайских капиталовложений в России, поскольку обычно популярный у ТНК мотив снижения трудовых издержек является в данном случае второстепенным). Примеры совместного освоения рынков Казахстана или Киргизии останутся единичными на фоне постепенного усиления именно китайского присутствия. В то же время в Армении и Белоруссии позиции российских ТНК еще долго будут оставаться устойчивыми, а основное конкурентное давление будет исходить от ТНК западных стран, прежде всего из ЕС. Что касается третьих стран, то там ожидать масштабного взаимодействия российского и китайского бизнеса в принципе пока не приходится.

[1] Сечин И. И. Надеюсь, нам удастся принять участие в воплощении в жизнь мечты Энрико Маттеи. Интервью газете «IlSole 24 ore». 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.rosneft.ru/press/today/item/182521/.

Китай как актор международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии

В. С. Кречетова

Введение: постановка проблемы. Северо-Восточная Азия как географический регион охватывает Китай, КНДР и Республику Корею, Монголию, Россию (Сибирь и Дальний Восток) и Японию. Как геополитическая и геоэкономическая структура, она иногда рассматривается в более широких границах, например, включая США[1], как участника региональных процессов, разместивших в Республике Корее и Японии военный контингент в 78,6 тыс. чел.[2], и Тайвань. В настоящем разделе регион рассматривается в узких географических границах для того, чтобы «отделить» его от региона Восточной Азии и иметь возможность сфокусировать внимание на специфичных аспектах международного сотрудничества.

Северо-Восточная Азия занимает почти 1/5 суши Земли, концентрирует чуть более 20 % населения мира и дает немногим менее 1/4 мирового ВВП[3]. Ее экономическое ядро составляют Китай, Япония и Республика Корея – 1-я, 2-я и 11-я экономики мира[4]. Россия, находясь в рейтинге по ВВП на 12-м месте, пока не может считаться здесь одним из ключевых хозяйствующих субъектов: ее основной хозяйственный потенциал находится далеко от региона, а участие во внешней торговле весьма скромное. Страны экономического ядра выступают лидирующими внешнеторговыми партнерами друг для друга, причем в Республике Корее и Японии торговля со странами ядра дает около 1/3 внешнеторгового оборота. В географически дифференцированной внешней торговле Китая ядро региона играет меньшую роль. Согласно данным на 2016 г., для Республики Кореи Китай – главный торговый контрагент, Япония – 3-й; на их долю приходится 31 % внешней торговли страны по стоимости[5]. Похожая ситуация в Японии, для которой Китай – крупнейший торговый партнер, Республика Корея – 3-й; их совокупная доля в объеме внешней торговли страны по стоимости – 27 %[6]. Республика Корея и Япония – 3-й и 4-й внешнеторговые партнеры Китая – совместно дают

[1] Noland M. The Northeast Asia Economy in the 1990s; Economic Outlook and Development Potential // Northeast Asian Economic Cooperation: Perspectives and Challenges. Papers and Procedures of the Regional Forum on Northeast Asian Economic Cooperation. 3–4 September, 1991. Seoul: Korea Institute for International Economic Policy, 1991. – P. 20–49; Gilbert Rozman. Northeast Asia's Stunted Regionalism. – Cambridge University Press, 2004.

[2] Defense Manpower Data Center, USA Office of the Secretary of Defense.[Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.dmdc.osd.mil.

[3] Рассчитано по: The World Bank, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://data.worldbank.org.

[4] Там же.

[5] Рассчитано по: KOSIS Korean Statistical Information Service. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://kosis.kr.

[6] Рассчитано по: Japan Statistical Yearbook 2018. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.htm .

14 % его торгового оборота[1]. Россия и Монголия вносят небольшой вклад во внешнюю торговлю партнеров по региону: Россия дает не более 2 %, Монголия – менее 0,5 %. При этом для Монголии на Китай и Россию приходится 71 % внешней торговли[2], для России – на Китай – 14 %, на Республику Корею и Японию – по 3 %[3].

Двусторонние отношения в регионе. Прочные экономические связи и взаимозависимость в Северо-Восточной Азии не приводят, тем не менее, к образованию регионального экономического или торгового блока, такого, например, как НАФТА, МЕРКОСУР или более тесного объединения, такого как ЕС. Даже формальное установление дипломатических отношений между странами, особенно экономического ядра, произошло сравнительно недавно по историческим меркам (табл. 1). Более того, Япония и Республика Корея не имеют дипломатических отношений с КНДР. Их отсутствие не означает, что контакты между этими странами не поддерживаются: официальные лица Республики Кореи и КНДР проводят встречи в Пханмунджоме, официальные лица Японии многократно посещали КНДР с визитами[4].

Таблица 1. Даты установления двусторонних дипломатических отношений (составлено на основе открытых источников)

Страны	Китай	КНДР	Монголия	Республика Корея	Россия	Япония
Китай		1949	1949	1992	1949	1972
КНДР			1948	-	1948	-
Монголия				1990	1921	1972
Республика Корея					1990	1965
Россия						1855/ 1925/ 1956
Япония						

Отношения между странами Северо-Восточной Азии осложнены большим количеством острых противоречий, которые по генезису условно можно развести на три группы:

Первая – неурегулированные вопросы последствий Второй мировой войны, включая: отсутствие мирных договоров между Японией и КНДР, Японией и Россией; территориальные споры между Россией и Японией (Южные Курильские острова)[1], Японией и Республикой Кореей (острова Лианкур)[2], Японией и Китаем (острова Сенкаку)[3]; неформализованные отношения между КНДР и Республикой Кореей; вопрос о корейских «женщинах для утешения» между Республикой Кореей и Японией[4].

Вторая – другие вопросы общей истории, такие как: именование Японского моря («Восточное море» для Республики Кореи)[5]; вопросы трактовки истории государства Когурё (I в. до н.э. – VII в. н.э.)[6]; вопрос возвращения на родину граждан Японии, похищенных КНДР[7]; вопрос о признании Нанкинской резни Японией[8].

Третья – текущие вопросы безопасности, например, ядерная программа КНДР; размещение противоракетного комплекса подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности (THAAD) в Республике Корее в 2017 г., вызвавшее серьезные осложнения в двусторонних отношениях с Китаем.

Международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные межправительственные платформы. Страны региона активно

[1] Рассчитано по: National Bureau of Statistics of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn .

[2] Рассчитано по: National Statistics Office of Mongolia. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://1212.mn .

[3] Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. – 686 с.

[4] Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/index.html .

[1] Позиция России: Историко-Документальный Департамент МИД России. Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711–1778 гг.) – Информационно-справочные материалы. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://idd.mid.ru ; Позиция Японии: Ministry of Foreign Affairs of Japan. Northern Territories. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/index.html .

[2] Позиция Республики Кореи: Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. The Korean Government's Basic Position on Dokdo. [Электронный источник]. – Режим доступа http://dokdo.mofa.go.kr; Позиция Японии: Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan's Consistent Position on the Territorial Sovereignty over Takeshima. [Электронный источник].– Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/takeshima/index.html .

[3] Позиция Китая: Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. The Issue of Diaoyu Dao [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/diaodao_665718/ ; Позиция Японии: Ministry of Foreign Affairs of Japan. Senkaku Islands. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/senkaku/index.html .

[4] Lee J., Shin H. South Korea Says «Comfort Women» Deal Flawed, but Japan Warns against Change // Reuters. 28.12.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.reuters.com/article/us-southkorea-japan-comfortwomen/south-korea-says-comfort-women-deal-flawed-but-japan-warns-against-change-idUSKBN1EM056 .

[5] Позиция Республики Корея: Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. East Sea. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5435/contents.do ; Позиция Японии: Ministry of Foreign Affairs of Japan. The Issue of the Name of the Sea of Japan . [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/maritime/japan/index.html .

[6] Позиция Республики Кореи: Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5436/contents.do .

[7] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Abductions of Japanese Citizens by North Korea. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/index.html .

[8] Касимова Е. Н. Нанкинская резня 1937 года: восприятие и оценки // Международное Радио Китая (blog). 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://russian.cri.cn/1975/2015/12/11/1s568532.htm .

участвуют в международных экономических, финансовых или многопрофильных объединениях Восточной Азии, АТР и мировых объединениях. Например, все шесть стран – члены Регионального форума АСЕАН, пять из шести – члены недавно созданного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Всемирного банка, Международного валютного фонда (табл. 2). При такой активности в международных многосторонних объединениях на данный момент в Северо-Восточной Азии нет соглашения о свободной торговле, регионального совета по безопасности или другой формы регионального объединения. Другими словами, пока в Северо-Восточной Азии нет межправительственной организации, которая бы одновременно включала все страны, представленные на уровне главы государства/главы правительства; функционировала постоянно с регулярными встречами стран-участниц, покрывала своим мандатом вопросы собственно региона.

Существующие и работающие механизмы не отвечают критериям выше:

– мандат мировых международных организаций не позволяет фокусироваться на вопросах сугубо Северо-Восточной Азии, хотя существуют программы поддержки регионального сотрудничества, например, в рамках Азиатского банка развития;
– ШОС не включает в себя страны Корейского полуострова и Японию;
– шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР были ограничены одной тематикой и уже фактически прекращены;
– Trilateral Cooperation Mechanism не взаимодействует с КНДР, Монголией и Россией;
– Greater Tumen Initiative (Расширенная Туманганская Инициатива, ранее известная как Tumen River Area Development Programme) работает на уровне заместителей министров, что сильно ограничивает ее влияние на ситуацию в регионе и возможности реализации рекомендаций организации в самих странах. К тому же она включает только четыре из стран Северо-Восточной Азии: Япония никогда официально не входила в организацию, КНДР вышла из ее состава в 2009 г.

Из всего списка организаций в Северо-Восточной Азии только Trilateral Cooperation Mechanism и Greater TumenInitiative – организации строго региональные. В рамках трехстороннего механизма Китай, Республика Корея и Япония обсуждают сотрудничество в широком круге вопросов от безопасности и экономического развития до культурного обмена и охраны окружающей среды. Механизм функционирует на нескольких уровнях, высший из которых – главы государств. Текущая обстановка в отношениях трех стран сильно влияет на его работу: например, если в 2008–2012 гг. саммит глав государств проводился ежегодно, то следующий состоялся только в 2015 г. и на 2017 г. больше саммитов не проводилось[1].

Greater Tumen Initiative занимается вопросами транспортного, энергетического, сельскохозяйственного сотрудничества, совместного развития туристского потенциала и привлечения инвестиций. Организация стоит

[1] The Trilateral Cooperation Secretariat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://tcs-asia.org .

Таблица 2.Участие стран Северо-Восточной Азии в отдельных международных и региональных межправительственных объединениях, 2017 г.
(составлено на основе информации сайтов организаций или участвующих органов власти стран-участниц)

Организация/Объединение (год образования)	Китай	КНДР	Монголия	Республика Корея	Россия	Япония
Международные организации						
Asian Development Bank (1966)	1986	–	1991	1966	–	1966
Asian Infrastructure Investment Bank (2015)	2015	–	2015	2015	2015	-
World Trade Organization (1995)	2001	–	1997	1995	2012	1995
International Monetary Fund (1945)	1945	–	1991	1955	1992	1952
Шанхайская организация сотрудничества (2001)	2001	–	наблюдатель	–	2001	-
Trilateral Cooperation Mechanism (China, Japan, ROK, 2009)	2009	–	–	2009	–	2009
World Bank Group (1944)	1945	–	1991	1955	1992	1952
Региональные финансовые инициативы						
Asian Bond Markets Initiative (2002)	2002	–	–	2002	–	2002
Chiang Mai Initiative (2000)	2000	–	–	2000	–	2000
Правительственные региональные форумы и группы						
Asia-Pacific Economic Cooperation (1989)	1991	–	–	1989	1998	1989
Правительственные региональные форумы и группы						
Asia-Pacific Economic Cooperation (1989)	1991	–	–	1989	1998	1989
ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) плюс три (1999)	1999	–	–	1999	–	1999
ASEAN Regional Forum (ARF)	1994	2000	1999	1994	1994	1994
East Asia Summit (2005)	2005	–	–	2005	2011	2005
Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР (2003–2009)	2003	2003	–	2003	2003	2003
Tumen River Area Development Programme/Greater Tumen Initiative (1995/2005)	1995	1995–2009	1995	1995	1995	–
Объединения местных правительств стран региона						
Association of North East Asia Regional Governments (NEAR, 1996)	1996	2002	1998	1996	1996	1996
Саммит местных правительств Северо-Восточной Азии (1994)	1994	–	1994	1994	1994	1994

**Примечание*. В колонках указан год присоединения стран к организации.

особняком среди других международных объединений: созданная на уровне центральных правительств, она курирует вопросы нескольких субнациональных единиц, расположенных в них. Такая структура позволяет, с одной стороны, сосредоточиться на проблемах, специфичных для этой ограниченной территории, с другой – привлечь к их решению центральные правительства. Это важно, так как сотрудничество приграничных регионов требует облегчения визовых формальностей и визового режима, улучшения таможенных процедур и процедур пересечения границ, создания условий для иностранных инвесторов и других подобных вопросов, решение которых не в компетенции органов власти на уровне провинций. Кроме того, развитие транспортной, энергетической и прочей инфраструктуры требует средств, выходящих за рамки региональных бюджетов.

Формирование такой структуры обусловлено историей Greater Tumen Initiative – организация выросла из идеи создания совместной зоны интенсивного освоения в дельте реки Туманной, на стыке границ Китая, КНДР и России; и прошла путь от проекта под эгидой ПРООН[1] до механизма, управляемого странами-участницами[2]. Хотя Инициатива и имеет потенциал вырасти в региональную организацию, сейчас она не может выполнять эту роль из-за низкого уровня представительства, членства только четырех стран и узкого территориального охвата внутри стран. В целом можно предположить, что интенсивному росту регионального сотрудничества препятствуют сложная политическая ситуация и неурегулированность многих спорных вопросов, культурная мозаичность, сильная дифференциация экономических и геополитических интересов, отсутствие страны генератора и лидера; а в чисто прикладном плане – разрозненность представлений о перспективных выгодах и затратность осуществления масштабных проектов. В силу этого ожидать интеграционного прорыва в ближайшее время пока не следует.

Необходимость многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Экономическая и социальная реальность, задача достижения целей устойчивого развития – объективная основа для укрепления сотрудничества между странами Северо-Восточной Азии не только в двустороннем, но и региональном многостороннем формате. Пример проблемы, решение которой требует многостороннего сотрудничества – обустройство транспортного сообщения между северо-восточными провинциями Китая, Республикой Кореей и Японией с тем, чтобы обеспечить внутренние и внешние грузопотоки. Географическая близость старой промышленной базы с пулом относительно дешевой (на 1990-е – начало 2000-х гг.) рабочей силы к странам с технологиями и растущей экономикой на фоне все углубляющихся внешнеторговых связей вдохновляли идею создания трансграничных производственных цепочек. Эта концепция особенно заманчива для правительства и бизнеса Республики Кореи, так как, с одной стороны, в провинции Цзилинь проживает корейское

[1] Гулидов Р. В. Проект «Туманган»: Вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. – С. 90–108.

[2] Greater Tumen Initiative. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.tumenprogramme.org/?list-1524.html .

меньшинство, которое, владея родным и китайским языками, может быть посредником между корейскими предпринимателями и компаниями, а также, китайскими властями и работниками. С другой стороны, сильные экономические и гуманитарные связи провинции со свободной экономической зоной Расон в КНДР создают потенциальную возможность сотрудничества Республики Корея с КНДР в этом районе. Произведенная продукция теоретически может потом реализовываться как в Китае, Республике Корее или Японии, так и перемещаться железнодорожным транспортом в Европу с существенной экономией времени по сравнению с морскими перевозками. У деловых кругов Японии вызывает живой интерес вариант быстрой доставки товаров в Европу и Китай через порты Дальнего Востока России. Эти соображения в свое время породили намерение организации зоны совместного развития в дельте реки Туманной и привели к образованию Greater Tumen Initiative.

Функционирование таких трансграничных производственных цепочек требует отлаженной работы транспорта. В начале 2000-х гг. транспортный подкомитет организационного комитета North-East Asia Economic Conference (Ниигата, Япония), состоящий из представителей официальных лиц стран Северо-Восточной Азии (за исключением КНДР), предложил 9 транспортных коридоров в регионе: 1. «Ванино–Тайшет», 2. «Сибирский сухопутный мост», 3. «Суйфэньхэ», 4. «Реки Туманной», 5. «Далянь», 6. «Тяньцзинь–Монголия», 7. «Китайский сухопутный мост», 8. Западный транспортный коридор на Корейском полуострове, 9. Восточный транспортный коридор на Корейском полуострове[1]. Было рекомендовано развивать инфраструктуру и перевозки по этим коридорам согласованно и совместно.

Для эффективной и бесперебойной работы этих коридоров должна не только быть построена современная транспортная и логистическая инфраструктура достаточной пропускной способности. Запутанные или требующие чрезмерного количества сопроводительной документации процедуры пересечения границы грузами и транспортными средствами могут свести на нет выгоды от качества железно- и автодорожной сети, портов и терминалов. Процедуры становятся особенно серьезной проблемой, если вызывают длительные и, даже что еще более важно, непредсказуемые задержки на границах или в пунктах оформления грузов.

Конфигурация транспортных коридоров в Северо-Восточной Азии такова, что, например, чтобы попасть из портов Владивостока, Находки или Восточного на территорию Китая, грузы должны пересечь 2 раза российскую границу, причем пункты въезда и выезда находятся на расстоянии менее 250 км, а если груз прибывает в порт Зарубино, то процедуры контроля нужно проходить дважды ради провоза груза на менее чем 70 км.

Страны Северо-Восточной Азии ставят перед собой задачу развития туризма по маршрутам, которые включали бы не менее трех стран региона. Однако, если взять за пример гипотетический маршрут «провинция Цзилинь – свободная экономическая зона Расон – Приморский край – провинция

[1] Northeast Asia Economic Conference Organizing Committee, Transport Subcommittee. Vision for the Northeast Asia Transportation Corridors // ERINA. Booklet. 2002. Vol. 1.

Цзилинь» или возможный, поддерживаемый властями корейской провинции Канвондо и китайской провинции Цзилинь маршрут «Дунхэ – паром до Владивостока – провинция Цзилинь», то туристам потребуется виза для транзита по Приморскому краю; большое количество формальностей для ее получения может заставить их выбрать другие маршруты или отказаться от посещения региона.

Сотрудничество на уровне отдельных регионов стран Северо-Восточной Азии. Многостороннее сотрудничество чрезвычайно востребовано для того, чтобы согласовать проекты развития инфраструктуры, выработать оптимальные для сторон процедуры и снизить инвестиционные риски. Эта необходимость стимулирует правительства субнациональных единиц (области, провинции, префектуры, аймаки, города и специальные экономические зоны) стран Северо-Восточной Азии к самостоятельному выходу на международную арену. На данный момент функционирует несколько механизмов (см. табл. 2). Из них самый представительный по числу участников – Association of North East Asia Regional Governments. На начало 2018 г. в ассоциацию входили 77 региональных правительств из всех шести стран Северо-Восточной Азии[1]. Члены ассоциации обсуждают существующие проблемы, инвестиционные проекты и занимаются обменом информацией и опытом по многим вопросам экономического и гуманитарного сотрудничества: от добычи минеральных ресурсов, медицинских услуг и рыболовства до развития спорта и охраны детства. Большое количество участников ассоциации и широта обсуждаемого круга проблем могут ограничивать возможности каждого отдельного правительства – члена в лоббировании своих интересов и проектов, и затруднять процессы принятия решений и общую эффективность организации. В результате наиболее активные на международной арене субъекты (например, провинция Канвондо Республики Кореи, которая входит в несколько объединений местных провинций, принимает Зимние Олимпийские игры–2018) инициируют создание других механизмов.

Примером такого узкого механизма служит Саммит местных правительств Северо-Восточной Азии, с 1994 г. регулярно проводящийся провинцией Цзилинь (Китай), провинцией Канвондо (Республика Корея), Центральным аймаком (Монголия), Приморским краем (Россия) и префектурой Тоттори (Япония). Губернаторы регионов ежегодно встречаются для обсуждения совместных проектов по развитию экономики, туризма, культуры, детских и молодежных обменов и охране окружающей среды.

В 2011 г. власти субнациональных единиц стран-участниц Greater Tumen Initiative согласовали и создали Greater Tumen Initiative Northeast Asia Local Cooperation Committee как платформу, дополняющую взаимодействие центральных правительств в рамках Инициативы. Комитет не только помогает более полно представить потребности и лоббировать помощь центральных правительств в решении задач, стоящих перед провинциями, но и официально привлечь к диалогу регионы Японии и КНДР, которые не могут формально участвовать в работе комитетов непосредственно Инициативы. Комитет ставит своей целью разработку совместных проектов по развитию транспорта, туризма и культурного обмена в Северо-Восточной Азии и привлечение к их реализации центральных правительств стран-участниц.

[1] The Association of North East Asia Regional Governments. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.neargov.org .

Заключение. Северо-Восточная Азия – важный в экономическом и политическом плане регион мира, в котором, несмотря на развитые внешнеторговые связи и сильную экономическую взаимозависимость, слабо развиты интеграционные процессы. Сложившейся ситуации способствовали многие факторы, главный из которых – сложная общая история и багаж накопленных противоречий. Тем не менее, потребности развития стран Северо-Восточной Азии требуют диалога для развития региональной транспортной системы, упрощения трансграничных процедур, обеспечения стран энергоресурсами и укрепления безопасности в регионе. Непосредственно сталкивающиеся с проблемами, вызванными отсутствием многостороннего диалога, правительства субнациональных единиц стран Северо-Восточной Азии пытаются заполнить вакуум, создавая многосторонние платформы на своем уровне. Особенно активны в этом процессе регионы Северо-Восточного Китая, Республики Кореи и западного побережья Японии, которые видят выгоду для своих экономик в создании эффективной и надежной транспортной системы на территории от портов российского Дальнего Востока до Северо-Восточного Китая и севера КНДР.

Саудовская Аравия в ближневосточной политике КНР

Г. Н. Валиахметова, М. А. Герман

Введение: постановка проблемы. В XXI в. набирает динамику процесс перераспределения геополитических позиций между наиболее влиятельными государствами мира. В число мировых лидеров уверенно выдвинулся Китай, который уже стал второй по величине экономикой мира и, по оценкам экспертов, может стать первой еще до середины XXI в. Вместе с тем КНР предстоит преодолеть немало препятствий на пути к экономическому лидерству. В их числе проблемы технологического, социального, демографического, экономического, экологического характера, политические конфликты в Синьцзяне и Тибете и вопрос Тайваня, объективные сложности утверждения в качестве крупнейшей державы в системе международных экономических отношений. Встраивание во внешний мир политически – более серьезный вызов для Китая, поскольку у страны нет ни отработанных внешнеполитических моделей, ни опыта активного политического взаимодействия с миром, при этом имеется целый комплекс неразрешенных территориальных споров с государствами Восточной и Южной Азии. Открытым остается и вопрос о перспективах совмещения официальной коммунистической идеологии с всепроникающими западными ценностями и традиционным конфуцианским мировоззрением.

Тем не менее следует признать, что к началу XXI в. КНР превратилась не только в региональную (в масштабах Большой Восточной Азии), но и глобальную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а китайский фактор оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов.

Выходя на новые измерения внешней политики, китайское руководство продвигает идею о новом возвышении Поднебесной и трансформации ее в «ответственную великую державу». Одним из основных очагов соперничества геополитических гигантов XXI в. остается Ближний Восток в силу его выгодного географического положения и внушительных запасов углеводородов, способных удовлетворить возрастающие потребности интенсивно развивающейся экономики КНР. В этой связи политическую и академическую актуальность приобретает вопрос об особенностях выстраивания отношений КНР с ключевыми игроками Ближневосточного региона.

Королевство Саудовская Аравия (КСА) представляет особый интерес для Поднебесной. Во-первых, оно обладает самыми крупными в мире высококачественными нефтяными ресурсами и имеет сильные позиции в ОПЕК, что позволяет ему влиять на формирование мировых цен на нефть. Во-вторых, КСА – один из региональных «тяжеловесов» (наряду с Ираном, Турцией и Израилем), действия которого в значительной степени определяют политический климат на Ближнем Востоке. В-третьих, это ключевой игрок на Арабском Востоке и в мусульманском мире; арабский мир является для КНР восьмым по объемам торговым партнером, крупнейшим экспортным рынком, седьмым по величине источником импорта товаров. В-четвертых, КСА – влиятельный участник ряда международных организаций: Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС)[1] и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)[2].

Обращение к истории развития китайско-саудовских отношений и анализу их специфики на современном этапе приобретает исключительную практическую значимость в свете перманентного ухудшения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке. На протяжении XX–XXI вв. регион остается самым нестабильным в мире, что априори препятствует полноценному включению ближневосточных стран в систему международного сотрудничества. Утрата управляемости международными процессами, кризис и разрушение национальных государств и идентичностей, обострение и растекание конфликтов, гуманитарные катастрофы, экспансия терроризма, повышение роли факторов силы и случайности – Ближний Восток не только демонстрирует эти и другие тренды глобального развития, но и сам в немалой степени генерирует их, экстраполируя на глобальный уровень[3].

[1] В 1969–2011 гг. – Организация Исламская Конференция (ОИК).

[2] 田文林：《中国在伊朗的利益评估》, 载《国际研究》 (Тянь Вэньлинь. Оценка интересов Китая в Иране // Международные исследования. Август, 2014). – С. 4–5.

[3] Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, август 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://valdaiclub.com/files/11593/ .

Осмысление истории становления и развития межгосударственных связей КНР и КСА позволяет ответить на вопрос, почему Пекину и Эр-Рияду удалось не только преодолеть идеологические разногласия, которые на протяжении 40 лет препятствовали взаимному дипломатическому признанию двух стран, но и вывести свои отношения на уровень стратегического партнерства, причем в рекордно короткие исторические сроки. Данный раздел также является попыткой внести определенный вклад в оживленные научные и политические дискуссии о целевых установках внешней политики КНР и методах ее реализации на различных этапах исторического развития страны и в условиях современности.

Комплексный характер ближневосточной политики КНР предопределил применение в данной работе общенаучных, а также традиционных методов исторических и политических исследований в рамках системного и многофакторного подходов. Источниковой основой работы стали материалы сайтов МИД КНР и информационных агентств, позволяющие проанализировать нормативно-правовую базу китайско-саудовского взаимодействия и выявить его специфику. В работе также использованы публикации китайских, арабских, российских и американских экспертов, посвященные различным аспектам политики КНР на Ближнем Востоке.

Специфика взаимодействия КНР и КСА в условиях биполярного мира. Саудовское королевство первым из арабских государств установило дипломатические отношения с Китаем в 1939 г., но Вторая мировая война не позволила перевести их в практическую область. Подписанный 15 ноября 1946 г. Договор о дружбе тоже не получил продолжения в связи с начавшейся в Китае Гражданской войной[1]. Вместе с тем позитивный опыт взаимодействия с правительством Чан Кайши способствовал тому, что КСА в числе немногих государств мира официально признало КР легитимным представителем китайской нации. Политическому сближению Тайбэя и Эр-Рияда, кроме того, способствовали наличие общего союзника в лице США и идеологическая несовместимость с коммунистической КНР, ориентировавшейся на сотрудничество с СССР. Стремление Тайваня к развитию связей с КСА также объясняется значимой ролью саудовской нефти в обеспечении энергетической безопасности острова (порядка 40 % нефтяного импорта). Поэтому саудовское направление являлось ключевым в ближневосточной политике Тайбэя, но последняя имела ограниченные масштабы в силу преимущественной ориентации общей внешней политики Тайваня на США[2].

[1] Al-Tamimi, Naser. China – Saudi Arabian Relations. Economic Partnership or Strategic Alliance. Durham: Durham University, 2012. – P. 3.

[2] Wang T. Y. Competing for friendship: The two Chinas and Saudi Arabia. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927 . Только 8 из 24-х стран Ближнего Востока установили дипломатические отношения с Тайванем, но в 1971–1990 гг. прервали их (КСА, Кипр, Иордания, Иран, Ливан, Кувейт, Ливия, Турция). К 1991 г. торговые представительства Тайваня сохранились в КСА, Бахрейне, Кувейте, Омане, ОАЭ, Иордании, Турции и на Кипре.

КНР тоже остро нуждалась в международном признании, и ее внешняя политика также формировалась исходя из интересов национальной безопасности. Пекин, первоначально взявший курс на сотрудничество с СССР, довольно быстро осознал уязвимость КНР в условиях биполярной системы и преимущества международной поддержки со стороны Третьего мира, где набирали силу национально-освободительные движения. Первой дипломатической победой Китая на этом пути стала Конференция стран Азии и Африки в Бандунге 1955 г., когда предложенные им «пять принципов мирного сосуществования» легли в основу итоговой Декларации[1]. Конференция положила начало активному включению КНР в международные политические и экономические процессы, в том числе на Ближнем Востоке. Интерес Пекина к данному региону был обусловлен не только его внушительным нефтяным потенциалом, но и стратегическим расположением на стыке Европы, Азии и Африки. Контроль недружественных Китаю великих держав над этими территориями расценивался китайскими лидерами как серьезная угроза безопасности страны, поэтому они призывали к невмешательству внешних сил в дела региона и оказывали поддержку местным политическим движениям антиимпериалистической направленности. В результате уже 1956 г. три ближневосточных государства – Сирия, Йемен и Египет – обменялись дипмиссиями с КНР. Однако для КСА и КНР разнонаправленность их идеологий и внешнеполитических стратегий в условиях «холодной войны» стала серьезным препятствием для сближения[2].

Разворот во внешней политике Пекина, который в 1969 г. окончательно рассорился с Москвой и взял курс на нормализацию отношений с Вашингтоном, позволил КНР совершить прорыв на международной арене. В 1971 г. КНР стала полноправным членом ООН и постоянным членом СБ ООН, заняв в этой ведущей международной организации место Тайваня как единственного и законного представителя китайской нации. Рост значимости Китая в мировой политике и установление дипломатических отношений с США в 1979 г. способствовали стремительному продвижению КНР на Ближний Восток[3].

[1] Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, 24 апреля 1955 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168321 . «Пять принципов мирного сосуществования», предложенные премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем на Бандунгской конференции, соответствовали стратегии расширения связей КНР с внешним миром и предусматривали взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование.

[2] Wang T. Y. Competing for friendship. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927; 吴冰冰：《从中国与海湾八国关系的发展看"中阿合作论坛"》，载《阿拉伯世界研究》(У Бинбин. Китайско-арабский форум сотрудничества с точки зрения развития отношений между Китаем и восемью государствами Персидского залива // Исследования арабского мира. Январь 2011). – С. 13.

[3] Ismail, Norafidah Binti. The Political and Economic Relations of the People's Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), 1949–2010. PhD Thesis. University of Exeter, 2011. – P. 3.

Хотя к 1989 г. Саудовская Аравия осталась единственной ближневосточной страной, воздержавшейся от дипломатического признания КНР, идеологические барьеры уже не являлись непреодолимым препятствием для развития двусторонних связей. Несмотря на то, что коммунистические лидеры Китая продолжали считать Саудовское королевство теократической монархией феодального типа, Пекину импонировала способность Эр-Рияда проявлять независимость в принятии внешнеполитических решений. Так, в 1950–1960-е годы представители КСА в ООН сохраняли нейтралитет в вопросах статуса Тайваня в ООН, признания КНР агрессором в Корейской войне и других международных инициатив США антикитайской направленности. В свою очередь, в англо-саудовском споре о территориальной принадлежности оазиса Бурайми 1951–1974 гг. КНР поддерживала КСА как государство, противостоящее империализму и справедливо отстаивающее свои суверенные права. Пекин также высоко оценивал роль Эр-Рияда в организации исламистского сопротивлении вводу советских войск в Афганистан в 1979 г.[1].

В конце 1970-х гг. КНР в рамках политики реформ открытости стала активно налаживать связи с КСА, используя методы, которые продемонстрировали свою эффективность в странах Африки и Латинской Америки. Развитие неофициальных личных контактов на уровне спортсменов, журналистов, представителей мусульманского духовенства и деловых кругов внесло существенный вклад в формирование атмосферы доверия между КНР и КСА. Пекин восстановил паломничество китайских мусульман в Мекку и Медину, стал финансировать реконструкцию мечетей, издание Корана и хадисов, санкционировал взаимодействие Всекитайской ассоциации мусульман с ОИК, делегация которой сопроводила свой первый визит в Китай в 1981 г. щедрым пожертвованием в 500 тыс. долл. В том же году саудовские бизнесмены приняли участие в Кантонской торговой ярмарке, открыв для китайских товаров двери на саудовский рынок. Дипломатические реверансы Пекина в поддержку саудовских инициатив в вопросе арабо-израильского урегулирования подготовили почву для первых межгосударственных контактов на высшем уровне. В октябре 1981 г. на полях международного форума в Канкуне (Мексика) состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна с наследным принцем Фахдом. Годом позже в составе арабской делегации «Комитета семи» Пекин посетил министр иностранных дел КСА принц Сауд аль-Фейсала, который стал первым саудовским государственным деятелем, официально принятым в КНР[2].

Активизация связей КНР с мусульманским миром в 1980-е годы в значительной степени была обусловлена возрастающими энергетическими потребностями набиравшей обороты китайской экономики. Положение усугубля-

[1] Wang T. Y. Competing for friendship. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927.

[2] Ibid.; Пахомова М. А. Китай и Саудовская Аравия: история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980–2010) // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2012. – С. 201–202.

лось истощением крупнейшего национального нефтяного месторождения Дацин, ограниченной доступностью нефтяных ресурсов Юго-Восточной Азии (в связи с военными и гражданскими конфликтами в Индокитае) и СССР (в связи с китайско-советским расколом)[1]. Инициированное КСА военно-техническое сотрудничество с КНР[2] тоже логично вписывалось в политику реформ Дэн Сяопина: военный экспорт обеспечивал стране приток валюты, необходимой для оплаты нефтяного импорта. Развитие экономических связей с Эр-Риядом приносило Пекину и весьма существенные политические дивиденды, способствуя охлаждению отношений между КСА и Тайванем[3].

В этой связи заведующий Центром изучения Ближнего Востока Китайского института международных исследований Ли Гофу отмечает: «В 1950-х годах роль Китая на Ближнем Востоке в основном заключалась в поддержке арабских режимов против империализма и колониализма, в 1970-х годах арабские страны рассматривались как основная сдерживающая сила советского влияния в регионе. В 1980-х годах начинает складываться новая внешнеполитическая доктрина КНР, по настоящий момент являющаяся мощной базой все возрастающей внешнеполитической активности»[4]. Приоритетной целью внешней политики Пекина стало обеспечение благоприятных внешних условий для форсированной модернизации КНР.

Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярной системы международных отношений способствовали углублению и расширению китайско-саудовского взаимодействия. Обмен торговыми миссиями и подписание двустороннего Меморандума о взаимопонимании в 1988 г. запустили финальную фазу процесса взаимного признания, завершившегося 21 июля 1990 г. установлением дипломатических отношений между КНР и КСА.

Особенности сотрудничества КНР и КСА в постбиполярную эпоху. Отличительной чертой нового этапа в развитии китайско-саудовских отношений стали многочисленные контакты на высшем уровне, которые способствовали продвижению взаимовыгодных экономических связей. Так, при непосредственном участии Председателя КНР Цзян Цзэминя и короля Саудовской Аравии Фахда ибн Абдул Азиза Аль-Сауда в 1990 г. была учреждена межгосударственная Комиссия по экономическому, торговому и техническому сотрудничеству. Открытие в 1997 г. Обществ китайско-саудовской дружбы расширило двустороннее взаимодействие в сфере образования, культуры и информации[1].

В 1999 г. состоялся первый в истории визит китайского лидера в Саудовскую Аравию. В ходе переговоров под председательством Цзян Цзэминя, короля Фахда и наследного принца Абдаллы были подписаны многочисленные соглашения и документы, в том числе Меморандум о взаимопонимании в сфере энергетики, который подводил юридическую основу под «стратегическое нефтяное партнерство» КНР и КСА[2]. «Это было событие, имеющее большое значение для двух стран, – отмечает ведущий российский эксперт по китайско-арабским отношениям М. А. Пахомова. – Во-первых, в его рамках было заключено соглашение на 1,5 млрд долл. о строительстве в КСА крупного нефтеперерабатывающего завода и поставках саудовской нефти в Китай в объеме 10 млн т ежегодно на протяжении ближайших 50 лет. Во-вторых, было провозглашено установление «отношений стратегического сотрудничества» между двумя странами в области энергетики. В продолжение военной линии сотрудничества китайская сторона также предложила поставить КСА на этот раз уже межконтинентальные баллистические ракеты дальностью до 5,5 тыс. км. Правда, под давлением США Эр-Рияд был вынужден впоследствии отказаться от этой сделки»[3].

В 1990–2000 гг. общая стоимость китайско-саудовской торговли возросла на 643 %, а объем нефтяных поставок КСА в КНР увеличился на 6721 %[4]. В 2000-х гг. основной вектор взаимодействия Китая и Саудовской Аравии смещается в сферу энергетики. В 2004 г. китайская нефтехимическая корпорация «Sinopec» выиграла тендер на разработку газового месторождения в КСА, обойдя американских конкурентов[5]. В 2005 г. КСА стала главным нефтяным поставщиком Китая (22,2 млн т), а объем двусторонней торговли превысил 16 млрд долл.[6]. Развитие связей с КСА, являющейся системообразующим элементом ССАГПЗ, способствовало продвижению китайских энергетических интересов в странах Персидского залива. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и свободной торговле, подписанное КНР и ССАГПЗ в 2005 г., гарантировало бесперебойность нефтяных поставок из зоны Залива, а также снижало таможенные тарифы и упрощало передвижение товаров, капиталов и услуг[7].

---

[1] Ким В. С. Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). – С. 56–57.

[2] Возросшие потребности КСА в вооружениях были обусловлены дестабилизацией военно-политической ситуации в регионе в связи с Ирано-иракской войной (1980–1988 гг.). После отказа США увеличить военные поставки Эр-Рияд переориентировался на закупку китайского оружия.

[3] Wang T. Y. Competing for friendship. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.thefreelibrary.com/Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.-a015016927

[4] Цит. по: Политика Китая к арабским странам // Strategy Links. 12.10.2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.strategy-links.com/news/china_uae_1.html

[1] Мухина С. В. Стратегия энергетической безопасности Китая // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2007. – С. 202.

[2] Al-Tamimi, Naser. China – Saudi Arabian Relations. – P. 4–5.

[3] Пахомова М. А. Китай и Саудовская Аравия. – С. 204.

[4] Ismail, Norafidah Binti. The Political and Economic Relations. – P. 2..

[5] Mufson S. As China, US Vie for More Oil Diplomatic Friction May Follow // The Washington Post. April 15, 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/14/AR2006041401682.html

[6] 伍庆玲：《从不同视角分析中国和阿拉伯国家关系的发展变化》，载《西亚非洲》（У Цинлин. Анализ эволюции китайско-арабских отношений с другого ракурса // Западная Азия и Африка. 2012). – С. 159.

[7] Пахомова М. А. Китай и Саудовская Аравия. – С. 205.

Январь 2006 г. ознаменовался первым в истории китайско-саудовских отношений визитом саудовского короля Абдаллы в Пекин. Спустя три месяца в ходе ответного визита в Саудовскую Аравию Ху Цзиньтао выразил готовность к дальнейшему всестороннему развитию «стратегического партнерства» КНР и КСА в рамках концепции «гармоничного развития Ближнего Востока»[1]. В 2008 г. КНР и КСА подписали коммюнике «Об укреплении китайско-саудовских отношений и усилении стратегического сотрудничества». Важный вклад в поддержание атмосферы доверия был внесен Саудовской Аравией в мае 2008 г., когда Эр-Рияд пожертвовал 60 млн долл. на ликвидацию последствий разрушительного землетрясения в Сычуане, оказав Пекину самую крупную финансовую помощь[2]. Визит Ху Цзиньтао в Эр-Рияд в 2009 г. не только активизировал китайско-саудовский диалог в энергетической, медицинской, образовательной и других сферах, но и придал импульс развитию связей КНР с арабскими странами в многосторонних форматах ЛАГ, ОИС, ССАГПЗ и Форума китайско-арабского сотрудничества[3]. В 2013 г. Пекин включил арабский мир в свою новую экономическую инициативу «Один пояс – один путь»[4], и уже через год на Китайско-арабском форуме был представлен первый проект[5]. В 2015 г. товарооборот между КНР и КСА достиг 5,17 млрд долл. и удвоился за первый квартал 2016 г.[6].

Особое значение для развития китайско-саудовских отношений имел визит Си Цзиньпина в Эр-Рияд в рамках ближневосточного турне 19–23 января 2016 г.[7]. Стороны подписали совместное Коммюнике о всестороннем стратегическом партнерстве, а также 15 соглашений о сотрудничестве в различных областях,

[1] Ismail, Norafidah Binti. The Political and Economic Relations of the People's Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA). – P. 3; Антипов К. События на Арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. – С. 4.

[2] 伍庆玲：《从不同视角分析中国和阿拉伯国家关系的发展变化》，载《西亚非洲》(У Цинлин. Анализ эволюции китайско-арабских отношений с другого ракурса // Западная Азия и Африка. 2012). – С. 159.

[3] 中国同沙特阿拉伯的关系, 外交部 (Китайско-саудовские отношения // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/

[4] 中国政府发布首份对阿拉伯国家政策文件, 新华网 (Китайское правительство опубликовало первую часть доклада о политике в арабском мире // Агентство Синьхуа. 13.01.2016). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/2016-01/13/c_1117766467.htm

[5] 习近平出席中阿合作论坛第六届不长级会议开幕式并发表重要讲话, 新华网 (Си Цзиньпин посетил Китайско-арабский форум сотрудничества и выступил с речью на церемонии открытия шестого совещания министров // Агентство Синьхуа. 05.06.2014). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-06/05/c_1111002498.htm

[6] 中国同沙特阿拉伯的关系, 外交部 (Китайско-саудовские отношения // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/

[7] К этому времени новый лидер Китая уже посетил все регионы мира, кроме Ближнего Востока. Запланированный на весну 2015 г. дипломатический тур Си Цзиньпина был отложен в связи с началом военной кампании КСА против хуситов и дестабилизацией ситуации в регионе.

в том числе в рамках «пояса и пути»[1]. «Sinopec» и саудовская национальная нефтегазовая корпорация «Saudi Aramco» утвердили план расширения совместного нефтеперерабатывающего завода Ясреф, крупнейшего китайского проекта в регионе. Инвестиционное взаимодействие распространилось на атомную энергетику: к 2022 г. КНР обязалась построить в КСА первую АЭС и еще 15 – к 2032 г. Сумма проекта составила 2,43 млрд долл.[2].Значимость нового направления сотрудничества КНР и КСА – в ядерной энергетике – подчеркнул визит саудовского наследного принца Мухаммеда бен Салмана в Пекин в августе 2016 г., в ходе которого стороны также подписали 15 соглашений и меморандумов о взаимопонимании в различных сферах[3]. В рамках обсуждения совместных ядерных проектов саудовский министр энергетики Халид аль-Фалих выразил готовность поддержать инициативы Китайской национальной корпорации по атомной энергетике в области научных исследований и разработки ядерных технологий, добычи урана и строительства АЭС[4]. На новый уровень вышло и военно-техническое сотрудничество: КСА стала первой арабской страной, закупившей новейшие разработки КНР – дроны «Винг Лунг»[5].

Взаимовыгодный характер китайско-саудовских отношений и их роль в глобальных процессах современности были отмечены на саммите G-20 в сентябре 2016 г. стратегическая программа модернизации КСА «Vision-2030», ориентированная на постепенный переход страны в постнефтяную эру, в том числе путем развития высоких технологий, органично вписывается в китайскую инициативу «пояса и пути». Успех реформ Мухаммеда бен Салмана окажет позитивное влияние не только на мировую экономику, но во многом может определить вектор развития исламского фактора мировой политики[6].

2016 г. был также отмечен продвижением китайско-саудовского диалога в рамках многосторонних форматов взаимодействия КНР с арабскими странами. В ходе уже упомянутого ближневосточного турне Си Цзиньпина была согласована Дорожная карта сотрудничества КНР и ЛАГ[7]. 12 мая 2016 г. в Дохе

[1] 中国同沙特阿拉伯的关系, 外交部 (Китайско-саудовские отношения // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/

[2] China strengthens economic relations with the Middle East // Saudi Gazette. February 3, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette.com.sa/business/china-strengthens-economic--relations--with--the--middle--east/

[3] Saudi Arabia, China seal 15 deals // Arab News. August 29, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.arabnews.com/node/977551/saudi-arabia

[4] 15 pacts to boost Sino-Saudi ties // Saudi Gazette. August 31, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/15-pacts-boost-sino-saudi-ties/

[5] Saudi Arabia buys high-tech China drones // Arab News. September 1, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.arabnews.com/node/978446/saudi-arabia

[6] Economic ties with China a key positive measure // Saudi Gazette. September 11, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette.com.sa/opinion/economic-ties-china-key-positive-measure/

[7] 外交部长王毅谈习近平主席访问沙特、埃及、伊朗和阿盟总部, 外交部 (Министр иностранных дел КНР Ван И рассказывает о визите Си Цзиньпина в Саудовская Аравию, Египет, Иран и штаб-квартиру Лиги арабских государств // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/xgxw_676866/t1334451.shtml

КНР и ЛАГ подписали Договор о сотрудничестве, который зафиксировал общность позиций государств-участников по вопросам региональной безопасности, урегулирования палестинской проблемы, ядерного нераспространения, противостояния терроризму и др.[1] В июне Китайско-арабский форум утвердил совместный «План действий на 2016–2018 гг.»[2].

В ходе визита вице-премьера Госсовета КНР Чжана Гаоли в Эр-Рияд в августе 2017 г. было подписано свыше 60 соглашений в сфере инвестиций, торговли, энергетики, масс-медиа и т.д. на сумму порядка 70 млрд долл. В числе новых совместных инициатив – проекты опреснения морской воды с использованием высокотемпературных газоохлаждаемых реакторов, развития технопарка в Джизане и строительства электростанции в западном прибрежном городе Рабиг[3].

Новые черты приобретает и уже вышедшее на уровень стратегического партнерства нефтяное сотрудничество КНР и КСА. После включения юаня в корзину мировых валют, китайская национальная валюта используется в двусторонней торговле КНР с Пакистаном, Ираном, Турцией, Россией и рядом других стран. Теперь и Эр-Рияд рассматривает возможность перевода части расчетов за нефтяной экспорт в китайские юани в целях сокращения дефицита госбюджета. Если примеру саудитов последуют другие нефтедобывающие страны Персидского залива, юань со временем может стать реальной альтернативой доллару США как глобальной резервной валюте[4]. Серьезную обеспокоенность в Вашингтоне вызывает и намерение китайских нефтегазовых гигантов«Petro China» и «Sinopec» приобрести 5 % акций «Saudi Aramco». И хотя этой доли недостаточно для продвижения

[1] 中国—阿拉伯国家合作论坛第七届部长级会议多哈宣言, 2016年5月12日 多哈, 外交部 (Седьмое совещание на уровне министров Китайско-арабского форума сотрудничества, Доха, 12 мая.2016 г. // Министерство иностранных дел КНР). 12.05.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/wjk/bzjhywj/dqjbzjhy/t1374608.htm .

[2] 中国—阿拉伯国家合作论坛2016年至2018年行动执行计划, 外交部(План действий Китайско-арабского форума сотрудничества на 2016–2018 гг. // Министерство иностранных дел КНР). 23.06.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/dqjbzjhy/t1374586 .

[3] Gao C. Closer Ties: China And Saudi Arabia Sign $70 Billion in New Deals // The Diplomat. August 27, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://thediplomat.com/2017/08/closer-ties-china-and-saudi-arabia-sign-70-billion-in-new-deals/; China, Saudi Arabia agree to build energy cooperation mechanisms // Xinhua. August 25, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554476.htm; China-Saudi Arabia cooperation to enter more fruitful era, broad consensus reached on key projects // Xinhua. August 25, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554724.htm .

[4] Saudis may seek funding in Chinese yuan // Reutres. August 24, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-saudi-china/saudis-may-seek-funding-in-chinese-yuan-idUSKCN1B413R; Gergawi M. China Is Eyeballing a Major Strategic Investment in Saudi Arabia's Oil // Foreign Policy. October 26, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://foreignpolicy.com/2017/10/26/china-is-eyeballing-a-major-strategic-investment-in-saudi-arabias-oil/ .

нефте-юаней, она, тем не менее, может стать чувствительным инструментом воздействия Пекина на Эр-Рияд[1].

Сдерживающие факторы развития китайско-саудовских отношений на современном этапе. Высокий конфликтный потенциал Ближнего Востока, нестабильность военно-политической обстановки в регионе, соперничество КСА и Ирана за региональное лидерство, активное вмешательство внерегиональных игроков в ближневосточные дела – эти и другие факторы создают целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами.

«Арабская весна», охватившая Большой Ближний Восток в 2011–2013 гг., продемонстрировала относительно слабый политический вес КНР в региональной системе международных отношений. Несмотря на впечатляющие результаты экономической экспансии, Китай оказался не готов играть активную роль в ближневосточной политике в силу своей жесткой приверженности принципу невмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также из-за опасений вызвать негативную реакцию нефтяных монархий Персидского залива в случае поддержки массовых протестных настроений. Существенный экономический урон, нанесенный китайским компаниям в период «арабского пробуждения», по сути, свидетельствовал об отсутствии у Китая эффективных политических и военных инструментов для защиты своей глобальной бизнес-империи. Это вынудило Пекин поставить вопрос о внесении корректив в свои внешнеполитические принципы и взять курс на превращение КНР в сильного внерегионального игрока на Ближнем Востоке[2]. Статус постоянного члена СБ ООН и дружественные отношения с ключевыми региональными державами, в первую очередь с соперничающими между собой Саудовской Аравией и Ираном, и облегчают и в то же время осложняют решение этой довольно непростой для Китая задачи. Дипломатический тур Си Цзиньпина по Ближнему Востоку в январе 2016 г. с посещением суннитских стран (КСА, Египет) и шиитского Ирана подчеркнул нейтральную позицию КНР в межконфессиональных конфликтах в регионе[3].

Одним из самых затяжных региональных конфликтов остается палестино-израильское противостояние, которое в последние десятилетия приобрело тупиковый характер. Китай последовательно отстаивает законное право палестинского народа на самоопределение и выступает за мирное урегулирование проблемы на международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции СБ ООН и Арабскую мирную инициативу. По мнению китайских лидеров, результатом подобных усилий мирового сообщества

[1] China offers to buy 5 percent of Saudi Aramco directly: sources // Reuters. October 16, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://uk.reuters.com/article/uk-saudi-aramco-ipo-china/exclusive-china-offers-to-buy-5-percent-of-saudi-aramco-directly-sources-idUKKBN1CL1WX;

[2] Китай и арабские революции // Forbes. 01.12.2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/rynki/77050-kitai-i-arabskie-revolyutsii

[3] Yellinek R. China's New Position on the Middle East // BESA The Bejin-Sadat Center for Strategic Studies. September 11, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://besacenter.org/perspectives-papers/363-yellnik-chinas-new-position-middle-east

должно стать создание независимого палестинского государства в границах 4 июня 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме и решение проблемы беженцев. Помимо дипломатической поддержки, Пекин оказывает Государству Палестина, находящемуся на стадии формировании, существенную финансовую помощь. Политика КНР в палестинском вопросе по многим параметрам совпадает с позицией КСА и Ирана[1], но не находит понимания со стороны Израиля и США[2].

Также последовательно КНР выступала в СБ ООН против антииранских санкций, считая ядерную программу Ирана исключительной мирной экономической инициативой. Позиция Пекина не омрачает его отношения с Эр-Риядом (который усматривает в ядерных амбициях Тегерана прямую угрозу суннитам), поскольку КНР активно включилась в создание атомной отрасли в Саудовском королевстве. О прагматическом подходе КНР и КСА к вопросам двусторонних отношений свидетельствует и Сирийский кризис, в котором Пекин и Эр-Рияд остаются по разные стороны баррикад без ущерба для взаимного сотрудничества. Конфликт в Сирии с ее географическим расположением в центре Ближнего Востока и угроза фрагментации страны по иракскому и ливийскому сценариям не оставляет шансов на реализацию китайского проекта Нового Шелкового пути. Поэтому Пекин, в отличие от КСА, поддерживает правительство Б. Асада и призывает к урегулированию Сирийского кризиса мирными средствами под эгидой ООН в рамках международного права.

В Йеменской войне КНР выступает в защиту законного правительства, которому КСА оказывает военную поддержку, в противоположность Ирану, отстаивающему права хуситов. Схожесть позиций Пекина и Эр-Рияда в Йеменском кризисе в значительной степени обусловлена тем, что обе страны уже получили с него внушительные дивиденды, прежде всего приобретя права на строительство собственных военных баз в Джибути. Для Китая эта первая зарубежная военная база является звеном в «нити жемчуга» – опорных пунктов экономической экспансии от Южно-Китайского моря до Северной Африки. Активное строительство вдоль этой линии военной инфраструктуры КНР в первую очередь нацелено на обеспечение безопасности нефтяных поставок, жизненно важных для китайской экономики[3]. «На этом пути Китай,

[1] КСА и Иран отстаивают право палестинцев на самоопределение, но в отношении Израиля Эр-Рияд последние годы придерживается более умеренной позиции, в то время как Иран продолжает призывы «стереть Израиль с лица земли».

[2] Israel's International Relations: Israel-China Relations. August, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/ChinaIsraelRelations.html; 联合国投票通过巴勒斯坦为观察员国, BBC中文网(ООН проголосовала за принятие Палестины в качестве страны-наблюдателя // BBC). 12.11.2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2012/11/121129_un_palestine_vote.shtml

[3] Laft G. China's New Grand Strategy for the Middle East // Foreign Policy. January 26, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://foreignpolicy.com/2016/01/26/chinas-new-middle-east-grand-strategy-iran-saudi-arabia-oil-xi-jinping/ ; Braude J. Why China and Saudi Arabia Are Building Bases in Djibouti // The World Post. August 14, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/joseph-braude/why-china-and-saudi-arabi_b_12194702.html .

с одной стороны, сталкивается с угрозой международного терроризма, с другой – соперничает с США, однако военный конфликт США и Китая на отдельных участках «нити жемчуга» маловероятен», – считает российский эксперт П. Каменнов. – Здесь сложные взаимоотношения, но могучим аргументом является наличие между ними масштабных экономических связей, которые Китай обращает в свою пользу»[1]. Вместе с тем развитие китайско-саудовских отношений происходит с определенной оглядкой Пекина и Эр-Рияда на США.

Заключение. Политика КНР на Ближнем Востоке обусловлена интересами национальной безопасности, спецификой международных отношений и раскладом сил на глобальной и региональной аренах. В условиях «холодной войны» разнонаправленность внешнеполитических приоритетов, приверженность различным концепциям государственного строительства и идеологические противоречия стали серьезным препятствием для развития китайско-саудовских отношений, которые, тем не менее, развивались в формате неофициальных личных и групповых связей по инициативе и при негласной поддержке руководства КНР. Возросший авторитет Китая на международной арене и стремительный рост его экономического потенциала на фоне распада биполярного мира способствовали углублению и расширению китайско-саудовского взаимодействия, что подготовило благоприятные условия для взаимного дипломатического признания КНР и КСА в 1990 г.

В постбиполярном мире отношения Пекина и Эр-Рияда демонстрируют впечатляющую динамику развития. В двусторонней повестке дня доминируют экономические, прежде всего энергетические интересы, на реализацию которых, по сути, и нацелены другие направления взаимодействия в сфере политики, культуры, науки и образования, религии и т. д. В свою очередь, прочный политический фундамент и атмосфера доверия между КНР и КСА позволили вывести отношения двух держав на уровень стратегического партнерства, в основе которого лежат интересы взаимовыгодного энергетического сотрудничества.

Нестабильность военно-политической обстановки в регионе вынуждают КНР балансировать на противоречивых интересах многочисленных факторов ближневосточной политики (системных, вне- и антисистемных, региональных и внерегиональных). Соперничество за лидерство на Ближнем Востоке между двумя региональными «тяжеловесами» – Саудовской Аравией и Ираном – усугубляет и без того сложную военно-политическую обстановку в регионе и создает целый комплекс препятствий для Пекина, выстраивающего систему взаимовыгодных связей со всеми ближневосточными странами. Сбалансированная политика Китая обусловлена стремлением Пекина избежать вовлечения в региональные конфликты или оказаться в открытой конфронтации с Вашингтоном. Об эффективности действий китайской ди-

[1] Цит. по: Эффект присутствия: зачем Китай создает военную базу в Африке // RT. 14.07.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/408742-chyornaya-zhemchuzhina-zachem-knr-voennaya-baza-v .

пломатии свидетельствует, например, тот факт, что и Саудовская Аравия, и Иран, несмотря на свои геополитические противоречия, заинтересованы в увеличении политического участия КНР в региональных делах, в том числе в качестве противовеса США. Выстраивание Китаем стратегического диалога с Саудовским королевством, одним из двух главных (наряду с Израилем) региональных союзников Вашингтона, способствует росту китайско-американского соперничества, которое, однако, носит скрытый характер и вряд ли выйдет на уровень открытого противостояния.

В целом борьба Китая за мировое лидерство – не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратагемного мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован на мировое цивилизационное доминирование «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая – не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию. Соответственно политика КНР на Ближнем Востоке в целом, и на саудовском направлении, в частности, в обозримой перспективе вряд ли выйдет за рамки выстроенной к настоящему времени системы сдержек и противовесов, взаимных уступок и компромиссов, позволяющих Пекину успешно решать вопросы экономической модернизации КНР путем развития взаимовыгодных отношений с ближневосточными странами.

«Новая» эмиграция как фактор «мягкой силы» Китая[1]

А. В. Фельде

Введение: постановка проблемы. Миграция, являясь частью процесса глобализации, стала особенно заметным явлением современного мира с конца XX в. Она влияет на политическое, социальное, демографическое и экономическое развитие стран, на межгосударственное взаимодействие и процессы в международном сообществе. Вместе с тем, рост миграции вызывает обострения проблем безопасности и преступности, которые проявляются в виде нелегальной миграции, торговли людьми, терроризма и ксенофобии. Данный вопрос привлекает внимание международных организаций, правительств разных стран, научных сообществ и общественности.

По информации МОМ, в 2015 г. насчитывалось 244 млн лиц, проживающих за пределами стран происхождения[2], что равно примерно 3 % населения

[1] Раздел составлен по материалам магистерской диссертации Фельде А. В. «Новая» китайская миграция как фактор модернизации КНР. Екатеринбург: УФУ, 2015. – 122 с.

[2] Приведенная оценка не учитывает незаконных или нерегулярных мигрантов.

Земли[1]. Китай традиционно является одним из крупнейших поставщиков мигрантов. За границей обосновались десятки миллионов этнических китайцев. Благодаря крепким экономическим позициям в странах проживания, мигранты принимают активное участие во внутрикитайских процессах, тем самым внося существенный вклад в развитие страны. Китай – один из динамично растущих участников международных миграционных процессов с большим потенциалом. Большая численность и высокая плотность населения вкупе с иными факторами – объективная «платформа» для массовой эмиграции, для которой стали доступны широкие возможности после снятия ограничений на выезд из КНР с началом реформ открытости. Традиционно принято считать, что китайцы долгое время проживают за пределами родины. Не многие задумываются над тем фактом, что около половины всей современной китайской диаспоры составляют лица, эмигрировавшие из страны после 1978 г. Появление так называемых «новых» мигрантов оказало влияние на уже существующие диаспоры и представления о китайцах во всем мире. Такие мигранты сыграли значительную роль и в развитии самого Китая. Именно они стали не только значимой силой в модернизации страны, но и связующим звеном между КНР и внешним миром.

Активное включение Китая в мировую экономику, вызванное экономическими успехами за последние десятилетия, многочисленность зарубежной китайской диаспоры, а также рост исходящих потоков мигрантов вызывают некоторые опасения и фобии по поводу возможных последствий у стран-реципиентов. Китайская миграция, являясь значительным демографическим явлением, влияет на страны приема, постепенно внося изменения в демографическую структуру населения и экономическую обстановку посредством восполнения недостатка рабочей силы и квалифицированных специалистов. С другой стороны, она обостряет проблемы социальной дестабилизации и криминализации (активность китайских трансграничных преступных синдикатов, появление китайской теневой экономики и т. д.). Следовательно, неоднозначно и отношение к китайским мигрантам принимающих обществ.

С точки зрения Пекина внешняя миграция рассматривается не только как объективный процесс, но и как средство решения вопросов развития страны, поэтому ситуация с миграционной политикой в Китае находится под пристальным вниманием и контролем со стороны государственных органов. Опыт китайского правительства по этому вопросу заслуживает тщательного изучения. Влияние «новой» миграции на развитие Китая имеет исключительную ценность как для определения направлений его дальнейшего социально-экономического роста, так и для подтверждения роли страны в международных политических, экономических и демографических процессах.

Массовый интерес к теме китайской миграции в России и за рубежом появился в 1990-е годы, когда огромное количество выходцев Поднебесной отправилось в разные страны, тем самым вызвав обсуждение перспектив ми-

[1] International Migration Report, 2015. N.Y.: U.N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2016.

грации, и ее влияния на страны-реципиенты. Вопрос «новой» миграции первоначально стал предметом анализа в публицистике и научной периодике, поскольку именно этот формат позволял своевременно отреагировать на происходящие изменения. К настоящему времени число научных исследований, посвященных феномену, остается сравнительно скромным. Среди них особое место занимают две коллективные монографии: П. Нири и И. Савельева «Глобализация китайской миграции: тенденции в Европе и Азии»[1] и книга под редакцией М. Туно «По ту сторону чайна-таунов: новые китайские мигранты и глобальная экспансия Китая»[2], которые содержат анализ китайской эмиграции и взаимодействия КНР с зарубежными диаспорами. В статьях ряда китайских авторов (например, Хун Лю, Ф. Пике, Цзай Лян, Чжуан Готу, Сян Бяо и др.) освещаются размер и структура «новой» миграции, приводятся основные характеристики мигрантов, отображаются изменения за последние десятилетия в их социально-экономическом статусе; оцениваются перспективы процесса. Некоторые из работ посвящены отдельным аспектам «новой» китайской миграции: образовательной, трудовой, нелегальной[3].

В целом изучение существующей зарубежной и отечественной литературы позволяет выделить два основных теоретических подхода в рассмотрении явления: неолиберальный и реалистический. К сторонникам первого можно отнести большинство западных, а также гонконгских исследователей. Причинами увеличения миграции они считают расширение процессов глобализации, интенсификацию мобильности и вовлеченность стран в международную экономическую кооперацию. Государству становится сложно контролировать трансграничные потоки, в частности, даже КНР не в силах справиться с проблемами нелегальной миграции. Поэтому требуется коллективное участие разных стран в решении данных вопросов. Индивидуальная мобильность граждан обосновывается их навыками и способностями, потому как если их ценность кажется недостаточной для местного рынка, то они оказываются «лишними» мигрантами или «отвергнутыми гражданами». Сторонники политического реализма рассматривают эмиграцию со стороны государственных интересов КНР, объясняя текущие миграционные процессы необходимостью решения проблемы занятости населения и созданием каналов поступления современных технологий и капитала в экономику страны. Данный подход характерен преимущественно

[1] Nyiri P., Saveliev I. Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia. London, 2003.

[2] Beyond Chinatown: New Chinese Migration And The Global Expansion Of China. Ed. by M. Thuno.Copenhagen,2007.

[3] Pieke F. N. Editorial Introduction: Community and Identity in the New Chinese Migration Order // Population, Space and Place. 2007. № 13. – P. 81–94; ○○20 ○○○○○○○○○○○○○○ (Размышления о нескольких особенностях китайской миграции в последние 20 лет). 1997. № 2. –P. 1–6; Zai Liang. Demography of Illicit Emigration from China: A Sending Country's Perspective // Sociological Forum. 2001. Vol. 16. N 4. –P. 677–701; Xiang Biao. Emigration from China: A Sending Country Perspective // International Migration. 2003. Vol. 41, N 3. –P. 21–48; Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China. 2005. Vol. 43. –P. 291–316.

для китайских авторов, которые отдают главенствующую роль в этих процессах государству.

Фактологическая база данного исследования опирается на три группы источников. К первой относятся правовые акты, официальные документы и материалы, интервью, речи, заявления официальных лиц КНР, представителей центральных и региональных органов власти Китая. Вторая – статистические материалы, включая отчеты о социально-экономическом развитии КНР за 1980–2012 гг., ежегодники КНР 1996–2013 гг., обеспечиваемые Государственным комитетом статистики Китая. Но официальная статистика не всегда целостно отражает текущую ситуацию по причине существующего в КНР государственно-правового режима, а по отдельным показателям (например, количество зарубежных китайцев) она вовсе отсутствует. Определенные пробелы восполняют данные, предоставляемые другими организациями, например, Верховным комиссаром по делам беженцев ООН, МОТ. Третья группа источников включает в себя материалы газет и информационных агентств. Повседневную информацию по проблемам «новой» миграции предоставляют многие китайские газеты: «Дзинхуа шибао»[1], «Чайна Дэйли»[2], «Бэйдзин жибао»[3], «Женмин жибао»[4] и т. д.

Ретроспективный анализ внешней китайской миграции, история которой насчитывает более двух тысяч лет. Первые упоминания о ней восходят к эпохе династий Цинь и Хань в 221–220 г. до н. э.; когда китайские переселенцы направлялись по Шелковому пути на запад и по морю на восток[5]. В этот период перемещения имели нерегулярный характер. О полноценном процессе китайской миграции стоит говорить только с начала VII в. Во время эпохи династии Тан и Южная Сун (618–1279 гг.) существенная масса населения Китая начала концентрироваться на юго-востоке страны из-за внутренних трудностей, вследствие чего возникли серьезные проблемы, связанные с перенаселенностью и недостатком земель. Все это принуждало безземельных крестьян, ремесленников и купцов отправляться в Юго-Восточную Азию в поисках заработков. Многие остались на территории нынешних Сингапура, Индонезии, Малайзии, Вьетнама, Таиланда и Филиппин. Они образовали первое поколение зарубежных китайцев. Их общее количество насчитывало более 100 тыс. чел. Торговцы уезжали продавать текстиль, чай, фарфор, металл и покупать специи, сандаловое дерево, лекарственные травы и т. д.[6].

Во время династий Юань и Мин (1271–1644 гг.) расширялась география морских путей и внешней торговли. Однако в период династии Мин (1368–1644 гг.) были позволены только официальные и санкционированные

[1] Дзинхуа шибао. [Электронный источник].– Режим доступа: http://www.jinghua.cn/ .

[2] Чайна Дэйли. [Электронный источник].– Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/ .

[3] Бэйдзин жибао. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bjd.com.cn/ .

[4] Женмин жибао. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.people.com.cn/ .

[5] The Chinese Overseas. Ed. by Hong Liu.

[6] 海上丝路与中国古代的海外移民 (Морской шелковый путь и китайская миграция в древности) // China Review News. 11.08.2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://gb.chinareviewnews.com/crn-webapp/doc/docDetailCreate.jsp/ .

государством морские рейсы и торговые миссии. Частная торговля была запрещена. Китайские купцы, находившиеся в момент выхода запрета за рубежом, не могли вернуться на родину и были вынуждены обосноваться за пределами Китая. Более того, в результате введения данной меры все большая часть торговцев оставалась за границей на постоянное место жительство, что содействовало образованию устойчивых позиций китайского капитала в экономиках стран Юго-Восточной Азии. С приходом в регион в XVI в. европейцев китайцы стали посредниками между ними и местными жителями. По мере расширения европейской колонизации в Юго-Восточной Азии активизировалась и китайская миграция в регион. Произошли изменения в социальной структуре зарубежных китайских диаспор. Китайцы заняли четыре основные позиции колониальной экономики: откупщиков по сбору налогов и пошлин, посредников в торговле между местным населением и европейцами, финансистов (ростовщиков) и рабочих (в основном на добыче олова и каучука). К концу XVI в. голландская Ост-Индская компания начала торговать перехваченными в море китайскими рабочими. Таким образом, первые китайские кули появились в Юго-Восточной Азии[1].

Период правления династии Цин (1644–1911 гг.) отличается всплеском массовой эмиграции, особенно в Сиам. Если в начале XVII в. китайское население здесь составляло около 3 тыс. чел., то в 1821 г. – уже более 700 тыс.[2]. Китайские диаспоры имелись уже в 30 странах. Хотя точных количественных данных нет. По одним источникам, к 1840 г. общее количество, проживающих за границей китайцев, составило более 1 млн чел.[3]. По другим – их число только в Юго-Восточной Азии оценивалось в 1,5 млн чел.[4]. Отношение властей к внешней миграции в этот период многократно изменялось. В начале XVIII в. Цинское правительство запретило зарубежную торговлю и миграцию для того, чтобы предотвратить финансирование и возвращение повстанческих сил династии Мин. Тем не менее торговцы, в особенности из прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь, регулярно нарушали запрет, развивая торговлю в Юго-Восточной Азии. Только в XIX в. Цинское правительство провело границу между мятежниками и торговцами, жившими за границей. Смягчение государственной политики относительно зарубежных китайцев во второй половине XIX в. вызвало очередную волну массовой эмиграции[5]. Отметим, что именно в это время появилось новое определение зарубежных китайцев – *хуацяо*. Ранее иероглиф 侨 «цяо» использовался применительно к аристократическим семьям, государственным служащим и ученым, уезжавшим с земли предков.

[1] 吴凤斌主编 (История хуацяо в ЮВА). Фучжоу, 1994. – P. 282.

[2] 中国人移民东南亚的四次大潮 (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в ЮВА) // 南洋问题研究 (Центр исследований ЮВА). 2008. № 1. – P. 71.

[3] История миграции китайцев за рубеж // Управление иностранных дел в провинции Анхуи.18.04.2008. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ahie.gov.cn/show.php?type=qwgzl&id=1208517887 .

[4] Структура китайского населения в ЮВА// Центр исследований ЮВА. 2008. № 1. – С.70.

[5] H. Le Bail, Wei Shen. The Return of the «Brains» to China. P., 2008. – P. 10.

Во время опиумных войн Китай стал основным источником трудовых ресурсов для США, Юго-Восточной Азии, Австралии и Южной Африки. По их окончании началась массовая миграция кули. Отдельные рабочие оставляли Китай как свободные мигранты, самостоятельно покупая билет и выбирая место работы. Большая часть из них уехала на золотые прииски в Австралию, Новую Зеландию, Северную Америку. За период «золотой лихорадки» (1848–1855 гг.) лишь в Сан-Франциско прибыло почти 472 тыс. китайцев[1]. Другие уезжали через рекрутинговые агентства в качестве контрактных рабочих, подписав соответствующий договор. Кто-то выезжал по кредитной системе, тогда их дорога оплачивалась работодателем, а работник обязан был отработать указанную сумму за определенный срок. Число кули, вывезенных из Китая на работу во второй половине XIX в., составило около 5 млн чел.[2].

В 1872 г. Цинское правительство приняло постановление об отправке молодежи на обучение за границу в целях приобретения передовых знаний и помощи в модернизации страны. Это стало началом массовой образовательной миграции. По оценке китайских специалистов, общее количество мигрировавших из Китая за 1840–1941 гг. превысило 10 млн чел. или около 100 тыс. в год. Большую часть мигрантов составляли выходцы из южных провинций, прежде всего Гуандун и Фуцзянь. Они считали себя хуацяо и были преданы Китаю и китайской культуре[3]. Правительство Китая ответило на массовую миграцию в конце XIX в. созданием системы консульств в местах массового пребывания китайских мигрантов.

В начале XX в. массовая миграция из Китая продолжилась. В период Первой мировой войны более 100 тыс. китайцев из Шанхая, провинций Шаньдун и Чжэцзян поступили на службу в союзные войска Антанты[4]. После 1920 г. число мигрантов из Китая уменьшилось. Были установлены выездные визы, что существенно усложнило процедуру выезда за границу. В сочетании с дискриминационной миграционной политикой государств-реципиентов на Западе это стало причиной снижения уровня эмиграции из Китая. Все же сохранялась традиционные потоки в страны Юго-Восточной Азии. За период 1922–1939 гг. из Китая эмигрировало 5,5 млн чел., преимущественно в страны Юго-Восточной Азии. Во время экономического кризиса 1930-х гг. предприятия многих хуацяо разорились, и зарубежные китайцы принялись возвращаться на родину. В 1931–1934 гг. в Китай имел положительный баланс внешней миграции[5].

[1] Бирюков В. И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983. – С. 10.

[2] 中国人移民东南亚的四次大潮 (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в ЮВА). – P. 72.

[3] 中国海外移民的基本情况 (Основные моменты китайской миграции за рубеж).中国网 (Китайский информационный центр). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.china.com.cn/node_7000058/200704/01 /content_8044053.htm .

[4] Pan L. Sons of the Yellow Emperor. – P. 78.

[5] 中国人移民东南亚的四次大潮 (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в ЮВА).– P.74.

После создания Китайской Народной Республики в 1949 г. была установлена система регистрации по месту жительства хукоу, которая обеспечила жесткий контроль передвижения граждан внутри страны; а также выездных виз. В пору Культурной революции (1965–1976 гг.) любой выезд за границу с личными целями воспринимался как предательство родины, соответственно, число эмигрантов почти свелось к нулю. Единственной возможностью покинуть страну оставался выезд за границу на обучение, а также в рамках программ экономической помощи другим странам. В 1949–1960 гг. студенты направлялись в СССР и другие социалистические государства. За этот период на обучение выехало более 10 тыс. чел.; и основная их часть после обучения вернулась на родину. К началу 1970-х гг. 14 тыс. китайских инженеров и технических специалистов было направлено в Танзанию по каналу предоставления экономической помощи[1].

В 1949–1978 гг. увеличение китайской диаспоры происходило главным образом за счет мигрантов из Тайваня, Гонконга (Сянгана), Макао (Аомэня), рожденных за рубежом китайцев, а также в результате вторичной миграции из стран Юго-Восточной Азии. Последнее связано с волной дискриминации, насилия и ксенофобии по отношению к этническим китайцам, возникшей в 1960–1970-е гг. Вектор миграции изменился в сторону Северной Америки, Австралии и Западной Европы. За рассматриваемый период китайское население в Европе выросло в шесть раз, а в Северной и Южной Америке – в семь раз (табл. 1).

Таблица 1. Численность зарубежных китайцев в мире и по континентам в 1948 1978 гг., тыс. чел.
(составлено по: The population of Modern China. N.Y., L., 1992. – P. 134–135)

Годы	Всего в мире	Азия	Северная и Южная Америка	Европа	Океания	Африка
1948	8 271,2	8 379,7	209,0	53,8	63,8	14,9
1952	12 536,2	12 228,5	203,9	11,6	60,9	31,3
1955	14 126,7	13 745,1	266,0	13,8	69,4	32,4
1960	15 385,2	14 880,1	406,6	15,8	42,2	40,6
1962	16 359,2	15 803,7	443,9	20,5	48,2	42,9
1965	17 563,5	16 931,4	449,7	34,1	50,8	47,4
1968	18 298,1	17 542,5	551,6	62,1	61,4	50,4
1970	19 293,8	18 342,6	711,2	112,1	68,5	59,4
1973	21 063,4	19 999,1	789,9	141,6	68,9	63,9
1975	22 025,5	20 758,7	926,4	187,5	74,7	68,1
1978	24 037,3	22 066,8	1 497,1	322,2	77,5	73,7

[1] Skeldon R. Migration from China // Journal of International Affairs. 1996. Vol. 49. N 2. – P. 442.

Феномен «новой» миграции – результат существенных трансформаций, происходивших в социальной, экономической и политической сфере Китая с началом эпохи реформ открытости в 1978 г.

Одна из основных предпосылок активизации процесса массовой эмиграции из КНР – сложная демографическая ситуация. Это признается значительным количеством ученых. Высокий уровень рождаемости под лозунгом «многочисленное население – большая сила», рост экономики, совершенствование бытовых и санитарных условий и др. содействовали динамичному увеличению численности населения в 1949–1981 гг. Несмотря на введенную в 1979 г. политику «одного ребенка», он продолжился в 1990-х и начале 2000-х гг. При этом 70 % населения сосредоточено на 40 % территории, в бассейне рек Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян[1]. Существенная аграрная перенаселенность – один из основных факторов миграции и внутри Китая, и за его границы. Так, в 1981 г. по общей людности городские территории уступали сельской местности в четыре раза, а по объему трудовых ресурсов – в три раза.

В течение продолжительного времени внутренняя мобильность населения в КНР была ограничена регистрацией по месту жительства. Именно постепенная либерализация этой системы, а также устранение народных коммун и переход на семейный подряд с лишением работы значительной части сельских жителей, стали причиной массовых перемещений граждан из села в город. С 1990 г. по 2000 г. численность сельских жителей, перебравшихся в город, выросла с 21 млн до 122 млн чел.[2]. В соответствии с докладом Госсовета о ситуации в деревне, к концу 2006 г. число трудовых ресурсов на селе составило 530 млн чел. при необходимости 200 млн. Избыточная рабочая сила направлялась в города[3]. Продолжающийся процесс урбанизации также стал причиной роста безработицы, в том числе и в городах.

Безработица представляет собой одну из ключевых проблем современного китайского общества, и снижение ее уровня – приоритетная задача в рамках проведения модернизации государства. К 2010 г. официальный уровень безработицы в городах составил 4 %[4]. Но его расчет очень далек от совершенства. В частности, никоим образом не учитываются выходцы села, ищущие работу; а их число составляет около 150 млн чел.[5]. Еще одна причина

[1] Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. М., 2008. – С. 200.

[2] Hugo G. Changing Diaspora: Recent Trendsin Migration between China and Australia. // Chinese Southern Diaspora Studies. 2008. Vol. 2. –P. 83.

[3] Исследование вопросов и мер в отношении вывоза Китаем рабочей силы// 中国论文下载中心 07.07.2009. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.studa.net/renliziyuan/090707/14395273.html .

[4] Liu Yanbin. Demographic Change and International Labor Mobility Implications for Business and Social Development in China // Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region/ Seoul, 24-26 March 2010. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pecc.org/component/eventlist/detaiIs/121-kopecdemographic-change-and-international-labor-mobility-in-the-asia-pacific-region .

[5] Ming Tsui. International Migration and Free Market Reform in China // All Academic. 2005. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.allacademic.com//meta/p_mla_apa_research_citation/0/1/8/6/7/ .

высвобождения рабочей силы – реструктуризация городской экономики[1]. Проблема трудоустройства остро встала и для миллионов выпускников вузов. В последние годы процент выпускников, получавших распределение по окончании обучения в вузе, сокращается, параллельно увеличивается число безработной молодежи. Такая ситуация способствует «выталкиванию» за рубеж лишней рабочей силы для поиска любой работы, с одной стороны, а с другой – наиболее талантливых людей, специалистов для обретения наиболее высокооплачиваемых мест труда.

По ходу реализации реформ и экономической модернизации увеличивался уровень жизни населения. Согласно информации Всемирного Банка, быстрый рост китайской экономики вывел из бедности более 500 млн чел.[2]. В 1978–1997 гг. в КНР доход на душу населения в городе увеличился в два раза, а жителя сельской местности – в три–четыре раза[3]. Накопление материального базиса вкупе с существенной либерализацией многих сторон жизни и значимым увеличением доступности информации стали толчком для появления в китайском обществе так называемого «зарубежного жара», который выразился в резком возрастании зарубежных поездок с целью туризма, работы, обучения и проживания. Особо весомую лепту в этот процесс внесли отдельные регионы страны. Так, провинции Фуцзянь и Чжэцзян издавна «специализируются» на поставке внешних мигрантов. Здесь сформировалась культура миграции, сложилась своего рода «народная вера» в эмиграцию как шанс к успеху, установилась тесная связь с диаспорой в разных странах. Отработанный столетиями механизм и развитая инфраструктура взывают все новых переселенцев идти по стопам их предков и уезжать за рубеж для начала «лучшей жизни»[4].

Касаемо политических причин, можно отметить, что как таковая миграция из Китая по идеологическим убеждениям является редким явлением. Официальная статистика по этому вопросу отсутствует. Тем не менее исследователи сходятся во мнении, что более массовая политическая миграция появилась после сдерживания демократических выступлений в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, когда некоторым из инакомыслящих удалось сбежать в другие страны, а другую часть после тюремного заключения выслали из страны под давлением США во второй половине 1990-х гг.[5].

[1] Реформы государственных предприятий 1990-х годов привели к наличию на рынке труда большого числа безработных специалистов. Только в 1999 г. с государственных предприятий были уволены более 6 млн чел. В связи с этим получил распространение термин сяхай, означающий ситуацию, в которой в большей степени перспективные и квалифицированные специалисты трудоустраивались в частные зарубежные компании. См.: Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. – С. 351.

[2] Ducanes G. and Manolo A. Prospects for future outward migration flows: China and Southeast Asia // Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration (Working paper №24). Bangkok, 2009. – P. 15.

[3] Хоу Вэньчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции. – С. 123.

[4] Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe. –P. 19.

[5] Галенович Ю. М. Прав ли Дэн Сяопин, или китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000. – С. 5.

КНР запретил выезд из страны для диссидентов и политических активистов, поэтому основной процент прошений на политическое убежище за границей связан с ограничением рождаемости в КНР или преследованиями на религиозной почве (существенную часть из них составили последователи секты Фалуньгунь и их родственники)[1]. Иной причиной появления за границей китайских беженцев являются основные внутренние конфликты Китая: тибетский и уйгурский. По информации Управления верховного комиссара ООН, в 2007 г. в мире было отмечено более 160 тыс. китайских беженцев, 45 тыс. из них – в США, 16 тыс. – в Канаде и 80 тыс. – в Индии[2]. На фоне общего потока миграции из Китая представленные цифры достаточно малы.

Масштабы, структура и география «новой» миграции. По разным оценкам, ее объем исчисляется от нескольких сотен тысяч до 1,5 млн чел. в год. Согласно подсчетам американского профессора Дж. Голдстоуна (J.Goldstone), в 1980-е – начале 1990-х гг. ежегодно страну покидало 180 тыс. чел.; из них приблизительно 20 % на нелегальной основе[3]. Схожие данные за этот же период предоставляет китайский профессор Чжуан Готу, указывая на 1,425 млн чел., уехавших в развитые страны, и 100–200 тыс. чел. – в развивающиеся (Таиланд, Филиппины, Индонезия и Малайзия)[4]. В докладе ООН официальными мигрантами из Китая в 1990 г.считаются 380 тыс. чел., в 2000 г. – 513 тыс.[5]. По данным ряда экспертов, каждый год число китайских эмигрантов составляло примерно 560 тыс. чел[6]. С начала XXI в., по оценкам ООН, отмечается резкий рост их числа в принимающих странах (табл. 2). Показательно и впечатляюще, что за время реформ с 1978 г. китайская диаспора в мире увеличилась практически вдвое: с 18–24 млн до 40 млн чел.[7].

Известно, что ареал проживания зарубежных китайцев включает более 150 стран мира, но около 70 % их сосредоточено в государствах Юго-Восточной Азии[8]. Пространственные приоритеты «новой» миграции – развитые экономики Азии (Япония, Республика Корея), Америки (США, Канада) и Европы (табл. 3). Стоит обратить внимание на резкий рост китайской миграции в начале

[1] Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe. –P. 35.

[2] UNHCR Statistical Yearbook 2007 – Annex. N.Y., 2008. – P. 77.

[3] Цит. по: P. Smith. Human smuggling: Chinese migrant trafficking and the challenge to America's immigration tradition. Washington, D.C., 1997. – P.63.

[4] 对襟20年华人国际移民活动的继继烤炉 (Размышления о нескольких особенностях китайской миграции в последние 20 лет. Исследования по выезжающим китайцам). 1997. № 2. – P. 3.

[5] International Migration Report. N.Y., 2002.

[6] Есть и более значительные оценки. МИД КНР, ссылаясь на американские данные, заявляет о более чем 18 млн чел., мигрировавших за границу с началом реформ открытости в 1970-х гг. По подсчету тайваньских ученых, численность китайской диаспоры за два последних десятилетия XX в. увеличивалась ежегодно на 2,4 %.

[7] The Chinese Overseas. Ed. by Hong Liu. – P. 1–6; Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. – С. 8–9; Beyond Chinatown: New Chinese Migration and the Global Expansion of China. Ed. By M. Thuno. Copenhagen, 2007. – P.2.

[8] 中国海外移民的基本情况 (Основные моменты китайской миграции за рубеж) // Газета Китая. 01.04.2007. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.china.com.cn/node_7000058/2007-04/01/content_8044053.htm .

Таблица 2. Рост численности уроженцев Китая в странах приема «новой» миграции в начале XIX в.
(составлено по: Graeme Hugo. Changing Diaspora: Recent Trends in Migration between China and Australia // Chinese Southern Diaspora Studies. 2008. Vol. 2. –P. 86)

Страны	Численность уроженцев Китая, тыс. чел. по годам		Ежегодный рост, %
	2000–2001	2005–2006	
США	1106,0	1342,0	3,8
Канада	345,5	466,9	6,3
Австралия	142,8	206,6	7,7
Новая Зеландия	38,9	78,1	14,8
Дания	2,8	5,9	16,6
Финляндия	2,2	4,2	14,4
Венгрия	3,6	4,6	5,3
Италия	60,2	106,0	11,9
Япония	335,7	487,9	7,7
Республика Корея	58,0	70,0	6,4
Нидерланды	22,8	34,9	8,8
Португалия	3,4	9,3	22,9
Испания	28,8	71,8	20,3

2000-х гг. в государства ЕС, прежде всего в Великобританию и Испанию, а чуть позже – в Южную Европу, страны которой не отличались ранее особой привлекательностью[1]. Такой «тип» географии можно объяснить, с одной стороны, средовой комфортностью стран-реципиентов, а с другой – наличием стабильных каналов миграции, уже сложившихся этнических сообществ и устойчивой с ними связью. На этом фоне нельзя не упомянуть и о таком явлении, как транзитная миграция. Мигранты из Китая зачастую рассматривают страны Восточной Азии и Европы, Россию как промежуточные пункты перемещения в экономически развитые страны. Например, в период с октября 1988 г. по апрель 1992 г. Венгрию пересекли порядка 45 тыс. транзитных мигрантов из Китая, которые впоследствии рассеялись по территории Западной Европы[2].

Изменения затронули географию исхода и мотивационной структуры китайских эмигрантов. Если в 1970–1980-е гг. их основными поставщиками (часто на нелегальной основе) выступали прибрежные провинции КНР: Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян, то в дальнейшем – оказались задействованы практически все территориально-административные единицы страны. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. особенно активно в процессе участвовали провинции Юньнань и Цзилинь, что может быть объяснено развитием приграничного сотрудничества (с Мьянмой и Россией): торговля содействует стимуляции

[1] Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe. Geneva, 2002. – P. 31.
[2] Ibid. - P. 16.

Таблица 3. Распределение эмиграции из Китая по странам в 1995–2004 гг., тыс. чел.
(составлено по: International Migration and Development. Regional Fact Sheet. Asia. N. Y. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.un.org/migration/presskit/factsheet_asia.pdf)

Страны приема	Число эмигрантов по годам, тыс. чел.		
	1995	2000	2004
Австралия	3,8	9,6	13,7
Бельгия	0,7	0,9	1,5
Канада	13,4	36,8	36,5
Дания	–	0,7	1,4
Финляндия	0,2	0,3	0,5
Франция	0,9	1,9	2,9
Венгрия	1,3	11	0,7
Италия	-	15,5	10,7
Япония	38,9	75,4	90,4
Республика Корея	–	66,7	–
Нидерланды	–	1,9	3
Новая Зеландия	5,4	6	8,8
Норвегия	0,3	0,4	0,6
Польша	–	0,5	0,6
Португалия	–	0,5	0,4
Словакия	–	–	0,3
Испания	–	4,9	14,5
Швеция	0,6	–	1,6
Великобритания	1	1	18,6
США	35,6	45,8	51,3
Итого	**102,0**	**267,5**	**256,3**

выезда бизнесменов и работников на территорию соседних стран. При этом происходит все более четкая дифференциация регионов КНР касаемо причин выезда эмигрантов. Так, для 90 % из них в провинции Фуцзянь главная цель – воссоединение семьи[1]. Напротив, в случае Пекина определяющее значение имеет образовательная миграция. В целом среди основных каналов «новой» миграции китайских граждан можно выделить образовательную миграцию (выезд за границу для обучения), трудовую (для работы – рабочих и квалифицированных специалистов), техническую, деловую (миграция инвесторов и бизнесменов), семейную (с целью воссоединения семьи, переезд к родственникам за рубеж) и нелегальную миграцию.

С началом экономических реформ и проведения политики открытости возник новый тип китайского мигранта. Согласно данным переписи насе-

[1] Pieke F. Recent Trends in Chinese Migration to Europe. Geneva, 2002. –P. 32.

ления КНР 1995 г., это горожанин, мужчина в возрасте 30–39 лет с высшим образованием или выше среднего, предрасположенный к деятельности в широком сегменте труда: на производстве, в сельском хозяйстве, торговле, сфере услуг[1]. Согласно исследованию, среди 40 тыс. легальных мигрантов, покинувших провинцию Чжэцзян в 1979–1996 гг., половину из них составляли крестьяне, 25 % – рабочие, 12,5 % – коммерсанты, 7,5 % – студенты, 5 % – чиновники[2]. Важно учитывать, что традиционно миграция из провинции Чжэцзян шла по семейным каналам, следовательно, основное количество мигрантов можно отнести к категории низкоквалифицированных. По структуре миграции, к примеру, из Пекина или провинции Хэйлунцзян, стоит предположить, что результат будет совершенно другой, с превалирующей частью студентов и специалистов.

Новая «волна» миграции оказала мощное воздействие на китайскую диаспору, которая обрела большую динамику и сложность структуры, включая субэтнический состав, разнородность языковых, социально-экономических и иных характеристик, политических взглядов и мест выхода. Она придала импульс изменению в сферах занятости, профессионального состава и принципам расселения диаспоры. Изначально китайские сообщества создавали чайна-тауны, которые притягивали наименее обеспеченных мигрантов с низким социальным статусом. Чайна-тауны отвечали за функцию взаимопомощи. Малоквалифицированные «новые» мигранты, в больших количествах находившиеся в чайна-таунах, создавали своего рода давление на местный рынок труда и условия для снижения оплаты труда. В данных обстоятельствах часть местных китайцев, а также «новых» мигрантов вынуждена была искать работу вне чайна-таунов, что ранее считалось редкостью. Ныне «новые» мигранты при выборе мест проживания руководствуются не национальной принадлежностью, а социально-экономическими характеристиками; отдают предпочтение жизни в пригороде крупных городов с хорошей социальной инфраструктурой[3].

«Новые» мигранты оказались вполне приспособленными к жизни в «иноземном» обществе, а благодаря появлению современных средств коммуникации активно поддерживают контакты с родиной. Подавляющая их часть демонстрирует лояльность к Китаю, и государству, и нации, тем самым создавая базис для воссоздания китайского национализма. Правительство Китая также различными способами активно поддерживает и усиливает лояльность зарубежных китайцев, проводя политику под лозунгом «консолидировать сердца, объединять умы, развивать возможности для возрождения великой китайской нации»[4].

[1] 对襟20年华人国际移民活动的继继烤炉 (Размышления о нескольких особенностях китайской миграции в последние 20 лет). – P. 3; Zai Liang, Hideki Morooka. Recent Trends of Emigration from China: 1982–2000 // International Migration. 2004. Vol. 42. № 3. – P. 153.

[2] 青田人出国的历史与现状初唐 (Исследование истории текущей ситуации миграции из Цинтяня. Историческая справка по выезжающим китайцам). 1998. № 3. –P. 52.

[3] Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism. –P. 287.

[4] 李海: 峰时期大吼华侨工作将因来信及与其 (Ли Хайфэн: новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК) // China Review News. 12.10.2007.

Волна «новой» миграции стала причиной увеличения количества китайских школ, а также СМИ за рубежом. Таких СМИ в мире – порядка 500. 70 % китайских газет в Канаде и 85 % в Японии основаны «новыми» мигрантами. Значительное число китайских сайтов владеют хостингом за границей. Власти Китая сотрудничают со СМИ, принадлежащими зарубежным китайцам. Посредством СМИ они распространяют информацию об успехах страны, возможностях для зарубежных китайцев. Они также используются как инструмент для воспитания, поддержки патриотизма, а также положительного отношения к исторической родине. С целью развивать родственные чувства к Китаю у детей зарубежных китайцев, в особенности рожденных за границей, правительством страны регулярно организуются специальные поездки под лозунгом «Приобщение к китайским корням». В них в 2012 г. участвовало более 7 тыс. чел. Благодаря подобным мероприятиям у молодых зарубежных китайцев появляется чувство национальной гордости, а также интерес к культуре Китая[1].

В связи с программами привлечения профессионалов на родину, которые организует правительство Китая, появился феномен тайкунжень. Это значит, что становится популярной идея жизни в двух странах, в таком случае семья живет, например, в США, а член семьи совершает регулярные поездки в Китай. Профессор Айва Он назвала такую ситуацию «гибким гражданством». Австралийский и новозеландский исследователи Ип, Инглис и Ву устанавливают понятие «инструментального гражданства», т. е. гражданства, являющегося инструментом достижения профессиональных и бизнес-целей.

Власти КНР добиваются объединения зарубежных соотечественников в разные организации и ассоциации. Стала актуальной тенденция увеличения и централизации ассоциаций зарубежных китайцев. В 2006 г. Китаем был принят трехлетний план «Помогая хуацяо, развиваем родину и выигрываем». Он предполагал решение нескольких задач. Во-первых, усиление взаимодействия старых и новых мигрантов, мигрантских сообществ. Предполагалось побратимство ассоциаций китайцев Северной Америки и Юго-Восточной Азии, а также их плотное взаимодействие. Другим компонентом было объединений ассоциаций с Китаем. Констатировалась необходимость привлечения в ассоциации молодежи. В рамках реализации этого пункта Китай проводит разные мероприятия для зарубежных китайцев. Также китайские чиновники разного уровня начали активнее контактировать с членами зарубежных китайских сообществ.

Пекин всесторонне поддерживает возросшую в последние десятилетия экономическую, общественную и культурную активность зарубежных китайцев. На IV Всекитайском съезде представителей реэмигрантов в декабре 1989 г. Цзян Цзэминь подчеркнул: «Китаю надо больше узнать о внешнем мире, а внешнему миру – о Китае, большое количество зарубежных китайцев,

[1] 和睦享用合作供应国俭一个充满活力的华华华人社会 (Взаимная гармония и сотрудничество с выигрышем для всех, построим исполненное живой силы сообщество для зарубежных китайцев) //中国侨网 (Китай за рубежом). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chinaqw.com/news/200707/03/78232.shtml .

проживающих на пяти континентах, могут помочь людям в других странах лучше узнать Китай»[1].

Также Пекин поощряет активную жизненную позицию у зарубежных китайцев, включая: организацию собственного бизнеса в странах пребывания; соблюдению местных законов; распространению китайской культуры. Он призывает к созданию организации хуацяо, тем самым формируя базу для жизни и работы активному участию в общественной жизни местных обществ, повышая свою роль и влияние; в политической сфере, добиваясь права голоса, защите интересов малых национальностей. Так Пекин развивает экономически мощную диаспору, но и стремится увеличить ее влияние в общественной и политической сферах стран проживания.

Наряду с этим следует отметить миграцию как нарастающий процесс, имеющий кумулятивный эффект, ее рост вызывает дальнейшую интенсификацию формирования соответствующих организационных структур и сетей для его организации. Глобализация и интенсификация китайской миграции, а также ее масштабы вызвали немало фобий и алармистских настроений в мире. В этом вопросе исследователи демонстрируют довольно широкий спектр оценок и суждений относительно возможного развития китайской миграции.

Основным фактором, вызывающим беспокойство, является огромное население Китая. Американский исследователь Р. Скелдон полагает, что «Китай может занять доминирующее положение в системе глобальной миграции и, в конце концов, изменить характер принимающих обществ»[2]. Профессором Минь Чжоу рассматривается возможное наступление «нового века китайской миграции»: «потенциально эмиграция из Китая – это цунами на горизонте. Поэтому Китай и страны-реципиенты стоят перед вызовом: как вести переговоры по миграции и как ее регулировать, государство будет сдерживаться не только экономикой, но и миграционными сетями и этническими институтами»[3]. Однако очевидных предпосылок такого массового выезда китайских граждан в долгосрочной перспективе пока не ожидается.

Дж. Дуканес и М. Абелл, авторы доклада МОТ о перспективе внешней миграции из Китая и Юго-Восточной Азии, сходятся во мнении, что стремительное снижение населения молодых возрастов вместе с экономическим ростом создаст к 2030 г. обстановку, при которой демографическое давление в КНР не будет являться аспектом, оказывающим влияние на внешнюю миграцию[4]. По принятии «политики одного ребенка» в 1979 г. темпы прироста населения замедлились. Прогнозы ООН указывают на уменьшение его численности

[1] 江泽民同志关于华侨工作的论述 (Рассуждения Цзян Цземиня о работе с зарубежными китайцами. Шанхайская Федерация по возвращению китайцев). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.shanghaiql.org/renda/node7406/node7412/node7435/ulal288802.html .

[2] Цит. по: Р. Скелдон. China: From Exceptional Case to Global Participant // Migration Information Source. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.migrationinformation.org/Feature/displav.cfin?ID=219 .

[3] Min Zhou. The Chinese Diaspora and International Migration. Social Transformations in Chinese Societies. 2006. N 1. –P. 172.

[4] Ducanes G., Manolo A. Prospects for future outward migration flows. –P. 15.

после 2030 г.[1]. По данным Министерства трудовых ресурсов и социальной защиты КНР, число лиц рабочих возрастов с 2030 г. также начнет сокращаться. К 2050 г. произойдет существенное старение рабочей силы: по сравнению с 1990 г. в 1,5 раза понизится доля работников до 30 лет и в два раза увеличится – 45–49 лет[2]. Наиболее мобильная группа до 35 лет станет особо востребована в самой КНР. Имеет место реальная перспектива, что по причине старения населения страна столкнется с проблемой нехватки рабочей силы. Если сохранятся текущие темпы социально-экономического развития, то уже к середине 2020-х гг. по среднедушевому уровню доходов Китай сравняется с Республикой Кореей и Таиландом, где уровень эмиграции стал снижаться[3].

В целом специалисты сходятся в прогнозе, по которому в ближайшие 10–15 лет продолжится массовая китайская эмиграция, но она будет отличаться нисходящим трендом, а к 2030 г. КНР станет вероятнее всего не отправляющей, а принимающей страной[4].

Заключение. «Новая» китайская миграция в целом определенна целым рядом внешних и внутренних факторов, приобрела особо значительный размах в конце XX – начале XXI вв. Успехи китайской экономики заложили основу для возникновения нового типа мигрантов, а также расширения географии их выхода и приема. Наряду с семейной миграцией возникло множество способов выезда за границу, которые связаны в первую очередь с образовательной и профессиональной деятельностью. Китайские граждане стали активными участниками международных процессов миграции. «Новая» миграция существенно изменила лицо традиционной диаспоры, глобализировала китайские сообщества и ассоциации за рубежом, усилила и интенсифицировала их взаимодействие с исторической родиной, которое активно поддерживает официальный Пекин, рассматривая его как важный атрибут политики «мягкой силы».

Китайская иммиграция в США: этапы и результаты

А. М. Кульчитская

Введение: постановка проблемы. Ретроспективе и современной проблематике китайской миграции в США посвящено достаточно фундаментальных работ российских и зарубежных исследователей – экономистов, политологов, историков, географов. Причем среди зарубежных исследователей

[1] World Population Prospects: The 2011 Revision // Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://esa.un.org/unpp.

[2] Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. –С. 294.

[3] Ducanes G., Manolo A. Prospects for future outward migration flows. –P.15.

[4] Pieke F. Editorial Introduction: Community and Identity in the New Chinese Migration Order // Population, Space and Place. 2010. N 13. –P. 92.

преобладают американцы китайского происхождения. В центре большей части произведений находится китайская иммиграция в США[1]. Ряд авторов рассматривают ее в контексте международной миграции в США, наиболее часто приводят в составе группы азиатских мигрантов *(Asian alone)*. Большое внимание уделяется проблемам адаптации китайских иммигрантов[2]. В то же время ощутим дефицит трудов с комплексным анализом китайской диаспоры в США. Акцент на сравнении китайской с другими азиатскими диаспорами сделан в работе Р. Дэниелса. Это – энциклопедический исторический сборник, посвященный всем периодам иммиграции в Новый Свет[3]. Отдельное исследовательское внимание привлекают вопросы не столько количественных изменений, сколько качественно-структурной эволюции и векторов пространственной трансформации китайской иммиграции и диаспоры, что представляет интерес, в том числе чисто практический, для многих стран мира.

Главная информационная база исследования – данные Бюро переписи населения США[4]. Хотя в ней не отражается фактор нелегальной китайской миграции. Вместе с тем, по оценкам некоторых источников[5], только в чайна-таунах Нью-Йорка проживают сотни тысяч нелегальных хуацяо. Это, по мнению К. Химовиц (K. Hymowitz), заметно искажает общепринятый в США стереотип «модельного меньшинства» («model minority»), с которого стоит брать пример, часто используемый в отношении китайской диаспоры[6].

[1] Ларин А. Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост. отв. ред. Е. И. Софронова. М.: ИДВ РАН. 2013. – С. 193–222; Анохина Е. С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355 (февраль). – С. 51–54; Бирюков В. И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М: Наука, 1983. – 141 с.; Chang, I. 2003. The Chinese in America: a narrative history // The Viking, USA. – 496 p.; Chen J. J. 2011. Chinese Immigration to the United States: History, Selectivity and Human Capital. The Ohio State University. – 49 p.; Lai H. M. Becoming Chinese American: A History of Communities and Institutions. California: Altra Mira Press, 2003. P. – 418 p.; Zhou M. Contemporary Chinese America: immigration, ethnicity and community transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.

[2] Головчанская Е. Ю. «Механизмы адаптации китайской диаспоры в США в последней четверти двадцатого века и формы традиционного менталитета» // Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – С. 155–166; Chinn T. A History of the Chinese in California: A Syllabus // San Francisco: Chinese Historical Society of America, 1969. – 72 p.

[3] Daniels R. Coming to America. A History of Immigration and Ethnicity in American Life // Harper Perennial (second edition), 2002. – 576 p

[4] U.S. Census Bureau. [Электронный источник] – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/ .

[5] В данном случае, исследование журналистки Кей С. Химовиц, опубликованное в издании City Journal от 24 февраля 2014 г., основывается на данных, предоставленных президентом Бруклинской Ассоциации американских китайцев, Полом Маком.

[6] Hymowitz K. 2014. Brooklyn's Chinese Pioneers // City Journal. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.city-journal.org/html/brooklyn's-chinese-pioneers-13640.html .

Хронология и особенности китайской иммиграции в США. В соответствии с динамикой численности китайских иммигрантов, получивших разрешение на въезд в США (рис. 1) и историческими факторами, можно выделить три этапа китайской иммиграции в США.

Первый этап (1840–1940 гг.) включает две волны. Причиной первой является открытие золотоносных месторождений Калифорнии и привлечение в три «золотых» графства (Калаверас, Эль Дорадо и Амадор) большого количества бедных китайских крестьян. К 1848 г. в штате насчитывалось 325 китайских иммигранта, работавших в горнодобывающей отрасли. В 1850 г. их число составило 540 чел., в 1851 г. – 3 тыс. чел., а к концу 1852 г. – уже 20 тыс.[1]. В середине XIX в. дешевая китайская рабочая сила широко применялась не только в горнодобыче, но и в сельском хозяйстве (на плантациях сахарного тростника), строительстве, секторе личных услуг. Вторая волна связана со строительством в начале 1860-х гг. первой трансконтинентальной железной дороги, связавшей центральные и западные штаты с калифорнийским побережьем Тихого океана. Требовалось большое количество низкооплачиваемой рабочей силы, а китайцы были готовы трудиться в самых тяжелых условиях. Хотя выходцы из Китая выполняли самую трудную, грязную и опасную работу, они получали лишь 60 % зарплаты европейских иммигрантов. Попытка забастовки с требованием установления одинакового уровня оплаты труда для всех этнических групп закончилась неудачей. Руководство компании «The

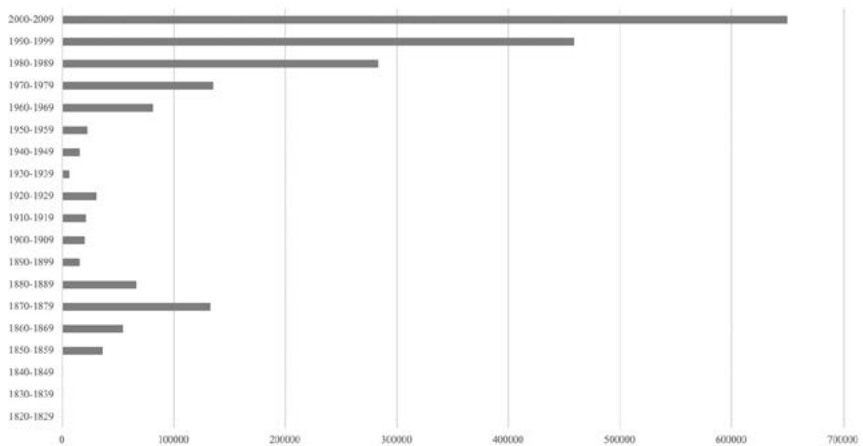


Рис. 1. Динамика численности китайских иммигрантов, получивших официальный статус резидентов США в период с 1840–2009 гг.
(составлено по: U.S. Census Bureau. [Электронный источник] – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/)

Central Pacific», осуществлявшей строительство, огранило поставки еды и за-

[1] Tsai S.-S. Chinese Immigration to America: Political and Legal Aspects. // Early Chinese Immigrant Societies. Ed. by Lee Lai To. Singapore: Heinemann Publishers, 1988. – P. 11–40.

ставило бастующих вернуться к работе. Сразу после реализации проекта все китайские рабочие были отправлены обратно в Сан-Франциско. При этом добираться по железной дороге, в строительстве которой они принимали участие, им было запрещено.

По возвращении в Калифорнию труд китайских иммигрантов оказался невостребованным, а их пребывание на территории США стало рассматриваться в качестве угрозы экономике. Китайцы все чаще становились объектами нападения на почве расовой напряженности и дискриминации. Возникло антикитайское движение, сопровождавшееся многочисленными бунтами, линчеванием и убийствами (включая события, произошедшие в Такоме, штат Вашингтон и в Рок-Спрингс, штат Вайоминг[1]). В 1852 г. Калифорнийским законодательством был введен налог на труд иностранных рабочих («The Foreign Miner Tax»). Номинально он относился ко всем иностранцам, но на деле взимался только с китайских рабочих[2]. Среди прочих дискриминационных мер, с которыми пришлось столкнуться китайским иммигрантам, стали: запрет на владение землей и недвижимостью, вступление в брак с «белыми» женщинами и табу на получение гражданства США[3].

Вторая волна характеризуется быстрым увеличением численности китайских иммигрантов до 1880-х гг. (с 4 тыс. в 1850 г. до более 100 тыс. чел. в 1880 г.); ее стабилизацией до 1890 г., а затем – резкого снижения из-за экономического спада в США и роста напряженности, вызванного «желтокожей экономической угрозой». В связи с этим в 1882 г. был принят первый в истории страны законодательный акт, направленный против конкретной национальности – Закон об исключении китайцев («Chinese Exclusion Act»[4]); и ряд других дискриминационных мер[5]. Отныне китайцам, желавшим попасть на территорию США, необходимо было иметь при себе документы, подтверждающие их деятельность и право на иммиграцию, заверенные Китайским правительством[6]. Однако и их наличие не гарантировало получение разрешения на въезд. Китайские иммигранты не имели права становиться гражданами страны. Под введенные ограничения попадали все китайские рабочие, как квалифицированные, так и неквалифицированные, в том числе занятые в горнодобывающей промышленности. Исключение составляли лишь дипломаты и другие должностные лица китайского правительства, приезжающие по делам государственным, а также их прислуга. Китайцам, прибывшим на территорию США еще до вступления в силу закона, было

[1] Digital history archival documents. [Электронный источник] – Режим доступа: http://www.digitalhistory.uh.edu/asian_voices/voices_display.cfm?id=26.
[2] Chang I. The Chinese in America: a Narrative History. USA, The Viking, 2003. – 496 p.
[3] Chinn T. «A History of the Chinese in California: A Syllabus» // San Francisco: Chinese Historical Society of America, 1969. – 72 p.
[4] Center for Educational Telecommunications. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cetel.org/1882_exclusion.html
[5] Chang I. The Chinese in America: a narrative history. USA, The Viking, 2003. – 496 p.
[6] Tsai S.-S. Chinese Immigration to America: Political and Legal Aspects // Early Chinese Immigrant Societies / Ed. by Lee Lai To. Singapore: Heinemann Publishers,1988. – P. 11–40.

предложено «перейти на сторону Соединенных Штатов по собственной воле и согласию» и получить в качестве доказательства их прав документ, выдаваемый таможенными органами (гражданство США). Однако члены их семей, живущие за пределами США, в том числе даже дети, не получали никаких преимуществ и также попадали под ограничение на въезд. Американская сторона в лице таможенных работников была обязана теперь вести подробную регистрацию всех китайских иммигрантов: «имя, возраст, последнее место жительства, особые приметы, и другие обстоятельства, необходимые для установления личности»[1].

В 1884 г. в Закон были внесены поправки, в соответствии с которыми получение гражданства лицами китайского происхождения, родившимся на территории США, также ограничивалось. Увеличившееся число отказов по иммиграционным заявлениям (с 10 % в 1898 г. до 29 % в 1905 г.), а также землетрясение 1906 г.[2], в совокупности привели к возникновению нового явления: «бумажных сыновей и дочерей». Китайцы, имевшие гражданство США, подделывали различные документы, подтверждающие их родственные связи с китайцами, желавшими въехать в страну. Вследствие этого, в начале 1910-х годов наблюдалась тенденция увеличения числа заявлений на получение гражданства, усложнился и стал более длительным процесс их рассмотрения и проверки. Беспорядок в документах, косвенно увеличивающий шансы на получение гражданства и тем самым подхлестывающий стремление большинства, привел в конечном счете к ослаблению идентичности китайской нации[3]. Введение запрета на въезд в страну в исследованиях иммиграции в США принято считать переломным моментом первого этапа, своего рода рубежом, разделившим китайскую иммиграцию на «до запретную» и «пост запретную»[4].

Первый этап китайской иммиграции в США отличают следующие черты:
– единый регион происхождения иммигрантов (в основном это были выходцы из приморских провинций Гуандун и Фуцзянь[5]);
– сильная диспропорциональность половой структуры (так, в 1855 г. доля женщин составляла лишь 2 % от общего числа хуацяо[6]. В 1850 г. китайская диаспора Сан-Франциско состояла из 4018 мужчин и 7 женщин);
– общая тенденция временного характера иммиграции. Об этом свидетельствуют не столько общеизвестные, хотя и не имеющие ста-

[1] Chang I. The Chinese in America: a narrative history. USA, The Viking, 2003. – 496 p.
[2] 18 апреля 1906 г. землетрясение в Сан-Франциско стало причиной пожара, в результате которого были уничтожены документы, подтверждавшие американское происхождение большого числа китайцев.
[3] Chen J. J. Chinese Immigration to the United States: History, Selectivity and Human Capital. The Ohio State University, 2011. – 49 p.
[4] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. by Tan C-B. New York: Routledge, 2013. –512 p.
[5] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Ed. Pan L. Harvard: University Press, 1999. – 399 p.
[6] Zhou M. Contemporary Chinese America: immigration, ethnicity and community transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.

тистического подтверждения мотивы миграции, сколько высокие показатели возвратной миграции (по расчетами Ф. Янга, за 1843–1882 гг. в страну прибыло 317 023 иммигранта, из которых 150 886, или 48 %, вернулись домой). Сильные антикитайские настроения, введение дискриминационных и ограничительных мер, равно как и культурные предпочтения самих мигрантов, способствовали возвращению на родину, зачастую резко сокращали срок их пребывания в стране[1]);

– четко выраженная географическая привязка входящего потока к ограниченному кругу территориальных единиц: более 3/4 всех китайских мигрантов проживало в Калифорнии. Лишь в начале XX в. ее доля сократилась до 50 %[2].

С начальным этапом иммиграции связано возникновение чайна-таунов. В 1850-х гг. именно в них были созданы первые ассоциации американских китайцев (например, «Chinese Consolidated Benevolent Association») с целью объединения хуацяо, прибывших из одних и тех же регионов Китая, а также обеспечения их физической и юридической безопасности. Многофункциональная структура чайна-таунов и образованных в них ассоциаций, основанных, чаще всего, на клановых родственных связях, помогала устроиться прибывающим иммигрантам (социализироваться в новой среде, получить денежную помощь, жилье, работу) и защищала интересы китайской общины в целом.

Антикитайские погромы и преследования китайских иммигрантов усилили роль чайна-таунов – как «пристанищ» гонимых китайцев. Чайна-тауны Северо-Востока и Среднего Запада страны, особенно Нью-Йорка и Чикаго, росли за счет приема иммигрантов, преследуемых в Калифорнии. В 1890 г. появляется информация о первых китайцах восточного побережья – графств Кук (Чикаго), Филадельфия, Квинс, Саффолк и штата Нью-Йорк. Доля американских китайцев, живущих в Калифорнии, сократилась практически вдвое: с 78,0 % в 1870 г. до 46,7 % в 1920 г.

Второй этап китайской иммиграции в США (1940–1980 гг.) наименее освещен в официальных документах. Данные о явлении носят частично оценочный характер в связи с тем, что официальная статистика в некоторые годы не собиралась (статистика Бюро переписи населения за период с 1910 г. по 1960 г. не приводится). Начиная с 1943 г. – года отмены действия «Исключающего акта», в стране в течение нескольких лет действовала квота на въезд хуацяо, но численность китайский иммигрантов устойчиво прогрессировала. В 1940-е гг. она увеличилась на 41 %; в 1950-е – на 58 %; в 1960-е – на 85 %; в 1970-е гг. – на 86 %[3]. В целом население китайского происхождения в стране увеличилось с 77,5 тыс. чел. в 1940 г. до 435 тыс. чел. в 1970 г. Китай в этот период был закрытой страной, особенно в годы

[1] Chen J. The Chinese of America. San Francisco, California. Harper & Row. 1980. P. 274.

[2] Daniels R. Coming to America. A History of Immigration and Ethnicity in American Life. New York: Harper Perennial (second edition), 2002. – 576 p.

[3] Ibid

«большого скачка» (1958–1962 гг.) и первого этапа «культурной революции» (1966–1970 гг.); жители материкового Китая были практически лишены возможности выезжать за его пределы, поэтому основную часть мигрантов составляли выходцы из Тайваня и Гонконга. Так, за период 1950–1959 гг. официальный резидентский статус получили 13 781 уроженцев Гонконга и только 8 836 выходцев из континентального Китая[1]. В 1970–1979 гг. превышение числа иммигрантов из нематерикового Китая возросло в шесть раз.

Второй этап китайской эмиграции в США характеризуется:

– расширением региона «отбытия» китайских мигрантов (резко возросла доля хуацяо тайваньского и гонконгского происхождения, большинство которых являлись студентами[2]);

– асимметрией половой структуры, что связано с принятием в 1946 г. закона, снимающего все ограничения на въезд жен китайских иммигрантов и на получение ими гражданства. Более 90 % хуацяо, прибывших в страну в период с 1947 г. по 1953 г. были женского пола[3];

– переориентацией иммиграции с временной на бессрочную (с целью постоянного проживания);

– началом процесса натурализации населения китайского происхождения (право на получение гражданства США было предоставлено вместе с отменой действия «Исключающего акта»). По некоторым оценкам, 96,3 % иммигрантов, прибывших после 1965 г., получили гражданство[4].

Третьему, современному этапу китайской иммиграции в США (с 1980-х гг. до настоящего времени) присущи следующие черты:

– резкий скачок масштабов иммиграции. В период 1980–1989 гг. был превышен исторический максимум 1870–1879 гг., только по официальным данным в страну въехало почти 200 тыс. чел.;

– максимальное расширение регионов происхождения хуацяо. Мигранты прибывают не только с материковой части Китая, но и из крупных китайских диаспор Гонконга (Сянгана), Макао (Аомэня), Тайваня, Вьетнама, Камбоджи, Малайзии и других стран;

– выравнивание половозрастной структуры (в 1980 г. на 100 женщин приходилось 102 мужчины, в 1990 г. на 100 женщин – 99 мужчин[5]);

– в структуре новых иммигрантов постоянно увеличивается доля высокообразованных, квалифицированных кадров, стремящихся найти работу в престижных областях рынка труда;

[1] Official website of the Department of Homeland Security. Yearbook of Immigration Statistics (2015). [Электронный источник] – Режим доступа: http://www.dhs.gov

[2] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. by Tan C-B. New York: Routledge, 2013. –512 p.

[3] Lai H. M. Becoming Chinese American: A History of Communities and Institutions. California, AltraMira Press, 2003. – 418 p.

[4] U.S. Census Bureau. [Электронный источник] – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/ .

[5] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. by Tan C-B. New York: Routledge, 2013. –512 p.

– стремление к ассимиляции в американском обществе (на что указывают высокие уровни натурализации населения и владения жильем, опережающие показатели остальных иммигрантских групп[1]);
– «новая» иммиграция привлекла в страну значительные объемы китайских инвестиций, которые с 2008 г. по 2012 г. увеличились по разным данным в 6–8,5 раз, составив более 4 млрд долл. Резко усилился вес китайского бизнеса, во много раз превысив масштабы экономической деятельности всех прочих азиатских меньшинств. Так, с 1987 г. по 2002 г. число компаний Поднебесной выросло более чем в три раза (с 90 тыс. до 286 тыс.)[2].

Вместе с тем про современный этап иммиграции можно говорить с точки зрения ослабления принципиальной значимости и определенности сроков иммиграции. Ведь в условиях экономической и культурной глобализации, установления наиболее благоприятных условий как для иммиграции, так и для эмиграции, транспортной и информационной доступности, социальной помощи и общего ослабевания роли государственных границ, – необходимости в принятии окончательного решения о месте постоянного жительства нет. В исследовании Ф. Янга эта тенденция охарактеризована как транснационализм китайской миграции[3].

Китайская диаспора США, представляя собой американцев китайского происхождения (АКП), к которым принято относить граждан Китая, проживающих за рубежом, быстро растет: только за период с 1980 г. по 2010 г. более чем в четыре раза, с 812,2 тыс. чел. до 3,3 млн чел.[4]. В 2015 г. ее численность превысила 4 млн чел. (1,3 % населения страны)[5]. Китайская диаспора США является крупнейшей среди экономически развитых стран и четвертой в мире – после Таиланда, Индонезии и Малайзии. В результате ассимиляции и неоднородности численности и состава волн иммиграции ее состав во времени и пространстве существенно различается количественными и качественными чертами; особенностями расселения. Так, к началу XXI в. она на 67 % состояла из хуацяо, на 27 % – из хуаи второго поколения и на 10 % – третьего поколения. В это же время, например, японская и еврейская диаспоры, не говоря уж об итальянской и ирландской, состояли в основном из представителей третьего, четвертого и пятого поколений иммигрантов[6].

[1] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. by Tan C-B. New York: Routledge, 2013. –512 p..
[2] Zhou M. Contemporary Chinese America: immigration, ethnicity and community transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.
[3] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Ed. by Tan C-B. New York: Routledge, 2013. –512 p.
[4] U.S. Census Bureau. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/
[5] Согласно данным переписи, население США в 2015 г. составило 320,1 млн чел., а АКП – 4 133 674 тыс. чел. U.S. Census Bureau. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/.
[6] Zhou M. Contemporary Chinese America: Immigration, Ethnicity and Community Transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.

«Модельность» китайской диаспоры, плотно закрепившаяся в сознании американского общества, лишь отчасти верна, поскольку характеризует небольшую привилегированную часть диаспоры. Высокая степень вовлеченности китайского труда во все важные области экономики и общественной жизни объясняется значительным уровнем профессионализма и высоким средним уровнем образования современных китайских иммигрантов. Недаром доля управления, науки, бизнеса и искусства в структуре занятости американского населения составляет 35,5 %, а АКП – 53,7 %. Обратная картина в сфере материального производства: 22,2 % и 9,9 % соответственно. При таком раскладе логично соотношение в уровне душевого городского дохода: 27 334 долл. для всего населения США и 32 070 долл. для АКП[1]. Более того. В 2010 г. доля лиц, получивших диплом бакалавра, в населении США достигла 27,9 %, а среди АКП – 52,6 %[2]. Удельный вес китайцев среди всех иностранных студентов США составил впечатляющие 32 %. Почти половина всех иностранных аспирантов имела китайское происхождение. Но есть и другая, «теневая» часть китайской диаспоры. Среди АКП по-прежнему велика доля необразованных рабочих с относительно низким уровнем благосостояния и знания английского языка, тяготеющих, как правило, к крупным экономическим центрам страны. Это пока проблемное и малоизученное направление.

Такие контрасты имеют и пространственную проекцию. С одной стороны, АКП по-прежнему в значительной степени сконцентрированы в западной части страны, в городской местности. Так, к примеру, в 2000 г. более половины всех китайских иммигрантов проживали на территории трех метрополитенских районов – Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско. В 2010 г. только в Калифорнии насчитывалось 38 % всех АКП страны (1,2 млн чел.), в Нью-Йорке – 17 % (560 тыс. чел.), в Техасе – 5 % (153 тыс. чел.)[3]. Суммарно на Калифорнию и Нью-Йорк приходилось 55 % АКП. При этом Калифорния выступает оплотом более возрастных, благополучных, ассимилировавшихся АКП, среди которых велика доля родившихся в США. Нью-Йорк, напротив, предстает главным центром приема нелегальной иммиграции, привлекателен для не ассимилированных групп населения, не относящихся к «модельному меньшинству». Относительная «равномерность» в размещении АКП между этими полюсами достигается за счет аккумуляции в граничащих с Нью-Йорком штатах: Пенсильвании, Массачусетсе, Нью-Джерси, а также Мэриленде. Их привлекательность определяется близостью крупнейшего финансового центра страны, столичного региона и образовательного центра восточного побережья (университеты Плющевой лиги) (рис. 2).

Среди городов США по численности АКП выделяются Нью-Йорк (505 тыс. чел.), Сан-Франциско (172 тыс.), Лос-Анджелес (71 тыс.), Сан-Хо-

[1] U.S. Census Bureau. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/
[2] Ibid
[3] Zhou M. Contemporary Chinese America: immigration, ethnicity and community transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.

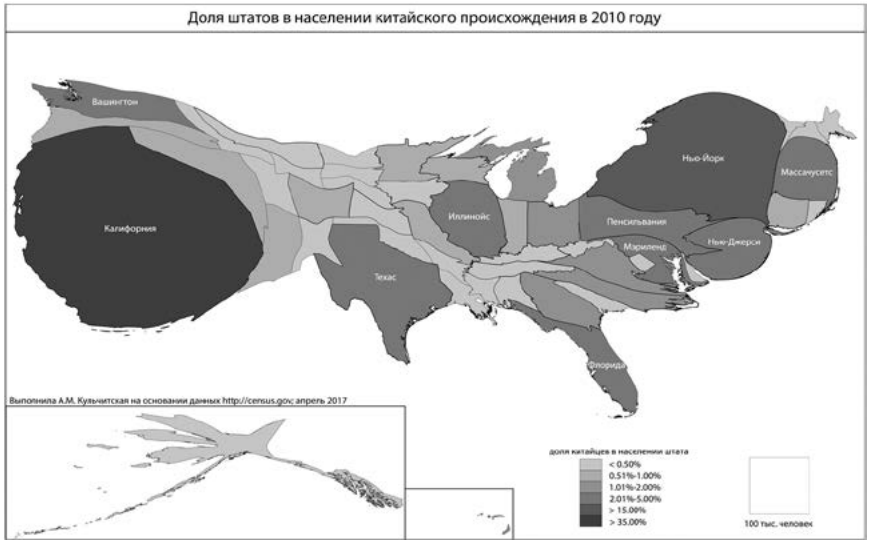


Рис. 2. Размещение американцев китайского происхождения в США, анаморфоза, 2010 г.
(составлено по: U.S. Census Bureau. [Электронный источник] – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/)

се (68 тыс.), Чикаго (46 тыс.), Сан-Диего (36 тыс.) и Хьюстон (30 тыс. чел.)[1]. Внутри этих метрополитенских районов расселение китайцев в ходе эволюции приобрело ряд особенностей. Традиционные этнические кварталы – чайна-тауны Сан-Франциско, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго и Бостона – продолжают притягивать новых иммигрантов, однако они больше не выполняют роль начального ареала проживания прибывших хуацяо. Образованный и квалифицированный средний класс стремится поселиться и закрепиться в отдаленных городских районах и пригородах больших городов. По данным переписи населения 2000 г., только 14 % китайских иммигрантов Нью-Йорка, 8 % Сан-Франциско и 3 % Лос-Анджелеса проживали в чайна-таунах[2]. Подавляющее большинство АКП населяет внешние области метрополий или пригороды тех городов, которые обычно притягивали китайских иммигрантов, а также новые городские центры расселения азиатского населения по всей стране. Половина всех АКП проживает в пригородах. О новой интересной тенденции расселения упоминает автор книги «Современная китайская Америка» Чжоу Минь: по ее словам, иммигранты с высоким социально-экономическим

[1] U.S. Census Bureau. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/ .
[2] Zhou M. Contemporary Chinese America: Immigration, Ethnicity and Community Transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.

статусом из континентального Китая или Тайваня, говорящие на мандаринском диалекте китайского языка, стараются селиться за пределами старых чайна-таунов, населенных преимущественно уроженцами провинции Гуандун.

Поселившись в богатых городских пригородах, они стремятся создавать новые этнические общины или «новые чайна-тауны» как, например, «Маленький Тайбэй» («Little Taipei»), Монтерей Парк (Калифорния) и община Флашинга (Квинс, Нью-Йорк). Явление это получило особое распространение в городах, где АКП составляют значительную часть населения. В 2000 г. на территории США насчитывалось 13 городов с численностью населения более 10 тыс. чел., в которых доля населения китайского происхождения составляла более 20 %. Чрезвычайно важен тот факт, что все они без исключения располагались в Калифорнии. Причем два из них относятся к сильно разросшемуся пригороду Лос-Анджелеса. Самым крупным по доле населения китайского происхождения являлся Монтерей Парк (44,3 %), по численности АКП – Сан-Франциско (доля китайцев в нем составила 20,7 %)[1]. Приток новых иммигрантов трансформирует уклады, сложившиеся в старых чайна-таунах в конце XIX в.; преобразует их в общины, основанные на семейных связях и стремлении к активной ассимиляции[2].

Заключение. Выделяются три этапа китайской иммиграции в США, существенно различающиеся масштабами и структурой миграционного потока, послуживших основой для возникновения мощной этнической диаспоры. Ее исторически сложившиеся черты претерпевают серьезные изменения под воздействием последней по времени «волны» иммиграции. В силу этого в целом о китайской иммиграции в США следует говорить в контексте «старой» и «новой».

Китайская диаспора в странах зарубежной Европы

П. Н. Иванов

Введение: постановка проблемы. Западная Европа – ведущий центр притяжения иммигрантов в последние десятилетия и активного формирования этнических сообществ. В отличие от мусульманской иммиграции, вызванной «арабской весной» и носящей во многом вынужденный характер со стороны стран исхода, китайскую иммиграцию можно трактовать как некое схождение интересов стран-реципиентов – приверженцев мультикультурализма и страны-донора, проводящей политику «идти вовне». В результате

[1] Zhou M. Contemporary Chinese America: Immigration, Ethnicity and Community Transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 328 p.
[2] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Ed. Pan L. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press (1st edition), 1999. – 399 p.

нескольких иммиграционных «волн» в европейских странах сформировалась мощная китайская диаспора, хотя по общей численности и особенно темпам роста она существенно уступает другим, например, мусульманским общинам. Цель раздела – выявление хронологии и специфики китайской иммиграции, факторов, влияющих на выбор страны въезда, а также оценка на базе данных «Eurostat»[1] размерных параметров и особенностей размещения китайской диаспоры в странах региона, ее общих черт и различий, обусловленных, в частности, политикой правительств в отношении интеграции мигрантов.

Глобальная миграционная мозаика. Международная миграция, являясь органичной частью процесса глобализации, стала особенно заметным явлением с конца XX в. К 2015 г., согласно данным ООН, в мире насчитывалось 244 млн лиц, проживающих за пределами стран происхождения[2], что равно примерно 3 % населения Земли[3]. Закономерно, что «нация мигрантов» оказывает все большее влияние на политическое, социальное, демографическое и экономическое развитие отдельных стран, на межгосударственное взаимодействие и процессы. Рост неконтролируемой миграции и формирование этнических сообществ зачастую вызывает обострение многих проблем, включая «размывание» устоев национальной культуры и замещение коренного населения иммигрантами, усиление ксенофобии, дополнительную нагрузку на рынок труда и механизмы социальной защиты, утечку мозгов, угрозу безопасности, в том числе террористической, рост преступности и коррупции и т. д. Неслучайно данный вопрос в последнее время привлекает все большее внимание международных организаций, правительственных кругов разных стран, научного сообщества и общественности.

Вместе с тем, миграционная обстановка в странах мира далеко неоднородна. Изучая мировой опыт, профессор политологии университета штата Теннесси А. В. Коробков объединяет страны в шесть основных групп[4]:

Во-первых, страны традиционной иммиграции, включая США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Израиль, а также ЮАР.

Во-вторых, страны, бывшие ранее ядрами многонациональных имперских образований (например, Великобритания, Франция, Испания, Португалия, Нидерланды, Бельгия, а еще более – те, чьи империи были территориально едиными – Германия, Австрия и особенно Турция), принявшие после их распада значительные потоки мигрантов двух основных типов. Первоначально это была возвратная миграция представителей метрополии на этническую родину (британцы, французы, турки и т. п.), а затем – миграция представителей стран Третьего мира, причем, владеющих языками метрополий, знакомых с их культурой и имеющих возможность опереться на поддержку давно сформированных этнических диаспор граждан их бывших колоний.

В-третьих, страны Центральной, Южной и Восточной Европы, так же, как и Россия, столкнувшихся с быстрым изменением своего положения в мировой миграционной цепочке и необходимостью срочного формирования новых миграционных структур, принятия регулирующих миграцию законодательных актов и формулирования целей миграционной политики. Осложняющим фактором является то, что большинство из них одновременно граничат с гораздо как более, так и менее развитыми странами. Эта особенность положения находит свою кульминацию в массовом потоке беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, проходящем сейчас через территорию этих стран и направленном в наиболее развитые страны Западной Европы.

В-четвертых, государства, испытавшие в последние десятилетия широкомасштабную элитную эмиграцию и ведущие активную работу по привлечению представителей своей зарубежной диаспоры назад в страну или иным формам сотрудничества с ней. Среди них – Китай, Республика Корея, Индия, Тайвань. Индия, к примеру, сегодня лидирует в мире по числу эмигрантов (14 млн), причем их численность за 1990–2013 гг. удвоилась. Россия и Китай занимают соответственно 3-е и 4-е места[1].

В-пятых, государства, недавно столкнувшиеся с взрывным экономическим ростом и вынужденные стимулировать крупномасштабную трудовую иммиграцию – как элитную, так и низкоквалифицированную. Типичными представителями этой группы являются страны Персидского залива (также можно упомянуть Сингапур и ряд других стран Юго-Восточной Азии), для многих из которых последствием подобной политики стало формирование глубоких расколов в обществе между местными гражданами и бесправными иммигрантами, отличающихся от принимающего населения по языку и религии[2]. Подобная ситуация характеризуется в классической политологии как «mutually reinforcing cleavages» – идущие параллельно друг другу глубокие разломы в обществе[3].

И, наконец, в-шестых, страны, испытывающие серьезные демографические проблемы, но продолжающие по политическим и иным причинам сдерживать иммиграционные потоки даже ценой серьезных социально-экономических потерь (например, Япония, а до недавнего времени и Республика Корея)[4]. Отметим, что аналогичные последствия могут вызывать и иные фак-

[1] Eurostat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat .

[2] Приведенная оценка не учитывает незаконных или нерегулярных мигрантов.

[3] International Migration Report, 2015. N.Y.: U.N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2016.

[4] Коробков А. В. Крупнейшие миграционные системы мира: общие тренды и различия // География мирового хозяйства: Традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 313–327.

[1] Inkpen Ch. 7 Facts About World Migration // Pew Research Center. [Электронный источник]. Режим доступа: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/ .

[2] Особую остроту имеет раскол между шиитами и суннитами.

[3] Lipset S. M. Political Man. Garden City. N.Y.: Anchor Books, 1960; Rokkan S. Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics. N.Y.: Free Press, 1967; Simmel G. Soziologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

[4] Inkpen Ch. 7 Facts About World Migration // Pew Research Center. [Электронный источник]. Режим доступа: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/ .

торы: в Китае, например, подобные проблемы возникли вследствие длительного претворения в жизнь политики «одна семья – один ребенок».

На общемировом фоне особенно любопытно развитие международной мобильности населения в странах Европы, которые в последние годы буквально «накрыла» волна стихийной иммиграции. Только в 2015 г. число прибывших в ЕС оценивается в 1,5 млн, а в 2016 г. – в 1,8 млн чел. (рис. 1). С усилением экономических трудностей и нарастанием этнической напряженности во многих странах региона усиливаются требования о жестком ограничении иммиграции и переориентации миграционной политики на преимущественный прием высококвалифицированных специалистов в ущерб всем остальным категориям мигрантов, включая и беженцев. Николя Саркози, будучи еще президентом Франции, в частности, говорил о необходимости перехода от «выстраданной» к «избранной» иммиграции[1]. Несмотря на рост понимания остроты проблемы среди политической элиты, реальных мер по ее решению практически не предпринимается. В результате «критика миграционной политики в Европе быстро нарастает. Проблема несводима к миграции и меньшинствам. Это не синонимы бедности, безработицы, агрессии, которые, например, британцы считают причиной погромов в своих городах, а их зачинщиками – белых хулиганов-подростков (chavs). Кризисы бьют и по среднему классу, углубляя разрыв между ним и богачами, что не снимает вопроса о качестве стратегий интеграции, адаптации, мультикультурализма, очагового или дисперсного этнического расселения; о его связи

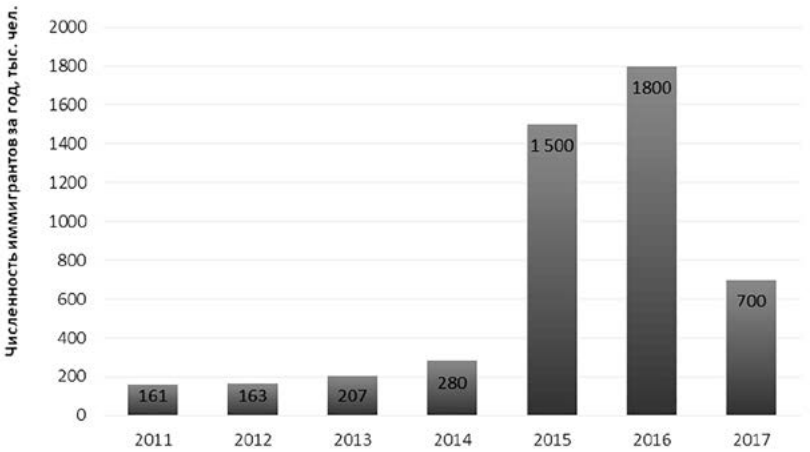


Рис. 1. Динамика прибывших в ЕС иммигрантов с 2011 по 2017 гг.
(составлено по: Eurostat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat)

[1] Joppke Ch. Trends in European Immigration Policies // A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration / J.P. Burgess, S. Gutwirth, eds. Brussels: VUB Press, 2011. – P. 17.

с социальным расслоением или отсутствии такового»[1]. Искушение мультикультурализмом по-прежнему остается «головной болью» как для многих западноевропейских правительств, так и для сторонников идей мультикультурализма и толерантности[2].

Хронология китайской иммиграции в Европу. Несмотря на географическую удаленность, европейские страны издавна являются привлекательными для китайского населения. По общим объемам и особенностям структуры перемещающихся экспертами выделяются три этапа китайской иммиграции в регион. *Первый этап* (с конца XIX в. до середины XX в.) характеризуется случайным появлением китайцев и их небольшим числом в странах Западной Европы, в первую очередь с большим колониальным прошлым. При этом население Великобритании и Франции часто принимало их за «национальную угрозу». Единственным периодом массового притока мигрантов из Поднебесной можно считать годы Первой мировой войны. На этом этапе мигранты основали во многих крупных городах небольшие китайские кварталы – этнические анклавы, чайна-тауны. *Второй этап* (с середины XX в. до 1980-х гг.) отличается ростом численности китайских иммигрантов за счет вторичных миграционных потоков из Азии и нелегальной эмиграции из КНР во время культурной революции; их появлением в странах Центральной Европы; созданием собственной экономической ниши – ресторанного бизнеса[3]. *Третий этап*, после проведения экономических реформ в 1978 г. и перехода европейских стран к миграционной модели развития, характеризуется значительными масштабами китайской иммиграции и подключением к числу дестинаций восточноевропейских государств. По сравнению с первыми волнами, важные особенности структуры новых миграционных потоков в регион из Китая – значительная доля молодежи и высококвалифицированных рабочих. Справочно отметим, что более 2,6 млн студентов из Китая получили высшее образование за рубежом. На родину из них вернулись 1,1 млн (41,9 %). В одном только 2011 г. в зарубежных университетах обучались 339 тыс. китайских студентов[4].

В соответствии с эконометрической моделью Э. Равенштейна и Э. Ли «толчок-притяжение»[5], основными факторами, определяющими в настоя-

[1] Шатило Д. П. Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов в крупных столицах Европы). Автореф. дисс. канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2018. – С. 11.

[2] Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: Плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. № 3. – С. 43–62.

[3] Parker D. Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities. London: Makmillan Press ltd. 1998.

[4] Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development // U.N. Department of Economic and Social Affairs. Technical Paper. N 2013/6; Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility // Institute of International Education. N.Y., 2012.

[5] Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. Vol. 52. 1889. – P. 241–301.

щее время привлекательность стран зарубежной Европы для китайской иммиграции, являются историко-географические, экономические, социальные и некоторые другие. При выборе страны прибытия важными мотивом выступает уровень благосостояния и доходов местного населения. Также имеет значение экономическое сотрудничество страны въезда с КНР. Но определяющую роль, согласно расчетам (табл. 1), играет историко-географический фактор – наличие китайской общины (коэффициент корреляции 0,78).

Таблица 1. Значимость факторов китайской иммиграции в страны зарубежной Европы, 2013 г.*

(рассчитано по данным: Eurostat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat; Human Development Report, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf ; Ministry of Commerce People's Republic of China [Электронный источник]. – Режим доступа: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment)

Показатели	ИРЧП	Доходы населения (annual net earnings)	Накопленные ПИИ из Китая	Уровень безработицы среди трудоспособного населения	Весомость китайской диаспоры
Доля китайских иммигрантов в населении страны	0,7	0,67	0,58	-0,26	0,78

**Примечание*: Значимость факторов определяется на основе расчета коэффициента корреляции.

Устойчивый рост численности и территориальной концентрации китайских иммигрантов запустил новый процесс – формирование этнической общины. Диаспора (от греч. «διασπορα» – рассеивать, разбрасывать, разъединять и т. п.) – понятие сложное, комплексное и в научной литературе неоднозначное, не имеющее строгого определения. Феномен диаспоры – предмет изучения разных научных дисциплин: географии, демографии, истории, этнологии, антропологии, социологии, политологии, экономики и др. Этим отчасти объясняется многообразие подходов к дефиниции и выделению критериев диаспоры. Вместе с тем все исследователи сходятся во мнении, что не всякую группу лиц определенной этнической принадлежности, проживающую за пределами исторической области расселения, следует относить к диаспоре. У этой группы необходимо наличие совокупности отличительных черт, включая потребность к сохранению этнической идентичности, поддержанию национальной культуры, этнического самосознания и использованию родного языка[1]. Согласно Т. В. Полосковой, диаспора – сплоченная, устойчивая социальная группа

[1] Илларионова Т. С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры) // М., 1994; Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры, 1999 № 1; Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные проблемы. М., 2000.

(объединение людей, имеющих общий значимый признак и участвующих в совместной деятельности, которая регулируется формальными и неформальными институтами), проживающая за пределами страны своего общего географического происхождения и обладающая единым этническим самосознанием; создающая собственные социальные, политические и экономические институты для поддержания самосознания идентичности и общности[1].

Китайская диаспора – сообщество людей, которых объединяет система ценностей и связей, что позволяет им действовать как единый организм, независимо от страны проживания. По разным подсчетам экспертов, численность этнических китайцев, проживающих за пределами Китая, составляет от 35 до 62 млн чел. «Можно сказать, всюду, где светит солнце, есть и наши собратья», – с гордостью говорят в Пекине[2]. Согласно законодательству КНР, существует несколько определений для китайцев, проживающих за пределами Китая, к которым относят представителей всех 56 этнических групп Китая, официально признанных правительством КНР. В целом зарубежных китайцев независимо от гражданства и места рождения принято называть просто хуацяо, англоязычная калька «Overseas Chinese»[3]. Диаспора давно стала стратегическим резервом развития и модернизации экономики КНР, а в странах Европы – влиятельной силой.

С середины XX в. численность китайской диаспоры в европейских странах выросла с 12 тыс. до почти 2 млн чел.[4]. Особенно быстро она прогрессировала в 1980–2014 гг. увеличившись в 3,5 раза. В этот период темпы роста хуацяо в регионе в два раза превышали среднемировые. В результате ныне в Европе проживает около 4,1 % всех хуацяо, но они составляют только 0,2 % населения региона. По масштабу китайской диаспоры Европа существенно уступает как Азии, так и Америке (табл. 2).

Современная география китайской диаспоры в зарубежной Европе сложилась в результате главным образом «новой» волны иммиграции. Ее размещение контрастно: самые крупные сообщества сосредоточены в наиболее экономически развитых странах Европы, а общая численность китайской диаспоры в регионе уменьшается с запада на восток (рис. 2). Более 98 % ее концентрируется в 10 странах, а 50 % приходится на Великобританию и Францию. Большие китайские общины сформировались в Германии, а также в проведших сравнительно недавно амнистию нелегальных иммигрантов Италии и Испании, которые сами являются в некоторой степени «странами-экспортерами» мигрантов. На этом фоне остаются менее значимыми

[1] Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. – 284 с.

[2] Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. М.: ИДВ РАН, 2008. – 96 с.

[3] Закон КНР об охране инвесторов и прав вернувшихся хуацяо и родственников-цяоцзюань; п. 2. [Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гуйцяо цяо цзюань цюаньи баоху фа] (на кит. яз.) [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html .

[4] Overseas Community Affairs Council [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ocac.gov.tw .

Таблица 2. Динамика численности китайской диаспоры в регионах мира по годам, 1980-2014 гг.
(источник: Overseas Community Affairs Council (OCAC), United Nations Statistics Division [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ocac.gov.tw)

Регионы мира	1980		2000		2014	
	численность китайской диаспоры, тыс. чел.	доля региона в китайской диаспоре, %	численность китайской диаспоры, тыс. чел.	доля региона в китайской диаспоре, %	численность китайской диаспоры, тыс. чел.	доля региона в китайской диаспоре, %
Азия	22 391	90,8	27 363	78,1	31 008	73,0
Северная и Латинская Америка	1 558	6,3	5 959	17,0	8 105	19,1
Европа	525	2,1	955	2,7	1 756	4,1
Австралия и Океания	105	0,4	631	1,8	1 169	2,8
Африка	75	0,3	137	0,4	466	1,1
Мир	**24 654**	**100,0**	**35 045**	**100,0**	**42 504**	**100,0**

страны Северной Европы и особенно Восточной Европы, границы которых стали открытыми для китайской иммиграции только с 1990-х гг. Исключением в последнем случае являются лишь Венгрия и Румыния, где в структуре международных мигрантов доля китайцев относительно повышена – 2,4 % и 1,7 % соответственно.

Сопряженный анализ общей численности и «возраста» китайской диаспоры по соотношению присутствующих поколений позволяет развести страны зарубежной Европы в четыре основные группы. Две категории формируют страны со значительной численностью китайской диаспоры, но в одной из них мигранты первого поколения составляют менее 50 % (Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Ирландия, Бельгия, Португалия), а в другой – более 50 % (скандинавские страны, Германия, Швейцария, Австрия, Испания и Греция). По аналогии распределяются на еще две категории страны с относительно малой численностью китайской диаспоры (табл. 3).

В странах Европы, как и в подавляющем большинстве других регионов мира, расселение китайской диаспоры явно тяготеет к городским образованиям. Дискриминация китайцев на начальном этапе иммиграции привела к образованию этнических анклавов – чайна-таунов. Но снятие проблемы и появление возможности быстрой интеграции в общественную жизнь после окончания Второй мировой войны обусловили отсутствие в европейских агломерациях крупных китайских кварталов американского образца. Китайцы расселены преимущественно дисперсно, выраженных национальных анклавов сравнительно немного. Они являются относительно малолюдными и, как правило, выступают местами концентрации этнического бизнеса. Их география напрямую соответствует географии стран с наибольшей численно-

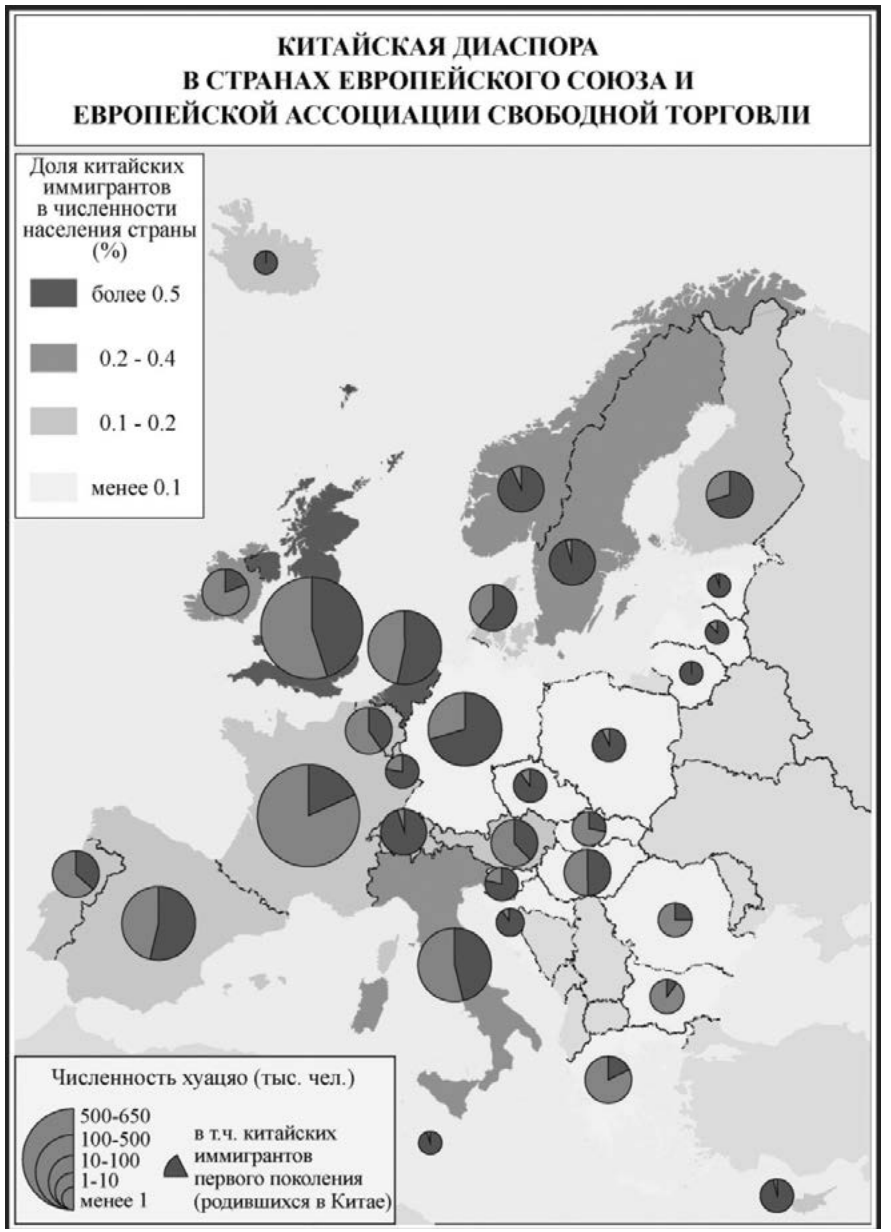


Рис. 2. Китайская диаспора в странах ЕС и ЕАСТ, 2013 г.
(составлено по: Eurostat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat; Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. London: ECRAN, 2013)

Таблица 3. Группировка стран зарубежной Европы по численности и «возрасту» китайской диаспоры, 2013 г.*
(составлено по: Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. London: ECRAN, 2013)

Численность китайской диаспоры	«Возраст»диаспоры	
	«Старая» (преобладают представители китайской диаспоры второго, третьего поколений)	«Молодая» (преобладают представители китайской диаспоры первого поколения)
более 10 тыс. чел.	Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Ирландия, Бельгия, Португалия	Испания, Германия, Австрия, Швеция, Греция, Венгрия, Дания, Швейцария, Норвегия
менее 10 тыс. чел.	Болгария, Румыния, Словакия	Финляндия, Чехия, Польша, Люксембург, Кипр, Словения, Исландия, Литва, Хорватия, Мальта, Латвия, Эстония

**Примечание*. В группах страны перечислены в порядке убывания численности китайской диаспоры.

стью китайской диаспоры. Самые крупные чайна-тауны находятся в Париже, Лондоне и Ливерпуле[1].

Заключение. Китайская иммиграция в Европу и возникновение этнической диаспоры – сравнительно новое и сложное явление, прошедшее три стадии формирования. С середины XX в. численность китайской общины в регионе увеличилась более чем в 150 раз, главным образом за счет последней по времени, так называемой «новой» волны иммиграции, конкретное «рассредоточение» которой задавалось большой совокупностью факторов. Среди них особое значение получили, с одной стороны, иммиграционная политика принимающих стран, а с другой – как «обратная связь» – наличие уже сложившейся китайской диаспоры, что лишний раз подчеркивает значимость развитых социальных сетей хуацяо. В отличие от иммиграционного процесса, общие контуры размещения китайской диаспоры в европейском регионе во многом задает фактор общего уровня социально-экономического развития: ее современная география находится почти в прямом соответствии с конфигурацией «богатых» и «бедных» стран, а общая численность падает строго в направлении с запада на восток. По ряду причин наиболее «перспективными» для роста китайской общины в Европе остаются Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания, отчасти страны Северной Европы, а наименее – Восточной Европы, особенно Болгария, Румыния и Словакия.

[1] Chinatownology. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chinatownology.com .

Китай в глобальном геопространстве современного христианства

С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев, И. А. Захаров

Введение: постановка проблемы. Важнейшей тенденцией пространственного развития христианства в эпоху глобализации стало *расширение его геопространства*. За столетие христианство сохранило свои позиции в качестве крупнейшей религиозной традиции в мире и насчитывало в 2014 г. 2,4 млрд последователей[1]. Расширение геопространства христианства привело к кардинальному перераспределению его адептов между регионами мира. Во многом благодаря высоким показателям прироста христианского населения в Китае, а также в Индии и странах Субсахарской Африки, текущее столетие стало эпохой расцвета христианства на Глобальном Юге. В результате этого произошло смещение географического центра христианства в развивающиеся страны тропического и экваториального поясов, концентрирующих в настоящее время уже более 60 % глобальной христианской популяции[2].

Пережив гонения, христиане превратились в одну из наиболее динамично растущих и влиятельных религиозных общин Китая. История христианизации Китая насчитывает не одно столетие, однако именно в XXI в. деятельность христианских миссионеров стала давать впечатляющие результаты (табл. 1). Ныне Китай – лидирующая по численности населения страна мира – является домом для одной из крупнейших христианских общин в странах Азии. Более полувека назад, после прихода к власти коммунистов и образования КНР, мало кто из исследователей религии мог предположить, что христианство в Поднебесной ждет такое блестящее будущее, и христиан в Китае станет больше, чем членов правящей КПК, придерживающейся атеистической идеологии.

Таблица 1. Динамика численности христианского населения Китая
(источники: Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.; Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gordonconwell.edu/ockenga/research/documents/ChristianityinitsGlobalContext.pdf)

Годы	Численность христиан, млн чел.	Доля христиан в населении Китая, %
1910	1,7	0,4
1970	0,85	0,1
2010	28,7–115,0	2,1–8,6
2020 (прогноз)	147,5	10,6
2050 (прогноз)	225,1	18,4

[1] Горохов С. А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 6. – С. 26–34.

[2] Горохов С. А. Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). – С. 44–48.

Официальная правительственная политика Пекина в отношении христианства за годы существования КНР претерпела существенные изменения – с первоначального «подавления» (1949–1966 гг.) и даже «искоренения» (1966–1979 гг.) в эпоху «культурной революции» до «контроля с целью ослабления» (1979–1995 гг.) при старте экономических реформ и, наконец, «управления для сдерживания», начиная с 1995 г.[1]. Постепенно китайские коммунистические власти смирились с существованием христианской общины и официально признали протестантизм и католицизм наряду с буддизмом, исламом и даосизмом в качестве пяти религиозных традиций страны[2].

В настоящее время в КНР активно функционируют Ассоциация китайских католиков-патриотов (АККП) и протестантское Патриотическое движение тройственной независимости христиан (ПДТН)[3,4]. Оба религиозных объединения опираются на деятельность тысяч священнослужителей, имеют духовные учебные учреждения, ежегодно распространяют более 18 млн экземпляров Библии на китайском языке, напечатанных в местных типографиях. Во всех крупнейших городах наряду с буддийскими пагодами и даосскими храмами отчетливо видны силуэты церквей[5]. В Гонконге (Сянгане) и на Тайване действует митрополия Константинопольского Патриархата. С 2013 г., после визита в Китай Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, появилась возможность официального признания государством Китайской автономной православной церкви, пока еще не имеющей своего епископа[6].

Однако имеются значительные проблемы в оценке фактических размеров христианской общины Китая[7], значения которых колеблются в весьма широких пределах от 2 до почти 9 % населения страны (табл. 2). Столь серьезный разброс величин связан с тем, что пока не существует единой статистической базы христиан, а в переписи населения отсутствует вопрос

[1] Why Christianity is Thriving in China Today. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://berkleycenter.georgetown.edu/events/why-christianity-is-thriving-in-china-today .

[2] Фелльман Ф. Полезен ли опиум? «Адаптированная религия» и «гармония» в современном Китае // Новые научные подходы к изучению религий Китая (Современное зарубежное религиоведение). Специальный выпуск / отв. ред. С. А. Горбунова. М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 45–46.

[3] «Тройственая независимость», или сань цзы, понимается как единство трех принципов, обеспечивающих официальное признание религии в КНР: самоуправление (цзы чжи), самообеспечение (цзы ян), самораспространение (цзы чуань).

[4] Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 177 с.

[5] Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/ .

[6] Иларион: для возрождения Православной церкви Китая есть все условия // РИА Новости. 14.05.2013.

7 Blue Book of Religions. Annual Report on China's Religions. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, 2010.

Таблица 2. Численность и доля христианского населения Китая по различным оценкам, 2010 г.

(источники: 1 – Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.; 2 – Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gordonconwell.edu/ockenga/research/documents/ChristianityinitsGlobalContext.pdf; 3 – Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/; 4 – The Global Religious Landscape. A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2014/01/global-religion-full.pdf; 5 – Malek R. People's Republic of China: Churches and Religions. Annual Statistical Overview 2010/2011 // Religions and Christianity in Today's China. 2011. Vol. I. N 1. – P. 32–59)

Номер источника данных	Численность христианского населения Китая, млн чел.	Доля христиан в населении Китая, %	Место Китая в мире по численности христиан
1	115,0	8,6	4
2	106,5	7,9	5
3	67,1	5,0	7
4	68,4	5,1	7
5	28,7	2,1	27

о вероисповедании. При анализе данных о численности христиан в Китае следует учитывать и то, что эта тема крайне актуальна для местных властей, считающих, что их рост может являться косвенным свидетельством идеологической и культурной слабости страны, и старающихся занизить количественные показатели. Что касается самих христиан, то они часто отказываются участвовать в опросах, опасаясь, что публичное признание религиозности может повлечь ущемление их прав со стороны властей[1]. К тому же не все даже постоянные прихожане церквей проходят официальный обряд крещения, и поэтому их принадлежность к христианству можно считать неформальной.

Один из крупных специалистов по изучению религий в Китае профессор Ян Фэнган из Университета Пердью (США, Индиана), описывая ситуацию в религиозной сфере страны, использует «модель[2] тройного рынка»[3]. Данная

[1] Stark R., Byron J., Carson M. Counting China's Christians [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.firstthings.com/article/2011/05/counting-chinas-christians.

[2] В своей модели Ян Фэнган опирается на идеи американских социологов религии Р. Старка и У. Бэинбриджа, которые используют экономическую терминологию в объяснении религиозной ситуации в современном мире, видя в ней отношения конкурирующих религиозных организаций, функционирующих на «рынке» религий (Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. Bern: Lang. 1987. – P. 27).

[3] Fenggang Y. The Red, Black, and Gray Markets of Religion in China // The Sociological Quarterly. 2006. N 47. – P. 93–122.

модель состоит из трех структурных элементов: красный рынок (официально разрешенные религиозные организации), черный рынок (официально запрещенные религиозные организации – например, фалуньгун[1]) и серый рынок (религиозные организации, не запрещенные, но не имеющие легального правового статуса).

Данные официальной китайской религиозной статистики, которые дает в том числе «Синяя книга религий» (Blue Book of Religions), издаваемая Китайской академией общественных наук, можно рассматривать как минимальные, поскольку они учитывают только постоянных прихожан старше 18 лет, официально зарегистрированных, то есть относящихся только к «красному рынку» религиозных объединений страны. Для того чтобы оценить численность всего христианского населения Китая, необходимо учесть прихожан религиозных организаций «серого рынка»: для этого используется косвенная статистика, базирующаяся на оценочных данных посещаемости церквей, количества распространенных за определенные периоды времени экземпляров Библии, социологических опросов прихожан, интервью с лидерами христианских общин и др.

Согласно «Синей книги религий», в Китае насчитывается 28,7 млн христиан, из которых 23 млн составляют протестанты (1,8 % населения страны), 5,7 млн – католики (0,3 %); функционируют около 55 тыс. церквей и других религиозных зданий, построенных в основном в последнее десятилетие[2]. С другой стороны, еще в 2006 г. руководитель Государственного управления по делам религий Йе Сяовэнь в интервью информационному агентству Синьхуа высказал мнение, что в стране живут около 130 млн христиан[3]. По данным, приводимым Т. Джонсом и К. Россом из Центра изучения мирового христианства Эдинбургского университета, в Китае насчитывается более 115 млн христиан (8,6 % населения страны), из которых около 100 млн (7,5 % жителей КНР) составляют протестанты, 15,2 млн – католики (1,1 % всего населения), 70 тыс. – приверженцы православия[4]. С учетом таких оценок Китай занимает 4-е место в мире по численности христиан после США, Бразилии и России. Согласно прогнозам, к 2050 г., он может стать второй христианской страной мира (более 225 млн), уступая лишь США.

Как представляется, значительная часть адептов христианства является приверженцами незарегистрированных государством религиозных организаций («серый рынок»), которые условно называются «домашними», или

[1] Синкретическое религиозное учение, созданное в 1992 г. отставным офицером Ли Хунчжи, сочетающее оздоровительные практики с элементами учения буддизма и даосизма, отличающееся упорядоченной иерархической структурой по типу военной.

[2] Lam A. A Review of the Development of Christianity in China from the latest edition of Blue Book of Religions (2010) // Tripod. 2010. N 159. – P. 54–62.

[3] Hattaway P. How Many Christians are There in China? [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.asiaharvest.org/pages/Christians%20in%20China/How%20Many%20Christians%20are%20There%20in%20China.pdf .

[4] Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.

«катакомбными» церквями[1]. Данные религиозные общины отказываются ставить себя под административный и богословский контроль официальных церквей. Даже испытывая определенные гонения со стороны государства, они имеют возможность вести религиозную деятельность, в том числе строить культовые сооружения. В связи с этим термин «домашняя», или «катакомбная», церковь является скорее условностью и не означает то, что их приверженцы собираются только в частных домах (хотя это также происходит часто) или, тем более, в подземельях.

В последние годы важнейшим направлением развития христианства в Китае становится движение христианского возрождения, или «ревайвела». Первая волна возрождения связана с пятидесятничеством, идеология и культовая практика которого сыграла определяющую роль в развитии всего движения. В дальнейшем вторая волна возрождения затронула и трансформировала другие протестантские традиции (прежде всего баптизм, методизм, пресвитерианство), а также католицизм и даже православие, то есть приняла трансконфессиональный характер[2].

Доктринальными особенностями движения ревайвела являются вера в необходимость духовного преобразования христианина и его «рождения свыше» в результате крещения Святым Духом; вера в богодухновенность Библии; активное использование в религиозной практике глоссолалии – говорения на иных языках; убежденность в необходимости приобщения к вере как можно большего числа людей. Для церквей этого направления характерна активная социальная позиция, некоторые из них придерживаются «теологии процветания» («теологии богатства»), поощряющей стремление человека к богатству и успеху, поэтому многие китайцы становятся христианами для того, чтобы, как пишет Ян Фэнган, «раскрыть секрет западного успеха и процветания». Для внутреннего устройства церквей движения ревайвела характерна не иерархичность как у традиционных направлений христианства, а сетевая структура, что серьезно затрудняет контроль государства над религиозными организациями.

Среди «домашних церквей» КНР доминируют испытавшие ревайвел прежде всего пятидесятнические и харизматические, число последователей которых, по оценочным данным, превышает 95 млн чел., или около 83 % христианской общины страны[3]. По численности сторонников движения ревайвела Китай занимает 1-е место в мире (более 15,5 % их общего числа). Примерами религиозных организаций движения ревайвела являются Церковь «Китай за Христа» (Братство Фанчэн) и Китайское евангельское братство (Братство Танхэ) – крупнейшие в стране объединения «домашних церквей», построенные по сетевому принципу, с численностью последователей каждой,

[1] Lee J. Christianity in Contemporary China: An Update // Journal of Church and State. 2007. N 49 (2). – P. 277–304.

[2] Христианские церкви, не порвавшие со своей традицией, но прошедшие через ревайвел, стали называться харизматическими.

[3] Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.

оцениваемой в 10–15 млн чел.[1]. Среди других, официально не признаваемых государством религиозных организаций страны, можно назвать «катакомбную» католическую церковь Китая, епископы которой назначаются Папой Римским, несмотря на принцип тройной независимости, исключающего официальное признание властями религиозной организации, руководство которой находится за пределами КНР[2]. По оценкам, численность «катакомбных» католиков превышает число «католиков-патриотов» из АККП и составляет более 9 млн[3].

При различиях в определении масштаба христианской общины все современные источники едины в том, что ее увеличение – важный тренд для современного Китая. Так, за период 1970–2020 гг., согласно данным Центра по изучению мирового христианства, среднегодовые темпы прироста христианского населения в КНР были в 7 раз выше среднемировых (10,86 % против 1,47 %)[4]. По темпам ежегодного прироста христиан, которые позволяют удваивать их численность каждые 6,6 года, Китай занимает 2-е место в мире, немного уступая лишь Непалу[5], а по абсолютному ежегодному приросту – более 2,8 млн – не знает равных[6]. В «Синей книге религий» указывается, что христианская община страны всего лишь за период с 1993 г. по 2010 г. увеличилась на 73,4 %![7]. Среднегодовые темпы прироста христиан более чем в 27 раз выше темпов прироста всего населения Китая. В результате по прогнозам к 2020 г. христиане будут составлять почти 11 % населения страны, а к 2050 г. – более 18 %[8].

Источники роста и размещение христианского населения Китая. Существуют три основных источника роста адептов религий: рождаемость в религиозной общине (демографический рост), интенсивность обращения в религию (религиозная конверсия) и, наконец, иммиграция единоверцев. Соответственно к уменьшению числа верующих приводят обратные процессы: смертность, уход из религии, эмиграция. Рост христианского населения в Ки-

[1] Wesley L. Is the Chinese Church Predominantly Pentecostal? // Asian Journal of Pentecostal Studies. 2004. Vol. 7. N 2. – P. 225–254.

[2] Лексютина Я. В. КНР – США и проблема свободы вероисповедания // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2. – С. 16–21.

[3] Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/ .

[4] Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gordonconwell.edu/ockenga/research/documents/ChristianityinitsGlobalContext.pdf .

[5] You Might Be Surprised At The Top 20 Countries Where Christianity Is Growing The Fastest. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://davidjoannes.com/top-20-countries-christianity/ .

[6] Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.

[7] Lam A. A Review of the Development of Christianity in China from the latest edition of Blue Book of Religions // Tripod. 2010. N 159. – P. 54–62.

[8] Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gordonconwell.edu/ockenga/research/documents/ChristianityinitsGlobalContext.pdf

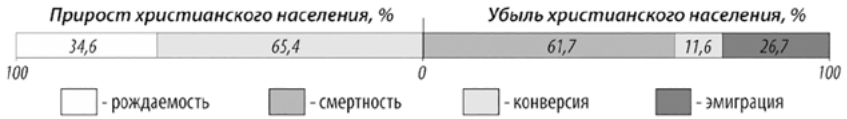


Рис. 1. Компоненты изменения численности христианского населения Китая, 2010 г.
(составлено по: Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 384 p.)

тае происходит в первую очередь благодаря религиозной конверсии, которая дает более 65 % положительной составляющей прироста общины[1] (рис. 1).

По данным Центра изучения мирового христианства, здесь в 2010 г. в христианство перешли около 2,7 млн чел., что составляет почти 17 % новообращенных христиан мира![2]. Рождаемость, по общему коэффициенту которой адепты религии Христа уступают остальному населению страны (1,2 % в год у христиан[3] против 1,3 % в среднем по стране[4]), обеспечивает около 1/3 положительной составляющей прироста общины (1,4 млн), а иммиграция фактически вообще не влияет на динамику христианского населения страны. Таким образом, каждый год в Китае появляется около 4,1 млн новых христиан. Однако это – без учета потерь христианского населения. Среди компонентов отрицательной составляющей прироста его численности в Китае (примерно 1,2 млн чел. ежегодно) доминируют демографические – смертность (62 %) и эмиграция (более 26 %), а уход из христианства по сравнению с числом новообращений незначителен.

Распределение христианского населения Китая имеет четкие региональные особенности: подавляющее его большинство размещено в провинциях, находящихся на побережье Тихого океана и в долинах Хуанхэ и Янцзы (рис. 2). Максимальна численность христианской общины в провинции Хэнань – 17,5 млн чел. Еще в семи провинциях (Аньхой, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун, Хэбэй, Фуцзянь) и городе центрального подчинения Шанхай она составляет более 4 млн в каждой из перечисленных административно-территориальных единиц; в целом в них сосредоточено почти 60 % христиан страны, выбирающих для проживания преимущественно крупные города. Всего в КНР насчитывается 15 агломераций с численностью христианского населения более 350 тыс. в каждой. Большинство из них находятся в приморских районах страны, которые еще в XIX в. в силу статуса договор-

[1] Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. – С. 85–90.

[2] Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. –384 p.

[3] Ibid.

[4] Вишневский А. Г., Дмитриев Р. В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. / Под ред. Л. М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С. 197–229.

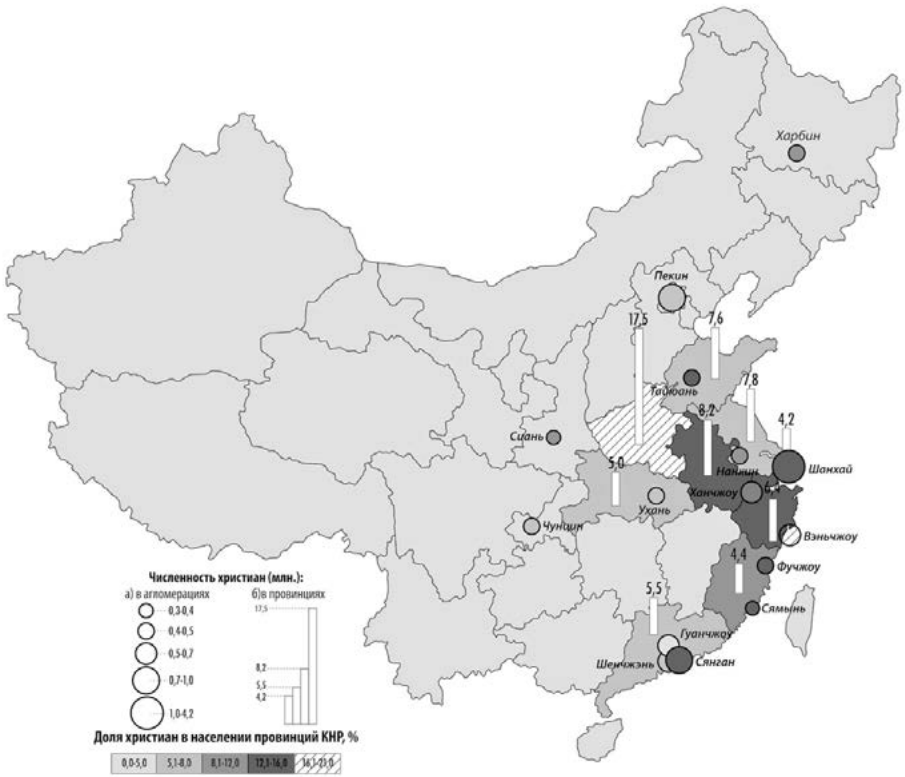


Рис. 2. Численность и доля христианского населения в населении провинций Китая, 2010 г.
(составлено по: Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 384 p.)

ных портов были центрами христианского миссионерства. Шанхай к началу XXI в. стал третьим по численности христианского населения городом Азии (после Манилы и Сеула). Другой центр – Вэньчжоу – приобрел славу «Иерусалима Китая» благодаря высокой доле христиан в населении (более 20 %) и значительному числу культовых сооружений.

Заключение. Можно констатировать, что христианство сегодня – это действительно глобальная религия, в своей деятельности ее адепты руководствуются принципом «нет границ, есть только люди», позволяющим им вести свою проповедь в таких странах, как Китай, где традиционно преобладали иные религиозные традиции[1].

[1] Горохов С. А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. – С. 107–116.

Локализация христиан Китая в наиболее экономически развитых провинциях страны и крупных городах подтверждает взгляд на христианство, прежде всего протестантизм, как на важное условие (или следствие) хозяйственного развития[1]. Российский исследователь Р. Н. Лункин пишет: «Протестанты первыми в сфере религии поняли значение для миссионерства интеграционных процессов в мире, все увеличивающейся скорости информационного обмена и универсальности правовой и экономической системы американо-европейского типа»[2]. Успех христианских миссионеров в Китае – крупнейшей экономике современного мира – стал зримым свидетельством модернизации страны и включения ее в орбиту процессов глобализации.

[1] Горохов С. А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. – С. 56–61.

[2] Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. – С. 100.

Заключение

В ходе истории постоянно меняются векторы и лидеры мирового развития. Мирохозяйственные (глобализационные процессы), как и другие исторические процессы, имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции[1]. Фаворит первого интеграционного цикла – Англия, поскольку в середине XIX в. страна производила половину мировой промышленной продукции. Время ее господства, продолжавшееся вплоть до окончания Первой мировой войны, вошло в историю как Pax Britannica. «Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов... Второй глобальный интеграционный цикл, т. е. нынешняя глобализация, начался с завершения Второй мировой войны и закономерно вошел в историю как Pax Americana (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять апогей нынешнего кризиса, а именно 2008 г. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны)»[2]. Налицо и утрата безоговорочного могущества США, экономика которых к концу второго десятилетия XXI в., согласно данным Всемирного банка, уже менее четверти мировой[3]. В. Шупер не без оснований предполагает, что лет через 15–20 начнется третий глобальный интеграционный цикл, но это будет уже интеграция вокруг другого лидера.

Один из сравнительно неожиданных для многих западных экономистов и политиков результатов второго глобального цикла – стремительное возвышение ранее традиционно «закрытого» Китая, который в сжатые сроки перешел на рельсы рыночной экономики и, реализовав ряд крупных государственных программ, превратился в «мировую фабрику». Ныне страна, отличаясь сверхбыстрыми темпами экономического роста и на равных соперничая с признанными авторитетами на самых разных глобальных отраслевых рынках, плотно, но не афишируя, «подпирает» номинального лидера мирового хозяйства по всем позициям. В последнее время становится все более заметным, с одной стороны, усиление воздействия процесса глобализации на китайскую экономику, с другой – нарастание значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства.

[1] Мироненко Н. С., Гитер Б. А. Мирохозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 40.

[2] Шупер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация. 22.11.2017. Сайт С. П. Курдюмова. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/ .

[3] The World Bank, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http: //worldbank.org/data/ .

Материалы книги убедительно доказывают, что Китай не собирается оставаться индустриальным придатком Запада, концентрируя усилия, с одной стороны, на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей национального хозяйства, а с другой – возглавляя процессы урбанизации, индустриализации и научно-технического прогресса всего развивающегося мира. В результате уже произошли кардинальные изменения не только в «табеле о рангах» в глобальной экономике, но и в общей расстановке сил в системе отношений Центр – Периферия мирового хозяйства за счет быстрого укрепления места Полупериферии.

Более того, позиционирование современного Китая в мировом сообществе далеко не ограничивается только экономической нишей. Уже к началу XXI в. страна превратилась в глобальную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а «китайский фактор» оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов. Намеренно отказавшись от конкуренции в области идеологии, оставаясь твердым приверженцем принципов ООН, входя во многие международные организации и активно проводя политику «мудрой силы»[1] на разных территориальных уровнях – глобальном, региональном и субрегиональном, Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную. Для «проверки боем» верности своей стратегической линии избран глобальный проект «Один пояс – один путь», объединяющий почти 7 десятков государств с населением около 4,5 млрд чел. Он должен показать стремление Китая не только к рациональному устранению территориально-отраслевых перекосов в национальной экономике и смягчению внутренних социальных диспропорций, но и к ответственному участию в интеграционных процессах на макрорегиональном уровне: высветить спектр проблем, возможности и способности организации новых «точек роста», тем самым раскрывая реальный потенциал притязаний на мировое лидерство. Этот евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие, призван обозначить главные черты нового миропорядка.

В целом выход Китая на мировое лидерство – не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратагемного мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован на мировое цивилизационное доминирование «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая – не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию.

[1] Термин «мягкая сила» (soft power) трактуется часто по-разному. В Китае в нее вкладывается, главным образом, конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства (см. например: Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. – С. 26–36).

Так или иначе, но в любом случае остро встает вопрос о ближайших и надежных партнерах, среди которых особое место занимает Россия. Для возникновения союзных отношений между двумя странами-гигантами выгодно уже их геостратегическое положение, родственность по общегеографическим размерным «габаритам» и богатая история позитивного взаимодействия. Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность их экономического и научно-технологического развития компенсируется взаимными дополнениями. Несмотря на выявленную необходимость дальнейшей проверки гипотезы о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия вне постсоветского пространства, на текущем историческом этапе у Китая и России нет острых противоречий, в том числе в отношении видения желаемого мироустройства. Обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование США, открыто объявившие Россию угрозой своим интересам, а Китай – экономическим конкурентом, что в преддверии третьего глобального интеграционного цикла делает последних естественными союзниками.

С учетом отсутствия у России должного экономического базиса, активно-прагматической внешней политики и претензий на мировое верховенство, но традиционной ее открытостью к поддержке верных друзей, у Пекина оказываются «развязанными руки». При «слабости» России и закате Запада, который вместо мобилизации сил на эпохальном историческом рубеже до сих пор пребывает в нирване от крушения советского блока и СССР, смело можно прогнозировать закономерное возникновение в ближайшем будущем китаецентричной системы международного порядка. В рамках третьего глобального интеграционного цикла мировое лидерство впервые за последние 500 лет уйдет за пределы глобального Запада, и этот период истории, вероятно, заслужит обозначение как *Pax Sinica.* Хотя Пекин вынужден будет еще предложить миру свой «цивилизационный проект».

Таким образом, книга, посвященная памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства Е. Н. Самбуровой, содержит развернутый и утвердительный ответ на риторический вопрос в ее последних трудах: «Ограничится ли Китай ролью регионального лидера или будет претендовать на роль мирового лидера, реализуя глобальный проект «Один пояс – один путь»?[1]

Авторский коллектив очень надеется, что собранные и предложенные в книге материалы будут интересны и полезны для экономикогеографов, экономистов, политологов, синологов, преподавателей, научных сотрудников и учащихся вузов, в том числе на площадке совместного университета МГУ имени М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета в Шэньчжэне.

[1] Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf .

Литература

1. Аигина Е. В. Учет национальных и религиозных особенностей туристов при организации путешествий // Вестник КазНУ. Серия географическая. 2016. № 1/2 (42). – С. 136–142.
2. Александрова А. Ю., Майкова В. В. Китайский потребитель на российском туристском рынке // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XII Международной научно-практической конференции. МГУ имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, 25–26 апреля 2017. – АНО «Диалог культур», 2017. – С. 146–159.
3. Анохина Е. С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского Государственного Университета. 2012. № 335. – С. 51–54.
4. Антипов К. События на Арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. – С. 204–226.
5. Ахметшин Н. Х. Тайны Шелкового пути: записки историка и путешественника. М.: Вече, 2002. – 415 с.
6. Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: УРСС, 2002. – 120 с.
7. Бабурин В. Л. Советский Союз: вчера, сегодня, завтра // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб: РГО, 1995. – С. 39–46.
8. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших Дней (инновационно-синергетический подход). М.: УРСС, 2002. – 272 с.
9. Бакланов П. Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). М.: Наука, 1986. – 149 с.
10. Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. – 287 с.
11. Басарева В. Г., Михеева Н. Н. Сибирский федеральный округ: что мешает экономическому росту // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). – С. 104–125.
12. Бедность вместо глобализации // Эксперт. 2017. № 4 (1014). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2017/04/bednost-vmesto-globalizatsii/.
13. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Изд-во «Гео», 2008. – 369 с.
14. Беларусь в цифрах. 2018: статистический справочник. Минск: Белстат, 2018. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by /upload/iblock/b03/b033f06fe02eb45f02640bdc838310a9.rar.
15. Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.sonar 2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/
16. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009. –560 с.
17. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
18. Бирюков В. И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М.: Наука, 1983. – 141 с.
19. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, август 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://valdaiclub.com/files/11593/
20. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. – 679 с.
21. Бугроменко В. Н. Транспорт в территориальных системах. М.: Наука, 1987. – 112 с.
22. Бэйдзин жибао. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bjd.com.cn/
23. Валлерстейн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

24. Ван Бюцзюнь. Возможности и вызовы участия Китая в управлении глобальными инвестициями. [Чжунго цаньюй цюаньцю тоуцзы чжилидэ цзиюй юй тьяочжань] // Международное экономическое обозрение. [Гоцзи цзинцзи пинлунь] (на кит. яз.). 2014. № 1. – С. 94–109.
25. Вардомский Л. Б., Самбурова Е. Н. Региональные процессы в переходной экономике России и Китая // Вопросы прогнозирования. 1995. № 2. – С. 67–78.
26. Вей Е. Д., Лун Джи Кинь. Зоны развития, иностранные инвестиции и формирование Шанхая как глобального города // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и реф. // Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2008. – С.114–124.
27. Видение и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века. Государственный комитет по развитию и реформе, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции КНР. [Гоцзя фачжань хэ гайгэвэй, Вайцзяобу, Шанъубу. Туйдун гунцзянь сычоучжилу цзинцзидай хэ 21 шицзи хайшан сычоучжилу дэ юаньин юй синдун] (на кит. яз.). Beijing: Waijiaochubanshe, 2015.
28. Вишневский А. Г., Дмитриев Р. В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. / Под ред. Л. М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С. 197–229.
29. Вступление в ВТО и внешнеэкономические связи КНР / Под ред. Цзян Гоцин. [Цзяжу WTO юй чжунго дуйвай цзинмао гуаньси] (на кит. яз.). Ченду: Сычуань жэньминь, 2001. – 251 с.
30. Галенович М. Ю. Прав ли Дэн Сяопин, или китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М.: Изограф, 2000. – 288 с.
31. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров: Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. – 415 с.
32. География мирового хозяйства: учебник. Отв. ред. Мироненко Н. С. М.: «Трэвэл Медиа Интернэшнл», 2012. – 352 с.
33. Геополитические и геоэкономические проблемы России / Отв. ред. С. Б. Лавров. СПб: РГО, 1995. – 230 с.
34. Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000. – 352 с.
35. Гитер Б. А., Гречко Е. А., Колосов В. А., Мироненко К. В. Пилька М. Э., Самбурова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Основные направления исследований географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 6. – С. 3–10
36. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространества и судьба Евразийского экономического союза // Научные доклады ИЭ РАН. М.: ИЭ РАН, 2016. – 59 с.
37. Глобализация экономики Китая / Под ред. чл-корр. РАН В. В. Михеева. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 392 с.
38. Глобальная социально-экономическая география: Сборник научных трудов памяти Н. В. Алисова / Под ред. Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. – 272 с.
39. Головчанская Е. Ю. Механизмы адаптации китайской диаспоры в США в последней четверти двадцатого века и формы традиционного менталитета // Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. – С. 155–166.
40. Горкин А. П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена, 2012. – 348 с.
41. Горохов С. А. Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). – С. 44–48.
42. Горохов С. А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. – С. 56–61.
43. Горохов С. А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. – С. 107–116.
44. Горохов С. А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 6. – С. 26–34.
45. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. – С. 85–90.
46. Гречко Е. А. Географические различия систем корпоративного управления: Учебное пособие. М.: Географический ф-т МГУ, – 2015. – 148 с.
47. Гречко Е. А., Пилька М. Э., Слука Н. А. Корпоративный подход в исследовании глобальных городов // Региональные исследования. 2016. № 3. – С. 13–21.
48. Гулидов Р. В. Проект «Туманган»: Вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. – С. 90–108.
49. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2000. – 384 с.
50. Дакалов М. В. Масштабы и тенденции использования возобновляемых источников энергии // Бурение и Нефть. 2014. № 10. – С. 60–61.
51. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 177 с.
52. Дейч Т. Л. Антикризисная стратегия Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. 2009. № 8. – С. 15–21.
53. Дейч Т. Л. Африка во внешнеэкономических приоритетах Пекина в условиях замедления роста китайской экономики // Труды института востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. – С. 114–122.
54. Дейч Т. Л. Китай «завоевывает» Африку. М.: Институт Африки РАН, 2014. – 382 с.
55. Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, 24 апреля 1955 г. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru /norm/norm.asp?normID=1168321
56. Денисов И. Е. Поднебесная смотрит на Запад. Контуры глобальных трансформаций. 2016. № 6 (51). – С. 20–40.
57. Деньги, кредит, банки: учебник. / Кол. авторов; под ред. О. И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2014. – 448 с.
58. Джохадзе В. Д. Финансовые аспекты обеспечения стабильности транснациональных корпораций. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 144 с.
59. Дзинхуа шибао. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.jinghua.cn/
60. Дмитриев М. Новая формула богатства: как России вырваться из ловушки среднего дохода. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/5581596d9a794771284d8142.
61. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870.
62. Додин Л. Фанатический профессионал // Петербургский театральный журнал. 1994. № 5. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ptj.spb.ru/archive/5/in-auditorium-5/fanaticheskij-professional/
63. Доклад о развитии региональной экономической провинции Гуандун – 2009. Составитель: Комитет реформ и развития провинции Гуандун [Гуандун шэн цюйюй цзинцзи фачжань баогао (2009) Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь] (на кит. яз.). Гуанчжоу, 2011.
64. Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014 [Чжунго цзинцзи тэцюй фачжань баогао (2014)] (на кит. яз.). Пекин. 2014. Сайт статистического управления провинции Гуандун КНР. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.gdstats.gov.cn.

65. Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде КПК 18.10.2017 г. // Xinhua. 27.10.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm
66. Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
67. Дун Сочэн, Чжао Миньянь, Го Пэн, Ши Гуанъи, Ли Юй, Ли Цзэхун, Ван Цзюньни, Чжу Шаоцин. Модель развития пояса экологического туризма на территории «одного пояса и одного пути» [«И дай и лу» шэнтайлюйю дай фачжаньмошиюйдуйцэ] // Вестник Китайской академии наук [Чжунго кэсюэюаньюаньканьь]. (на кит. яз.). № 6 (31). 2016. – С. 647–653.
68. Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5005.shtml
69. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. М.: Ин-т экономики РАН, 2012. – 45 с. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://inecon.org/docs/Yevstigneevy.pdf. – С. 19.
70. Жэньминь жибао, ежедневная газета. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://people.com.cn/
71. За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу – в инфографике Sputnik. 03.11.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html.
72. Закон КНР об охране инвесторов и прав вернувшихся хуацяо и родственников-цяоцзюань. п. 2. [Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гуйцяо цяо цзюань цюаньи баоху фа] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html.
73. Зименков Р. И. Новые явления в зарубежной деятельности американских ТНК // Россия и Америка в XXI веке.2015. № 1. – С. 7. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://elibrary.ru/download/elibrary_23341307 _74692666.html
74. Ившина О. Шойгу предложил перенести столицу в Сибирь. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/ russian/russia/2012/04/120406_shoigu_capital_siberia.shtml.
75. Йифу Л. Д. Демистификация китайской экономики / Пер. с англ. М. Недоступа под науч. ред. А. Куряева. М.: Мысль, 2016. – 384 с.
76. Иларион: для возрождения Православной церкви Китая есть все условия // РИА Новости. 14.05.2013.
77. Илларионова Т. С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М.: Нойес Лебен, 1994. – 167 с.
78. Инвчина И. Инвестиции в Китай [Электронный источник]. – Режим доступа: http://kaig.ru/rf/invchina.pdf.
79. Инновационный дайджест РЖД [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.rzd-expo.ru/innovation/high_speed_traffic_and_infrastructure /prospects_for_the_development_of_high_speed_movement_in_russia.php.
80. Институт социального и экономического развития. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://isedworld.org/2016/10/24/.
81. Институты и Классы Конфуция [Гуаньюйкунцзясюэюанькэтан]. Официальный сайт Институтов Конфуция. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes /node_10961.htm
82. Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных (ИСТИНА) МГУ. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/profile/samburova/
83. Интерфакс. Новости. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.interfax.ru.
84. Ионичев Н. П. История экономики. Внешние экономические связи России. М.: Аспект Пресс, 2001. – 399 с.
85. Историко-Документальный Департамент МИД России. Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711–1778 гг.) – Информационно-справочные материалы. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://idd.mid.ru.

86. История миграции китайцев за рубеж // Управление иностранных дел в провинции Анхуи. 18.04.2008. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ahie.gov.cn/show.php?type=qwgzl&id=1208517887
87. Калашников Д. Б. Трансформация мирового хозяйства под воздействием экономического развития Китая // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 4. – С. 9. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mirec. ru/2017-04/the-rise-of-china-and-its-impact-on-the-evolution-of-the-world-economy.
88. Калмыкова В. Г., Овдиенко И. Х. Северо-Западный Китай. М.: Географгиз, 1957. – 192 с.
89. Кантышев П. Китайская четверть // Ведомости. 2017. Март. № 4276.
90. Касаткин П. В., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. – С. 26–36.
91. Касимова Е. Н. Нанкинская резня 1937 года: восприятие и оценки // Международное Радио Китая (blog). 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://russian.cri.cn/1975/2015/12/11/1s568532.htm.
92. Квашнин Ю. Д. Взаимные прямые инвестиции на пространстве СНГ: проблемы, перспективы, уроки украинского кризиса // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. – С. 139–149.
93. Ким В. С. Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Политические науки. Востоковедение. – С. 55–61.
94. Китай и арабские революции // Forbes. 1.12.2011. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/rynki/77050-kitai-i-arabskie-revolyutsii
95. Китай назвал основных доноров и реципиентов рабочей миграции // ЭКД. 06.02.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ekd.me/ 2017/02/kitaj-nazval-osnovnyx-donorov-i-recipientovrabochej-migracii/.
96. Китайская CEFC отложила покупку акций «Роснефти». М.: РБК, 2018. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.rbc. ru/business/13/03/2018/5aa7a31e9a79472076f58c99.
97. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2009. – 592 с.
98. Китайская фармация набирает обороты // Аптека. 2000. № 20 (241). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.apteka.ua/archives /241/14693.html.
99. Китайское правительство опубликовало первую часть доклада о политике в арабском мире // Xinhua. 13.01.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/2016-01/13/c_1117766467.htm
100. Климовец О. В. ТНК России: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. – 380 с.
101. Ковалев Ю. Ю. В завершении саммита ООН по климату в Париже: неустойчивость территориальных систем и новые риски регионального развития // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. Екатеринбург, 2016. – С. 91–108.
102. Козуб П. Почему Китай обогнал Индию? // Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Науч. ред. Л. Бальцерович, А. Жоньца; пер. с польского Ю. В. Чайникова под науч. ред. А. В. Куряева. М.: Мысль, 2016. – С. 373–412.
103. Колосов В. А., Гречко Е. А., Мироненко К. В., Самбурова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 1. – С. 3–12.
104. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001. – 479 с.
105. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике. М.: Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=269044.

106. Кондратьев В. Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. – С. 5–17.
107. Корендясов Е. Н. Битва за уран в Сахаре и Сахеле // Индекс безопасности. 2013. № 4. – С. 61–70.
108. Кранина Е. И. Проблемы экологической безопасности Китая // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. – С. 13–18.
109. Краснова А., Краснова Г. Великий китайский поход за иностранными студентами // Независимая газета. 28.10.2015.
110. Кугач В. В., Мастыков А. Н. Современные тенденции развития фармации Китая // Организация фармации за рубежом. 2014. Апрель. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.recipe.by/files/ magazines/recipe/txt/2_2007/29-38.pdf.
111. Кузнецов А. В., Гемуева К. А., Квашнин Ю. Д., Невская А. А., Макарова А. А., Четверикова А. С., Цукарев Т. В. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 56 с.
112. Кулинцев Ю. «Один пояс-один путь»: инициатива с китайской спецификой. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://russiancouncil. ru/blogs/riacex-perts/?id_4=1868.
113. Кэ М., Цзюнь Л. Коммерция в Китае. Межконтинентальное издательство Китая, 2004. – 516 с.
114. Ларин А. Г. Китай и зарубежные китайцы. М.: ИДВ РАН, 2008. – 96 с.
115. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.
116. Ларин А. Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / Сост., отв. ред. Е. И. Софронова. М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 193–222.
117. Лексютина Я. В. КНР – США и проблема свободы вероисповедания // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2. – С. 16–21.
118. Ли Бинь, Чень Гуан. Транснациональный монополистический капитал и новые изменения в мировой политике. [Куаго лундуань цзыбэнь юй шицзе чжэнчжидэ синь бьяньхуа] // Мировая экономика и политика. [Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи] (на кит. яз.). 2014. № 6. – С. 120–144.
119. Ли Хайфэн. Новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК // China Review News. 12.10.2007.
120. Ловяго Р. В. ТНК – инструмент продвижения социального паразитизма в глобальном и региональном масштабе // Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной резервной системы США). Материалы международной научно-общественной конференции. М.: Наука и политика. 2014. – С. 255–262.
121. Лу Яо. Территориальное планирование: четкая дорожная карта реформ. [Кунцзянь гуйхуа: гайгэ лусяньту ицзин цинси] // [Ляован дунфан чжоукань] 20.10.2016. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.lwdf.cn/article_2695_1.html
122. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Центральной Азии и на Дальнем Востоке: конкуренция или сотрудничество? // Мир и политика. 2010. № 2. – С. 24–37.
123. Лукин А. В., Лузянин С. Г., Ли Синь, Денисов И. Е., Сыроежкин К. Л., Пятачкова А. С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016.
124. Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. – 341 с.
125. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во Апрель, 2000. – 632 с:
126. Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен / Под общ. ред. и с предисл. Л. С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2017. – 608 с.
127. Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспоры. 1999. № 2. – С. 57.

128. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Изд-во «Экономика», 2006. – 848 с.
129. Михеев В. В., Луконин С. А. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. – С. 24–34.
130. Михеев В. В., Швыдко В. Г., Луконин С. А. Китай – Россия: когда эмоции уместны? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. – С. 5–13.
131. Морской шелковый путь и китайская миграция в древности.海上丝路与中国古代的海外移民// China Review News. 11.08.2006. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://gb.chinareviewnews.com/crn-webapp/doc/docDetailCreate.jsp/
132. Мухина С. В. Стратегия энергетической безопасности Китая // Общество и государство в Китае. М.: ИДВ РАН, 2007. – С. 307–311.
133. Мы рассмотрим вопрос снятия санкций. Что Дональд Трамп говорит о России, Путине и Крыме. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.znak.com/2016-11-09/podborka_vyskazyvaniy_donalda_trampa_o_rossii_putine_i_kryme.
134. Нагирная А. В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 5. – С. 30–40.
135. Нагирная А. В. Информационная революция и вопросы географии связи // География и природные ресурсы. 2014. № 1. – С. 5–12.
136. Нагирная А. В. Революционные изменения в географии мировой телефонной связи // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 191–201.
137. Нагирная А. В. География международной телефонной связи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Естественные науки. 2017. № 4 (28). – С. 74–86.
138. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=75493.
139. Овдиенко И. Х. Китай: экономико-географический обзор. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 329 с.
140. Овдиенко И. Х. Экономическая география социалистических стран зарубежной Азии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 256 с.
141. Оптимизация инвестиционных связей современной России / Под ред. А. В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 120 с.
142. Опубликованы статистические данные об иностранных студентах в Китае [2015 нянь цюаньголайхуалюйсюэшэншуцзюйфабу]. Официальный сайт Министерства образования КНР. 14.04.2016. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s 5987/201604/t20160414_238263.html.
143. Основные моменты китайской миграции за рубеж. 中国海外移民的基本情况 //中国网 (Китайский информационный центр) (на кит. яз.) [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.china.com.cn/node_7000058/200704/01 /content_8044053.htm.
144. Отчет о развитии и сотрудничестве в области ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2010–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/.
145. Официальный портал 2018 EU – ChinaTourismYear. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://ecty2018.org/.
146. Официальный сайт «Один пояс и один путь» провинции Гуандун. [Яньсяньгайкуан] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gdbeltandroad.gov.cn/index_40.aspx.
147. Официальный сайт Института исследований китайского выездного туризма. China, Outbo und Tourism Research Institute. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://china-outbound.com/.
148. Официальный сайт проекта «Красный маршрут». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://redrouterussia.com/#top.
149. Официальный сайт проекта TRACEKA. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.traceca-org.org.

150. Официальный сайт Федерального агентства по туризму России. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.russiatourism.ru
151. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gks.ru.
152. Официальный список стран с одобренным статусом для путешествий китайских туристов. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnta.gov.cn/ztwz/cjyzt/gltl/201507/t20150708_723265.shtml.
153. Офшоры в глобальной экономике: мировой опыт и российские реалии. ЦСА РАН, апрель 2012 г. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.kommersant.ru/doc/1962493
154. Пахомова М. А. Китай и Саудовская Аравия: история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980–2010) // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2012. – С. 201–209.
155. Петрушкевич Е. Н. Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику // Белорусский экономический журнал. 2017. № 3. – С. 58–79.
156. Пилипенко И. В. Кластеры и территориально-производственные комплексы: различия двух концепций // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: «Пресс-Соло», 2004. – С. 4–49.
157. План развития CR Express на 2016–2020 гг. [Чжуноубань лецзяньшэфачжаньгуйхуа (2016–2020)]. (на кит. яз.). Государственный комитет КНР по реформе и развитию. Октябрь, 2016 г.
158. Платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ru.unesco.org/silkroad/.
159. Политика Китая к арабским странам. Политическое влияние в регионе, через эффективный экономический вектор // Strategy Links. 12.10.2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.strategy-links.com/ news/china_uae_1.html
160. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. – 284 с.
161. Попова Л. В. Прямые зарубежные инвестиций КНР: основные тенденции и перспективы для мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2011. Серия 5. № 2. – С. 52–64.
162. Портяков В. Я. Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. – С. 57–66.
163. Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости: Доклад для Саммита лидеров стран G-20 (Санкт-Петербург, 6 августа 2013 г.). ОЭСР, ВТО, ЮНКТАД, 2013.
164. Постиндустриальное развитие капиталистических стран: географический прогноз / Отв. ред. Б. Н. Зимин, С. Б. Шлихтер. М.: Наука, 1993. – 192 с.
165. Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии. М.: Международные отношения, 2007. – 256 с.
166. Поэтапное освоение «одного пояса и одного пути»: за госкорпорациями идут частные предприятия. [Чжунци цаньюй «идай илу» цзяньшэ чэнти дуйши фачжань, миньци цзякуай сянгуань тоуцзы] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwydyl/zgzx/201711/20171102668489.shtml.
167. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, М-во иностранных дел, М-во коммерции. Пекин: Изд-волит. наин. яз., 2015; 2017.
168. Пчелинцев В. С. Восточная Азия: Международные производственные системы и развитие региона // Новые производственные системы и региональные аспекты глобализации: Сб. обзоров и реф. / Отв. ред. Животовская И. Г., Черноморова Т. В. М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 61–97.

169. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер. с англ. под ред. В. Автономова. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2011. – 384 с. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://royallib.com/author/raynert_erik.html.
170. Рассуждения Цязн Цземиня о работе с зарубежными китайцами. 見則民通知關於僑務工作的論述 (Шанхайская федерация по возвращению китайцев).上海是归国华侨联合会(на кит. яз.) [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.shanghaiql.org/renda/node7406/node7412/node7435/ulal288802.html
171. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сборник. М.: Росстат, 2016. – 1326 с.
172. Резолюция 2334 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7853-м заседании 23 декабря 2016 г. // Организация Объединенных Наций. 23.12.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/undoc/gen/n16/463/93/pdf/n1646393.pdf?OpenElement
173. Рейтинг стран по уровню вовлеченности в международную торговлю. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www3.weforum. org/docs/WEF_Global Enabling-Trade_Report_2014.pdf.
174. Рекомендации по странам (территориям) в области ПИИ. [Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицюй) чжинань] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/.
175. Родионова И. А. Мировая экономика: индустриальный сектор. М.: Изд-во РУДН, 2010. – 606 с.
176. Родионова И. А., Слука Н. А. Макротренды развития промышленности мира в эпоху глобализации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 102–112.
177. Родионова И. А., Слука Н. А. Новая география мировой промышленности: глобальные тренды // География в школе. 2016. № 5. – С. 5–15.
178. Родионова И. А., Шкваря Л. В. Рост значения стран Азии – главный тренд мирового индустриального развития // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. – С. 2–5.
179. Родионова И. А., Шувалова О. В. Мировая промышленность, международное производство и прямые иностранные инвестиции // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (часть 9). – С. 1988–1992.
180. Рождественская Я. Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3201876.
181. Российский статистический ежегодник. 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. – 686 с.
182. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. Торгпредство РФ в КНР, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-co-operation/investment.
183. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig /rus17.pdf.
184. Россия выезжает на «Шелковый путь» // Stan Radar.com. Информационный портал. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stanradar.com/news/full/23270-rossija-vyezzhaet-na-shelkovyj-put.html?page=12.
185. Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/3009207/.
186. Салицкий А. И., Семенова Н. К. Россия и Китай на евразийском пространстве: стратегическое партнерство с элементами конкуренции. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 5. – С. 69–78.
187. Самбурова Е. Н. Китай и «Новая» Центральная Азия: проблемы и противоречия экономических и политических отношений // Процессы интеграции на постсоветском пространстве: тенденции и противоречия. Проблемы постсоветских стран. Вып. № 3. М.: ИМЭПИ РАН, 2001. – С. 135.

188. Самбурова Е. Н. Китай и мировое хозяйство: проблемы взаимодействия // Глобальная социально-экономическая география / Под ред. Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. – С. 181–191.
189. Самбурова Е. Н. Региональные проблемы Китая как отражение его быстрого экономического роста // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. – С. 50–59.
190. Самбурова Е. Н. Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. – С. 16–21.
191. Самбурова Е. Н. Шанхайская организация сотрудничества – особенности образования и направления возможного развития // Экономическое пространство ЕврАзЭС: факторы и пределы интеграции. Проблемы постсоветских стран. Вып. № 6. М.: ИМЭПИ РАН, 2004. – С. 229–230.
192. Самбурова Е. Н. Экономическое сотрудничество приграничных регионов Казахстана и Китая // Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах. М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 160–175.
193. Самбурова Е. Н., Кузина Т. В. Мировые прямые инвестиции: динамика, география, отраслевая структура // География мирового хозяйства. М.: МГУ, 1997. – С. 112–131.
194. Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Изменение роли Китая в мировой экономике в пореформенный период (с 1979 г.) // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – С. 255–267.
195. Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://mirec.ru /upload/ckeditor /files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf.
196. Самбурова Е. Н., Мироненко К. В. Китайское экономическое чудо в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3. – С. 149–157.
197. Самбурова Е. Н., Ткаченко Т. Х. Различия в развитии ИКТ-комплексов Индии и Китая // Мат. межд. науч.-практ. конф. «Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания». М.: Экон-информ., 2014. – С.80–83.
198. Самусенко Д. Н. География прямых иностранных инвестиций в современном мировом хозяйстве: Автореф. дис. канд. геог. наук / Институт географии РАН. М., 2014. – 25 с.
199. Самусенко Д. Н. География прямых иностранных инвестиций в современном мировом хозяйстве // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 3. – С. 16–27.
200. Самусенко Д. Н. Особенности экспансии транснационального капитала в современном мировом хозяйстве // Проблемы региональной экологии. 2013. № 3. – С. 87–91.
201. Самусенко Д. Н. Прямые иностранные инвестиции и транснациональные корпорации в мировой экономике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 4 (18). – С. 427–430.
202. Саргина Л. В. Особенности функционирования виртуально-финансового капитала и его влияние на развитие мирового хозяйства // Центр инновационных технологий и социальной экспертизы. 2016. № 5. – С. 8.
203. Сделано в КНР 2025. [Чжунго чжицзао 2025] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
204. Семенов-Тян-Шанский П. П. Значение России в колонизационном движение европейских народов // Изв. ИРГО. 1892. Т. XXVIII. – С. 349–369.
205. Сечин И. И. Надеюсь, нам удастся принять участие в воплощении в жизнь мечты Энрико Маттеи. Интервью газете «Il Sole 24 ore». 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.rosneft.ru/press/today/item/182521/.
206. Си Цзиньпин посетил Китайско-арабский форум сотрудничества и выступил с речью на церемонии открытия шестого совещания министров // Xinhua. 05.06.2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-06/05/c_1111002498.htm

207. Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. – С. 56–64.
208. Синцеров Л. М. Кризис мировых хозяйственных связей в середине XX века // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2013. № 1. – С. 22–27.
209. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. № 3. – С. 67–81.
210. Слука Н. А. Город в условиях глобализации. М.: Изд-во «Белый ветер», 2017. – 140 с.
211. Слука Н. А. Цели, задачи и проблемы корпоративной географии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. – С. 38–45.
212. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. – 75 с.
213. Современный Китай в условиях трансформации / Отв. ред. Д. В. Кузнецов, Д. В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 264 с.
214. Содружество независимых государств. Стат. Сборник. 1991–2016. МГСК СНГ.
215. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15-ти книгах. Кн. 8. Т. 16. Л., 1962. – 673 с.
216. Соловьева О. Си Цзиньпина признали «царем глобализации». [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html.
217. Спенсер Г. Основные начала. М.: Книга по Требованию, 2013. – 476 с.
218. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Китае. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://whc.unesco.org/en/ states parties/cn.
219. Список туристских достопримечательностей Пекина [Электронный источник]. – Режим доступа: http://r.visitbeijing.com.cn/index.php?m=content&c =search&catid=7&theme=0&level=&dist=0&title=
220. Стариков Н. А. Глобальная продовольственная ситуация: пространственные аспекты развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 5. – С. 19–30.
221. Стариков Н. А., Ткаченко Т. Х. Глобальная продовольственная проблема: этапы и факторы развития // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 3. – С. 322–336.
222. Статистические данные Национальной туристской администрации Китая. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov. cn/Statistics/Tourism-Statistics/index.shtml#
223. Статистический ежегодник КНР, 1980–2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn
224. Статистический ежегодник ПИИ КНР. [Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао 2006–2016] (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/.
225. Статистический ежегодник Шэньчжэня, 2012–2016. [Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2012] (на кит. яз.). Пекин, 2012–2016.
226. Сюэцинь К. Исследование экономической интеграции в субрегиональном треугольнике роста Гуандун – Сянган – Аомэнь [Юэ Ган Ао цзэнчжан саньцзяо цыцюйюй цзинцзи итихуа яньцзю] (на кит. яз.). Пекин, 2014.
227. Таможенная статистика [Хайгуань тунцзи] (на кит. яз.). Пекин, 2015, № 12. – Р. 149. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.gdstats.gov.cn.
228. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 4 квартал. ФТС России, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://stat.customs.ru.
229. Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 624 с.
230. Титаренко М. Л., Ломанов А. В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. – С. 17–27.
231. Титаренко М. Л., Петровский В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. М.: Весь Мир, 2016. – 304 с.

232. Тихонов Р. 45-й президент США: в Вашингтоне прошла инаугурация Дональда Трампа. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://russian.rt. com/world/article/351916-tramp-inauguracia-live.
233. Ткаченко Т. Х., Сафонов С. А. Глобальные цепочки добавленной стоимости в автомобилестроении: шанс для развивающихся стран // Глобалистика и геоэкономическая стратегия: мир и Россия. РУДН. М.: ИД «АС-Траст», 2013. – С. 235–240.
234. Ткаченко Т. Х., Сафонов С. А. Промышленный вектор исследований на кафедре географии мирового хозяйства Московского университета // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М-Смоленск: Ойкумена, 2015.– С. 49–58.
235. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
236. Толкачев С. Две модели неоиндустриализации // Экономист. 2015. № 11. – С. 13–23.
237. Туристическая ассоциация «Мир без границ». Программа China Friendly. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.visit-russia.ru/our-projects/programma-china-friendly.
238. Туристическая ассоциация «Мир без границ». Профессиональное объединение в сфере российско-китайского туризма. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.visit-russia.ru/.
239. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996. – 392 с.
240. Ушаков И.XVIII съезд КПК и экологический императив Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. – С. 51–56.
241. Ушакова О. А. Китай: география телефонной связи // География в школе. 2017. № 8. – С. 23–27.
242. Фелльман Ф. Полезен ли опиум? «Адаптированная религия» и «гармония» в современном Китае // Новые научные подходы к изучению религий Китая (Современное зарубежное религиоведение). Специальный выпуск / Отв. ред. С. А. Горбунова. М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 45–46.
243. Фельде А. В. «Новая» китайская миграция как фактор модернизации КНР. Екатеринбург: УФУ, 2015. – 122 с.
244. Фоканов Ю. В. Диаспора: к вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. Г. Герцена: Аспирантские тетради. 2008. № 26 (60). – С. 284–289.
245. ФРС США [Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.federalreserve.gov/releases/iba/.
246. ФТС РФ. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cu stoms.ru/.
247. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. – С. 84–118.
248. Хоу Вэньчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. – С. 121–140.
249. Хохлов А. В. Мировые товарные рынки: учеб. пособие. М.: Магистр: Инфра-М, 2014. – 304 с.
250. Хохлов А. В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства. М: ВАВТ, 2014. – 416 с.
251. Храмчихин А. Китай против России: Победа будет не за нами. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://pravoslav-voin.info/pravvoiny /1186-kitaj-protiv-rossii-pobeda-budet-ne-za-nami.html.
252. Цзяньвэнь Л., Лун Я. От безвозмездной помощи к равенству и взаимной выгоде: исследование регионального сотрудничества Тибета с внутренними районами и длительной общественной стабильности. [Цун учан юаньчжу дао пиндэн хухуй: Сицзан юй нэйди дэ дифан хэцзо юй чанчжи цзюань яньцзю] (на кит. яз.). Пекин, 2014. – С. 264–273.
253. Чайна Дэйли. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.chi nadaily.com.cn/
254. Чеснокова С. В. Китай сохраняет лидерство в развитии возобновляемой энергетики // Восточная аналитика. 2012. № 3. – С. 161–164.

255. Чжунго тунцзи няньцзянь (China Statistical Yearbook). 2014. Пекин, 2014. – С. 287.
256. Чубаров И. Г. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. – С. 114–125.
257. Чубаров И. Г., Калашников Д. Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1. – С. 25–33.
258. Чубаров И. Г., Михайлова Е. В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия в АТР. 2017. № 4. – С. 88–105.
259. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Сер.: Top Business Awards. М.: Изд-во Эксмо, 2017. – 208 с.
260. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. – 584 с.
261. Шупер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация. 22.11.2017. Сайт С. П. Курдюмова. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://sp-kurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/.
262. Экономическая география мирового развития. XX век // Под общ. ред. Ю. Г. Липеца, В. А. Пуляркина, С. Б. Шлихтера. СПб.: Алетейя. 2003. – 397 с.
263. Эффект присутствия: зачем Китай создает военную базу в Африке // RT. 14.07.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://russian.rt. com/world/article/408742-chyornaya-zhemchuzhina-zachem-knr-voennaya-baza-v
264. Юдина Т. Н. Социология миграций. М.: Академический Проект, 2006. – 272 с.
265. 15 pacts to boost Sino-Saudi ties // Saudi Gazette. August 31, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/15-pacts-boost-sino-saudi-ties/
266. 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://avraska.com.tr/Dokumanlar/Global-Manufacturing-Competitiveness-2016.pdf.
267. 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte, 2016.
268. 4. FDI on the rebound? / FDI Confidence Index. – NY: A.T. Kearny, 2016. – 32 p.
269. AHDB horticulture. A review of production statistics for the cut-flower and foliage sector 2015 (part of AHDB Horticulture funded project PO BOF 002a). [Электронный источник]. – Режим доступа: https://horticulture.ahdb.org.uk/ sites/default/files/u3089/A%20review%20of%20cutflower%20and%20foliage%20production%20statistics%202015_0.pdf.
270. Al-Tamimi, Naser. China – Saudi Arabian Relations. Economic Partnership or Strategic Alliance. Durham: Durham University, 2012. – 26 p.
271. Asia Tourism Trends. UNWTO, GTERC, 2016. – 22 p.
272. Atlas of Global Christianity. 1910–2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 384 p.
273. Ayodele Th., Sotola O. China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment // IPPA Working Paper Series. 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf.
274. Beyond Chinatown: New Chinese Migration And The Global Expansion Of China. Ed. by M. Thuno.Copenhagen, 2007.
275. Blue Book of Religions. Annual Report on China's Religions. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, 2010.
276. BP Statistical Review of World Energy 2002, 2011, 2016, 2017. – BP.
277. Braude J. Why China and Saudi Arabia Are Building Bases in Djibouti // The World Post. August 14, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/joseph--braude/why--china--and--saudi--arabi_b_ 12194702.html
278. CBI. Trade Statistics Cut Flowers and Foliage, 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cbi.eu/reports.html.
279. Census and Statistics Department of Hong Kong. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.censtatd.gov.hk/hkstat/srh/index.jsp.
280. Center for Educational Telecommunications. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cetel.org/1882_exclusion.html.

281. Chang I. The Chinese in America: a narrative history. USA, The Viking, 2003. – 496 p.
282. Chen J. J. Chinese Immigration to the United States: History, Selectivity and Human Capital. The Ohio State University, 2011. – 49 p.
283. Chen J. The Chinese of America. San Francisco, California: Harper & Row, 1980. – 274 p.
284. Chen W., Dollar D., Tang H. Why is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level // CESifo Working Paper. 2016. № 5940. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://hdl.handle.net/10419/144975.
285. Cheung W., Qian X. Empirics of China's Outward Direct Investment // Pacific Economic Review. 2009. V.14. № 3. – P. 312–341.
286. China Customs Statistics. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/Fast-Facts/China-Customs-Statistics/ff/en/1/1X000000/1X09N9NM.htm.
287. China Enterprise Confederation / China Enterprise Directors Association, Рейтинги 100 крупнейшихТНККитая 2011–2017 гг. (на кит. яз.). [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.cec-ceda.org.cn/.
288. China Fertilizer Industry Overview Economics Essay Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.ukessays.com/essays/economics/china-fertilizer-industry-overview-economics-essay.php.
289. China Fertilizer Market Weekly, CNCIC, еженедельное издание.
290. China Harbor Engineering Wins Africa Mega-Rail Project // Breadbulk Events et Media. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.breakbulk.com/china-harbour-engineering-wins-african-mega-rail-project/
291. China Industry Statistical Yearbook 2016. China Statistics Press. – 587 p.
292. China macht das große, grüne Geschäft //Spiegel. 06.01.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.spiegel.de/wirtschaft /soziales/china-will-weltmarktfuehrer-bei-erneuerbaren-energien-werden-a-11288 07.html.
293. China offers to buy 5 percent of Saudi Aramco directly: sources // Reuters. October 16, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://uk.reuters.com/article/uk-saudi-aramco-ipo-china/exclusive-china-offers-to-buy-5-percent-of-saudi-aramco-directly-sources-idUKKBN1CL1WX
294. China Renewable Energy Outlook 2016 // CNREC. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://boostre.cnrec.org.cn/index.php/2016/11/01 /china-renewable-energy-outlook-2016/?lang=en/.
295. China signs cooperation agreements with 86 entities under Belt and Road // Xinhua. 23.12.2017.
296. China steht vor einem Öko-Kollaps // Wirtschaftswoche.19.12.2012 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.wiwo.de/technologie/green/living/umwelt-china-steht-vor-einem-oeko-kollaps/13544904.html.
297. China strengthens economic relations with the Middle East // Saudi Gazette. February 3, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette. com.sa/business/china-strengthens-economic--relations--with--the--middle--east/
298. China to Become One of World's Biggest Overseas Investors by 2020 // Financial Times. 26.06.2015.
299. China Tourism: 2016 Statistics and 2017 Economic Predictions. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/Statistics /TourismStatistics/201710/t20171013_842558.shtml.
300. China, Saudi Arabia agree to build energy cooperation mechanisms // Xinhua. 25.08.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet. com/english/2017-08/25/c_136554476.htm
301. China's Fight with Visa and MasterCard Goes Global // Financial Times.24.04.2017.
302. China's Foreign Trade. Beijing, 2011. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474 983043184.htm.
303. China's Growing Clout in International Economic Affairs // The Economist. 23.03.2017.

304. China's National Energy Administration a short overview. 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.tillvaxtanalys.se/ download/18.5d9caa4d14d0347533bb2460/1430822528247/direct_response_2014_11_China%E2%80%99s+National+Energy+Administration.pdf/.
305. Chinas Mittelschicht als Versprechen. Neue Zürcher Zeitung.29.07.2014 [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.nzz.ch/wirtschaft/chinas-mittelschicht-als-versprechen-1.18352702].
306. China-Saudi Arabia cooperation to enter more fruitful era, broad consensus reached on key projects // Xinhua. 25.08. 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-08/25/c_136554724.htm
307. Chinatownology. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www. chinatownology.com.
308. Chinese Pharmaceutical Market: Driving Forces and Emerging Trends, China, June, 2014. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://ideas.repec.org/ a/mul/j0hje1/doi10.1430-78327y2014i3p505-530.html.
309. Chinese President's Speech at Boao Forum for Asia // Xinhua. 28.03.2015.
310. Chinese Tourists Raid Danish Supermarkets for Infant Milk Powder. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.dairyherd.com/article/ chinese-tourists-raid-danish-supermarkets-infant-milk-powder.
311. Chinn T. A History of the Chinese in California: A Syllabus // San Francisco: Chinese Historical Society of America, 1969. – 72 p.
312. Christianity in its Global Context, 1970–2020. Society, Religion, and Mission. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gordonconwell.edu/ ockenga/research/documents/ChristianityinitsGlobalContext.pdf.
313. Clements-Hunt A. Cut Flowers: A Multi-million Dollar Industry Blooms in Rural China/ International Trade Centre, International Trade Forum. Issue. 4/2004. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.tradeforum.org/Cut-Flowers-A-Multi-million-Dollar-Industry-Blooms-in-Rural-China/.
314. Cui X., Shi P., Wang W. The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf.
315. Cui Z., Zhang F., Zhang W. Evolution of Fertilizer Use-Related Policies, Their Implementation and Antricipated Impact. IFA Crossroads Asia-Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.
316. Cut Flower Production in Asia // Food and Agriculture Organization of the United National Regional Office for Asia and the PACIFIC. 1998. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fao.org/docrep/005/ac452e/ac452e 00.htm#Contents.
317. Daniels R. Coming to America. A History of Immigration and Ethnicity in American Life. New York: Harper Perennial, 2002. – 576 p.
318. De Backer K. OECD work on global value chains and trade in value added. Paris: OECD Publishing, 2013.
319. De Backer K. Reshoring: Myth or reality. Paris: OECD Publishing, 2016.
320. Defense Manpower Data Center, USA Office of the Secretary of Defense. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.dmdc.osd.mil.
321. Delegation of the European Union in China: China's 12-th Five-Year Plan 2011–2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.britishchamber.cn/content/chinas-twelfth-five-year-plan-2011-2015.
322. Digital history archival documents. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.digitalhistory.uh.edu/asian_voices/voices_display.cfm?id=26
323. Discussion: The Outlook for PR China's Nitrogen Industries. He-Ro Chemicals Ltd, October 2017.
324. Dockrill P. 7 Ways Renewable Energy Totally Kicked Ass in 2017 // Science Alert. 24.12.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.science alert.com/7-ways-renewable-energy-totally-kicked-ass-in-2017-power-environment.

325. Ducanes G., Manolo A. Prospects for Future Outward Migration Flows: China and Southeast Asia // Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration (Working paper №24). Bangkok, 2009. – P. 15.
326. Economic ties with China a key positive measure // Saudi Gazette. September 11, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://saudigazette.com.sa/ opinion/economic-ties-china-key-positive-measure/
327. Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization // Xinhua. 24.03.2017.
328. Euro-China Investment Report 2013–2014 Executive Summary. Euro-China Centre at the Antwerp Management School, Antwerp.
329. Eurostat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/ eurostat.
330. Exclusive: China's 'Big Four' Banks Raise Billions for Belt and Road Deals – sources // Reuters. 22.08.2017.
331. Factfish World Statistics and Data Research. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.factfish.com.
332. FAOSTAT. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fao. org/faostat/en/
333. Fenggang Y. The Red, Black, and Gray Markets of Religion in China // The Sociological Quarterly. 2006. N 47. – P. 93–122.
334. Fischer-Kowalski M.Gesellschaftlicher Stoffwechsel und Kolonisierung von Natur. Ein Versuch in Sozialer Ökologie. Amsterdam, 1997.
335. Mellander. – Electronic text data. – Toronto: The Martin Prosperity Institute, 2007.
336. Freimuth J., Schädler M. Chinas Innovationsstrategie in der Globalen Wissensökonomie. Berlin, 2017.
337. Fuchs J. H., Du M., Gangnus A., Wang L. Neue Chancen in China. Mit den aufstrebenden Märkten wachsen, aber geistiges Eigentum schützen. München, 2012.
338. Gale F. China's Evolving Agricultural Policy, USDA, Economic Research Service, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.iica.int/ sites/default/files/events/presentations/2015-10/chinaocos_evolving_agricultural_poli cy_fred-gale-english.pdf.
339. Gao C. Closer Ties: China and Saudi Arabia Sign $70 Billion in New Deals // The Diplomat. August 27, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://thediplomat.com/2017/08/closer-ties-china-and-saudi-arabia-sign-70-billion -in-new-deals/
340. Gartner Says 6.4 Billion Connected «Things» Will Be in Use in 2016, Up 30 Percent From 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gartner.com/newsroom/id/3165317.
341. Gereffi G., Fernandez-Stark K. Global Value Chain Analysis: A Primer. Duke University, North Carolina, USA, 2011.
342. Gergawi M. China Is Eyeballing a Major Strategic Investment in Saudi Arabia's Oil // Foreign Policy. October 26, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://foreignpolicy.com/2017/10/26/china-is-eyeballing-a-major-strategic-investment-in-saudi-arabias-oil/
343. Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pew forum.org/2011/12/19/global-christianity-exec/.
344. Global Outlook for Medicines Through 2018. Report by the IMS Institute for Healthcare Informatics. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://moodle.univ-lille2.fr/pluginfile.php/92477/mod_resource/content/0/IHII_Global_Outlook_for_Meds_through_2018.pdf.
345. Goh, C., Li, H. & Li, M. A Comparative Analysis of Domestic and International Tourism Spatial Distribution: Trends and Impacts // Journal of China Tourism Research. 2014. Vol. 10:4. – P. 388–413.
346. Gong X. Zhongguoren yimin haiwai de lishi (История миграции китайцев за рубеж) (на кит. яз.).
347. Greater Tumen Initiative. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.tumenprogramme.org.
348. GTT – база данных статистики по внешней торговле.

349. Gutman J., and Zhang C. Who wins World Bank-financed government contracts? June 24, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2015/06/24/who-wins-world-bank -financed-government-contracts-four-things-we-learned-from-the-data-1-lingering-question/
350. Hanemann Th., Huotari M. A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf.
351. Hattaway P. How Many Christians are There in China? [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.asiaharvest.org/pages/Christians%20in%20China/How%20Many%20Christians%20are%20There%20in%20China.pdf.
352. HCR Statistical Yearbook 2007. N.Y.: United Nations High Commissioner for Refugees, 2008. – 135 p.
353. Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China. 2005. Vol. 43. – P. 291–316.
354. Hong Liu. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China. 2005. Vol. 43. P. 291–316.
355. How Africa // The Rise of Africa [Электронный источник]. – Режим доступа: https://howafrica.com/10-mega-infrastructure-projects-africa-funded-china/
356. Hu Biliang. China's Key to Success // China Today. 2017. № 12.
357. Huang P. China Special Fertilizer Development Report, CNCIC Consulting, China, IFA Crossroads Asia Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.
358. Hugo G. Changing Diaspora: Recent Trends in Migration between China and Australia // Chinese Southern Diaspora Studies. 2008. Vol. 2. – P. 83.
359. Human Development Report, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf.
360. HuntingtonS. The Clash of Civilization? – Foreign Affairs, Summer, 1993.
361. Hymowitz K. Brooklyn's Chinese Pioneers // City Journal. 2007. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.city-journal.org/2014/ 24_2_chinese-immigrants.html.
362. IFA (International Fertilizer Producers Association), PIT Statistics, 2016, World Ammonia Capacities 2017, Detailed Report. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.fertilizer.org.
363. IMF GDP Data from October, 2015, January 2018 World Economic Outlook. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.imf.org.
364. Industrie 4.0 – Volkswirtschaftliches Potenzialfuer Deutschland. Studie /BITKOM, Fraunhofer-Institutfuerrbeitswirtschaft und Organisation (IAO), 2014.
365. International Energy Agency. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.iea.org/Sankey/.
366. International Migration and Development. Regional Fact Sheet. Asia // N. Y.: UN. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.un.org/migration/ presskit/factsheet_asia.pdf.
367. International Migration Report, 2015. N.Y.: U.N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2016.
368. International Migration Report. N. Y.: UN, 2002. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.un.org/esa/population/publications/ittmig2002/locations.htm
369. International Organization of Motor Vehicle Manufacturer. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.oica.net.
370. International Telecommunication Union: Country ICT Data 2000–2016 [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/ Statistics / Pages/stat/default.aspx.
371. International Trade Statistics, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.trademap.org/tradestat/Country_SelProduct_TS.aspx
372. ISFP 2015. International Statistics. Flowers and Plants. 2015. V. 63.
373. Ismail, Norafidah Binti. The Political and Economic Relations of the People's Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), 1949–2010. PhD Thesis. University of Exeter, 2011. – 412 p.

374. Israel's International Relations: Israel-China Relations. August, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.jewishvirtuallibrary.org/ jsource/Politics/ChinaIsraelRelations.html
375. Japan Statistical Yearbook 2018. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.htm.
376. Jia X., Yan G. A Tightening Grip // The Economist. 14.03.2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.economist.com/news/ briefing/21646180-rising-chinese-wages-will-only-strengthenasias-hold-manufactu ring-tightening-grip.
377. Jiang, C. Chinese leader calls for ecological civilization // Qiushi Journal, Central Committee of the Chinese. 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://climateandcapitalism.com/2013/03/31/chinese-leader-calls-for-ecological-civilization.
378. Joint Communique of the Leaders Roundtable of the Belt and Road Forum for International Cooperation. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2017/0516/c22-423.html.
379. Ju G., CRU Fertilizers, China's Choice after Market-oriented Transitionin Nitrogen Industry. Presentation at 2017 CRU Nitrogen & Syngas Conference, 28 Feb. – 2 Mar. 2017, London.
380. Jun Z. План Китая на будущие 30 лет. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.project-syndicate.org/commentary/china-19th-congress-deve lopment-blueprint-by-zhang-jun-2017-11/russian.
381. Key information at a glance: China 12th Five-Year Plan for Renewable Energy Development (2011–2015) // China National Energy Administration: China National Renewable Energy Centre. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.understandchinaenergy.org/information-at-a-glance-china-12th-5-year-plan-for-renewable-energy-development-2011-2015/
382. Kolosov V. A., Suocheng D., Portyakov V. Y., Chubarov I. G., Tarkhov S. A., Shuper V. A. The Chinese Initiative «The Belt and Road»: a Geographical Perspective // Geography, Environment, Sustainability. 2017. № 10. – P. 5–20.
383. KOSIS. Korean Statistical Information Service. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://kosis.kr.
384. Kreislaufwirtschaft in China beschleunigt entwickeln // Beijing review. 11-07-2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://german.beijingreview. com.cn/german2010/Focus/2012-07/11/content_466416.htm.
385. Labour Migration in Asia. Geneva: IOM, 2003. – 187 p.
386. Laft G. China's New Grand Strategy for the Middle East // Foreign Policy. January 26, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://foreignpolicy. com/2016/01/26/chinas-new-middle-east-grand-strategy-iran-saudi-arabia-oil-xi-jinping/
387. Lai H. M. Becoming Chinese American: A History of Communities and Institutions. California: AltraMira Press, 2003. – 418 p.
388. Lam A. A Review of the Development of Christianity in China from the latest edition of Blue Book of Religions // Tripod. 2010. N 159. – P. 54–62.
389. Lanlin Bu, M. Bloomfield, Jiali An. CSR Guide for Multinational Corporations in China. Harmony Publication of Canada. 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа:www.harmonyfdn.ca.
390. Le Bail H., Wei Shen. The Return of the «Brains» to China. Paris: IFRI, 2008. – 33 p.
391. Lee J. Christianity in Contemporary China: An Update // Journal of Church and State. 2007. N 49 (2). – P. 277–304.
392. Lee J., Shin H., South Korea Says «Comfort Women» Deal Flawed, but Japan Warns against Change // Reuters. 28.12.2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-southkorea-japan-comfortwomen/south -korea-says-comfort-women-deal-flawed-but-japan-warns-against-change-idUSKB N1EM056.
393. Lew A. A., Wong A. Tourism and the Chinese Diaspora. In: C. M. Hall and A. M. Williams, eds., Tourism and Migration: New Relationships Between Production and Consumption. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic, 2002. – P. 205–219.

394. Li S., Zhang Y., Nadolnyak D., Wesley J. D., Zhang Y. Fertilizer industry subsidiesin China: who are the beneficiaries? // China Agricultural Economic Review. Vol. 6. Issue: 3, P. 433–451, Электронный источник]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1108/CAER-12-2012-0134.
395. Li Y., Zhang W., Ma L., Huang G., Oenema O., Zhang F., Dou Z., An Analysis of China's Fertilizer Policies: Impacts on the Industry, Food Security, and the Environment. 2013. July. [Электронный источник]. – Режим доступа:https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24216349.
396. Life sciences outlook China // Deloitte. 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Docu ments/Life-Sciences-Health-Care/gx-lshc-2015-life-sciences-report-china.pdf.
397. Liu Yanbin. Demographic Change and International Labor Mobility Implications for Business and Social Development in China // Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region. Seoul, 24–26 March 2010. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.pecc.org/compo nent/eventlist/detaIls/121-kopecdemographic-change-and-international-labor-mobility -in-the-asia-pacific-region
398. Ma K. The 11-th Five-Year Plan: Targets, Paths and Policy Orientation. NDRC 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.gov. cn/english/2006-03/23/content_234832.htm.
399. Mail & Guardian Africa // What crisis? 16 of China's biggest project in Africa – it's all billion dollar territory in here. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://mgafrica.com/article/2015-09-18-multi-billion-dollar-deals-chinas-27-biggest-active-projects-in-africa
400. Malek R. People's Republic of China: Churches and Religions. Annual Statistical Overview 2010/2011 // Religions and Christianity in Today's China. 2011. Vol. I. N 1. – P. 32–59.
401. Mamikonyan G., Lewandowski K. EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on Armenian Economy // Zeszyty naukowe politechniki Łódzkiej. 2016. № 1207. – S. 119–129.
402. Manager Mr. Zhang Li of Kunming International Flora Auction Trading, Production and Marketing of China's Fresh Cut Flower in 2017, Sorted By: China Flower Association. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.flowerexpochina.com/article/show_article.php?id=336.
403. Market Research Report on Chinese Outbound Tourist (City) Consumption (2014–2015) // World Tourism Cities Federation (IPSOS). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.wtcf.org.cn/pdf/worldtourismcities10eng. pdf.
404. Market trend China Pharmaceutical market: a growing evolution – IMA LIFE Sharping news, Bologna, Italy, Jan., 2013. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ima-pharma.com/cgi-bin/articles/pdf/newslife /ima_life_markettrand1.pdf.
405. MaterialfowsNet. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.materialflows.net/materialflowsnet/data/data-download/.
406. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development. IBRD, World Bank, 2017.
407. Mineral Commodity Summaries 2017. U.S. Geological Survey. Reston, Virginia: 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://minerals.usgs. gov/minerals/pubs/mcs/2017/mcs2017.pdf.
408. Mineral Statistics – British Geological Survey. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/home.html.
409. Minerals Information. U.S. Geological Survey. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://minerals.usgs.gov/minerals/.
410. Ming Tsui. International Migration and Free Market Reform in China // All Aca-demic. 2005. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.allacademic. com//meta/p_mla_apa_research_citation/0/l/8/6/7/
411. Ministry of Commerce People's Republic of China [Электронный источник]. – Режим доступа: http://english.mofcom.gov.cn/
412. Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp.

413. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.kr.
414. Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn.
415. Modelski G. Long Cycles of World Politics. London, 1987. – 244 p.
416. Mufson S. As China, US Vie for More Oil Diplomatic Friction May Follow // The Washington Post. April 15, 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/14/AR200604140 1682.html
417. NABSO Kunming // Market study floricultural sector Greater China, Vietnam and Thailand // Headventure. October, 2008. – P. 2–8.
418. National Accounts Main Aggregates Database, 1970–2015 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unstats.un.org/unsD/snaama/introduction.asp.
419. National Statistics Office of Mongolia. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://1212.mn.
420. Noland M. The Northeast Asia Economy in the 1990s; Economic Outlook and Development Potential // Northeast Asian Economic Cooperation: Perspectives and Challenges. Papers and Procedures of the Regional Forum on Northeast Asian Economic Cooperation. 3–4 September, 1991. Seoul: Korea Institute for International Economic Policy, 1991. – P. 20–49.
421. Northeast Asia Economic Conference Organizing Committee, Transport Subcommittee. Vision for the Northeast Asia Transportation Corridors // ERINA. Booklet. 2002. Vol. 1.
422. Nyiri P., Saveliev I. Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia. London, 2003.
423. Official website of the Department of Homeland Security. Yearbook of Immigration Statistics, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.dhs.gov
424. Overseas Community Affairs Council [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ocac.gov.tw.
425. Paech N. Befreiung vom Überfluss. Auf dem Weg in die Postwachstumökonomie. München, 2013.
426. Parker D. Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities. London: Makmillan Press ltd. 1998.
427. Pieke F. N. Editorial Introduction: Community and Identity in the New Chinese Migration Order // Population, Space and Place. 2007. N 13. – P. 81–94;
428. President Xi Jinping's Address at the Opening Ceremony of «Tourism Year of China» in Russia. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/policies/tourismpolicies/201507/t20150707_721483.shtml.
429. Rankings of Safest Countries For Travel // Safe Destinations. – Официальный портал. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://safedestinations.com/safest-countries-for-travel/.
430. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52. – P. 241–301.
431. Renewable Energy in China, Transiting to a Low-Carbon Economy/ DBS group research. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.dbs.com.cn/personal/aics/pdfController.page?pdfpath=/content/article/pdf/AIO/161118_insights_transiting_to_a_low_carbon_economy.pdf/.
432. Renewable Energy Outline 2012 / China National Renewable Energy Centre China. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnrec. org.cn/english/publication/2014-01-20-408.html.
433. Renewables. Global Status Report. Paris. 2007–2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ren21.net/
434. Reyes R. U.S. Manufacturing Strongest Globally Despite Strengthened Dollar, Weak Energy Sector: Oxford Economics (INDEXDJX:.DJI) // Sonoran Weekly Review. 15.03.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://sonoranweeklyreview.com/us-manufacturing-strongestglobally-despite-strengthened-dollar-weak-energy-sector-oxford-economics-indexdjx-dji/.

435. Rodionova I. World industry in post-industrial society: tendencies and regional shifts // Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development. 2014. Vol. 18. N 1. – P. 31–36.
436. Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Vol. XI. Issue 8 (46). – P. 1769–1780.
437. Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. By ed. Tan C-B. New York: Routledge, 2013. – 512 p.
438. Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Cambridge University Press, 2004. – 401 p. http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511617126.
439. Saudi Arabia buys high-tech China drones // Arab News. 2016. 1 September. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.arabnews.com/node/ 978446/saudi-arabia
440. Saudi Arabia, China seal 15 deals // Arab News. 2016. 29 August. [Электронный источник]. – Режим доступа:http://www.arabnews.com/node/977 551/saudi-arabia
441. Saudis may seek funding in Chinese yuan // Reutres. 2017. 24 August [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-saudi-china/saudis-may-seek-funding-in-chinese-yuan-idUSKCN1B413R
442. Science and Engineering Indicators. Appendix (tab. 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://nsf.gov
443. Skeldon R. China: From Exceptional Case to Global Participant // Migration Information Source. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.migrationinformation.org/Feature/displav.cfm?ID=219
444. Skeldon R. Migration from China // Journal of International Affairs. 1996. Vol. 49. N 2. – P. 434–456.
445. Smil V. Japan and China: The Next Fifty Years. Japan-focus, 2006. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://apjjf.org/-Vaclav-Smil/2213 /article.html.
446. SouthAfrica.info [Электронный источник]. – Режим доступа: http:// www.southafrica.info/business/investing/stanbank-261007.htm#.Vt81fbSdIW0
447. South-South Human Rights Forum calls for protection of people's right to development // China Daily. 08.12.2017.
448. Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. Bern: Lang. 1987. – 27 p.
449. Stark R., Byron J., Carson M. Counting China's Christians. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.firstthings.com/article/2011/05/counting-chinas-christians.
450. Statista. Статистический портал. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/263102/pharmaceutical-market-worldwide -revenue-since-2001/.
451. Statistical yearbook for Asia and the Pacific 2015. United Nations ESCAP.
452. TeleGeography Report & Database. 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www2.telegeography.com/telegeography-report-and-database
453. Terutomo Ozawa. Explaining the Rise of East Asian Multinationals: State-Industry Links, a Stages Model of Structural Change, and Japan as a Precedent Setter. // Columbia University. Center on Japanese Business and Study. Working Paper. New York. 2014. N337. – P. 1–27.
454. The American Enterprise Institute and the Heritage Foundation. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.aei.org/data/China-Global-Investment-Tracker.
455. The Association of North East Asia Regional Governments. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.neargov.org.
456. The Banker, База данных. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.thebankerdatabase.com/
457. The Chemical Fertilizer Industry in China. A Review and its Outlook. Ed. by: Zhang F., Zhang W, Ma W., et al. IFA, Paris, 2009.
458. The Chinese Overseas. Ed. by Hong Liu. London, N. Y.: Routledge, 2006. – 1600 p.
459. The Encyclopedia of the Chinese Overseas. By ed. Pan L. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1999. – 399 p.

460. The Global Religious Landscape. A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010. [Электронный источник]. – Режим доступа: http: // assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2014/01/global -religion-full.pdf.
461. The new silk road // The Economist. [Электронный источник]. – Режим доступа: www.economist.com/news/special-report/21663326-chinas-latest-wave-globalisers-will-enrich-their-countryand-world-new-silk-road.
462. The Observatory of Economic Complexity. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu.
463. The population of Modern China. N.Y., London: Plenum Press, 1992. – 757 p.
464. The State-owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.sasac.gov.cn/.
465. The Travel & Tourism Competitiveness Report. WEF. Geneva: WEF, 2015. – 519 p.
466. The Trilateral Cooperation Secretariat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://tcs-asia.org.
467. The World Bank. Commodity Markets 2017, World Development Indicators (WDI) 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://data.worldbank.org.
468. The World Factbook. Central Intelligence Agency. USA. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/resources/ the-world-factbook/.
469. The World Population Prospects: The 2008 Revision. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://esa.un.org/unpp.
470. Thommen L. Umweltgeschichte der Antike. München, 2009.
471. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. – 544 p.
472. Top Markets Report Pharmaceuticals Country Case Study, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://trade.gov/topmarkets/pdf/Pharmaceuticals_China.pdf.
473. Tourism Highlights. UNWTO, 2016. – 16 p.
474. Trade in Value-Added Database. WTO-OECD. 2017.
475. Trade Map. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.trademap. org/Index.aspx.
476. Trade Statistics for International Business Development (database). [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.trademap.org/; База данных внешней торговли.
477. Tsai S.-S. Chinese Immigration to America: Political and Legal Aspects. In Early Chinese Immigrant Societies Ed. by Lee Lai To. Singapore: Heinemann Publishers, 1988. – P. 11–40.
478. Übergang in eine Green Economy: Notwendige strukturelle Veränderungen und Erfolgsbedingungen für deren tragfähige Umsetzung in Deutschland. Umwelt Bundesamt. Dessau-Rosslau, 2016.
479. UN Comtrade. International Trade Statistics Database. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://comtrade.un.org.
480. UNCTAD. Handbook of Statistics. 2012. N.Y. and Geneva: U. N., 2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/Publications Library/tdstat37_en.pdf
481. UNCTAD. The World Investment Report. 2017. Investment and the Digital Economy. Geneva: U. N., 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf.
482. UNCTAD. Trade and Development Report 2017. Beyond austerity: Towards a global new deal. N.Y. andGeneva: U. N., 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http:// unctad.org/en/PublicationsLibrary/ tdr2017_en.pdf
483. UNEP. Multiple Pathways to sustainable Development: Initial Finding from the global South. UNEP, 2011, 2015. [Электронный источник] – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/.
484. UNIDO. Industrial Development Report 2016. The Role of Ttadechnology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. Vienna, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://unido.org/sites/default/ files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf

485. UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.unido.org/data1/IndStatBrief/World_ Leading_MVA.cfm?print=no&ttype=W6&Country=&Group==
486. UNWTO. Yearbook of Tourism Statistics Data 2011–2015, 2017 Edition.
487. U.S. Census Bureau. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://factfinder.census.gov/
488. USDA, ERS, Floriculture and Nursery Crops Outlook, Sept. 2002. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.usda.ru/reports.html.
489. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html.
490. Wang T. Y. Competing for friendship: The two Chinas and Saudi Arabia. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.thefreelibrary.com/ Competing+for+friendship%3A+the+two+Chinas+and+Saudi+Arabia.a015016927
491. Wesley L. Is the Chinese Church Predominantly Pentecostal? // Asian Journal of Pentecostal Studies. 2004. Vol. 7. N 2. – P. 225–254.
492. Why Christianity is Thriving in China Today. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://berkleycenter.georgetown.edu/events/why-christianity-is-thriving-in-china-today.
493. World Atlas, Global Leaders In Cut Flower Exports, 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.worldatlas.com/articles/global-leaders-in-cut-flower-exports.html.
494. World Robotics Report 2016 / IFR press release. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.ifr.org/news/ifrpress-release/world-robotics-report-2016-832/.
495. World Stee lAssociation. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.worldsteel.org/.
496. World Travel and Tourism Council. Travel &Tourism Economic Impact China 2017. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/countries-2017/china2017.pdf.
497. WTO. International Trade Statistics Report, 2017.
498. Xiang Biao. Emigration from China: A Sending Country Perspective // International Migration. 2003. Vol. 41, N 3. – P. 21–48;
499. Xiaofang Shen. Private Chinese Investment in Africa: Myths and Realities // Development Policy Review. 2015. N 33 (1). – P. 83–106.
500. Xu Yanzhuo. Belt and Road Boosts RMB Internationalization. China Today. Vol. 67. N.1. January, 2018. – P. 42–44.
501. Yajie L. 2016–2017 China DAP and Urea Market Analysis & Forecast, BAIINFO, China P.R., presentation at IFA Crossroads Conference, Singapore 25–27 Oct. 2016.
502. Yellinek R. China's New Position on the Middle East // BESA The Bejin-Sadat Center for Strategic Studies. September 11, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://besacenter.org/perspectives-papers/363-yellnik-chinas-new-position-middle-east/
503. You Might Be Surprised At The Top 20 Countries Where Christianity Is Growing The Fastest. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://davidjoannes.com/top-20-countries-christianity/.
504. Zai Liang. Demography of Illicit Emigration from China: A Sending Country's Perspective // Sociological Forum. 2001. Vol. 16. N 4. – P. 677–701;
505. Zalasiewicz J. Die Einstiegsfrage: Wann hat das Antropozän begonnen?//Das Antropozän. Hg. Renn J., Scherer B. Berlin, 2015. – S. 160–181.
506. Zhang, H. Q., Chong, K., Ap, J. An analysis of tourism policy development in modern China // Tourism Management. 1999. Vol. 20. – P. 471–485.
507. Zhijian L. Impact of Green development Policies on the Chinese Fertilizer Industry. IFA Crossroads Asia Pacific Conference, Shanghai, 24–26 October 2017.
508. Zhou M. Contemporary Chinese America: immigration, ethnicity, and community transformation. Philadelphia:TempleUniversityPress, 2009. –328 p.

509. Zhu L. China's Carbon Emissions Report / Energy Technology Innovation Policy: Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. Cambridge, 2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/carbon-emissions-report-2015-final.pdf .
510. Zhu W. Flower trade to power Yunnan province's fortunes // China Daily. 14.02.2015. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://europe.chinadaily. com.cn/business/2015-02/14/content_19589378.htm .
511. Zhuang Guotu. 1978 年以来中国政府对华华华人态度和政策的变化(Изменение политики Китая по отношению к зарубежным китайцам после 1978 года) // 南洋问问研究. (на кит. яз.). 2000. № 3. – P. 2–13.
512. Zhuang Guotu. 对金20 年华人国际移民活动的即点考录(Размышления об особенностях китайской миграции за последние 20 лет) // 华华华人历史研究. (на кит. яз.). 1997. № 2. – P. 1–6.
513. Zhuang Guotu. 论中国人移民东南亚的四此大吵(Размышления о четырех волнах китайской миграции в Юго-Восточной Азии) // 南洋问问研究. (на кит. яз.). 2008. №1. – P. 73–81.
514. Zhuang Guotu. 请出到鸦片战争前速南阳华华人口结构(Структура китайского населения в Юго-Восточной Азии) // 南洋问问研究. (на кит. яз.). 2008. № 1. – P. 61–72.
515. Zukunftslabor China // Spiegel. № 09.09.2017. – S. 86–88.
516. 中国同沙特阿拉伯的关系，外交部(Китайско-саудовские отношения // Министерство иностранных дел КНР). Июль, 2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_6762 03/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ .
517. 中国—阿拉伯国家合作论坛2016年至2018年行动执行计划，外交部(План действий Китайско-арабского форума сотрудничества на 2016–2018 гг. // Министерство иностранных дел КНР). 23.06.2016. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/dqjbzjhy/t1374586.htm .
518. 中国—阿拉伯国家合作论坛第七届部长级会议多哈宣言，2016年5月12日多哈，外交部 (Седьмое совещание на уровне министров Китайско-арабского форума сотрудничества, Доха, 12 мая.2016 г. // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/zalt/chn/wjk/bzjhywj/dqjbzjhy/t1374608.htm .
519. 伍庆玲：《从不同视角分析中国和阿拉伯国家关系的发展变化，载《西亚非洲》 (У Цинлин. Анализ эволюции китайско-арабских отношений с другого ракурса // Западная Азия и Африка). 2012. – С. 155–160.
520. 吴冰冰：《从中国与海湾八国关系的发展看"中阿合作论坛"，载《阿拉伯世界研究》 (У Бинбин. Китайско-арабский форум сотрудничества с точки зрения развития отношений между Китаем и восемью государствами Персидского залива // Исследования арабского мира). Январь, 2011. – С. 10–18.
521. 外交部长王毅谈习近平主席访问沙特、埃及、伊朗和阿盟总部，外交部 (Министр иностранных дел КНР Ван И рассказывает о визите Си Цзиньпина в Саудовская Аравию, Египет, Иран и штаб-квартиру Лиги арабских государств // Министерство иностранных дел КНР). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_ 676205/1206_676860/xgxw_676866/t1334451.shtml.
522. 故宫2017年接待逾1699万游客今年开放家具馆等区域// Xinhua [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2018-01/01/c_1122192731.htm.
523. 旅游景区质量等级的划分与评定（修订）(GB/T17775 - 2003) (Стандарт «Оценка и классификация качества туристских достопримечательностей»). [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.cnta.com/zwgk/hybz/201506/t20150625_428118.shtml.
524. 田文林:《中国在伊朗的利益评估》，载《国际研究》 (Тянь Вэньлинь. Оценка интересов Китая в Иране // Международные исследования). Август, 2014. – С. 4–5.
525. 联合国投票通过巴勒斯坦为观察员国, BBC中文网(ООН проголосовала за принятие Палестины в качестве страны-наблюдателя // BBC). 12.11.2012. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/ simp/world/2012/11/121129_un_palestine_vote.shtml .

Перечень принятых условных обозначений и сокращений

АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
АБР – Азиатский банк развития
АКП – американцы китайского происхождения
АПК – аграрно-промышленный комплекс
АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия
АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
БРИКС – группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВВП по ППС – валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности
ВИЭ – возобновляемые источники энергии
ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВРП – валовой региональный продукт
ВРЭП – Всестороннее региональное экономическое партнерство
ВСМ – высокоскоростная железнодорожная магистраль
ГЧАР – Гуанси-Чжуанский автономный район
ГЦС – глобальная цепочка добавленной стоимости
ЕАЭС – Евразийский экономический союз
ЕС – Европейский союз
ИКТ – информационно-коммуникационные технологии
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР – Китайская Народная Республика
КПК – Коммунистическая партия Китая
КСА – Королевство Саудовская Аравия
ЛАГ – Лига арабских государств
МВФ – Международный валютный фонд
МЕРКОСУР – общий рынок стран Южной Америки
МОМ – Международная организация по миграции
МОТ – Международная организация труда
МРС – менее развитые страны
МРТ – международное разделение труда
МТРТ – международное (географическое) разделение труда
НАФТА – Североамериканское соглашение о свободной торговле
НГО – негосударственная организация
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИС – новые индустриальные страны
НХАР – Нинся-Хуэйский автономный район
ОЕЭП – Общее европейское экономическое пространство
ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти
ОИС – Организация исламского сотрудничества
ОТЛК – Объединенная транспортно-логистическая компания
ОЭЗ – особые экономические зоны
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития

ПИИ – прямые иностранные инвестиции
ПРООН – Программа развития ООН
СБ ООН – Совет Безопасности ООН
СЭЗ – специальные экономические зоны
СПГ – сжиженный природный газ
ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район
ТАР – Тибетский автономный район
ТНК – транснациональная корпорация
ТПК – территориально-производственный комплекс
ТТП – Транстихоокеанское партнерство
ТЦДС – трансграничная цепочка добавленной стоимости
ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН
ЦЕАР – Центрально-евроазиатский регион
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЮНВТО – Всемирная туристская организация при ООН
ЮНЕП – Программа ООН по окружающей среде
ЮНЕСКО – специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры
TNi – индекс транснационализации

Об авторах

Аигина Екатерина Вячеславовна – старший научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Александрова Анна Юрьевна – доктор географических наук, профессор кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН

Герман Мария Алексеевна – магистрантка Шанхайского университета политических наук и права, Шанхай, КНР

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН

Дмитриев Руслан Васильевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, лаборатории географии мирового развития Института географии РАН

Добролюбов Сергей Анатольевич – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Елисеев Георгий Петрович – руководитель управления аналитики Коммерческой дирекции ОХК «Уралхим»

Захаров Иван Андреевич – младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН

Иванов Павел Николаевич – магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Калашников Денис Борисович – преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО-Университета МИД РФ, генеральный директор консалтинговой компании «Лотоспарк»

Карякин Владимир Васильевич – кандидат военных наук, преподаватель кафедры военного регионоведения Военного университета МО РФ

Ковалев Юрий Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Кречетова Варвара Сергеевна – кандидат географических наук, независимый эксперт в области международного экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии и международного транспорта

Кузнецов Алексей Владимирович – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН

Кульчитская Анастасия Михайловна – аспирантка кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Кучина Наталия Ивановна – кандидат географических наук, доцент

Мироненко Ксения Владимировна – научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Нагирная Анастасия Викторовна – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН

Перевалова Екатерина Николаевна – магистрантка кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, персональный ассистент Генерального директора Inventive Retail Group

Перлова Наталия Семеновна – инженер кафедры океанологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Петров Андрей Викторович – кандидат географических наук, руководитель программы «Всемирное наследие» Гринпис России

Портяков Владимир Яковлевич – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Родионова Ирина Александровна – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов

Рыкунова Елена Сергеевна – кандидат географических наук, преподаватель кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Рябова Наталья Владимировна – ведущий инженер кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Самбурова Елена Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Самусенко Дмитрий Николаевич – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН; доцент кафедры географии Московского городского педагогического университета

Сафонов Сергей Александрович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Слука Николай Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Судакова Анастасия Евгеньевна – магистрантка программы «Бизнес менеджмент» на экономико-управленческом факультете университета имени Масарика, Брно, Чехия

Тикунова Ирина Николаевна – кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ткаченко Татьяна Хаимовна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ушакова Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Фельде Анастасия Викторовна – магистрантка кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Хохлов Антов Владимирович – кандидат географических наук, руководитель проекта по информационно-аналитическому обеспечению, Российский экспортный центр

Цветкова Анна Константиновна – студентка кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Чубаров Илья Георгиевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра научной информации и документации Института Дальнего Востока РАН

Чумаков Никита Андреевич – магистрант кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Contents

Dedication 7
Introduction 8

Section 1. Terra incognita is studied by special people: memories of E. N. Samburova's friends, colleagues, students

Kuchina N. I. Touches of Elena Samburova's biography. 13
Ryabova N. V. Joy of life 16
Perlova N. S. A solar person 18
Petrov A. V. In memory of a friend 19
Rykunova E. S. My "geographical mother" 20
Ivanov P. N. Conquering with Sinology 22
Kalashnikov D. B. Teacher 23
Solnyshkova M. E. Inspiring to discoveries 24
Mironenko K. V. Geographer must travel 24
Tkachenko T. Kh. Ability to be friends 27
Sluka N. A. Bow to the Professional 28

Section 2. China in the global economic dimension

Samburova E. N. China in the world economy in the context of globalization 34
Khokhlov A. V. China's influence on commodity markets in the early XXI century 44
Tkachenko T. Kh., Safonov S. A. China and the system of cross-border value chains 52
Samusenko D. N. China in the international foreign direct investment movement 64
Kalashnikov D. B. China's movement to the Center of the world economy: the role of national TNCs. 75
Rodionova I. A. New layout of the world's industrial powers and China 92
Perevalova E. N. China in the global pharmaceutical market 99
Tsvetkova A. K. China's place on the cut flowers world market 106
Aleksandrova A. Yu., Aigina E. V. China in the international tourist market. 112
Tikunova I. N., Sudakova A. E. The Chinese initiative to develop tourism on the Silk road 126
Nagirnaya A. V., Ushakova O. A. China in the global telecommunications geography in the late 20th – early 21st century. 136
Kovalev Yu. Yu. "Green economy" and ecological modernization of China's economy 145
Chumakov N. A. Regional characteristics of the renewable energy development in China 159

Eliseev G. P. Mineral fertilizers industry of China in the context of economic policy changes. 170
Portyakov V. Ya. Integration processes in the Pearl River Delta and the role of Shenzhen 184
Chubarov I. G. China's New strategy in the world economy 192

Section 3. Modern China in geopolitical coordinates: achievements and problems
Karjakin V. V. New contours of the geopolitical triangle "Beijing – Washington –Moscow" 204
Baburin V. L. Geopolitical competition in the Middle of Eurasia 213
Vardomskij L. B. China in the Asian vector of Russia's development 229
Kuznetsov A. V. Is it Possible for Russian and Chinese business to cooperate abroad? 242
Krechetova V. S. China as a international cooperation actor in North-East Asia 255
Valiakhmetova G. N., German M. A. Saudi Arabia in the Middle East policy of China 263
Felde A.V. "New" emigration as a factor of China's "soft power" 276
Kulchitskaya A. M. Chinese immigration to the United States: stages and results. 291
Ivanov P. N. The Chinese Diaspora in the countries of West Europe 301
Gorokhov S. A., Dmitriev R. V., Zakharov I. A. China in the global spatial space of modern Christianity 311
Conclusion 320
References 323
List of accepted symbols and abbreviations 347
About the authors 348
Contents 351
Abstract 353

Abstract

The monograph is dedicated to the memory of associate Professor at the Department of world economy geography of Moscow University E. N. Samburova (1957–2017) – leading specialist in the field of socio-economic geography of China who laid the foundations of geographical research in a giant-country in world development.

The book resulted of the works of a solid authors pool the core of which are employees, students and scientists-graduates of the Department of the world economy geography of Lomonosov Moscow State University as well as professors and leading specialists of other institutions: MGIMO-University, IMEMO named after E. M. Primakov of RAN (Russian Academy of Sciences), Institute of Economics of RAN, Institute of Geography of RAN, Institute of Far Eastern Studies of RAN, Institute of African Studies of RAN, Peoples' Friendship University, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Masaryk University in Brno, Shanghai University of Political Science and Law, etc.

World economic (globalization) processes, like other historical processes, have not only a progressive, but also a cyclical component, which reflects the ups and downs of planetary integration. The authors of the monograph proceed from the hypothesis of the steady forthcoming of the third global integration cycle and the change of world leadership. The favorite of the first integration cycle was England, since in the middle of the XIX century the country produced half of the world's industrial products. Its reign which lasted until the end of World War I went down in history as Pax Britannica. The deep disintegration of the world economy in 1914–1945 was the result not only of erroneous political decisions but also of objective socio-economic processes. The second global integration cycle, i.e. the current globalization, began with the end of the Second World War and naturally went down in history as Pax Americana (in 1945, the American economy was half of the world). For its end, we can take the apogee of the current crisis, namely 2008. The classic signs of global disintegration are already evident: the lag in the world trade growth from the world economy growth and the strengthening of protectionism, which of course are interrelated. There is the loss of unconditional US power, the economy of which by the end of the second decade of the XXI century was less than a quarter of the world.

As one of the relatively unexpected for many Western economists and politicians results of the second global cycle was the rapid rise of the previously traditionally "closed" China, which in a short time moved to the rails of the market economy and, implementing a number of major government programs, turned into a "world factory". Now the country, characterized by ultra-fast economic growth and on an equal footing competing with recognized authorities in many global industry markets, tightly, but without advertising, "backs" the nominal leader of the world economy. In recent years it has become increasingly noticeable, on the one hand, the increasing impact of globalization on the Chinese economy, on the other – the growing importance of the "Chinese factor" in the development of the world economy.

Materials of the book convincingly prove that China is not going to remain an industrial appendix of the West, concentrating its efforts, on the one hand, on the priority development of high tech sectors of the national economy, and, on the other, on the processes of urbanization, industrialization and scientific and technological progress leadership in the developing world. As a result, there have already been fundamental changes not only in the "countries' ranks table" in the global economy, but also in the overall balance of power in the Center – Periphery system of the world economy due to the rapid strengthening of the Semi – Periphery.

Moreover, the positioning of modern China in the world community is not limited to the economic niche. By the beginning of the XXI century the country had become a global superpower with interests in Africa, the Middle East, Latin America and Oceania, and the "Chinese factor" has a significant impact on the development of modern world political processes. Deliberately abandoning competition in the field of ideology, remaining a firm supporter of the principles of the UN, entering into many international organizations and actively pursuing a policy of "soft power" at different territorial levels – global, regional and subregional – China continues to confidently gain weight in all spheres of international relations, including political, military-strategic and socio-cultural. To test "the battle readiness" of its strategic line, the global project "One belt – One road" was chosen, which unites almost 7 dozen States with a population of about 4.5 billion people. It should show China's commitment not only to the rational elimination of territorial and sectoral distortions in the national economy and the mitigation of internal social imbalances, but also to responsible participation in integration processes at the macro-regional level. This Eurasian geopolitical project, which should be based on equality, balance of interests, mutual benefit and universal development, is designed to identify the main features of the new world order.

In General, the rise of China to world leadership is not a forecast scenario but the long-running process, and taking into account the special strategeme thinking of the Chinese one can assume that Beijing is rather focused on the global civilizational dominance "from the shadows" as though staying on the sidelines. In other words, China's global leadership is not a goal, but rather a national idea that does not require specific time frames, but is capable of ideologically mobilizing the Chinese society for stable and dynamic development through qualitative internal transformation.

One way or another, but in any case, the question of the closest and reliable partners, among which Russia occupies a special place, is acute. For the emergence of the allied relations between the two countries-giants matter their advantageous geostrategic position, the geographical dimensions and a rich history of positive interaction. China and Russia have strong military-economic potential, considerable political weight in the international arena and are able to provide each other with real and effective assistance in solving important international problems. The asymmetry of their economic, scientific and technological development is compensated by mutual additions. Despite the identified need to further test the hypothesis of the viability of Russian-Chinese economic cooperation outside the post-Soviet space, at the current historical stage, China and Russia have no acute contradictions, including with regard to the vision of the desired world order. Both

countries advocate a multipolar model in the world of globalization. The common enemy for them is the US claiming global dominance, which openly declared Russia as a threat to its interests, and China as an economic competitor. On the eve of the third global integration cycle this makes the countries to natural allies.

Given Russia's lack of a proper economic basis, active and pragmatic foreign policy, and claims to world supremacy, but its traditional openness to supporting true friends, Beijing has a "free hand". With the "weakness" of Russia and the "atomization" of the West, which instead of mobilizing forces at the epochal historical turn is still in Nirvana from the collapse of the Soviet bloc and the USSR, we can safely predict the natural occurrence in the near future of the Chinese-centric system of international order. In the third global integration cycle, world leadership will go beyond the global West for the first time in 500 years, and this period of history will probably deserve to be labeled as Pax Sinica. Although, Beijing will have to offer its "civilizational project" to the world.

Научное издание
НА ПУТИ К КИТАЙСКОМУ МИРУ

Подписано в печать 23.11.2018.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,25 + 1,125 (цв. вкл.)
Тираж 300 экз.

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91;
e-mail: secretary@msupress.com Отдел реализации.
Тел.: (495) 939-33-23; e-mail:
zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в типографии ООО «Август Борг».
107497, Москва, ул. Амурская, д. 5, стр. 2.
Заказ №